

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05156 8115

Slav. Reserve 92-4063

Choffin, David Etienne

Istoria slavnykh gosudarei i velikikh g

И С Т О Р І Я
С Л А В Н Ы Х Ъ Г О С У Д А Р Е Й
И
В Е Л И К И Х Ъ Г Е Н Е Р А Л О В Ъ

с ъ р а з с у ж д е н і я м и
О И Х Ъ П О С Т У П К А Х Ъ И Д Ъ Л А Х Ъ

с о б р а н н а я

Г О С П О Д И Н О М Ъ Ш О Ф И Н Ы М Ъ

изъ сочиненій Роллена Крестіара и другихъ,

а съ Французскаго языка переведенная

А р ш и л л е р і и К а п и т а н о м ъ

Я К О В О М Ъ К О З Е Л Ъ С К И М Ъ.

В т о р ы м ъ т и с н е н і е м ъ.

В Ъ С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ,
п р и И м п е р а т о р с к о й А к а д е м і и Н а у к ъ
1 7 9 2 г о д а.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
326537A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1927 L

ROY VAN
DUSEN
1927

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ
ПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ
ЦЕСАРЕВИЧУ
И
ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ,
НАСЛѢДНИКУ ВСЕРОССИЙСКАГО ПРЕСТОЛА

И
Королевства Норвежскаго, владѣющему Герцогу Шлезвигъ-
Голштинскому, Спорнгарскому и Дипмарскому, Графу
Олденбургскому и Делменгорстскому,
МИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ.

1865. Ac. Sc. 18247.

ПРЕСВѢТЛѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

ЦЕСАРЕВИЧЬ и ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ!

МИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

За особливое почитаю я для себя щастіе сей случай, что имѣю честь поднести ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ сію переведенную мною книгу, кошую посвящать Эспіанъ Шофинъ Высочайшему ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА имени. Она содержишь въ себѣ Историю славныхъ Государей и великихъ Генераловъ.

А какъ Добрая слава и прямая великость пристойна шолько безпорочной и постоянной добродѣтели, соединенной съ швердымъ разумомъ, и шакъ по сему превосходнѣе предъ прочими, или прямо великіе люди изъ упомянутыхъ въ сей Истории по справедливости почешься могутъ Римскіе Короли Нума Помпиль, Сервій Туллій и Локрійской законодавецъ Залевкъ, кошорые, вмѣсто исканія суетной славы отъ войнъ и побѣдъ, часшо съ неправдою соединенныхъ, имѣли попеченіе о благополучіи чловѣческаго рода, и дѣлали ему всевозможныя благодѣянія.

Russ. Acad. Sci. 1847

Какое благополучіе для народа, которой имѣешь у себя обладателями такихъ великихъ людей! Симъ преимущественно хвалишься можешь Россія въ Августѣйшей фамиліи ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВѢСОЧЕСТВА. Великъ былъ безсмертныя памяти достойный Прадѣдъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВѢСОЧЕСТВА Императоръ ПЕТРЪ Первый. Великая и нынѣ обладаетъ нами Всероссійская Государыня, дражайшая Родительница ВАША, которая полагаетъ все свое удовольствіе въ благополучіи своихъ подданныхъ.

КАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВѢСОЧЕСТВО достойная отрасль такой несравненной Родительницы еще въ младенческихъ Вашихъ лѣтахъ, кромѣ другихъ рѣдкихъ душевныхъ и тѣлесныхъ качествъ, которыми одарило ВАСЪ всемогущее божество, оказываете оспроуміе, какъ въ ученіи такъ и во всякихъ разсужденіяхъ, и примѣрную охоту къ благодѣяніямъ. Такія ВАШИ отменные качества соотвѣтствуютъ промыслу

божію, кошорой опредѣлили ВАМЪ жребій, чтобъ быть въ свое время обладателемъ многихъ народовъ, и пространныхъ земель; и Россія, въ разсужденіи Августѣйшаго ВАШЕГО произхожденія и Величественнаго воспитанія, частъ видѣть въ ВАШЕМЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ВЫСОЧЕСТВѢ Россійскаго Нуму Помпиля, достойнаго Правнука Императора ПЕТРА Великаго и достойнаго Сына несравненной Родительницы Вашей, Всероссійской Монархини и Матери, и ласкаетъ себя пою пріятною надеждою, что ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО будете ей Опець, и взирая на близкой и живой принѣръ дражайшей Родительницы ВАШЕЙ, совокупите въ особѣ ВАШЕЙ Высочайшую власть съ Филозофією.

Я вѣрной рабъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА, съ горячимъ моимъ усердіемъ желаю ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ достигъ до высочайшей степени, извѣстной въ человѣческомъ родѣ прямой великости. За крайнее почту для себя щастіе, когда ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО, взирая

не сполько на сей мой недоспойной шрудъ, какъ на желаніе
служить имъ Государю и Государству, удостоише меня Высо-
чайшаго ВАШЕГО благоволенія, и съ глубочайшимъ моимъ къ
особъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА подобостра-
стіемъ и преданностію пребуду.

ПРЕСВѢТЛѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

**всенжайшій рабъ
ЯКОВЪ КОЗЕЛЬСКОЙ.**

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ЧИТАТЕЛЮ ОТЪ ТРУДИВШАГОСЯ ВЪ ПЕРЕВОДѢ

Предметъ сочиненія всякой книги состоитъ въ томъ, благосклонной читатель! чтобы она приносила свѣту пользу, въ чемъ я, и о сей переведенной мною исторіи изъясниться долженъ.

Извѣстно всѣмъ читателямъ, какую чтеніе исторіи приноситъ людямъ пользу. Она вмѣсто сухихъ и скучныхъ философскихъ правилъ, исправляетъ нашъ разумъ и поступки живыми и въ натурѣ происходящими приѣбрами. Она низкихъ людей научаетъ бытъ довольными своими состояніемъ. Вельможъ наславляетъ къ трудолюбію, приѣжанію къ ихъ должности, къ исканію пользы, и удовольствія ихъ подчиненныхъ, и къ поданію своему Монарху полезныхъ и спасительныхъ совѣщанъ. Монархамъ напоминаетъ ихъ должность; учитъ ихъ правосудію, удерживаетъ отъ излишества, объявленіемъ печальныхъ примѣровъ, случавшихся за то другимъ властителямъ. Но не смотря на всю сію пользу Исторіи, случаются въ нѣкоторыхъ Историкахъ мѣстами приспращныя мнѣнія, прикрытыя пріятностію неправедныхъ похвалъ недостойнымъ того дѣламъ, когорыя слабыхъ людей сводятъ съ прямого пути.

Нѣтъ прекословія тому, что исторія сія представляетъ на позорище всему свѣту славныхъ и великихъ людей, но и самой великости качество раздѣлять должно: то есть отличать великость одну отъ другой, и смотряшь того, въ чемъ какой человекъ великъ, пошому что всѣхъ великошей превосходитъ великость въ прямой, а не притворной и не слѣпой добродѣтели.

Что касается до меня, то думаю я, что не всѣ сіи великіе люди, а по крайней мѣрѣ не во всемъ подражанія достойны. Они названы отъ Историковъ великими по большой части за военныя дѣла, но надлежитъ знать, что военныя дѣла, какъ громкія и звучныя, людей шолько грубыхъ чувствъ больше всего поражаютъ шумомъ; напрошивъ того нѣжными чувствами, и прямо здравымъ разумомъ одареннымъ людямъ прошивны, и приводяшь ихъ къ отвращенію, а вмѣ-

*

ПРЕДИСЛОВІЕ

сто шого плѣняющѣ ихѣ миролюбивыя и благопромыслишельныя дѣла, кошорыя приносящѣ обшашелянѣ вселенной покой, изобиліе и взаимную любовь, какѣ самой превосходной предметѣ изѣ всѣхѣ человѣческихѣ удовольствій.

Дѣла Королей, Тарквинія древняго, Деіоцеса и другихѣ, по объявленію Испориковѣ, велики. Но дѣла Королей Нумы Помпилія, Сервія Туллія, и Залевка, Локрійскаго законодавца, какѣ споспѣшествовавшихѣ общему благополучію, несравненно превосходиѣ, и хошя они были язычники, однако посшдышѣ могутѣ нынѣшнее наше Европейское Хрисшіянство.

Великосѣ, до кошорой вѣ свое время достиѣ Римѣ, по легкому разсужденію, приписывашѣ можно шому случаю, чшо почши сряду вѣ немѣ были нѣсколько военныхѣ Королей; но ежели разсмотрѣшѣ сіе дѣло обстояшельнѣ, шо думаю я, чшо она была плодомѣ добронравія Нумина, умѣренности, великодушія и учрежденія безпорочныхѣ законовѣ, кошорыми искоренилѣ онѣ вѣ Римлянахѣ лѣность, злонаравіе и свирѣпство; вселилѣ вѣ нихѣ шрудолюбіе и страхѣ Божій, поставилѣ земледѣліе и всякія полезныя искусства и художества вѣ честь; запрешилѣ производшѣ всякую войну, не упошребивѣ прежде всевозможныхѣ кѣ примиренію средствѣ, а и шогда предпринимашѣ войну дозволилѣ неиначе, какѣ по учиненіи самыхѣ ужасныхѣ заклинаній о своей справедливости, неповинности и обидѣ. Какія эшо несравненныя дѣла! Сіи дѣла показывающѣ найѣ вѣ Нумѣ прямо великой духѣ, и выше человѣческаго, кошорой, будучи словомѣ и дѣломѣ философѣ, премудрымѣ своимѣ правленіемѣ досшавлялѣ человѣческому роду покой, шшину, изобиліе и всякія другія удовольствія, кошорыми снабдѣваешѣ насѣ Всемогущее Божество, и пошому избранѣ былѣ наконецѣ судіею ошѣ многихѣ разумныхѣ народовѣ вѣ распряхѣ ихѣ и раздорахѣ. Какая эшо неслышанная честь и превосходящая суешную пышность неправедныхѣ побѣдѣ и шрофеевѣ! И можнol сіи дѣла сравняшѣ сѣ дѣлами извѣшнаго вѣ исторіи Александра Македонскаго, неправедно наименованнаго великимѣ, кошорой, позабывѣ должностѣ благопромыслишельнаго Государя и ошца своему народу, объявилѣ себя непріятелемѣ всего свѣша, и ушстремившисѣ сѣ наглостію подобною ужасной

ПРЕДИСЛОВІЕ

бурѣ, встревожилъ, взволновалъ и раззорилъ великое множество такихъ народовъ, копорые нимальшаго ему озлобленія не причинили, и едва объ имени его слышать могли, и по произведеніи сихъ беззаконныхъ и ни кониъ образомъ не извинимыхъ дѣлъ, онъ неуиѣренныхъ и безпорядочныхъ поступокъ скончалъ живощъ свой въ самомъ цвѣшу своего вѣку, неправеднымъ побѣдшелемъ и грабшелемъ неповинныхъ народовъ, и раззоршелемъ собшвенной своей націи, пошому что онъ не промыслилъ ей послѣ себя достшойнаго наслѣдника, покровштеля и опекуна; а нѣкопорые Ишпорики могли назвашъ его великимъ и великодушнымъ. Я поняшь шого не могу, въ какомъ разумѣ предшавляли они себѣ великосшь и великодушіе такихъ людей. Знашь они не скупы были на подаяніе такихъ, рѣдкимъ въ человѣческомъ родѣ людямъ, пршстойныхъ шшшуловъ, что шакъ неправедно упошребляли сіе достшойное и праведное награжденіе однихъ, шакъ сказашъ, Свяшыхъ людей на свѣшѣ. И ежели назвашъ такихъ людей великодушными, копорые, безъ всякой причины завоевавъ и ограбивъ чужія земли, оставляли шарыхъ обладашелей на ихъ шѣсшахъ въ своемъ подданшвѣ, шо я не сомнѣваюсь, чтообъ свѣшѣ не имѣлъ великаго множешва такихъ великодушныхъ людей, копорыебъ, опнявъ все имѣніе у своего ближняго, не похощѣлибъ ему дашь самой малой чашши.

Изъ сихъ обшояшельствъ ясно видѣшь можно, что при чшеніи шшпоріи надлежшвъ имѣшь чшшашелю ошпорожносшь и пршсущшвіе разума, когда онъ хочешъ пользошаться прямимъ ея плодомъ.

Я не сомнѣваюсь, чтообъ вышешисанныя мои разсужденія не подали причины думашъ обо мнѣ, будшо бы мнѣ искусство и дѣла военныя пршшвны были, онъ чего я со всѣмъ ошдаленъ, а паче ушверждаю, что всякой народъ долженъ имѣшь у себя военныхъ людей, копорымъ бы онъ могъ повѣршть безопасносшь свою и оборону въ случаѣ неправеднаго нападешя влашполюбивыхъ сосѣдей; но шолько пршшомъ шогда почешъ можно по прямому разуму военныя дѣла за дѣла велики, когда обшженной народъ, упошребивъ къ достшавленію себѣ удовольшвія всевозможныя мирныя средшва, объявляешъ своему не пршшелю войну съ пршшшешемъ слезъ, и опшщеваетъ пошомъ храбрымъ образомъ за свои обшды. Сш неправедныя похвалы, пршшсываемыя онъ

ПРЕДИСЛОВІЕ

нѣкоторыхъ Историковъ такими людьми, которые того не внозя, приводящъ большую часть людей въ такое фальшивое мнѣніе, будто бы не было къ прославленію себя лучшаго и способнѣйшаго состоянія на свѣсѣ, какъ военное. Хотя по прямому философскому разуму нѣтъ такого состоянія на свѣсѣ, въ коемъ бы не можно было себя прославить, буде не дѣлаи, то по крайней мѣрѣ шerpнень.

Я по случаю сего разсужденія о великихъ людяхъ представленныхъ въ сей Исторіи, за должность почитаю упомянуть вамъ благоклонной чашель, въ честь Россійскаго народа о великихъ и славыныхъ людяхъ, которыхъ хвалятся можешъ Россія въ Августѣйшей фамиліи своихъ Императоровъ. Таковъ былъ безсмертныя памяти достойный Императоръ ПЕТРЪ Первый, который за великія свои дѣла по справедливости Отцемъ Отечества и Великимъ наименованъ. Сей премудрый Монархъ былъ Герой по принужденію и по причинѣ властолюбія своихъ сосѣдей, а не по охотѣ, и не удовольствовался шѣмъ, чтобъ укрѣпиль свое государство наружною крѣпостію, то есть искусствомъ военнымъ, а постарался пришею подашь Россіи внутреннюю крѣпость и силу, то есть утвердилъ въ ней правосудіе, снабдилъ ее полезными законами, завелъ науки и разныя искусства и художества, заставлялъ подданныхъ своихъ къ шрудамъ, и научалъ ихъ пользоваться плодами своей земли, которая по обширности своей и по различію климатовъ преимуществуешъ предъ многими другими землями на свѣсѣ. Такова и нынѣ обладаешъ нами Великая Государыня ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА. Сія несравненная Монархиня въ самомъ началѣ своего Государствованія доказала предъ всѣмъ свѣтомъ великость свою великими и богоугодными дѣлами. Она укрошила свирѣпую и кровопролитную войну. Она подала утомленной Россіи отдохновеніе, покой и шизину. Она безпомочныхъ людей шяжкой жребіемъ облегчаешъ прішойнымъ каждаго состоянію содержаніемъ. Она къ предосужденію прежде насъ просвѣжденныхъ народовъ, что они оставляли половину жшелей свѣша, то есть женской полъ безъ ученія, возшмѣла попеченіе о ихъ воспитаніи, и учредила на то особое училище, чтобъ и онѣ могли бышъ такими же полезными членами общества, какъ и хорошо воспитанной мужской полъ. Да что всего уди-

ПРЕДИСЛОВІЕ

вншелнѣе и самое рѣдкое въ Монархахъ, кошорые и шою одною славою довольствуюшяся, чшобъ шолько слышъ имъ милосшивыми; а Она напросивъ шого несклонна къ шакимъ чешовѣческимъ слабосшямъ, и носивъ на сердцѣ своемъ изображеніе божешвеннаго правосудія. Она опредѣляетъ каждому его часть ни больше, ни меньше, какъ по препорціи его достоиншва и заслуги. Ея непоколебимая справедливосшь, Ея посшоянная и вѣчная воля, чшобъ всякому ошдавать его право, присущешвуешъ во всѣхъ Ея дѣлахъ и предпріяшяхъ. Сія великолущная Государыня предпочишаетъ свяшое правосудіе многимъ милосшямъ, кои, какъ шо и опъ одного имени разумѣшь можно, обыкновенно оказываемы бываюшъ недосшойнымъ людямъ, и служатъ имъ въ попольновеніе покушашься опяшь на запрещенныя дѣла, чрезъ чшо досшойные люди принуждены иногда сносить обиду, и часто не имѣюшъ полнаго по своему достоиншву награжденія. Сія Государыня, предводимая промысломъ Божимъ, и воспослѣдешвуемая свяшосшію Своихъ законовъ, не имѣетъ инаго предмѣша Своихъ великихъ намѣреній, какъ шолько обще народное благососшояніе и удовольствіе. Мы, снабдѣнные Машернимъ Ея попеченіемъ, пользуемся жизненными удовольствіями подъ крошкой Ея и священной державою. Мы жершвуемъ Ей, вмѣсто обыкновеннаго предъ Монархами сшраха, горячую нашу любовь и вѣрное почшеніе! О коль благополучны мы! и коль благополучнѣе будушъ пошомки наши, кошорые пользовашься сшанушъ плодами шакихъ великихъ дѣлъ сей Монархини.

Теперь осшалось мнѣ, благосклонной чшашель, желашъ вамъ пользоваться сею ишоріею съ шою предосшорожносшію. чшобъ подрашашъ шолько прямо великимъ людямъ, и слѣдовашъ ихъ поступкамъ и дѣламъ, а удаляшъ опъ шакихъ людей, кошорые Богомъ дарованной имъ разумъ и другія хорошія качешва употребляли во вредъ ближняго. И съ шѣмъ я пребуду.

Вашъ доброжелатель
Якобъ Козельской.

Р Е Э С Т Р Ъ.

1. Нума Помпиль.
  2. Деюцесъ.
  3. Анкъ Марцій.
  4. Ликургъ.
  5. Тарквиній древній.
  6. Крезъ.
  7. Сервій Тулъ.
  8. Ариспидъ и Фемиспокль.
  9. Коріоланъ.
  10. Цимонъ.
  11. Манлій Торквашъ.
  12. Діонъ.
  13. Серторій.
  14. Залевкъ.
  15. Герцогъ Бургонской.
-

И С Т О Р І Я

о.

НУМЪ ПОМПИЛИИ, КОРОЛЪ РИМСКОМЪ.

Смерть Ромулова, которой не оставилъ послѣ себя дѣшей, подала причину къ великимъ движеніямъ въ городѣ Римѣ. Еще не было въ семь по тогдашнему времени новомъ народѣ никого изъ партикулярныхъ людей, такъ значнаго, которой бы могъ требовать себѣ предъ прочими опшѣннаго преимущества; и такъ споръ произошелъ между двумя обществами, которыя составляли Сенатъ. Сабинцы, которые по смерти Тацѣевой оставили полную власть одному Ромулу, для сохраненія своего права въ выборѣ государей, домогались, чѣмбъ Король былъ выбранъ изъ ихъ народа. А Римляне съ своей стороны не хотѣли подвергнушь себя власти иностраннаго чловѣка, однако при всемъ семъ несогласіи мнѣній, всѣ желали имѣть Короля.

Между тѣмъ Сенаторы опасаясь, чѣмбъ городъ Римъ, не имѣя у себя Короля, не былъ подверженъ нападенію сосѣднихъ народовъ, коихъ беспокоила Римская сила, согласились поручать власть и правленіе надъ государствомъ попеременно, въ силу уставленнаго ими нѣкопорого порядка, одному изъ своего собранія на пять дней, и въ продолженіи сего времени выбранной въ такое достоинство Сенаторъ могъ пользоваться честию и преимуществомъ полной власти. Сія форма правленія продолжалась одинъ годъ, и названа была междуцарствіемъ, а въ слѣдующія времена употребляема она была при такихъ случаяхъ, когда, въ продолженіи Королевскаго правленія, пресполь былъ празденъ, или когда, въ продолженіи республиканскаго правленія, не было кого изъ верховныхъ государственныхъ чиновъ.

Сей народъ немогшій пріобыкнуть къ такому новому правленію, началъ ропсашъ и сильно жаловашъ на шо, что Сенатъ

А

увеличилъ его рабство, и что вмѣсто одного обладателя, дѣлалъ ему двѣсти, и неудовольствіе сіе произошло такъ далеко, что народъ не хотѣлъ имѣть надъ собою другаго владѣтеля, какъ шелько Короля, котораго бы онъ самъ выбралъ. Сенатъ, видя сіи происхожденія, разумно вздумалъ предсказать народу съ доброй воли то, что бы въ противномъ случаѣ опять бы было у него насильно, и ондалъ ему на волю выбрать Короля, однако съ такимъ договоромъ, чтобы выборъ нощъ не имѣлъ силы, когда онъ не будетъ подтвержденъ Сенатомъ, и чрезъ сіе средство успавшая они при себѣ сполько власти, сколько ея успутили народу. Послушка сія такъ показалась народу, и такъ кордоша онъ него принята, что онъ не хотя къ честности и добродѣтели успунишь Сенаторамъ, со всѣмъ ондалъ на волю ихъ выборъ Короля. Какъ пріятно видѣшь ниже несогласіе между Сенатомъ и народомъ, послѣдовавшее исторіи Римскаго народа показывающее много подобныхъ сему примѣровъ, которые дѣлають ему много чести.

Сей выборъ дѣлаался очень труднымъ. Римляне и Сабинцы, которые составляли Сенатъ, спарались каждыя, чтобы налъ сей выборъ на такого человека, котораго бы былъ изъ ихъ народа. И такъ они, по причинѣ сего пристрастія, не могли согласиться въ выборѣ человека, согласились наконецъ въ способѣ выбора, которой соспоалъ въ нежданн хребіа, съ такимъ договоромъ, чтобы которому народу достанется по хребію право выбора, нообъ онъ выбралъ Короля не изъ своего, но изъ другаго народа. Намѣреніе ихъ было, чтообъ чрезъ сіе средство вселить въ Государя равную любовь къ обомъ народамъ, потому что ежелибъ съ одной стороны любовь склоняла его доброжелательствовать своимъ одноземцамъ, нообъ съ другой должность благодарности обязывала его дѣлать справедливостъ имъ, которымъ онъ одолженъ былъ своимъ возвышеніемъ. Право выбора досталось Римлянамъ.

Былъ тогда въ городѣ Курахъ нѣкошорый челоѣкъ, весьма славной по своей добродѣтели и справедливости, называсмой Нума Помпиль. Онъ будучи съ природы склоненъ къ добродѣтели, имѣлъ припомъ хорошее воспитаніе, которое утвердило въ немъ и довело до совершенства такія его достохвальныя склонности. Онъ за благовременно навѣкъ къ науку и умилецію. Онъ чрезвычайнѣо удалялся отъ честолюбія и зависти, разсуждая, что истинная слава состоитъ въ обузданіи своихъ желаній и содержаніи ихъ подъ властью разума. Всякая роскошь, и всякое великолѣціе не извѣстны ему были. Онъ снискалъ всѣми силами служивъ своимъ согражданамъ и иностранцамъ, и былъ въ ихъ дѣлахъ совѣтникомъ, рѣшителемъ и судією. Онъ имѣлъ великое почтеніе къ божеству, котораго свойство и совершенства испытавъ, починалъ онъ себя за должностъ. Всѣ сіи рѣдкія качества пріобрѣлъ ему столько чести и славы, что Тацій царствовавшій тогда въ Римѣ вмѣстѣ съ Ромуломъ, выдалъ за него дочь свою. Сіе супружество не здѣлало его видславнымъ, и не понудило ни въ Римѣ жить у своего тестя. Онъ жилъ безъотлучно въ Сабинской землѣ, для подпоры своему отцу въ его старости, и Тацій жена его, приморевляясь къ его праву и мысли, предпочла спокойную и незанятую жизнь съ своимъ мужемъ всей той чести, которую бы она могла пользоваться въ Римѣ у Короля своего родителя. Она скончалась принапавъ лишь снущя послѣ брачнаго сочешанія, и Нума тогда оставивъ городское пребываніе, отъѣхалъ въ свою деревню, гдѣ онъ въ сладкомъ покоѣ и широмъ уединеніи отдался всей натуральной своей склонности, которая побуждала его къ упражненію въ правоученіи и разсужденіи о божествѣ.

По долговременномъ разсужденіи избрана была на праздноѣ престолѣ Нума Помпиль. Есть такія добродѣтели, которыя всѣхъ людей вообще привлекаютъ къ почтенію себя и уваженію.

которыя сіяють сквозь всю темноту человѣческихъ спрасней и множество великихъ препяпствъ, и которыми принуждены люди иногда противъ своей воли отдавать должную справедливость. Самое сіе здѣлалось при семъ случаѣ. Какъ только упомянуто было о Нумѣ Помпиліи; то всѣхъ мнѣнїя на него согласились; исчезли самолюбивыя намѣренїя, забыто было то, что онъ иностранной; что онъ Сабинецъ, и что онъ жилъ не въ Римѣ. Онъ казался имъ не иначе, какъ добродѣтельнымъ человѣкомъ, какъ такимъ мудрецомъ, которой могъ подданныхъ своихъ здѣлать благополучными. Тогда по согласію народному отправлены были къ нему Послами главнѣйше изъ обѣихъ обществъ Сенаша, просишь его, чшобъ онъ прїѣхалъ въ Римъ для принятїя Скипетра.

Нума былъ тогда сорока лѣтъ отъ роду, какъ прибыли къ нему Римскїе Послы, кои назывались Велезь и Прокуль. Сперва думали, что на котораго нибудь изъ нихъ падеть жребїй wyboru: Римляне желали Прокула, а Сабинцы Велеза. Сїи Послы думали, что не надобно имъ употреблять долгихъ рѣчей, и что довольно будетъ одного проснаго предложенїя, для полученїя соизволенїя отъ Нумы. И такъ они удовольствовались тѣмъ, чшобъ представить ему просно о причинѣ своего Посольства, и о выборѣ его въ Короли отъ Римлянъ. Тогда по уже узнали, что онъ былъ совершенно добродѣтеленъ, и что достоинство его превосходило славу. Нума въ присутствїи своего опца, и одного свойственника называемаго Марціа отвѣтствовалъ симъ Посламъ, что онъ принимаетъ себѣ за великую честь предложенїе, которое они ему дѣлали именемъ Римскаго народа; но что онъ не можетъ понять, какимъ образомъ Римляне могли обратить свой взоръ на него, чшобъ заступитъ такое важное мѣсто; что ежели они усматриваютъ въ немъ какїя почтенїя достойныя качества, то онъ суишь такова свойства, что должны удалять, и исключать его отъ престола; что онъ любитъ покой и уединенную жизнь;

что онъ упражняется въ ученіи; что онъ имѣетъ великую страсть къ миру и чрезвычайное отвращеніе отъ военныхъ дѣлъ; что онъ всю свою жизнь препровождаетъ съ такими людьми, которые въ праздничные дни собираются для моленія богу, а другіе дни упражняются въ паханіи земли, и пасвъ скопа; что всякая перемена въ человѣческой жизни опасна; и что онъ не имѣя надежды въ нужномъ, и не находя причины жаловаться на настоящее свое щастіе, не будетъ уменъ, ежели оставитъ такое широкое и спокойное состояніе, и приметъ другое наполненное безпокойствомъ и горестію; и что наконецъ, когда Римъ дышетъ одними сраженіями и побѣдами, и не ищетъ ничего другаго, какъ только одной своей великости и повелительсва надъ другими народами; то былъ бы онъ безразсуденъ, ежелибъ ласкалъ себя надеждою, вложивъ въ Римлянъ миролюбивыя и умѣренныя мысли, и опягошилъ бы себя предводительствомъ такого народа, которой [казалось, что] больше пребралъ армейскаго Генерала, нежели Короля.

Сія Нумина рѣчь привела Пословъ въ чрезвычайное удивленіе, и заспавила ихъ имѣнь новое почтеніе къ такому человѣку, которой оказывалъ безрисрасніе и презрѣніе къ Королевскому чину, которой обыкновенно почишаютъ всѣ люди за наибольшее добро, и за высочайшую степень чести. И такъ они употребили крайнее усиліе, и усердно просили его, согласиться на удовольствіе желанія Римскаго народа, и не привестъ бы ихъ чрезъ свой отказъ опять въ раздоръ, которой кончился можетъ междоусобною войною, по тому что онъ только одинъ такой человѣкъ, котораго оба народа желаютъ.

А какъ Посланники пошли домой, то опецъ его и свойспвенникъ Марцій всѣ силы употребили на то, чтобъ уговорить его къ принятію такого полезнаго предложенія, къ которому [кажется что] такъ явно предъопредѣлила его воля Божія: „Ежели

„уверенность моя, сказали они ему, должна быть нечувствительна
 „сельнымъ къ богашеству, и когда низъ почитаемъ за ничто сла-
 „ву власти въ сравненіи ея съ славою добродѣтели; но подумай,
 „что чрезъ доброе правленіе можешь ты дѣлать самую предш-
 „ную службу и почтеніе Богу. Онъ зоветъ тебя къ престолу;
 „не хотя оставишь безъ плода такой великой иной справедлив-
 „ности, и никакъ не отказывайся отъ Королевскаго достоинства,
 „которое для разумнаго чловѣка есть самое прекрасное и по-
 „на свѣтъ, для произведенія великихъ и добрыхъ дѣлъ. На семъ
 „мѣстѣ можешь ты самъ чрезъ себя служить Богу великолѣпно,
 „и вдохнушь въ людей крошечныя и пріятныя совѣщанія мысли
 „о вѣрѣ, по тому что подданные приносиваются всегда къ пее-
 „шупкамъ своихъ Государей. Римляне умиляютъ почитаніе достои-
 „нство. Они любили Тація, хотя онъ былъ и иностранной. Они
 „почтили память Ромулову Божественною честью. Кто знаетъ
 „что сей побѣдосной народъ не упреждающъ отъ брани, и блис-
 „шая изобильно торжествами и добычами, не пожелаетъ себѣ
 „нынѣ обладателя наполненнаго крошечнѣю и правосудіемъ, ко-
 „торой бы управлялъ ихъ добрыми законами спокойно и поря-
 „дочно? Но ежели ты найдешь въ немъ ту же самую склонность,
 „или паче неистовую горячность къ войнѣ, никакъ не хорошо ли
 „будетъ обуздать себѣ ихъ своею властнѣю, чтобы обратишь въ
 „другую сторону сію ужасную бурю, и совокупишь союзомъ дру-
 „бы и благопріятства, опечеснво нвое и весь народъ Сабинской
 „съ такимъ сильнымъ и цвѣтущимъ городомъ, ? Сказываютъ,
 „что весьма благополучныя предвѣщанія случились при сихъ раз-
 „сужденіяхъ, которыя подкрѣплены были прозьбою и ревностнѣю
 „жителей Курскихъ, кои какъ только услышали о причинѣ сего
 „Посольства, ша и пошли толпами просить, чтобы онъ поѣхалъ
 „въ Римъ для принятія скипетра, чтобы ихъ совокупишь совер-
 „шенно и соединишь съ Римлянами.

Нума склонившись на сіи прозьбы, принесть жернгу богамъ, и отправилася въ пунь. Сенатъ Римской и народъ, оупъ чрезкытайнаго желанія видѣть его, вышелезъ изъ Рима на встрѣчу ему. Здѣсь бмла общая радость; мужской и женской полъ смѣшивалъ свое желаніе съ восклицаніемъ, благовоиное куреніе видимо было въ храмахъ, а какъ прибылъ Нума на большую площадь, шо Спудий Верній, копорой въ тоиъ день былъ наиѣспникомъ Королевскимъ, хопѣлъ было, чянобъ народъ здѣлалъ его выборъ по формѣ. Онъ имѣлъ все голоса, и въ шоиъ самое время принесено было ему Королевское одѣяніе. Но онъ не хопѣлъ его принять, а сказавъ, чюо надобно прежде, чюобъ сей выборъ подивердеиъ былъ Богамъ, и взявъ съ собою прорицателей и священниковъ, пошолъ въ кампиданъ, копорой въ шо время называли Тарпесвою горою. Предзнаменованія были благополучны. Тогда Нума надѣлъ на себя Королевское одѣяніе, сошелъ съ горы Тарпесвой на площадь, гдѣ весь народъ возобновилъ восклицанія, называя его самымъ благочеспивымъ изъ всехъ человекъ и самымъ пріапнымъ богамъ.

Природная склонность Ромулова, и нужды сего начинающаго государства, заставляли его всегда имѣть оружіе въ рукахъ, и при его правленіи Римляне обращаясь всегда въ войнахъ еще увеличили чрезъ сраженія и кровопролитіе натуральное свое свирѣпство, и здѣлались подобными артели пашуховъ и забіякъ. Нума, призванной на пресполь выше объявленныиъ образомъ, узналъ, чюо великостъ, слава и благополучіе Римлянъ зависѣло оупъ двухъ дѣлъ, кои основательно утвердитъ трудно [такъ говоритъ одинъ языческой писатель] первое оупъ искренной любви къ богамъ, копорая повелѣваетъ смершнымъ людямъ почиташъ ихъ за начальниковъ и храниителей ихъ благополучія, другое оупъ ревности къ справедливости, по копорой всякой человекъ можетъ пользоваться спокойно добромъ, копорое получалъ онъ оупъ ихъ рукъ. И подлинно сіи суть два основанія всякаго разумнаго прав-

ленія и содержаніе всѣхъ должностей Королевскаго чина, чпобъ воздавать должное, во первыхъ Богу, а потомъ человѣкамъ. Короли суть Королями, шолько для одного сего.

Нума узналъ довольно, что для полученія успѣха въ семъ намѣреніи, и для вдохновенія такихъ мыслей Римлянамъ, первое ему попеченіе имѣшь надлежало о укрощеніи и смягченіи ихъ нравовъ, о преодолѣннн шого воинскаго духа, копорой владѣль ими, и въ пріученіяхъ къ шихимъ и спокойнымъ упражненіямъ, копорыаь привели ихъ въ забвеніе и опвычку опъ прежнихъ склонностей. И симъ образомъ началъ онъ свое правленіе. Въ возблагодареніе Богамъ за спокойное соспоаніе, въ копоромъ нашель онъ Римъ при вступленіи своемъ на пресполь, соспроилъ онъ въ честь Янусу храмъ, копорой бы былъ всенароднымъ знакомъ и свидѣльствомъ войны и мира: войны, когда онъ былъ опверзшь, а мира, когда онъ былъ зашворенъ. Онъ былъ зашворенъ во все время его правленія, а потомъ начиная опъ сего времени даже до шого, когда Тишь Ливій писалъ свою исторію, не былъ онъ зашворенъ какъ шолько дважды, одинъ разъ при Консулствѣ Тиша Манлія, нѣсколько лѣтъ спустя, по окончаніи первой Пунической войны, а другой разъ при владѣнн Августа послѣ Актійской башали, копорая здѣлала миръ во всемъ свѣтѣ. Благодаръ, [говоришь историкъ], копорую даровали Боги нашему вѣку. Нума одинъ имѣлъ честь содержать сей храмъ зашвореннымъ сорокъ лѣтъ, шо еспъ, пока продолжалось его правленіе. Сшолько почтеніе къ его добродѣтели содержало смежныхъ съ Римомъ народовъ въ покоѣ и шисинѣ.

Прежде предписанія порядка жертвоприношеніяамъ, надобно было расположить дни и мѣсяцы въ году; и о семъ первомъ дѣлѣ приложилъ Нума свое шпараніе. Ромуль, мало упражнявшійся въ Астрономіи, сосшавилъ годъ изъ десяти мѣсяцовъ, и назвалъ первой Маршомъ по имени мнимаго своего опца Марса. Сей щопъ,

которой не былъ основанъ ни на солнечномъ ни лунномъ печеніи, дѣлалъ великое замѣшательство. Нума поправилъ сію великую погрѣшность, и прибавилъ два мѣсяца къ прочимъ десяти, въ началѣ года; шо есть Генварь и Февраль, опредѣляя годъ изъ 355 дней только, которые составляютъ двѣнадцать мѣсяцовъ лунныхъ, и приводя въ упошребленіе прибавленіе чрезъ нѣсколько лѣтъ по дню, чрезъ что двадцати чешырехъ лѣтнее время окончивалось шочно. Юлій Цесарь увидѣвъ и въ семъ щошѣ нѣкоторую погрѣшность, прибавилъ къ нему десять дней съ лишкомъ, полагая годъ въ 365 дней и 6 часовъ шочно, оставляя 6 часовъ до прошествія чешырехъ лѣтъ, чшобъ здѣлать изъ нихъ цѣлой день, кошорой прибавлялся предъ шестымъ числомъ Маршовскихъ календъ, кошорой всегда означаемъ былъ прибавленіемъ, шакъ что въ сей годъ всегда щиталось дважды шестого числа календъ, и годъ въ шѣ поры имѣлъ 366 дней. А какъ и сей щошъ не былъ вѣренъ, по шому что еще надобно было около одиннадцати минушь, чшобъ печеніе солнечнаго году дошло до 365 дней и 6 минушь; шо для того сей щошъ поправленъ былъ при Папѣ Римскомъ Григоріи шрешьемъ надешать въ 1582 году; и приведенъ къ самой лучшей шочности, какой только шребовашъ можно.

Нума учредилъ шакже у Римлянъ дни праздничные и работные, въ первые изъ сихъ дней судьи могли производить свои дѣла, и народъ собирашся, что дѣлать въ другіе дни не дозволено было.

Нума здѣлалъ чешырехъ первосвященниковъ, изъ коихъ первой назывался верховной первосвященникъ и имѣлъ власшь надъ другими; а всѣ они были изъ значной дворянской фамиліи. Въ 452 году отъ созданія Рима прибавлены были еще чешыре первосвященника, которые всѣ взяты были изъ просшолюдиновъ, а при Силлѣ здѣлано ихъ пашнадцать.

В

Нума далъ первосвященникамъ полную власть надъ всѣми жертвоприношеніями: поручилъ въ ихъ вѣденіе праздничные дни, торжественные ходы, молишвенные обряды, однимъ словомъ все то, что принадлежало къ божественной службѣ. Они разбирали всѣ споры случающіяся въ разсужденіи вѣры между всѣми людьми и начальниками, какъ гражданскими, такъ и церковными. Они смотрѣли за шѣмъ, чшобъ служители церковные не дѣлали чего противнаго обыкновеннымъ обрядамъ церковнымъ. Они должны были учить просвѣтыхъ людей познавать Боговъ, и почитать ихъ, сказывать имъ, въ какіе дни, въ какихъ храмахъ, и какія жертвы приносить должно было, какіе наблюдать обряды при погребеніи, сколько времени носить печальное платье, котораго самой должайшей срокъ не былъ болѣе десяти мѣсяцовъ, и какъ умилоствлять Боговъ къ умершимъ. Также въ собраніи первосвященниковъ разсматриваны были случающіяся чудеса, и ежели усматривано было, что онѣ стѣбали уваженія, то какими средствами надлежало было умилоствлять Боговъ объ отвращеніи предзнаменуемой шѣми чудесами опасности. Они наказывали нарушителей своихъ порядковъ, смотря по винѣ. Когда умиралъ кто изъ первосвященниковъ; то товарищи его опредѣляли другаго на его мѣсто. Въ слѣдующія пошомъ времена выборъ сей опданъ былъ простому народу.

Нума почитается начальникомъ заведенія Вестальныхъ дѣвицъ, потому только, что онъ учредилъ ихъ службу и должности особливимъ образомъ, а то онѣ и до него были. Онъ ихъ здѣлалъ только четыре. Тарквиній, называемой древній прибавилъ къ тому числу еще двѣ. И сіе число ужъ болѣе не перемѣнялось. Нума поручилъ въ ихъ смотрѣніе безсмертной огонь и Палладу, также нѣкоторыя жертвоприношенія, и тайные обряды принадлежащіе къ моленію Богинѣ Вестѣ. Онѣ дѣлали обѣщаніе хранить дѣвство свое чрезъ тридцать лѣтъ, въ которое время они находились при службѣ сей Богинѣ. Онѣ въ сіе званіе

не принимаемы были менѣ шеспи и больше десяти лѣтъ, и требовалось, чѣтобы они не имѣли на себѣ никакова тѣлеснаго недостатка. Первые десять лѣтъ были имѣ ученическіе годы, въ копорые учились онѣ священнымъ тайнамъ, слѣдующія десять лѣтъ, опправляли онѣ свои должности, а послѣднія десять лѣтъ, научали онѣ нововступающихъ въ сіе званіе. А какъ пройдушь сіи лѣта, то онѣ имѣли свободу опказаться опъ сего священнаго чина, снятъ съ себя всѣ его знаки, также и выходишь за мужъ. Сказываютъ, чѣто не много было такихъ дѣвицъ; копорыя пользовались сею вольностію, по причинѣ печальныхъ опытовъ, копорые имѣли онѣ [какъ объявляютъ], въ перемѣнѣ своего состоянія.

Я уже объявилъ индѣ о томъ, чѣто принадлежитъ до награжденія и наказанія Веспальныхъ дѣвицъ, гдѣ о томъ, или у господина Роллена справишь можно. Но какъ не всякой можешь имѣть книги, на копорыя дѣлаю я посылку, а маперія сія нужна; по для того намѣренъ я еще и здѣсь представишь о томъ, чѣто писано въ другихъ книгахъ о сихъ языческихъ монахиняхъ.

Для обрадованія Веспальныхъ дѣвицъ въ обѣщаніи ихъ дѣвства, копорое хранишь онѣ обязывались на прищипаніи лѣтъ, дозволены были имѣ знаки опмѣнной чести и великія привилегіи. Онѣ имѣли право дѣлать завѣщаніе въ имѣніи при жизни своихъ опцовъ, и упошребляшь свое имѣніе по своей волѣ, безъ определенія къ нимъ опекуновъ, пошому, чѣто у Римлянъ женщины были всегда въ опекѣ. Запрещено было приводить ихъ въ судакъ къ присягѣ, а должно было вѣрить проснымъ ихъ словамъ. Когда онѣ выходили въ народъ, то Сенапской служитель несъ передъ ними знакъ принадлежавшей верховной власти. Ежели въ проходѣ своемъ по улицѣ Веспальная дѣвица встрѣпишь по случаю какого человека осужденнаго на смерть, то могла спасти

ему живошъ, толькобъ она сказала, что то была случайная встрѣча, а не по намѣренію, онѣ имѣли великое преимущество и почтенное мѣсто и на позорищахъ, и содержаны были на иждивеніи народномъ.

И хотя съ одной спороны дѣлано было великое преимущество, и честь Веспальнымъ дѣвицамъ въ награжденіе за ихъ достоинство и добродѣтели, однако съ другой спороны наказываны онѣ были весьма строго за свои погрѣшенія. Погрѣшности ихъ были двухъ родовъ: нерадѣніе въ сохраненіи оцѣ погашенія священнаго огня, и нарушеніе дѣвства.

Въ первомъ случаѣ, которой почитался за знакъ великаго нещастія для государства, виновная дѣвица наказывана была наказаніемъ невольническимъ, то есть бичемъ, прикрытую имѣя свою нагошу, а билъ ее изъ своихъ рукъ розгами великой первосвященникъ. Одна изъ Веспальныхъ дѣвицъ препровождала цѣлую ночь при священномъ огнѣ, для сбереженія его оцѣ погашенія, а дѣлали они сіе попеременно. Когда сей огонь былъ погашенъ, то не можно было его возжигать, какъ только, солнечными лучами. А объявляющъ многіе способы, какъ сіе могло дѣлаться.

Великое преступленіе Веспальныхъ дѣвицъ состояло въ нарушеніи обѣщанія дѣвства, по чему и наказаніе имъ за то дѣлано такое, что одно просное его описаніе въ страхъ приводитъ.

Онѣ закапываемы были живы въ землю. Есть (говоритъ Плутархъ) подлѣ Коллинскихъ горъ не большой погребъ, въ которой здѣланъ входъ. Въ семъ погребу ставился маленькая крѣвашка, и нѣсколько съѣстнаго припасу, какъ то одинъ хлѣбъ, одна кружка воды, одна бушылка деревяннаго масла и одинъ горшокъ молока. Виноватую кладущъ въ качалку запертую и закрытую со всѣхъ споронъ, чтобы не можно было слышать ея крику, и въ семъ состояніи переносить ее чрезъ большую пле-

щадь. Люди въ такомъ разспоянїи , какъ только увидятъ сію качалку , должны дать мѣсто для проходу ея , и слѣдовать за нею въ глубокомъ молчанїи со всякими знаками самой смертной печали. Не было страшнѣе и несноснѣе сего позорища для Римлянъ. Когда качалка принесена будетъ на мѣсто казни, по служители открываютъ ее, а верховной первосвященникъ здѣлавши нѣкопорыя тайныя молитвы , и поднявши руки къ небу , вынимаетъ изъ качалки преступницу, кругомъ покрывшую, и спавишь ее на лѣсницу, по которой сходить должно въ погребъ, по шомъ онъ возвращается съ другими священниками домой, а сія несчастливая, какъ только сойдесть въ погребъ, то шопчасъ и подымають лѣсницу, и засыпають входъ погреба землею, копорую бросаютъ шуда до шѣхъ поръ, пока погребъ наполнится и сравняется съ верхнею землею, не оставивъ нималѣйшаго знаку гроба ея, какъ бы сія преступница осуждена была недостойною, чшобъ бытъ ей между живыми и мертвыми.

Изъ сей жестокой казни видѣшь можно, какое мнѣніе имѣли и сами дзычники о преступленїи дѣвицы нарушившей обѣщанїе своего дѣвства, и какъ они опасались, чшобъ оно непривлекло проклятїя и мщенїя Боговъ на всю республику, ежели его оставить безъ наказанїя. Для убѣжанїя отъ такого шяжкаго несчастїя, увѣщаваемы были сїи дѣвицы къ великой осторожности и къ убѣжанїю отъ всего шото, чшо хотя малѣйшее славѣ ихъ могло причинять нарушенїе. Одна изъ сихъ Веспальныхъ дѣвиць называемая Постумїя, здѣлалась подозрительною по ошличнымъ своимъ уборамъ, веселому виду и смѣлому обхожденїю, и для шото позвана была въ судъ. Она по долговременномъ слѣдствїи справедливо признана была неповинною, но великой первосвященникъ приказаль ей переменить сію поступку, и казать себя не шолько приборною и смѣлою, а больше разумною и скромною.

Саліи были другіе священники учрежденные Нумою, для того случая, о которомъ я здѣсь предложу ишбю. На девятомъ году Нумина правленія заразительная болѣзнь разорила Римъ и всю Италію, отъ чего всѣ люди пришли въ великой страхъ; и сказывающъ, что мѣдной щипъ упалъ съ неба въ Королевскія руки; и что въ самое то время сказалъ онъ о семъ случаѣ чудныя дѣла, объявляя, что онъ слышалъ ихъ отъ Нимфы Эгеры и музъ, что сей щипъ посланъ былъ, для спасенія Рима, которой будешь пользоваться посюстороннимъ и вѣчнымъ щастіемъ, ежели сохранишь сей дорогой залогъ; что надлежитъ хранить сей щипъ съ великимъ раченіемъ; и что надобно по образцу его дѣлать въ скорости одинацашъ другихъ ему подобныхъ, по виду и величинѣ, чшобъ въ случаѣ, когда бы кто хошѣлъ украсть его, то бы обманулся, невѣдая, которой изъ нихъ подлинной щипъ. Мрамурій Ветурий дѣлалъ одинацашъ щиповъ, такъ сходныхъ съ первымъ, что Нума самъ не могъ ихъ распознать. Сіи щипы подобны были видомъ Фракійскимъ щипамъ. Они опданъ были подъ сохраненіе двѣнадцати Римскимъ гражданамъ, которые были изъ знатныхъ фамилій, и извѣсны по добродѣтельнымъ своимъ поступкамъ. Священники называемые Саліи одѣтые въ порфирное плашье и подпоясавшись широкими мѣдными поясами, надѣвали щипаки на головы, и въ правыхъ рукахъ держали короткіе мечи, которыми ударяли они по щипамъ надѣтымъ на левыя руки, и такъ шествовали они великолѣпно въ торжественномъ ходѣ, (которой бывалъ ежегодно въ мѣсяцѣ Маршѣ), поючи спихи, сочиненные нарочно для сей церемоніи, и танцующи въ такшъ, по игрѣ флейтъ, и по сему названы они были Саліями.

Нума рачительно призирая на всѣ части своего правленія, въ которыхъ хошѣлъ ввести употребленіе набожности, учредилъ собраніе: то есть общество герольдовъ или проповѣдниковъ называемыхъ феціалами. Главная ихъ должность состояла въ объявленіи

войны и мира. Изъ сего можно узнать сколько имѣли Римляне справедливости и святоспи въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ обыкновенно другіе люди мало о томъ заботятся. Когда надобно бывало объявлять войну, говоритъ Діонисій Галикарнаской; то сіи проповѣдники выбирали одного изъ своего общества, и полагали на него сіе дѣло, которой одѣвшись въ самое богатое и великолѣпное платье ѣдетъ къ тому городу, на которой имѣли они причину жалобы, и вступивъ въ границы его останавливается и призываетъ въ свидѣтельство Юнипера и другихъ Боговъ, что онъ пришелъ именемъ Римскаго народа требовать справедливости отъ того города, и дѣлаетъ припомъ многія заклинанія противъ себя и противъ Рима, въ томъ, что ежели онъ говоритъ что несходное съ правдою. Потомъ продолжаетъ онъ свой путь къ тому городу, и первому человѣку, съ которымъ онъ встрѣпится на полѣ, или подлѣ города, повторяетъ тѣ же самыя свидѣтельства. А какъ прибудетъ къ городскимъ воротамъ, то возобновляетъ опять при караульныхъ прежнія клятвы; а наконецъ онъ проходитъ до главной площади того города. Тамъ ставъ объявляетъ онъ правительству причину своего посольства, съ тѣми же клятвами и заклинаніями, и ежели онъ усмотритъ ихъ склонныхъ къ учиненію удовольствія, и къ выдачѣ виноватыхъ, то не объявивъ никакой непріязни, побѣдетъ прочь, и отведенъ съ собою виноватыхъ; и ежели они постребуютъ времени на разсужденіе, то онъ имъ дастъ десятиъ дней а по окончаніи сего времени явится къ нимъ опять; и ежели они постребуютъ еще больше времени; то онъ еще имъ отсрочитъ но по прошествіи тридцати дней, ежели сей народъ неудовольствуется его жалобы, то онъ призываетъ небесныхъ и адскихъ боговъ въ свидѣтельство, и выходитъ прочь изъ города, не сказавъ ничего, развѣ то, что со временемъ Римской народъ разсудитъ о семъ опказѣ въ его удовольствіи. По возвращеніи своемъ въ Римъ приходитъ онъ въ сенатъ со всѣми

другими проповѣдниками, и объявляешь, что онъ точно исполнилъ все предписанное законами, и объявляешь, что противъ того народа можно принять оружїе. Сенатъ и народъ Римской почтшалъ за несправедное дѣло, чшобъ начинать войну, прежде исполненїя всѣхъ сихъ обстоятельствъ. Намѣренїе Нумино, въ усшановленїи сихъ законовъ, было шакое, чшобъ здѣлать Римлянъ ошпорожными, разсмолришельными и умѣренными при начинанїи какой либо войны, и смягчить первыя побужденїя мшенїя сими ужасными заклинанїями, выговоренными прошиву самого Римскаго народа, ежели Божество усмолришь въ немъ неправду. Варронъ объявляешь, что Римляне принимались за оружїе медлѣнно и безприсшрасшно, вѣдая, что они не должны были предпринимать шакой войны, которая не была праведна и не обходима, и сими благоразумнымъ усшановленїямъ приписываетъ Дїонисїй Гарикарнанской благополучной успѣхъ, которой Боги даровали ихъ оружїю.

Плушархъ объявляешь о другихъ герольдахъ или проповѣдникахъ, которые употребляемы были въ обрядахъ касающихся до вѣры, и въ шоржешшвенныхъ ходахъ. Они ходили предъ священниками и проповѣдовали по всѣмъ улицамъ, чшобъ народъ былъ въ молчанїи и оставлялъ работу. Нума, объявляешь Историкъ, не хотѣлъ, чшобъ граждане его присутшвовали при службѣ и молитвѣ Божїей съ небреженїемъ, лѣносшїю и невниманїемъ, но чшобъ они оставляли всѣ свои упражненїя, а внимали со всякимъ прилѣжанїемъ молитву Божїю, какъ самонужнѣйшее въ ихъ жизни дѣло, и чшобъ при шакомъ случаѣ неслышно было ни крику ни стуку ниже какого ошъ художническихъ дѣлъ звуку; и чшобъ улицы всѣ были чисты и свободны для ходу. Плушархъ говоритъ, когда приносимы были нѣкошорыя жершвы, то проповѣдникъ кричалъ громкимъ голосомъ: Думайте о шомъ, что вы дѣлаете; чшобъ напомнишь чрезъ шо предстоящимъ молитву. Сколько Христїяне могутъ пользоваться ошъ сихъ примѣровъ, которые подаюшь имъ азычники!

Нума, которой при возшеснвіи своемъ на престоль, нашель Римлянъ грубыхъ, жестокихъ, свирѣпыхъ и дышущихъ одною войною, разсудиль, что ни чемъ лучше не можно было ему вывестъ ихъ изъ шакого соспоанія, какъ шолько частыми богослуженіями.

Сказываюшъ, что онъ первой создалъ храмъ вѣры, которой приказаль онъ почитать публично, и показаль Римлянамъ, что они за самую большую кляпву почиташъ должны кляшву вѣрности. Намѣреніе его состояло въ томъ, чтошобъ здѣлашь одно простое обѣщаніе такъ надежнымъ и крѣпкимъ, каковы бываюшъ упоминаемыя въ договорахъ обязашельства; и онъ шаспливъ былъ успѣхомъ въ семъ намѣреніи. Полибій дѣлаеть сіе славное засвидѣшельствованіе Римлянамъ, что они вѣрность свою, шо есть данное слово хранили не нарушимо, такъ что не надобно было въ томъ ни свидѣшельства ни поруки; напротивъ того Грековъ ничшо не могло принудить къ храненію вѣрности.

А чтошобъ каждой изъ его подданныхъ могъ довольствовашься землею, копорою онъ владѣль не завидуя и не нападая на другихъ земли, шо для того ушановиль онъ законы о границахъ земель, и учредиль самой торжешественной праздникъ въ честь Богу начальшвующему надъ предѣлами земель. Діонисій Галикарнаской объявляеть, что еще и въ его времена по наружному виду сей праздникъ наблюдался, но въ самой вещи былъ онъ презираемъ. Богашые завладѣли землями убогихъ и не наблюдали никакова предѣла своему сребролюбію.

Нума въ свое время вдохнулъ въ Римлянъ такія глубокія мысли о вѣрѣ, что сей жаждущій войны народъ, оружіе свое оставивъ, упражнялся во все время правленія его въ богослуженіи. Напамятованіе божества всегда присушествовавшее въ ихъ мысляхъ здѣлало ихъ такъ набожными, что не такъ страхъ закона и казни содержалъ гражданъ въ предѣлахъ ихъ должности, какъ

одна вѣра и святость клятвы. Всѣ, говоритъ Титъ Ливій, подражали нравамъ Королевскимъ, котораго почитали они себѣ за примѣръ. Впереніе вѣры, хопя и ложной, доведено у нихъ до такой степени, что окрестныя народы, которые прежде почитали Римъ не за городъ, но за лагерь поставленной въ срединѣ между ими, для возмущенія ихъ покоя, начали ихъ такъ почитать, что щипали по за нѣкоторое безбожіе, чтобъ нападать на такую народъ, которой все свое попеченіе обратилъ на службу Богамъ. Какое щастіе для того народа, которымъ управляетъ Государь наполненной истиннымъ благоговѣніемъ, когдо одинъ наружной видъ дѣлаетъ такое добро.

Я говорю, что вѣра, хопя и ложная, имѣла великую силу въ сердцахъ Римлянъ, чему дивиться не должно. Вѣра бываешь въ людяхъ натуральная, которая происходитъ отъ Бога; а впереніе ея весьма полезно, когда оно приводитъ людей до того, чтобъ они хранили между собою вѣрность, и ненарушимо наблюдали клятву. И въ семъ состояло главное намѣреніе вѣры, которую Нума утвердилъ хопѣль въ Римѣ, а все сіе хорошо; праведно, истинно и сходно съ натурою и закономъ божіимъ. Ложь ихъ состояла въ томъ, что они служили ложнымъ богамъ. Они дѣлали добрыя дѣла, но худымъ образомъ, и повреждали ихъ намѣреніемъ, къ которому склоняли. Такое разсужденіе имѣшь должно о всѣхъ великихъ дѣлахъ язычниковъ.

Изъ всего вышепредложеннаго видно, что вѣра составляла первое и главное попеченіе Нумино. Но такое его полезное намѣреніе не воспрещало ему всупить въ подробной раздоръ того, что касалось до полиціи и добраго порядка, какъ въ городѣ, такъ и на загородныхъ поляхъ, и онъ не пропустилъ ничего того, что только могло споспѣшествовать къ покою, согласію и праводушію его гражданъ.

Плушархъ объявляетъ , что между всѣми учрежденіями Ну-
ниными наилучшее было то, что онъ раздѣлилъ народъ по искус-
ствамъ и художествамъ. Римъ отъ начала своего состоялъ изъ
двухъ народовъ, то есть Римскаго и Сабинскаго, или лучше ска-
завъ , сей городъ раздѣленъ былъ на двѣ партіи , почти всегда
прошивныя одна другой, по различію своего произхожденія, кото-
рое дѣлало ихъ чужеземцами однихъ въ разсужденіи другихъ , и
которое ежедневно производило между ими ссоры и жалобы. Ну-
ма разсудилъ заблаго выгнать изъ города, сей родъ ненависти ,
которая заспаляла однихъ говорить: Я Сабинецъ , я подданной
Таціевъ; а другихъ: Я Римлянинъ , я подданной Ромуловъ. И такъ
онъ вздумалъ, по примѣру швердыхъ шѣлъ , которыя не могутъ
соединяться между собою, когда онѣ цѣлы, а когда ихъ разбишь
и исполочь въ пыль , то онѣ ради малости своихъ часшей лег-
ко соединяются, раздѣлишь сіи два народа Римлянъ и Сабинцовъ
на многія малыя части , которыя бы уничтожили сіе различіе
народовъ препяшествовавшее ихъ соединенію. Въ семь намѣреній
раздѣлилъ онъ народъ по художествамъ , какъ то на музыкан-
товъ, серебряниковъ и другихъ ремесленныхъ людей; уставилъ ме-
жду ими браштва, праздники и собранія; пожаловалъ каждому изъ
сихъ обществъ особливья привелегіи , и чрезъ сіе средство при-
велъ ихъ въ совершенное соединеніе , которое заспавило ихъ за-
быть различіе своего произхожденія.

Стараніе его объ облегченіи гражданъ , чшобъ недопустишь
ихъ въ нищету, или вывешъ изъ нее, было самое хорошее дѣло
разумной полишики. Онъ зналъ , что убогіе люди больше всѣхъ
склонны къ возмущенію, потому, что они, недовольны будучи на-
стоящимъ своимъ состояніемъ, и не имѣя ни чего потеряшь , а
развѣ все получить при перемѣнѣ, меньше заботясь о своихъ
дѣшяхъ, пренебрегаютъ ихъ воспитаніе и науку, не много дума-
ющъ о томъ , чшобъ ушвердиться на одномъ мѣстѣ и произво-

диль свой родъ до попомощва; въ чемъ состоишь сила, и богатство госудурства. Нума, для отвращенія сего вреда раздѣляль убогимъ гражданамъ завоеванныя земли, чпобъ чрезъ то отвлечь ихъ отъ лѣноспи и несправедливоспи подать имъ средство пользоваться законными плодами своего труда, и склонить ихъ къ любви мира, въ копоромъ земледѣліе имѣеть нужду. Не было къ сему лучшаго и праведнѣйшаго средства, копорое было не шягоспно богатымъ, а способно къ умноженію отъ времени до времени силъ республики чрезъ всегдашнее приращеніе новыхъ гражданъ.

А чпобъ захошпшь и пріучпшь своихъ подданныхъ къ земледѣлію, то онъ раздѣляль ихъ на малыя деревни, опредѣляль въ нихъ начальниковъ и смопрителей. Самъ часто осматриваль ихъ труды; разсуждалъ по работѣ о людяхъ, награждалъ чинами старательныхъ и шрудолюбивыхъ, выговариваль нерадѣшельнымъ и лѣнивымъ. И чрезъ сіи разныя средства подкрѣпляемія своимъ примѣромъ, привель онъ земледѣліе въ шакое почшеніе, что въ слѣдующихъ вѣкахъ армейскіе Генералы и первѣйшіе гражданскіе начальники, вмѣсто пренебреженія сихъ деревенскихъ дѣлъ, считали себѣ за славу, пахать свои земли собственными своими руками, копорыми покоряли они государственныхъ непріятелей, и обращали ихъ войска въ бѣгство.

Самая сія любовь къ шудамъ и деревенской жизни, возбужденныя Нумою въ подданныхъ его съ самаго начала правленія его надъ Римомъ, соблюла въ Римлянахъ чрезъ сполько вѣковъ благородство, великодушіе и безкорыспвованіе, копорыя больше прославили Римское имя, нежели всѣ ихъ славныя побѣды. Надлежитъ признашья, что сія неповинная деревенская жизнь имѣеть тѣсной союзъ съ философіею, копорой сеспрою назвашь ее можно, и по здравому разсужденію почестъ ее можно за добрую школу простосердечія, умѣренноспи, справедливоспи и другихъ добродѣтелей.

Нума, воспитанной въ сей школѣ, вложилъ шѣ же нравы, и шѣ же мысли не только въ своихъ подданныхъ, но въ большую часть смежныхъ народовъ, въ которые вышелъ изъ Рима крошость и пишина вселилась и распространилась въ окрестныхъ мѣстахъ. Примѣчена была чудная переимѣна въ нравахъ и усмотрено было, что слѣдовало за военною яростію горячее желаніе покойной жизни, земледѣлія, воспитанія дѣшей и Богослуженія. По всей землѣ происходили празднованія, игры, жертвоприношенія, пированія и забавы; всѣ люди посѣщали себя взаимно, безъ всякаго страха, какъ бы Нумина премудрость была изобильной источникъ, изъ котораго протекла добродѣтель и справедливость въ сердца всѣхъ народовъ, и разлила въ ихъ душахъ то же самое спокойство духа, которое и въ немъ царствовало.

Въ самомъ дѣйствіи во время Нумина правленія, которое продолжалось сорокъ три года, не было ни войны ни бунта, ни же какого либо заговору отъ властолюбивыхъ людей; но или по чиненіе къ рѣдкой его добродѣтели, или страхъ божества, говоришь Плутархъ, которое такъ явно прикрывало его отъ всякаго злодѣйства, либо можетъ быть небо, по особенной своей къ нему милости, соблюло благополучное его правленіе отъ всякаго порока, которой бы могъ помрачить его славу, и попревожись его радостью. Онъ служилъ примѣромъ и доказательствомъ важному тому правилу, которое Платонъ, спустя послѣ того времени много лѣтъ, выговорилъ о правленіи. Онъ сказалъ, что люди развѣ въ то время благополучны будутъ, когда самодержавная власть съ Философіею соединится въ одномъ человѣкѣ, и поправитъ будущъ пороки добродѣтелью.

Въ продолженіи сего долговременнаго спокойства, которымъ пользовался Римъ подъ владѣніемъ Нуминимъ, сосѣдныя народы не только не искали случая воевать съ нимъ, но еще и въ ссорахъ своихъ между собою избирали Римлянъ судіями своихъ дѣлъ,

и предавались всегда на разсужденіе Нумино. Какая слава не сравненно лучшая славы побѣдъ, основанной обыкновенно на несправедливости. Сія миролюбивая слава приводить другихъ народовъ къ признанію благодарности, и къ познанію публичной чести премудрости, справедливости и вѣрности такого для себя совершенно безкорыстнаго Государя, а единственно трудящагося въ пріобрѣшеніи пользы другимъ. Онъ достигъ до глубокой старости живъ больше восьмидесяти прехъ лѣтъ, и не почувствовалъ никогда ни въ своемъ здравіи, ни въ своемъ щастіи никакой прошивной перемены. Онъ скончалъ свою жизнь самымъ спокойнымъ образомъ, по естѣ чрезъ одно ослабленіе напуры. Государствованіе его продолжалось сорокъ три года.

Особливая склонность Нумина къ ученію Философій, премудрость его уставовъ и законовъ, чрезвычайное почтеніе къ божеству, и сходство его мнѣній во многихъ случаяхъ съ мнѣніями Пиеагоровыми, подали причину нѣкоторымъ писателямъ думать, будто бы онъ былъ ученикъ Пиеагоровъ. Но Пиеагоръ пришелъ въ Италію, по прошествіи полутора ста лѣтъ послѣ кончины Нуминой, при владѣніи Тарквинія Гордаго, или Сергія Туллія. И за сіе, по благоразумному прииѣчанію Цицеронову, Нума достоинъ великаго удивленія, что онъ зналъ, и въ дѣйство произвелъ самыя основательныя правила полишики и искусства правленія, за столько лѣтъ прежде, нежели Греція имѣла о томъ какое либо понятіе.

Всенародное почтеніе показанное при его погребеніи совершило благопоучіе его жизни. Всѣ сосѣдніе народы, пріятели и союзники Римскіе сочли себя за должность, чтобы присуществовать при немъ. Вельможи Римскіе несли на своихъ плечахъ гробъ его; за ними слѣдовали священники всѣхъ храмовъ, и великое множество разныхъ народовъ. Воздыханія и слезы всѣхъ людей свидѣтельствовали о его похвалѣ. Они плакали по немъ не какъ по

Государѣ, умершемъ отъ глубокой спароспи, но какъ по самомъ лучшемъ своемъ другѣ, кошорой умеръ въ цвѣту своей младости.

Тѣло его не было сожжено, по шому что онъ самъ не велѣлъ, а здѣланы были подлѣ горы Яникула два гроба, изъ коихъ въ одномъ положено было его тѣло, а въ другомъ священныя книги, писанныя самимъ имъ безъ сомнѣнїя. Самъ онъ приказалъ такъ здѣлать. Писатели не согласны между собою, въ разсужденїи числа сихъ книгъ, и другихъ обстоятельствъ. Титъ Ливїй объявляетъ, что ихъ было четырнадцать, семь на Латинскомъ языкѣ о правахъ первосвященническихъ, а семь на Греческомъ о Философїи, какова она могла быть въ такомъ отдаленномъ времени. Спуска по шомъ болѣе пишомъ тридцати лѣтъ на 573 году отъ созданїя Рима, найдены были, при копанїи земли, сїи два каменные гроба; изъ коихъ одинъ былъ пустъ, и безъ всякаго оспашка и слѣда чловѣческаго тѣла, кошорое долгоша времени изпребила, а въ другомъ сысканы были двѣ связки книгъ. Пешилїй, Прешоръ Римской, кошорой взялъ ихъ прочесть, предспавиль Сенапу, что онъ не разсуждаетъ заблаго выпустить ихъ въ народъ, ни держать въ сохраненїи, по шому что онѣ содержали въ себѣ многїя машерїи, прошивныя ихъ вѣрѣ. И такъ онѣ сожжены были на площади по повелѣнїю Сенапа, въ народномъ присутствїи. Можеть быть Нума проклиналъ въ сихъ книгахъ многїя суевѣрства, кошорыя въ то время царствовали въ Римѣ, и сїе чайшельно думалъ Прешоръ въ своихъ словахъ.

И С Т О Р І Я

О ДЕЮЩЕСѢ КОРОЛѢ МИДІЙСКОМЪ.

По смерти Сарданапала, Ассирїяне, кошорые чрезъ нѣсколько вѣковъ владѣли Азією, начали приходить въ слабость, отъ возвущенїя разныхъ народовъ. Мидїйцы были первые, кошорые

свергли съ себя иго ихъ владѣнїя. Они жили нѣсколько лѣтъ въ вольности, которую прїобрѣли они своею храбростїю; однако слабость ихъ правленїя привела въ нѣкоторой родъ Анархїи, которая была еще хуже прежняго ихъ рабства. Воровство, наглость и несправедливость царствовали у нихъ; и не было никого, кто бы имѣлъ довольно силы на удержанїе ихъ, или власти на наказанїе; и всѣ сїи безпорядки принудили народъ учредить такое правленїе, которе здѣлало сїе государство шакъ цвѣтущимъ, каково оно до того никогда не бывало.

Народъ Мидїйской раздѣленъ былъ тогда на шесть частей и весь почти жилъ въ деревняхъ, какъ Деїоцесъ Фаортовъ сынъ здѣлалъ изъ сей республики Монархїю. Деїоцесъ былъ очень славенъ въ своей землѣ, и почитаемъ за такого человѣка, которой не только порядоченъ былъ въ своихъ дѣлахъ, но еще имѣлъ довольно разума и правдушія потребнаго къ управленїю другихъ людей.

Сїи добрыя качества, которыя усмотрѣли въ немъ жители той деревни, въ которой онъ жилъ, заставили ихъ выбрать его своимъ судьей. Онъ отправлялъ сей чинъ съ великимъ благоразумїемъ; и попеченїю его соотвѣтствовалъ желанной успѣхъ. Онъ привелъ жителей той деревни къ воздержному житїю; а другихъ деревень жители будучи въ безпокойствѣ отъ беспрепятныхъ безпорядковъ, и видя хорошее состоянїе той деревни, въ которой Деїоцесъ былъ судьей, начали приходить къ нему съ просьбою о разборѣ своихъ ссоръ; а какъ начала отъ времени до времени умножаться его слава, то всѣ тѣ, которые имѣли какїя важныя дѣла, приходили къ Деїоцесу, для полученїя отъ него праведнаго суда, коего они въ другихъ мѣстахъ напрасно искали.

А какъ Деїоцесъ препроводилъ нѣсколько времени въ отправленїи судейской должности; то наконецъ ее оставилъ, извиняясь шѣмъ, что онъ ошягощенъ былъ великимъ множествомъ прихо-

дящихъ къ нему людей, и сколько его ни просили любитель общаго покоя и тишины, однако онъ не хотѣлъ продолжашь той должности, и началъ сказывать приходящимъ къ нему, что домашнія его дѣла не дозволяли ему опправлять другихъ.

Своевольство, удержанное чрезъ нѣсколько времени стараніемъ Деюдесовымъ, начало съ того времени, какъ онъ отказался отъ дѣла, усиливашься больше прежняго, и дошло до того, что Мидійцы принуждены были собраться, для разсужденія о средствахъ къ опвращенію сихъ безпорядковъ.

Какъ они собрались, и начали разсуждать, то нѣкоторые изъ нихъ, по объявленію исторіи, посланные отъ Деюдеса начали говорить, что ежели не перемѣняшь формы республиканскаго правленія, то земля ихъ опустѣеть; что одно только осталось средство, къ опвращенію безпорядковъ, чтобъ выбрать Короля, коимъ бы могъ удержать наглоспи, и здѣлать законы, для управленія народомъ; что такимъ образомъ, всякъ будучи въ покоѣ, примется за свое дѣло, вмѣсто того, что наглоспи, усилившіяся вездѣ, скоро принудяшь ихъ опспавить свою землю. Сей совѣтъ подтвержденъ былъ общими голосами, и всѣ разсуждали, что нѣтъ лучшаго средства къ опвращенію насоящаго зла, какъ только здѣлать изъ республики Монархію. Въ семъ намереніи не разсуждали они долго, а всѣ согласились, что нѣтъ во всей Мидіи шакого къ правленію способнаго чловѣка, какъ Деюдесъ, такъ что они по общему согласію выбрали его Королемъ.

Ежели только посмотрѣшь со вниманіемъ на заведеніе Королевствъ, въ какое бы то ни было время, и въ какой ни будь сторонѣ, то найдется, что первоначальной шипуль Монархіи есть не что иное, какъ содержаніе порядка въ народѣ, и попеченіе объ общей пользѣ. И подлинно не лзя было установить порядка и тишины въ народахъ, ежелибъ они захотѣли бытъ вося независящими, и ежелибъ они не покрялись власни, коимъ

опнимаешь у нихъ въкопору чашь вольности, чшобъ соблюсти изъ нея другую. Они бы были въ безпрестанной войнѣ, ежелибъ хотѣли или поработать себѣ другихъ людей, либо не покараться сильвѣйшимъ. Чего ради надлежишь имъ для своего покоя и безопасности имѣть Государя, и покараться ему. Сіе есть начало человеческой власти, и священное писаніе объявляетъ намъ, что промыслъ божій не только дозволялъ бытъ власти надъ всякимъ народомъ, но еще и посвящилъ ее, чрезъ непосредственное сообщеніе съ своею власпію.

Подлинно нѣтъ лучше и пріятнѣе, какъ видѣть добраго и достойнаго человѣка изъ простаго народа, которой по рѣдкимъ своимъ дарованіямъ, занимать можетъ высокіе чины, а по своей умѣренности отказывается отъ представляемаго ему правленія надъ всемъ народомъ, и наконецъ соглашается опять ошнать себя бременемъ правленія, не въ иномъ какомъ намѣреніи, какъ шолько, чшобъ бытъ полезнымъ своимъ согражданамъ. Первою поступкою, шо есть, когда онъ представляетъ себя знающимъ должностъ, и опасную жизнь самодержцовъ, оказываешь онъ на себѣ великой духъ и возвышенной больше, нежели самая великостъ, или какъ справедливѣе сказать, нежели самая власть, и опасеніемъ своимъ, чшобъ не ослабѣтъ подъ игомъ власти, доказываешь себя совершенно достойнымъ ея; а другую: когда онъ безопасность и нишину народную предпочипаетъ собственной своей спокойной и пріятной жизни, кажетъ, что онъ знаетъ истинную славу, самодержавной власти, которая состоитъ въ томъ, чшобъ бытъ защитникомъ своего отечесшва, дѣлать ему много добра, отвращать зло, усиливать законы и справедливостъ, приводить въ честь добронравіе, доставлять своему народу покой и изобиліе. Онъ себя ушѣшаетъ въ такой прудности и печали, которой онъ ошдается чрезъ принятіе власти шѣмъ, что онъ шого плодомъ будешь великая польза народу. Та-

ковъ былъ въ Римѣ Нума, таковы были нѣкоторые Императоры, коихъ надобно было принудить къ принятію самодержавной власни.

Какъ только Деіоцесъ вспунилъ на престолю, то пошчасъ постарался доказатьъ то, что народъ не обманулся въ выборѣ его Королемъ для возстановленія въ государствѣ порядка. Онъ присовокупилъ пошчасъ къ Королевскому достоинству всѣ знаки, которые обыкновенно употребляются, для оказанія блистанія его, и которые могли вдохнуть въ народъ страхъ и почтеніе къ его особѣ. Онъ выбралъ изъ Мидійцовъ для гвардіи своей такихъ, которые больше другихъ привязаны были къ его пользѣ, и на которыхъ онъ могъ больше положиться.

А какъ онъ привелъ себя такимъ образомъ въ безопасность, то постарался поправить нравы и поступки у Мидійцовъ, которые живучи въ деревняхъ почти безъ всякихъ законовъ и порядка, навывкли дикимъ нравамъ. Онъ приказалъ имъ соорудить городъ, и назначилъ самъ мѣсто для него, и положеніе стѣнъ. Онъ велѣлъ здѣлать семь каменныхъ оградъ, и расположить ихъ такимъ образомъ, чтобъ первая съ наружи не мѣшала видѣть верха другой, а другая шрешей, и такъ далѣе. Положеніе мѣста съ такимъ намѣреніемъ весьма было сходно. Тамъ былъ холмъ, которой со всѣхъ сторонъ возвышался равно. Въ послѣдней и самой меньшей оградѣ были Королевскія палаты, и всѣ сокровища. Въ шестой смежной съ послѣднею были дома для Офицеровъ его дому, а прочія ограды назначены были для домовъ народныхъ. Первая и самая большая ограда величиною была почти съ Аѣины, а имя сему городу было Экбатаны.

Видъ сего города былъ казистъ и великолѣпенъ, какъ то, кромѣ расположенія его стѣнъ подобнаго амфитеатру, еще и верьки стѣнъ стѣнъ выкрашенные разными красками, представляли пріятную пещрошу.

А какъ городъ былъ соспроенъ, то Деюдець принудилъ нѣкоторую часть Мидійцовъ поселиться въ шомъ городѣ, попомъ принялся всѣми силами за установленіе законовъ полезныхъ государству. А вѣдая, что величество Королей больше почитаемо бываетъ вдали, здѣлался неприсутнымъ, и какъ невидимымъ своимъ подданнымъ; и не позволялъ имъ самимъ представлять себѣ о своихъ дѣлахъ, а чрезъ посредственниковъ; а шѣ, которые дозволеніе имѣли приходишь къ нему, не могли ни смѣяться ни кашлять при немъ.

Сей искусной полипикъ здѣлалъ такія учрежденія, для удержанія при себѣ Королевской власти. Онъ имѣлъ дѣло съ людьми грубыми и дикими, которые не знали въ чемъ состоишь прямое достоинство; и для шого опасался онъ, чтобъ снисходительное его обхожденіе непривлекло на него презрѣнія, и не подало бы причины къ бунтамъ прошиву начинающейся его власти, которая никогда отъ зависимости и неудовольствія свободна быть не можеть; а пребывая такимъ образомъ скрытъ отъ народныхъ глазъ, и оказывая себя предъ нимъ чрезъ установленіе мудрыхъ законовъ, и чрезъ дѣланіе всякому шочной справедливости, доставлялъ себѣ почтеніе и уваженіе отъ своихъ подданныхъ.

Сказываютъ, что онъ пребывая безвыходно изъ своихъ палатъ, извѣстенъ былъ о всемъ, что происходило въ его государствѣ, посредствомъ шпюновъ, которые его о всемъ увѣдомили, и такимъ образомъ ни какое преступленіе не убѣгало ни отъ вѣденія государева, ни отъ шротости законовъ; а наказаніе за преступленіе содержало своевольныхъ людей въ страхѣ, и удерживало ихъ отъ наглости. Всякъ видѣшь можеть великой вредъ отъ шакого обыкновенія, которое ввелъ Деюдець для одного себя, и которому слѣдовали другіе восшочные Короли, кои укрывались отъ видѣнія народнаго въ своихъ палатахъ, управляли государство чрезъ своихъ Офицеровъ, разосланныхъ по разнымъ

ибшамъ полагаясь въ шомъ на ихъ вѣрность; не хотѣли слушать ни правды ни жалобы ушѣсенныхъ, ни вѣрныхъ представлений неповинныхъ людей, какъ только чрезъ своихъ фаворитовъ, слѣдующихъ пристрастію и несправедливости, которые не слушали представлений народныхъ, и не думали о поправленіи неправедныхъ дѣлъ, которые производили они шѣмъ способнѣе и надежнѣе, что онѣ были скрыты отъ вѣденія государева, и слѣдовательно свободны отъ наказанія законовъ. Сверхъ того Государь, скрываясь такимъ образомъ отъ взору народного, подающа причину думать, что они мало имѣютъ въ себѣ пакото достоинства, которебъ можно было оказывать публично.

Дейоесь столько упражненъ былъ въ исправленіи нравовъ своего народа, и въ усшамовленіи законовъ служащихъ къ правленію государства, что никогда не предпринималъ онъ никакой войны противъ своихъ сосѣдей, хотя правленіе его и долговременно было, потому что онъ скончался на пятьдесятъ четвертомъ году своего государствованія.

И С Т О Р І Я

объ

АНКЪ МАРЦІИ, КОРОЛЪ РИМСКОМЪ.

Анкъ Марцій, внукъ Нуминъ отъ дочери его, наследствовалъ престоль отъ Тулла Гостилія, по прошествіи не многого времени въ междоушвѣи. Выборъ его подшверженъ былъ Сенатомъ. Новой Король видя, что жертвоприношенія усшавленные прежде дѣдомъ его весьма пренебрежены были, и что большая часть Римлянъ отвыкли отъ паханія земли, старались обогащать себя одною только добычею получаемою отъ непріятелей, приказалъ собраться народу, и представилъ ему, что надобно было возбудить въ Римлянахъ прежнюю ревность къ службѣ бо-

тамъ, которую имѣли они при владѣнїи Нуминоу; что презрѣнїе къ богослуженїю привлекло на Римъ заразительныя болѣзни, и всѣ нещасїя; и что только одно средство къ отвращенїю того, чтобы принявъ за прежнїя свои упражненїя, и прилѣжашь по старому къ паханїю земли и пасшвѣ скоша, Сїя рѣчь приняша была опъ всѣхъ съ великимъ плесканїемъ рукъ.

Анкъ прежде всего началъ стараться о возобновленїи и соблюденїи премудрыхъ успавовъ своего дѣда, касающихся до вѣры. Чего ради онъ призывалъ къ себѣ первосвященниковъ, и взялъ опъ ихъ книги о жертвоприношенїяхъ, сочиненныя своимъ дѣдомъ. Онъ приказалъ ихъ списать на дубовыхъ доскахъ, потому что еще не было въ обычаѣ употреблять на то мѣдъ, и велѣлъ ихъ выставить на публичномъ мѣстѣ, чтобы можно было читать ихъ и всему народу. Онъ возобновилъ трудолюбїе и земледѣлїе. Онъ выслалъ изъ города неисправныхъ лѣнивцовъ, и принудилъ всѣхъ трудиться съ охотою и прилѣжанїемъ, употребивъ къ трудолюбивымъ похвалы, а къ лѣнливымъ выговоры. А всѣ сїи его дѣла были дѣла добраго правленїя.

Сїе благополучное начало его правленїя обѣщало спокойное его продолженїе. Но какъ только онъ исправилъ внутреннїя дѣла, и учредилъ вездѣ порядокъ, то Лапины, которые заключили союзъ съ Римлянами при Туллѣ, разсѣяли по всѣмъ мѣстамъ множество воровъ, въ томъ мнѣнїи, что отвращенїе, которое имѣлъ Анкъ опъ войны, происходило опъ его малодушїя, или недостаточнаго въ томъ искусства. Они почитали его за набожнаго Государя, которой имѣлъ препровождать всю свою жизнь въ храмахъ, среди алтарей и жертвоприношенїй; однако они въ томъ обманулись. Анкъ имѣлъ въ себѣ два свойства сопряженныя, то есть Нумино и Ромулово, и умѣрялъ одно другимъ, смотря по случаю. Онъ разсудилъ, что миролюбивая поступка дѣда его сходствовала съ тогдашнимъ временемъ, потому что онъ нашелъ

въ Римѣ изродъ новой, и еще-диной, а какъ время переи́нилось, по ужъ ему не къ спати было пребывать въ покоѣ, къ которому вела его природная склонность. Онъ ясно увидѣлъ, что Лапины выводили его изъ шери́ннѣя, которое влекло на него презрѣнїе; и что погдашнїя обстоятельства больше требовали Тулла, нежели Нума; и такъ онъ вознамѣрился начать войну.

Но чшобъ ему имѣшь къ тому настоящее право съ своей стороны, и склонись бы къ себѣ покровительство божїе, правдами своими дѣлами и добрыми поступками; по онъ началъ прежде искашь средства къ примиренїю; и для шого послалъ онъ пословъ принесть жалобу Лапинамъ, и требовать удовольствїя въ непрїятельскихъ поступкахъ, кошорыя они чинили на его земляхъ. Лапины сказали, что они не знаютъ никакого своельства такого, за кошорое послы ихъ порицали; а ежели и здѣлано что худое, по произошло по не онъ ихъ дозволенїя; что сверхъ шого они не признають Марціевой власни, съ кошорыми они не имѣють никакого шрактанна; а хоня имѣли онъ нѣкошорыя обязательства съ Туллою, по однакожъ онъ почитаютъ себя со всѣми свободными отъ шого по его смерти.

Тогда Марцій приказалъ объявишь имъ войну настоящимъ образомъ. Проповѣдникъ отправленъ былъ въ непрїятельскую землю, и кричалъ громкимъ голосомъ. Услыши Юпитерь, услыши Юнона, услыши Квиринъ, услышите небесные, земные и предшоднїе Боги! Я свидѣтельствуюсь вами, что Лапинской народъ несправедливъ; онъ обидѣлъ Римскаго народа, а Римской народъ и я объявляемъ ему войну.

По семъ объявленїи войны, Марцій пошелъ на Лапиновъ съ своимъ войскомъ, и осадилъ городъ ихъ Полишорїй, прежде нежели они могли получить помощь отъ своихъ союзниковъ. Городъ, ушѣсенной будучи Римлянами, здался на нѣкошорыхъ кондиціяхъ. Король не учинилъ никакой обиды жищелямъ, а шольше не-

реселилъ ихъ со всѣми имѣніями въ Римъ; и раздѣлялъ по дѣламъ. А въ слѣдующемъ году Лапины послали въ Полипорій новыхъ жителей, и начали владѣть землями принадлежащими къ тому городу. Марцій пошелъ учинить на нихъ нападеніе, а они отважились выйти на сраженіе противъ Римской арміи, но побѣждены были, и городъ взятъ былъ въ другой разъ. Король приказалъ зажечь городъ, и срыть его стѣны, чѣмъ чрезъ то опьянь у Лапиновъ надежду поселенія въ немъ, и средство къ завладѣнію окрестными землями. А по окончаніи сей войны опозелъ онъ свое войско въ Римъ.

Посомъ война началась съ городомъ Медуллѣю, которой осаждали Лапины. Въ семъ городѣ жили Римскіе поселенцы, которые намѣрены были обороняться до крайности, однако не сморя на то, Лапины его взяли, и владѣли имъ три года, а потомъ Римляне опять его взяли у Лапиновъ. Римляне имѣли еще другія войны съ Сабинцами и другими народами, которые нарушивъ миръ, напали на нихъ въ разныя времена. Въ сихъ войнахъ были многія сраженія и осады городовъ, въ которыхъ почти всегда Римляне имѣли преимущество. При осадѣ города Фиденъ Король дѣлалъ подкопы отъ своего лагеря подъ самыя городскія стѣны; и это былъ самый первый случай употребленія ихъ у Римлянъ. Во всѣхъ сихъ войнахъ, Римляне взяли у неприятелей своихъ разныя города, коихъ жители, по обыкновенію похвалы достойному, введенному съ самаго начала у сего народа, были переводимы въ Римъ и соединяемы съ старыми гражданами.

Отъ сей разумной политики городъ Римъ получалъ всегда новыя приращенія. Старые Римляне поселились сперва въ Палаціи, потомъ Сабинцы въ Капитоліи и замкъ, наконецъ Албанцы подъ горою Целіемъ. Анкъ включилъ въ городъ и гору Авентинъ, и поселилъ тамъ покоренныхъ Лапиновъ. Сія гора была посредственною высокою; она имѣла около восемнадцати стадій въ окру-

женнн. Анкъ разсуждая, что снх гора могла бытъ оборонительнымъ мѣстомъ отъ нечаянныхъ непрншельскихъ нападений, приказалъ ее окружнть каменными стѣнами и рвомъ.

Онъ началъ дѣлать за городомъ важную работу, которая могла приносить Риму великое изобиле вещей, по потребности къ человеческой жизни, и которая открывала сему городу путь къ великимъ завоеванямъ, то есть: портъ на рѣкѣ Тибрѣ. Хотя по сей рѣкѣ могли ходнть большнн купеческнн суда отъ моря до Рима, однако она не много пользы приносила городу, не имѣвъ порта, въ которой бы входнть и въ безопасности бытъ могли купеческнн суда. Анкъ, для поспѣшествованнн коммерцнн, здѣлалъ портъ выгодной и пространной. А съ того времени большнн купеческнн суда начали входнть въ сей портъ, и доходнли до Рима греблею или бечевою. Когда суда были съ великимъ грузомъ, то опускаваны были якорн, а мѣлкнн суда приходнли къ снмъ большнмъ, на которнх перетружнваны были товары. Анкъ употребнлъ въ пользу однн мысъ, которой находнлся между моремъ и Тибромъ, и похожъ былъ на локоть. Состроилъ на немъ крѣпкой городъ и назвалъ его Оспнемъ, то есть приморскимъ въ разсужденнн его положеннн.

Сей Государь приказалъ выкопать на берегу морскомъ солнныя ямы, и изъ взятой опшуда соли роздалъ народу шесть тысячъ мѣръ. Сверхъ того Анкъ приказалъ окружнть оградою высокую гору Яникуль, которая была по ту сторону рѣки Тибра, и поставнлъ тамъ крѣпкой гарнизонъ, для безопасности коммерцнн, производимой по морю отъ набѣговъ Этрускнхъ, которые владѣли всею землею по ту сторону сей рѣки. А для соединеннн города съ сею крѣпостню, здѣлалъ онъ на рѣкѣ деревянной мостъ чрезвычайной работы, такъ что у него все частн держалнсь самн отъ себя не будучн скрѣплены желѣзными скобами. Сей мостъ порученъ былъ въ смотрѣнне первосвященннкамъ, и они должны были его почннвать.

Д

Онъ увеличилъ померій, по естѣ пространство, которое находилось между городскими стѣнами и полемъ; снмъ же именемъ называлось и пространство находившееся между городскими стѣнами и спроенїемъ.

Какъ число гражданъ возраспало въ Римѣ, по своевольство начало умножашься, по чему необходимо надобно было учредить полицію. И такъ Анкъ, на удержаніе дерзновенія своевольныхъ людей и на усшрашеніе ихъ наказанїемъ, когда они съ одного почшенія къ законамъ, не хотѣли бытъ въ предѣлахъ своей должности, приказаль здѣлать шюрму на срединѣ города, которая видима была всѣмъ гражданамъ.

При владѣнїи Анка Марція пришелъ на поселеніе въ Римъ нѣкошорой иноспранной человекъ, называемой Лукумонъ. Ощецъ сего Лукумона, именемъ Демарашъ, былъ изъ Коринеа, фамиліи Бакхіадовъ, самой славной въ шой землѣ, которая тамъ имѣла первѣйшіе чины. Онъ собралъ великое богатшство коммерціею, кошорую производилъ онъ въ Эшрусскихъ городахъ, самыхъ богатшыхъ изъ всей Ипалїи. Возиуцѣнїе, произшедшее въ Коринѣш отъ Ципселя, кошорой захвашилъ въ свои руки Тираннїю, принудило его вышши опшуда, пошому что тамъ ему опасно было жить. И такъ онъ взялъ съ собою, сколько могъ, изъ своего богатшства, и ушелъ въ Тарквинїю, самой славной городъ изъ всей Эшрурїи, и взялъ себѣ тамъ жену знашной породы, отъ кошорой онъ родилъ двухъ сыновей, коихъ назвалъ одного Арунсомъ, а другаго Лукумономъ. Сей меньшей его сынъ, по причинѣ смерти старшаго; здѣлался наслѣдникомъ всего шого великаго богатшства, послѣ своего опца, и взялъ въ супружество Танаквилю, жену знашной породы, которая была такава свойштва, что не могла сносить шого, чтошобъ домъ, въ кошорой она чрезъ супружество всшупила, усшупаль знашностїю и силою шому, отъ кошорого она произошла. Она видя, что мужъ ея мало почишасмъ

былъ въ Тарквиніи по своему иностранству, и будучи больше женою, нежели гражданка, вознамѣрилась оставить городъ, въ которомъ она родилась, и почисала за свое опечесство ту землю, гдѣ мужъ ея будетъ въ почтеніи. Римъ ей показался самымъ способнымъ мѣстомъ къ ея намѣренію. Она ласкала себя надеждою, что въ семъ новооснованномъ городѣ, гдѣ въ заслугахъ состояло дворянство, легко будетъ Лукумону съ великими его качествами достигнуть до высокихъ чиновъ. Примѣръ иностранныхъ людей, бывшихъ Государями въ Римѣ, ободрялъ ея надежду. Ей не трудно было уговорить своего мужа, коимъ не меньше былъ честолюбивъ, какъ и она, и коимъ произшелъ изъ города Тарквиніи, шолько съ машерней стороны. И такъ они поѣхали въ Римъ со всемъ своимъ имѣніемъ; а какъ прибыли къ горѣ Яникулу, то горахъ, что орелъ съ распростертыми крыльями спустился тихо на коляску, въ которой онъ сидѣлъ съ женою, и схватилъ съ него шапку; потомъ лешавши нѣсколько времени около коляски съ великимъ крикомъ, бросилъ ее опять ему прямо на голову. И безъ объявленія моего знашь можно, что должно думать о сей исторіи. Танквилля, коимъ по обычаю своей земли, воспитана была въ знаніи прориданія, обняла своего мужа, и сказала ему, что боги чрезъ сей чрезвычайной случай явственно общають ему Королевское достоинство въ Римѣ.

Они будучи въ сихъ мысляхъ и надеждѣ, пріѣхали въ Римъ. Лукумонъ взялъ себѣ имя Луція, а прозваніе Тарквинія, коимъ означалъ онъ природную свою землю. Великое богатство сего иностранца и великолѣпной приборъ, какъ новое какое позорище въ Римѣ, шотчасъ обратили на него взоръ всѣхъ жителей. Но вскорѣ потомъ не примѣчали они въ его особѣ ничего другаго, какъ шолько рѣдкія качества, коимъ пріобрѣли ему великое почтеніе. Скорой и не трудной къ нему приступъ, честныя и обходительныя его поступки со всѣми людьми, при-

родная склонность къ благодаренію, и великое желаніе помогати своимъ богатствомъ, безъ тщеславія и хвастовства, всѣмъ шѣмъ, которыя въ шомъ нужду имѣли, преклонили къ нему сердце всѣхъ гражданъ. Хорошо шолько рѣдко бываешь такое употребленіе богатства, которое одно можетъ его дѣлать почтеннымъ, а можетъ быть щедрость его была и не безъ корытолюбія.

Всѣ говорили въ Римѣ шолько объ одномъ Лукумонѣ. Служь его добродѣтелей и щедрость дошелъ до самаго двора, и проневель въ Король желаніе знать его. Сей случай не былъ для него безполезенъ. Анкъ призналъ, что достоинство Лукумоново цнотю превосходило его славу. Онъ его принялъ къ себѣ въ службу, и нашель способнымъ ко всему. Лукумонъ отправляель, съ великою похвалою и удивительнымъ искусствомъ, всѣ шѣ должности, которыя сей Государь полагаль на него. Онъ въ совѣтахъ отличаль себя разумными своими мнѣніями, по которымъ всегда исполняемо было дѣйствомъ. Онъ не меньше оказалъ себя и въ военныхъ дѣлахъ своею храбростію и остроуміемъ; и что всего удивительнѣе, онъ могъ умѣрять славу такъ рѣдкихъ качествъ своею скромностію, такъ что онъ чрезъ шо всегда укрываль себя отъ зависти, и былъ равно пріятель, какъ великимъ, такъ и малымъ людямъ. Король имѣль къ нему великую довѣренность, которую засвидѣтельствоваль онъ опредѣленіемъ его въ послѣднемъ своемъ завѣщаніи опекуномъ своихъ дѣтей. Анкъ окончался, бывъ на престолѣ двадцать чешыре года. Онъ не уступаль никому изъ своихъ предковъ, ни славою военныхъ дѣлъ ни преимуществомъ миролюбія.

И С Т О Р І Я

О ЛИКУРГѢ ЗАКОНОДАВЦѢ ЛАКЕДЕМОНСКОМЪ.

Отець Ликурговъ назывался Эвномъ, которой убишь былъ въ возмущеніи народномъ, а какъ старшій сынъ Эвномовъ, которой по

смерти: онца своего вступилъ на престолъ, скончался вскорѣ безъ дѣшей, но весь народъ думалъ, что Ликургъ будетъ Королемъ; и онъ былъ дѣйствительно въ семь десятилетій до шѣхъ лѣтъ, пока беременность его невѣстки была не извѣстна, а какъ только онъ о томъ увѣдалъ, то тотчасъ объявилъ, что Королевской чинъ принадлежитъ имѣющему родиться дитяти, ежели оно будетъ мужеска полу, и съ того времени управлялъ онъ государствомъ, подъ именемъ Королевскаго опекуна.

Между шѣхъ вдова брата его послала къ нему сказанъ шайно, что ежели онъ обѣщася взять ее въ супружество, то она погубитъ свой плодъ. Такое проклятое предложеніе устранило Ликурга, однако онъ приговорился, и проводилъ сію женщину разными видами до времени ея родовъ, а какъ младенецъ родился, то Ликургъ, взявши его въ свои руки, началъ говорить присутствующимъ: Воишь, Спаршанскіе господа, Король вашъ, и въ самое то время; положилъ его на Королевскомъ мѣстѣ, и назвалъ Хариласемъ, по случаю радости, которую весь народъ оказывалъ о его рожденіи.

Въ тогдашнее время Спаршанское государство было въ великомъ безпорядкѣ, и Королевская власть въ крайнемъ презрѣніи, а сила законовъ еще въ большемъ, и ни чѣмъ не можно было обуздать народнаго дерзновенія, которое ежедневно возрастало.

Ликургъ предпріялъ смѣлое намереніе переѣхать со всѣмъ Лакедемонское правленіе, и по тому разсудилъ онъ за благо поѣхать самъ къ другимъ народамъ, для испытанія разныхъ ихъ обычаевъ, и для наученія себя онъ самыхъ искусныхъ людей въ правленіи, чтобъ онъ могъ со временемъ издашь мудре уставы своему народу. Онъ началъ свое путешествіе въ островъ Критъ, гдѣ строгіе и жестокіе законы были въ великой слави, а отшуда отправился онъ въ Азію, гдѣ поступки были со всѣмъ противны Критскимъ, и наконецъ поѣхалъ въ Египетъ, какъ жилище наукъ, премудрости и добрыхъ совѣтовъ.

Долгое его опсущствіе подало гражданамъ нештерпѣливое желаніе его видѣть, и другіе Короли понуждали его къ возвращенію, видя необходимую надобность присущствія его власни въ Лакедемонѣ, для удержанія народа въ его должноти и послушаніи; а какъ онъ прибылъ въ Спарту, то началъ спарашься о переиженіи формы правленія, вѣдая что нѣкошорые тогда бывшіе шамъ законы не могли имѣть важнаго дѣйствія.

Но прежде исполненія своего намѣренія, поѣхалъ онъ въ Дельфы, для испрошенія совѣша у Аполлона; и по принесеніи жершвы Богу, получилъ онъ опъ священницы сей славной отвѣшъ. Она назвала его пріяшелемъ-божїимъ, и сочала его самого больше за Бога, нежели за человека; а что касается до милости, кошорой онъ просилъ у Аполлона, что можетъ ли онъ успавишь добрые законы въ своей землѣ; то на то она сказала ему, что Богъ услышалъ его моливны, и что республика, кошорую онъ хочешъ здѣлашь: будетъ самая славнѣйшая изъ всѣхъ другихъ.

А какъ онъ возвратился въ Лакедемонъ, то началъ приводить въ любовь къ себѣ главнѣйшихъ людей сего города, кошорымъ сообщилъ онъ свом намѣренія, и будучи благонадеженъ на ихъ согласіе, вышелъ онъ на всенародную площадь, въ провожаніи вооруженныхъ людей, для ушрашенія шѣхъ, кошорыебъ захошѣли прошивишься его намѣренію.

Новую форму правленія, введенную Ликургошъ въ Лакедемонѣ, раздѣлишь можно на три главныя учрежденія.

1 учрежденіе. Сенатъ.

Изъ всѣхъ новыхъ учрежденій Ликурговыхъ самое большее и важнѣйшее было учрежденіе Сената, кошорой, какъ говоритъ Платонъ, умѣрлялъ великую Королевскую силу, властїю своею равною Королевской власни, и былъ причиною благополучнаго сосшоянія сего государства, пошому что вмѣсто шого, какъ прежде оно всегда колебалось, и клонилось шо къ Тираннїи, по же-

спокоеніи Королей, по въ Демократіи, по великой силѣ народа, а Сенать сей служилъ вышю равновѣсію между Королемъ и народомъ. Двадцать восемь человекъ Сенаторовъ спояли съ стороны Королевской, когда народъ хотѣлъ усилився, а защищали народную спорону, когда Короли хотѣли власшь свою увеличить.

Хошя Ликургъ и умѣрилъ шакииъ образомъ правленіе, однако наслѣдники его нашли власшь шридцати Сенаторовъ, еще весьма сильную; и для шого они обуздали ее учрежденіемъ Эеоровъ, что послѣдовало спуспя около спа шридцати лѣтъ послѣ Ликурговой смерши. Эеоровъ было числомъ пяшь, копорые пребывали въ семъ чину только по одному году. Они всѣ выбираемы были изъ народа, и чрезъ шо подобны были народнымъ шрибунамъ у Римлянъ. Они имѣли право арестовашъ Королей и сажашъ ихъ въ шюрму, какъ шо случилось съ Павзаніемъ.

2 учрежденіе. Раздѣленіе земель, и запрещеніе золотой и серебряной монеты.

Другое учрежденіе Ликургово было самое дерзновенное, шо есть раздѣленіе земель. Онъ заблаго разсудилъ предпріяшь его, для возшпановленія въ республикѣ покоя и добраго порядка. Большая часть жителей сей земли были шакъ убоги, что они не имѣли у себя и на фушь земли, а вся она сосшояла подъ владѣніемъ небольшого числа людей. И шакъ онъ, для искорененія своевольшва, ненависти, обману, роскоши и другихъ двухъ пороковъ правленія, большихъ и давнѣйшихъ опъ прежнихъ, шо есть великаго убожешва и излишняго богатешва, присовѣшовалъ всѣмъ гражданамъ ошдать свои земли въ общешво, и здѣлать изъ нихъ новое раздѣленіе, чшобъ чрезъ шо народъ могъ жить въ совершенномъ равенствѣ, не дѣлая преимущешва и чешпи, какъ шолько добродѣтели и достоиншву.

Сіе дѣло шотчасъ было исполнено. Онъ раздѣлялъ Лакедемонскія земли на тридцать тысячъ частей, которыя онъ давалъ сельскимъ жителямъ, а другія девять тысячъ частей отдавалъ онъ Лакедемонскимъ гражданамъ.

По раздѣленіи сихъ недвижимыхъ имѣній, предпріалъ онъ раздѣлять также и другія имѣнія, для испребленія въ нихъ всякаго рода неравенства; но видя, что шо бы имъ весьма неспасно было, ежелибъ онъ явно принялся за сіе дѣло; и такъ онъ употребилъ на шо другое средство, а именно началъ искоренять сребролюбіе раззореніемъ его основанія. Онъ во первыхъ запретилъ употребленіе золотой и серебряной монеты, а приказалъ только употреблять одну желѣзную, которую онъ сдѣлалъ такъ великаго вѣсу и малой цѣны, что надобно было запрятать въ шельгу два быка, чтобъ свезти десять минъ денегъ, шо есть 100 рублей Россійскою монетою; а чтобъ спрятать ихъ, шо надобно было на шо цѣлую камору.

Сверхъ того вывелъ онъ изъ Спарты, всѣ безполезныя и излишнія художества. А хотя бы онъ ихъ и не вывелъ, шо бы онъ упали сами отъ себя съ старою монетою; потому что художники не видели себѣ ни какого награжденія своихъ трудовъ, и что сія желѣзная монета не могла ходить у Грековъ, которые вмѣсто того, чтобъ довольствоваться ею, смѣялись и шутили надъ нею.

3 учрежденіе. Общая пища.

Ликургъ, желая еще больше искоренить роскошь и излишество, и выгнать со всѣмъ сребролюбіе изъ своего народа, сдѣлалъ шрестіе учрежденіе, шо есть общую пищу. Чтобъ вывести все великолѣпіе и излишнія издержки, шо приказалъ онъ, чтобъ всѣ граждане кушали вмѣстѣ и одно мясо, положенное по закону, и запретилъ имъ кушать у себя особо.

Такою уиѣренною просенною спола, можно сказать, что онъ нѣкошорымъ образомъ переиѣнилъ натуру богашства, и зѣлалъ его нежелательнымъ никому, потому что не было никакава средства употреблять его, и пользовашься какими либо изобиліемъ. Богатой и убогой кушали обще и въ одномъ мѣсцѣ, и не дозволено было приходишь въ публичныя зала покушавши, для того что другіе шамъ присущствовавшіе прилѣжно прииѣчали, ежели кто не кушалъ, или не пилъ; шо порицали его за невоздержность и великую слабоснь, что онъ пренебрегалъ общее кушанье.

Богатые люди чрезвычайно раздражены были снмъ учрежденіемъ, и по сей шо причинѣ въ случившемся однажды народномъ бунтѣ нѣкошорой молодой человекъ называемой Александръ выбилъ палкою Ликургу глазъ. Народъ негодуя на такую обиду, опдалъ сего человека самому Ликургу въ руки для наказанія, кошорой почель себя за довольное опмищеніе шо, что державъ его нѣсколько времени у себя, добрымъ своимъ и шикимъ съ нимъ обхожденіемъ, зѣлалъ его изъ дерзновеннаго и наглаго весьма уиѣреннымъ и разумнымъ.

Сполы были, каждой почти на пятнадцать персонъ, а ежели кто хотѣлъ шамъ приняшь бышь при сполѣ, шо надлежало ему приглашену бышь опъ всей компаніи. Каждой приносилъ нуда на мѣсяць положенную мѣру шуки, восемь мѣръ винограднаго вина, пять фуншовъ сыру, и не много денегъ, для прѣугопвленія пици. Всякъ долженъ былъ ходишь къ публичному сполу, и какъ, много спущя времени пошомъ, Король Атисъ, при возвращеніи своемъ опъ нѣкошораго славнаго дѣйствія, хотѣлъ было себя уволенія, чшобъ кушашь ему одному съ своею женою, шо онъ за шо получилъ выговоръ и наказаніе.

Сами дѣти находились при семъ сполѣ, куда они водимы какъ въ какое училище премудрости и воздержанія. Тамъ они

слушивали важныхъ разговоровъ о правленіи, и не видали ничего чтобъ неслужило къ ихъ наставленію. Въ обхожденіи своемъ они забавлялись шутками честными и разумными, которыя не были никогда низки и язвительны, а какъ только примѣчено было что кому прошивное, то шопчасъ то оставляемо было. Они научаемы были храненію шайны, и какъ только молодой человекъ вспуналъ въ залъ, то старой сказывалъ ему, указывая на дверь, чтобъ онъ никакой рѣчи не выносилъ опшуда.

Самое лучшее было изъ всѣхъ ихъ кушаній называвшееся черной соусъ, и спарики предпочитали его всѣмъ другимъ. Діонисій Тираннъ, будучи при ихъ столѣ, не такъ о шомъ думалъ, и сіе кушанье показалось ему весьма невкуснымъ. Я недивлюсь шому, сказалъ поварь, къ сему кушанью не доспаетъ приправъ. Какихъ приправъ? спросилъ Тираннъ. Бѣганья, пошу, упоменія, голоду и жажды, потому что, продолжалъ поварь, эша приправа упопреляется ко всѣмъ нашимъ кушаньямъ.

4 Другія учрежденія.

Ликуртъ починалъ воспитаніе дѣшей за самое великое и важное дѣло для законодавца. Онъ думалъ, что онѣ принадлежали больше къ государству, нежели къ своимъ родителемъ, и для шого не дозволялъ онъ родителямъ воспитывать дѣшей по своей волѣ, а отдавалъ ихъ въ публичное воспитаніе, чтобъ такимъ образомъ научить ихъ посшояннымъ и одинаковымъ нравамъ, которыя вселили въ нихъ за благовременно добродѣтель и любовь къ опбечесшву.

Какъ только какое дитя родилось, то спарики изъ каждаго цѣху его навѣщали, и когда оно было хорошо, здорово и крѣпко, то они приказывали его кормить, и опредѣляли ему изъ десяти тысячъ часшей поля, одну въ наслѣдіе, а ежели оно было вѣдомъ худо, слабо, и не здорово, то они опредѣляли его на погибель и выбрасывали вонъ. Какой варварской обычай! Сколь мно-

го великихъ людей перяло сіе государство, когда въ немъ погубяемы были младенцы слабаго сложенія, кошорые бы своими дѣлами не сравнено превзошли здоровыхъ и крѣпкихъ, коихъ шакое дарованіе больше способно къ шѣлеснымъ упражненіямъ. И шакимъ образомъ Лакедемонцы всѣ были шолько салдашы, а объ наукахъ попеченія не имѣли.

Младенцы у нихъ заблаговременно пріучаемы были къ суровой нищѣ, къ безбоязненности въ шемнотѣ, или когда они находились одни въ какомъ мѣстѣ; не допускаемы они были до худыхъ склонностей, не шернимъ былъ ихъ крикъ и плачь, зашавляли ихъ ходишь босыми ногами, шрудишься до утомленія, ложишься на швердой постелѣ, носишь одно плашье зимою и лѣшомъ, чшобъ чрезъ шо они навыкли сносишь жаръ и спужу.

На седмомъ году своего возраста раздѣляемы они были по классамъ. гдѣ они воспитывались всѣ вмѣстѣ, однимъ порядкомъ. А воспитаніе ихъ было, какъ прямо сказать, не чшо иное, какъ наука послушанія.

Ликургъ вѣдая, чшо нѣшъ лучшаго средшва къ приведенію гражданъ въ послушаніе законамъ и начальникамъ, ошъ чего зависишь доброй порядокъ и благополучіе государшва, какъ чшобъ научишь младенцовъ съ самыхъ ихъ нѣжныхъ лѣшъ совершенному повиновенію своимъ учителямъ.

Во время шпола, задавалъ учитель симъ опрокамъ вопросы. Онъ у нихъ спрашивалъ напримѣръ, кшо въ городѣ самой лучшей человѣкъ, чшо вы думаете о шакомъ дѣлѣ. На вопросъ надлежало ошвѣчашь скоро, разсудишельно и съ доказательшвомъ содержащимся не во многихъ словахъ; по шому чшо они заблаговременно пріучаемы были къ Лаконическому шпилю, шо ешь, къ краткому и опредѣлительному выговору. Ликургъ хотѣлъ, чшобъ монеша Лакедемонская была великаго вѣсу и малой цѣны, а напроиивъ шого, чшобъ рѣчь ихъ сосшояла въ не многихъ словахъ, и заключала въ себѣ много силы.

А что касается до грамоты, то они учились ей только для нужды, всё науки изгнаны были изъ ихъ земли. Ученіе ихъ основало въ знаніи, какъ обвинывашься, сносишь ируды и побѣждать на сраженіяхъ. Они имѣли главнымъ въ воспитаніи своемъ одного изъ самыхъ честныхъ и добродѣтельныхъ людей во всемъ городѣ, кошорой опредѣлялъ къ каждому обществу въ училища разумныхъ и добродѣтельныхъ людей.

Нѣвошерая оеоблаца кража, кошорая только имя сіе носила, была дозволяема, и еще и приказываема молодымъ людямъ. Они подпазываютъ и подкрадывались самымъ искуснымъ и проворнымъ образомъ въ огороды и въ заалы, чшобъ красть зеліе и мясо на пицу себѣ, и когда ихъ на шомъ ловили, шо наказывали не за кражу, но за испроверженіе въ кражѣ. Сказывающъ, что одинъ мальчикъ, укравъ маленькую лисицу, спрашалъ ее подъ свое плашье, и вышерпѣлъ, безъ малѣйшаго крику пока она своими когтями и зубами продрала и пробѣла ему брюхо, и онъ упалъ мертвъ на землю. Я говорю, что такая кража носила только на себѣ имя кражи, и была дозволена по закону и согласію всѣхъ гражданъ. Намѣреніе законодавцовъ, въ дозволеніи такой кражи, клонилась къ шому, чшобъ чрезъ сіе средство вдохнушь въ молодыхъ Лакедемонцовъ, опредѣленныхъ всѣхъ въ воинское состояніе, больше смѣлости и хитрости, и вручили ихъ за благовременіе лишь по салдашски, довольствовашься малымъ и промышляшь самимъ себѣ пицу.

Терпѣніе и крѣпость молодыхъ Лакедемонцовъ особливо видѣнь можно было въ праздникъ посвященной богинѣ Діанѣ, когда они предъ глазами своихъ родишелей и въ присудствіи всего города допускали себя бишь до крови при олшарѣ сей безчеловѣчной богини, и иногда они умирали, не крикнуть, и не вздохнуть ни мало. Ошцы и матери, видя ихъ обогранныхъ кровію, увѣщавали вребышь въ постоянномъ шерпѣніи сей муки по конецъ жизни,

Паунархъ объявлялъ, что онъ видѣлъ собственными своими глазами многихъ погибшихъ опротовъ, въ очень безчеловѣчномъ коридорѣ; что подало причину Горацийю, что онъ далъ названіе городу Лакедемонскому шербилевой Лакедемонъ, и что нѣкоторой писателемъ заставлялъ сказать одного челоука, который снесъ при палочные удара безъ жалобы, (*тотъ plogas fratava nobiitate сопсохі*), а при удара снесъ съ Спартанскимъ великодушіемъ.

Обыкновенное упражненіе у Лакедемонцовъ была ѣзда на околу, и другія шѣлесныя обученія. Не вѣрно было имъ упражняться ни въ какихъ художествахъ. Неволяники ихъ, называемые илоты, пахали у нихъ землю, и плашили имъ нѣкоторыя подачки.

Ликуртъ хотѣлъ, чтобы его граждане имѣли много досугу. Въ Лакедемонѣ были общіе залы, въ кои собирались граждане для разговоровъ, и хотя-еи разговоры происходили о нѣкоторыхъ важныхъ, однако они соединяемы были съ пріятелими дѣлами, они коихъ другіе могли получать, наславленіе и исправленіе забавное. Они рѣдко бывали одни, а привыкли жить какъ ичелы всегда вышшѣ, и всегда при своемъ начальникѣ. Любовь къ отечеству, и къ общей пользѣ, была ихъ владѣющая страсть. Они почитали себя не должными себѣ, а должными отечеству. Какъ Педарета не выбрали въ число трехъ сотъ челоуковъ, которые имѣли отличные чины, то онъ возвратился въ свой домъ, будучи доволенъ, и говоря, что онъ весьма радъ тому, что Спарта сыскала шриспа челоуковъ честиѣе его.

Все вдыхало въ Спартанцовъ любовь къ добродѣтелямъ и ненависть къ порокамъ, какъ то дѣла гражданъ, обхожденіе ихъ и публичныя надписи. Весьма шрудно тому спашься, чтобы люди, воспитанные шакими наславленіями и живыми примѣрами, не дѣлались добродѣтельными. Ликуртъ, для сохраненія ихъ въ семъ благополучномъ сослоуіи, не дозволялъ ни какимъ чужимъ людямъ прѣзжашь въ Лакедемонъ, опасаясь, чтобы они не прише-

сли шуда страннѣхъ нравовъ и своевольныхъ обычаевъ, которѣ могли вдохнуть въ нихъ отвращеніе къ жизни и поступкамъ Лакедемонскимъ. И такъ онъ выгналъ изъ своего города всѣхъ иностранныхъ, которыя приходили шуда безъ всякой пользы и надобности городу, а только по одному любопытству, опасаясь, чтобъ каждой иностранной человѣкъ не принесъ съ собою слабостей и пороковъ своей земли, и вѣдая, что развращенныхъ обычаевъ больше надобно беречься, нежели болѣзни и мороваго повѣтрія.

Прямо говоря, искусство и упражненіе Лакедемонцовъ была война. Все у нихъ къ шому клонилось, и все побуждало ихъ къ оружію. Жизнь ихъ была легче въ походѣ, нежели въ городѣ, и не было другихъ людей на свѣшѣ, которымъ бы война была покоемъ и отдохновеніемъ, пошому что сія жестокая и шаякая дисциплина, которая пребывала въ Спаршѣ, въ войнѣ нѣсколько была облегчаема, и давалось имъ тогда больше вольности. У нихъ былъ первой ненарушимой воинской законъ, чтобъ никогда не бѣжашъ съ сраженія, какъ бы сильнѣе ошъ нихъ ни были непріатели, и никогда не оставяшъ своего поща, однимъ словомъ побѣдишь, или умерешъ. Сей законъ такъ былъ для нихъ великъ, что какъ стихотворецъ Архилохъ пришелъ въ Спарту, то они его принудили пошчасъ вышши изъ города, за то что онъ въ нѣкоторомъ своемъ сочиненіи написалъ, что лучше бросишь оружіе, нежели предашъ себя смерти.

Ошъ сего происходило, что одна мать рекомендовала своему сыну, которой отпралялся въ походъ, чтобъ онъ возвратился въ домъ съ своимъ щипомъ, или на своемъ щипѣ; и что другая мать услышавъ, что сынъ ея убишъ былъ на сраженіи, въ оборонѣ своего опечества, сказала холоднымъ образомъ: я его и на свѣшѣ родила только для одного сего. Такова свойства были вообще всѣ Лакедемонцы. Послѣ славной Левштрійской башали, которая Спаршанцамъ была такъ несчастлива, ошцы и матери

убишихъ на сраженіи, въ оборонѣ своего отечества, поздравляли другъ друга взаимно, и приносили благодареніе богамъ въ храмахъ, за то что дѣши ихъ исполнили свою должность, а пошомки ихъ напрошивъ шого оспались въ неушѣшимой печали ошъ сей баталіи. Въ Спартѣ оспавались безчеспными на вѣки шѣ, кошорые бѣгивали съ сраженій. Не шолько они исключаемы были изъ всѣхъ чиновъ и достоинствъ, недопускаемы въ собранія и позорища, но еще и совокупающа съ ними бракомъ, почшалось запоносное дѣло, и всякъ, сколько кошѣлъ, могъ ихъ обидѣшъ.

Они не хаживали никогда на сраженіе, не испросивъ прежде жертвоприношеніями и общими молиньями помощи у боговъ, а шогда шли они на непріятеля смѣло, какъ бы обнадежены будучи о покровительствѣ божіемъ, и какъ бы Богъ самъ присутствоваль на сраженіи и помогаль имъ.

А когда они побѣждали и обращали въ бѣгство своихъ непріятелей, то они не гонялись за ними болѣе, какъ шолько, сколько пошребно было, для одержанія побѣды, а пошомъ они возвращались назадъ, разсуждая, что не было ни чеспно, ни славно для грековъ, чтошъ убивашъ бѣгущихъ. А сія поступка не меньше имъ была полезна, какъ и славна, пошому что непріятели ихъ, вѣдая, что они всѣхъ шѣхъ рубили, кошорые имъ прошивались, а оспавляли съ покосмъ шѣхъ, кошорые имъ уступали, предпочипали обыкновенно бѣгство сопротивленію.

Между законами и установленіями Ликурговыми находятся шѣкошорые хороши, а шѣкошорые жестоки и неприсшойны. Господинъ Ролленъ, ошъ кошораго я взаимодействоваль всѣ сіи рѣчи, показываешъ, что у нихъ было достойно пошвалы, а что хулы.

Какъ первые успавы Ликурговы были приняпы и ушвержены употребленіемъ, и какъ сія форма правленія показалаь ему шполь крѣпка и сильна, что можно ей было успояшъ самой по себѣ, то онъ шому весьма обрадоваался, и почувствоваль въ себѣ

сугубое удовольствіе, что видѣлъ своихъ гражданъ поступающихъ, и живущихъ по снѣ законовъ благополучно,

Но желая, чтобы его законы были вѣчны и ненарушимы, объявлялъ онъ народу, что имѣетъ нѣкоторое важное дѣло, о которомъ хочетъ спроситься у Аполлона; чего ради онъ попребывалъ у всѣхъ гражданъ обѣщанія съ клятвенною, чтобы они удержали ненарушимо сію уславленную имъ форму правленія до его обратнаго прѣзду. А какъ онъ прибылъ въ Делфы, то спросился у Аполлона, хорошиаъ его законы, и довольныаъ къ тому, чтобы здѣлашь Спаршандовъ добродѣтельными и благополучными; то священница отвѣщившавала ему, что нѣтъ недоспашка въ его законахъ, и что пока Спарша хранишь ихъ спашешъ, то пребудешъ до тѣхъ поръ въ самой великой славѣ и совершенномъ благополучіи. Ликургъ отправилъ сей отвѣщъ въ Спаршу, и думая, что онъ свое дѣло исполнялъ, умеръ въ Дельфахъ добровольно, удержавшись отъ пищи. Онъ разсуждалъ, что и самая смерть великихъ людей не должна бышь тщетна и бесполезна для республики, но напрошивъ того самымъ важнѣйшимъ и славынѣйшимъ изъ всѣхъ ихъ случаевъ. И шакъ онъ думалъ, что умирая шакимъ образомъ, совершилъ всѣ свои службы оказанныя въ своей жизни республикѣ, для того, что смерть его заставила Спаршандовъ сохранять ненарушимо его законы, которые они обязались ему хранишь до его прѣзду.

Господинъ Ролленъ, въ описаніи Ликуртовой мысли о его собственной смерти, какову ее Плутархъ описываетъ, со всѣмъ его не хвалитъ. Мнѣиые языческіе мудрецы имѣли о семъ дѣлѣ, равно какъ и о другихъ, понятіе темное. Они полагали сіе удивительное правило, которое сыскивается во многихъ ихъ книгахъ, что человекъ произведенный на свѣтъ, равно какъ бы посвященной отъ Генерала на какомъ постѣ, не можешъ его оставитъ безъ точнаго дозволенія своего повелителя, то естъ Бога. Они

шакже иногда почишали челоуѣка за виноватаго, осужденнаго въ печальную шюрму, изъ копорой онъ жаееть вышпи, а не можеть, развѣ шолько по повелѣнїю Божїю, а не разламывая цѣпей и дверей шой шюрмы. Правда, что инѣнїя сїи хороши, онѣ праведны, но язычники упошребляли ихъ ложнымъ образомъ. Они почишали за повелѣнїе божїе слабосшь свою или гордосшь, копорая приводила ихъ къ самоубїйству, или для освобожденїя себя отъ шрудностей сей жизни, либо для преданїя безсмершной памяши своего имени въ пошомствѣ, какъ шо дѣлалъ Ликургъ, Катонъ и многїе другїе.

И С Т О Р І Я

о

ТАРКВИНІИ ДРЕВНЕМЪ КОРОЛѢ РИМСКОМЪ.

Мы видѣли въ испорїи Анка Марцїа начало Тарквинїево и великїя его качесшва, какъ онъ ушвердился въ Римѣ, и великую имѣлъ довѣренность отъ Короля, копорой дѣлалъ его опекуномъ своихъ дѣшей, и для шого нѣшь нужды упоминашь о томъ болѣе. Дѣши Марцїевы вышли изъ опрочесшва, когда ошець ихъ скончался. Старшїй сынъ былъ четырнадцати лѣтъ, и слѣдовашельно могъ бы уже препяшшвовашъ власполюбивымъ Тарквинїевымъ намѣренїямъ, ежели бы выборъ Короля опложенъ былъ на нѣсколько времени. Тарквинїй, вѣдая сїе, поспѣшилъ выборъ. Онъ шогда оказалъ себя шакимъ, каковъ онъ былъ въ своемъ сердцѣ, шо ешь онъ былъ шакой челоуѣкъ, коего всѣ поступки управляемы были власполюбїемъ.

Сей примѣръ покажеть намъ, что власполюбивой челоуѣкъ, для исполненїя своихъ намѣренїй можеть приняшь на себя пришворной видъ всѣхъ добродѣшелей, и казаться людямъ крошкимъ, справедливымъ, некорысполубивымъ и добродѣшельнымъ; и хошя

Ж

ѣи добродѣтели въ немъ тогда и припворны, однако государство, не смотря на то, пребудеть благополучнымъ, ежели онъ непремѣнно хранишь будеть шѣ добродѣтели; таковъ былъ сей Тарквиній.

Какъ день собранію назначень былъ, то Тарквиній, опасаясь, чѣтобъ присутствіе дѣшей Анковыхъ не было противно его намѣреніямъ, оплуталъ ихъ, будшо на охоту. Тогда ужъ онъ не скрывалъ больше своего намѣренія, и просилъ себѣ въ собраніи явнымъ образомъ Королевскаго чина, такую рѣчь, которая могла исходапайсповашъ ему согласіе народное, чѣто ни одинъ изъ его предковъ не дѣлалъ. Тарквиній представилъ собранію, чѣто шребованіе его не безъ примѣру было; пошому чѣто уже два Короля были въ Римѣ изъ иношранныхъ, какъ то Тацій и Нума, и чѣто первой не шолько изъ иношранца, но еще и изъ непріашеля дѣлался Королемъ; чѣто онъ какъ шолько пришелъ въ возмужалыя лѣта, и могъ управляшъ собою, то и переѣхалъ шотчасъ въ Римъ съ своею женою, и со всемъ имѣніемъ; чѣто изъ шѣхъ лѣшъ, кошорыя употребляюшъ люди на опшравленіе публичныхъ должностей, препроводилъ онъ большую часшъ въ Римѣ, нежели въ своемъ опечесшвѣ; чѣто онъ имѣалъ щастіе учитьсѣ, какъ гражданскимъ шакъ и военнымъ дѣламъ, подѣ предводителшствомъ самаго Марція, и научилсѣ опъ него правамъ, законамъ и обычаямъ Римскимъ, чѣто онъ въ покорности и почтеніи къ Королю, никому изъ старыхъ Римлянъ, а въ щедростѣ и благодареніи гражданамъ, и самому Королю не уступалъ. Сія рѣчь шѣмъ паче благосклонно была принята опъ на рода, чѣто она была вся праведна, и шакъ народъ съ общаго согласія выбралъ его Королемъ.

Онъ началъ, склоняшъ къ себѣ опъ времени до времени народъ, и выбравъ изъ простолюдиновъ сто человекъ самыхъ искушсныхъ въ военныхъ и гражданскихъ дѣлахъ, произвелъ ихъ въ достоинства знатныхъ дворянъ и Сенаторовъ, и чрезъ сей случай не меньше онъ дѣлалъ пользы себѣ, какъ и государшву; по-

тому что все сии люди, одолжены ему будучи своимъ возвышеніемъ, должны были ему усердствовать много. Они были названы Сенаторами второго учрежденія, для различія ихъ отъ старшихъ Сенаторовъ, кои названы Сенаторами первого учрежденія. И такимъ образомъ Сенатъ, коимъ до того времени состоялъ только изъ двухъ сотъ членовъ, возрасъ до числа шрехъ сотъ человекъ, и въ семь чиселъ пребывалъ онъ неизменною чрезъ многіе вѣки. Это была великая его услуга къ республикѣ, что онъ такими хорошими подданными наполнялъ сіе мѣсто, въ которомъ все великія дѣла производились; и подлинно Римъ одолженъ было своею великостію разумной поскупкѣ Сената; но что было чудно и славно для сего общества, что присовокупленіе къ нему сша Сенаторовъ, не произвело въ немъ никакова снрошвленія ни неудовольствія.

Тарквиній также здѣлалъ многія учрежденія касающіяся до вѣры, полиціи и украшенія города Рима, о которыхъ мы въ послѣдующемъ объявимъ имѣемъ, а теперь спашемъ предлагать о томъ, какія онъ имѣлъ войны.

Не чудно, что сосѣдніе съ Римомъ народы съ завистію взирали на то, что сей городъ новыми завоеваніями сильно увеличивался, и принужденъ былъ за множествомъ гражданъ всегда увеличивать окружность своихъ стѣнъ. Главнѣйшіе изъ сихъ народовъ были, Латины, Этруски и Сабинцы. Самая легкая причина приводила ихъ въ забвеніе своей клятвы и пракшавовъ, до которыхъ доводила ихъ нужда, и заставляла возобновлять войны, которыя по самое то время, всегда были для нихъ несчастливы, однако они надѣялись всегда отъ нихъ лучшаго успѣху, и иногда они нападали на Римъ порознь, а иногда соединившись съ своими сосѣдами. Великая погрѣшность, которая привела ихъ до раззоренія, состояла въ томъ, что они все съ начала были покрайней мѣрѣ въ то время, о которомъ мы говоримъ, не соеди-

нились прошивъ сего общаго своего непріятеля, отъ котораго должны были они опасаться всегда, и копорой всѣмъ имъ угрожалъ рабствомъ. Римляне напрошивъ того разумно поступили въ томъ, что ихъ порознь приводили въ безсиліе, а себя усиливали присоединеніемъ покоренныхъ народовъ.

Въ первомъ и другихъ походахъ происходили съ обѣихъ сторонъ раззоренія земель, нападенія на города, частныя сраженія, и насоящія башаліи, иногда очень кровопролитныя и многовременно продолжавшіяся, но почти всегда съ пользою Римлянамъ; пошому что они должны были уступать имъ многіе города. Сверхъ великой пользы, копорую Тарквиній получилъ отъ побѣды надъ Лашинами, копорые, усилившись великимъ количествомъ пришедшаго къ нимъ Эпрускаго народа, очень возгордились, онъ пошелъ еще прошивъ ихъ, чшобъ взять у нихъ города силою, копорыхъ они добровольно отдавать не хотѣли, но не имѣлъ нужды осажать ихъ городовъ, по шому что всѣ Лашины спали искомъ милосни у Тарквинія, и пославши общихъ депутатовъ отъ своей Республики, просили у него мира на какихъ онъ соизволишь кондиціяхъ, и отворили ему у своихъ городовъ ворота. Тарквиній вмѣсто употребленія во зло своей побѣды, оказалъ въ разсужденіи сихъ городовъ великую умѣренность и крошосль. Онъ не велѣлъ убивать никого изъ Лашиновъ, ни посылать въ ссылку, ниже конфисковать ихъ имѣній. Онъ не переѣнилъ ни въ чемъ ихъ законовъ и правленія, а только принудилъ ихъ отдавать безъ выкупу плѣнниковъ и рабовъ ихъ господамъ, шакже возвращишь поселянамъ все то, что они у нихъ ошняли, и удовольшвовашъ ихъ во всѣхъ убыткахъ, копорые они имъ причинили своими набѣгами; и на сихъ кондиціяхъ принялъ Тарквиній въ свой союзъ и дружбу Лашиновъ. И такимъ образомъ кончилась сія война, которая перерывечно продолжалась около двадцати лѣтъ. Король возвратился со славою, и вошелъ шоржесшвеннымъ образомъ въ Римъ.

Въ слѣдующій годъ возгорѣлась война между Сабинцами а Римлянами, и происходило сраженіе безъ всякаго успѣха: оба войска разошлись, въ намѣреніи возобновить войну въ слѣдующую весну. Сабинцы, подкрѣплены будучи сильнымъ корпусомъ Эпрусковъ, вышли первые въ поле, и спали лагеремъ подлѣ города Фиденъ, при соединеніи рѣкъ Тибра и Теверона. Они здѣлали шамъ два лагеря на одной линіи, раздѣленные шолько каналомъ состоящимъ изъ шѣхъ двухъ рѣкъ, на кошоромъ здѣлали они мостъ на судахъ, для взаимнаго сообщенія обоихъ лагерей. Тарквиній, вѣдая, о ихъ состояніи, пошелъ противъ ихъ съ своею армією, и спалъ лагеремъ не много выше Сабинцовъ, по рѣкѣ Теверону, на холмѣ, кошорой онъ укрѣпилъ. И какъ ни желали обѣ арміи, чпобъ сразиться, однако не произошло между ими никакой порядочной баталіи. И такъ Тарквиній употребилъ нѣкошорую хитрость, кошорая послужила ему въ пользу.

Онъ приказалъ пусшить въ низъ по рѣкѣ Теверону великое множесшво судовъ, наполненныхъ сухими дровами и другими скоро стараемыми матеріями, обмазавъ ихъ смолою, и сѣрою, и за шри часа до восхожденія солнечнаго приказалъ ихъ зажечь и пусшить при способномъ вѣтрѣ по рѣкѣ. Сіи суда въ крашкое время дошли до мосту и причинили на немъ въ разныхъ мѣстахъ великой пожаръ. Сабинцы, увидѣвъ мостъ объашой пламенемъ со всѣхъ шпоронъ, побѣжали къ нему для ушущенія пожара; а Тарквиній между шѣмъ повелъ свою армію въ расположеніи къ баталіи, и при восхожденіи ушренной зари, прибылъ къ одному лагерю, гдѣ онъ нашелъ слабую оборону; пошому что большая часть непріятелей заняты были гашеніемъ огня, и по сей причинѣ завладѣлъ онъ лагеремъ безъ шрудности; а на другой лагерь Сабинской, бывшій съ другой стороны рѣки, въ то же время напалъ одинъ корпусъ арміи Римской, кошорой еще при наступленіи ночи опшравился на малыхъ судахъ, и при помощи ночной

шешнопы, не будучи видимъ, подошеть на близкое разстояніе отъ непріятельскаго лагеря, и тамъ только ожидаеть зажженія носпу, чшобъ въ то время напасть на другой непріятельской лагерь. Сіе предпріятіе также удалось благополучно, какъ и первое. Римляне корубили часть Сабинцовъ находившихся въ лагерѣ, а оспальныя спараясь спаслись отъ непріятеля, или пошонули въ рѣкѣ, либо погорѣли въ огнѣ, обороняя носпъ отъ пожара. Тарквиній, завладѣвъ обонии лагеряни, раздѣлиль добычу между солдатами. А что касается до плѣнниковъ, то какъ Сабинцовъ, такъ и Эпрусковъ, приказаль отъшесъ въ Римъ и держать подъ карауломъ.

Въ такихъ то случаяхъ явощвенно видѣшь можно искусство Генерала. Надлежало Тарквинію, для такого обману непріятелей, самому собою предпріять сіе намѣреніе, и содержать тайно до самаго времени исполненія его. Надобно было ему расположить всѣ обстоятельство, войши въ самыя малыя подробности, и дать пошребныя повелѣнія, чшобъ всѣ топовы были къ совокупному дѣйствію, и чшобъ корпусы, отшравленные въ разныя мѣста, и въ разныя времена, прибыли всѣ въ назначенное время и мѣсто. Въ порядочныхъ баталяяхъ, а особливо когда арміи бывають многочисленны, сколько дѣль оспавляется на удачу, такъ чшо Генераль не можеть ихъ предвидѣшь, и потому себя расположить, а въ семъ случаѣ все произходишь отъ его головы и все зависишь отъ силы его разума.

Сабинцы, ушрашенные и пораженные симъ послѣднимъ ударомъ, которой погубиль самыхъ лучшихъ солдатъ изъ ихъ арміи, не думали ужъ болѣе обороняться противъ Римлянъ, а предпріали искашь милоспи у нихъ, и получили перемиріе на шесть лѣтъ.

Потомъ Тарквиній имѣль жестокою войну съ Эпрусками, которыхъ онъ побѣдилъ и покориль подъ свою власпъ.

Не оспялось болѣе никого кромѣ Сабинцовъ, которые спорили съ Римлянами о преимуществѣ. Чемъ ближе сей народъ находился къ Риму, тѣмъ больше слава ихъ храбрости и простиранство земли обладаемой ими извѣстна была Римлянамъ; и пошому Тарквиній тѣмъ больше желалъ ихъ покорить подъ свою державу. Онъ объявилъ имъ войну по той причинѣ, что она не хотѣла ему выдать ихъ, которые старались склонить свой народъ къ оборонѣ Эпрусковъ; и такъ оба сіи народа вышли благоприятно въ поле. Убытокъ отъ первой баталіи, на которой Сабинцы были со всѣмъ разбиты, не поколебалъ ихъ храбрости, и они набрали новую армію, еще многочисленнѣе первой. Сія война продолжалась цѣлая пять лѣтъ, въ которой дѣлались безпрестанно набѣги и разоренія земель съ обѣихъ сторонъ. Въ продолженіи сей войны были многія сраженія между Римлянами и Сабинцами, на которыхъ Сабинцы получали нѣкоторыя удачи, но главной успѣхъ оружія почти всегда былъ при Римлянахъ. Наконецъ послѣдняя баталія кончила сію жестокою войну. Оба сіи народа собрали всѣ свои силы, и силы своихъ союзниковъ, и сразившись продолжали баталію цѣлой день съ великою храбростію, но на послѣдокъ Римляне одержали побѣду. Великое множество Сабинцовъ побиты были на мѣстѣ баталіи, въ благородной оборонѣ своего живота, также и не малое число бѣгущихъ взяты были въ полонъ. Непрѣятельской лагерь наполненной богатствомъ и добычею, достался побѣдителямъ, которые, по окончаніи войны, возвратились домой, при окончаніи лѣта; и Тарквиній въ шрешій разъ въѣхалъ въ Римъ торжественнымъ образомъ.

Въ слѣдующемъ году началъ онъ вновь приготовляться на Сабинцовъ, которые, будучи наспраждены прежними своими нещасіями, не дожидались, пока онъ нападетъ на нихъ, и послали знаменѣйшихъ людей изъ каждаго города къ Тарквинію, которой уже былъ въ полѣ съ своею армією, обнадежить его, что они

предаютъ свою судьбу въ его власть, и просятъ его, чтобы онъ поступилъ съ ними милосливо, и оставилъ бы ихъ въ покоѣ. Римской Король принялъ ихъ покорность шѣмъ съ большою радостію, что она досталась ему безъ кровопролитія. Онъ дѣлалъ съ ними союзъ на шѣхъ же кондиціяхъ, какъ и съ Эпрускими, и сверхъ того отдалъ имъ всѣхъ полонениковъ безъ выкупа.

Изъ всего вышеписаннаго видѣть можно въ Римскомъ народѣ спрассъ властолюбія. Они старались подвергать другихъ людей своимъ законамъ, и почисали себя опредѣленными къ тому, чтобы обладать всемъ свѣтомъ; и можно сказать, что какъ бы Богъ далъ имъ подѣ власть всѣхъ другихъ народовъ, какъ по изъ слѣдующихъ словъ усмотрѣшь можно *Tu regere imperio populos Romane memento. Ты, Римлянинъ, знай владѣть другими народами.* Съ какою высокостію, и съ какимъ надѣяніемъ выговорена сія рѣчь! Но сіи высокія и пышныя слова соединены съ нѣкоторою шихосшію и благосклонностію; пошому что какъ сопривлентіе огорчало и раздражало ихъ, такъ покорность умилошвивляла, и обезоружала, какъ по гласящъ слѣдующія слова: *Parcere subiectis et debellare superbos; оставлять въ покоѣ покорныхъ, и покорять гордыхъ.*

Это былъ побѣдоносной народъ, но онъ искалъ только покорять подѣ свою власть другихъ, а не раззорять ихъ, и копорой изъ побѣжденныхъ людей старался дѣлать себѣ пріятелей.

Описавъ военныя Тарквиніевы качества, шеперь хочу я предложить о томъ, что онъ важнаго дѣлалъ во время мира, пошому что онъ прославилъ себя какъ военными, такъ и гражданскими дѣлами.

Онъ построилъ въ Римѣ каменные дома, въ копоромъ до того времени было простое строеніе, и оградилъ его каменными же стѣнами.

Онъ здѣлалъ одни каналы, для приведенія воды въ Римъ, а другіе для спуска нечистоты въ рѣку Тибръ; чрезъ что онъ доставилъ Римлянамъ несказанную пользу, какъ въ выгодѣ жизни, такъ и въ красотѣ города, и сіи великолѣпныя строенія спали въ чрезвычайныя суммы денегъ, какъ по о помѣ можно подумашъ изъ словъ Діонисія Галикарнасскаго, кошорой объявляешъ, что какъ спуски, здѣланныя для нечистоты, въ слѣдующія по помѣ времена запущены были, такъ что вода въ нихъ изшекать не могла, по Ценсоры на починку ихъ взяли изъ казны тысячу шаланповъ, по естѣ сто пшадьдесятъ тысячъ рублевъ. Тощъ же писашель, присовокупля къ водянымъ каналамъ и спускамъ для нечистоты большія дороги, усланныя камнемъ, кошорыя здѣланы были, спуская попомѣ много времени, говоривъ, что ничто ему не подавало большей мысли о великости и силѣ Римской Имперіи, какъ сіи великолѣпныя строенія.

Кромѣ сихъ строеній Тарквиній здѣлалъ еще циркъ между горами Авенпинскою и Палапинскою, и подѣлалъ въ немъ мѣста съ крышками для сидѣнія сморшителей; а до того времени сморшители сиживали въ худыхъ амфитеатрахъ, состроенныхъ изъ досокъ и просыхъ бревенъ, кошорые дѣланы на скорую руку, когда надобно было представлять игры. Можно сыскашь, сморшля назадъ въ испорію, что народъ спашивалъ при сихъ играхъ. Тарквиній раздѣлилъ сіе строеніе на шридцашъ часшей, кошорыя опредѣлилъ онъ шридцати Куріямъ; откуду всякъ способно могъ сморшѣть на позорища, представляемыхъ народу. Сіе строеніе въ слѣдующія времена служило Риму самымъ большимъ великолѣпнѣмъ и приводящимъ въ удивленіе другихъ людей.

Онъ также предпріялъ соорощъ храмъ Юпшперу, Юнонѣ и Минервѣ, во исполненіе своего обѣщанія, кошорое здѣлалъ онъ на одномъ сраженіи съ Сабинцами; но понеже холмъ, назначенной подъ сіе строеніе, былъ очень высокъ и крутъ, по онъ въ по-

правленіе сей неспособности, приказалъ взвесити около того холма высокія и крѣпкія каменныя стѣны, и наполнивъ пустое между стѣнами и холмомъ мѣсто землею; и сею шрудною работою выравнивалъ онъ основаніе подъ храмъ, и привелъ его въ состояніе поддерживать на себѣ великое каменное строеніе; однако онъ не успѣлъ еще заложить сего храма, по тому что онъ по окончаніи войны не жилъ болѣе, какъ только чешыхе года. Сіе его предпріятіе было весьма смѣлое, и самое великолѣпное. Тарквиній, называемой Гордой, положилъ основаніе сего строения, взвелъ его великую часть и почти довелъ до совершенства. Но все строеніе сего храма кончилось при Консулахъ, на шрешіемъ году послѣ изгнанія Королей, и названо Капитоліемъ.

По справедливости дивиться должно, что Тарквиній предпринималъ шакія строения, которыя должны были становиться въ великія суммы денегъ, въ шакое время, когда доходы Римскаго народа были еще весьма не велики. Безъ сомнѣнія добычи, взяшныя съ непріятелей, и соблюденныя съ великимъ стараніемъ, свяшестію и безъ прикосновенія въ народныхъ сокровищахъ способствовали много на пошребныя издвенія къ построенію сихъ пышныхъ зданій. Сей Государь находилъ въ своей бережливости и ошорожности, чтобъ не дѣлалъ никакихъ бесполезныхъ издвеній, изобильной источникъ денежныя суммъ на строеніе сихъ великолѣпныхъ зданій. Сверхъ того извѣшно, что народъ употребляемъ былъ къ шѣмъ работамъ, которыя служили къ украшенію города, и къ созиданію храмовъ.

Случилось во время Тарквиніева правленія, ежели вѣрнѣе въ шомъ испорикамъ, нѣкоторое примѣчанія достойное дѣло, которое здѣлало много вѣроятности сказаніямъ прорицательскимъ. Сей Государь хотѣлъ прибавить къ шарымъ шремъ рошамъ конныхъ дворянъ, учрежденнымъ опъ ромула, другія при новыя рошы, и назвалъ ихъ по своему имени, и по имени своихъ пріише-

лей. Акцій Невій знапнѣйшій изъ прорицателей, бывшихъ въ тогдашнее время, представилъ Королю, что сію перемѣну не надлежало дѣлать, не спросившись прежде у Боговъ пошешомъ пшичѣимъ. Король оскорбился, что прорицатель предупредилъ его намѣреніе симъ образомъ. И для того, чтобы здѣлать ложнымъ его искусство, и чтобы показать народу, что онъ угадывалъ только на удачу, приказалъ онъ ему справиться съ своими прорицаніями, можешь ли ты здѣлаться, что онъ имѣешь на мысли? Прорицатель то здѣлалъ, и по прошествіи нѣкотораго времени, пришедъ къ Королю, сказалъ ему, что можно то здѣлать, что онъ имѣешь на мысли, Тогда Король усмѣхнувшись сказалъ ему: я думалъ самъ въ себѣ, что можешь ли ты перерѣзать оселку сею бритвою, которую держу я теперь въ рукахъ. Акцій, не усумнившись нисколько, взялъ бритву и перерѣзалъ оселку, Тарквиній. чрезвычайно удивившись сему случаю приказалъ поставить на площади мѣдную шапку съ покрываломъ на головѣ, которая изображала прорицателя держащаго въ своихъ рукахъ бритву и оселку, чтобы соблюсти чрезъ то память такого чрезвычайнаго случая въ попомкахъ.

Хотя историки и объявляютъ о семъ дѣлѣ, однако Цицеронъ, самъ бывши въ прорицателяхъ, насмѣхался надъ сею исторією, которую почтитель онъ за басню выдуманную для забавы.

Мы не можемъ здѣсь миновать въ молчаніи Сервія Туллія, ксого исторія соединена съ исторією Тарквиніевою. Сей Туллій былъ родомъ изъ Латинскаго города Корникула. Мать его называемая Окризія была знатной породы, и славна по своимъ добродѣтелямъ, которую, при взятіи города Корникула, полонилъ Тарквиній, и подарилъ ее Королевѣ своей супругѣ. Окризія родила сына, котораго назвала она, по имени отца его Тулліемъ, съ прозваніемъ Сервія, для означенія чрезъ то, что она родила его въ невольничествѣ; потому что въ Римѣ всѣ военные плѣн-

ники были рабами, и дѣши родившіеся отъ полоненныхъ женъ были также рабами. И такъ Туллій воспишанъ былъ при дворѣ, какъ невольникъ.

Туллій употребилъ насшавленія, учиненныя ему въ его воспишаніи, въ пользу, и оказалъ себя въ своихъ мысляхъ, склонностяхъ и поступкахъ достойнымъ преспола. Тарквиній, въ избраніи себѣ зятя, не сыскалъ никого изъ молодыхъ дворянъ Римскихъ достойнѣе его; чего ради онъ ошдалъ дочь свою въ супружесство Туллію. Отъ сего новаго возвышенія, которосъ казалось опкрывающимъ ему путь къ пресполу, вмѣсто того, чшобъ возгордиться ему, оказалъ онъ свое достоинство съ большимъ еще сіаніемъ, и представилъ свѣшу рѣдкія свои качества. Король часто дѣлалъ его главнокомандующимъ Генераломъ своей арміи, въ коемъ чинѣ оказывалъ онъ на себѣ при всѣхъ случаяхъ храбрость и мудрость мужа совершеннаго въ воинской наукѣ. Всегда Тарквиній, какъ шолько онъ, по своей староспи или слабоспи своего здравія не могъ опправляшь какихъ дѣлъ самъ собою, шо опредѣлялъ на мѣсто себя Туллія, которой во всѣхъ своихъ чинахъ и должносняхъ оказывалъ шакую зрѣлоссть своего разума, и такъ склонилъ къ себѣ народъ своими добрыми и угодными поступками, чшо всѣ его желали видѣшь на пресполѣ. Король не имѣлъ отъ Танквилы, кромѣ одного сына, которой умеръ, оставивъ по себѣ двухъ сыновей, кои по своимъ молодымъ лѣшамъ не могли еще всшупить послѣ своего дѣда на пресполь. И такъ весь народъ обращалъ свой взоръ на Туллія, какъ на пребудбушаго наслѣдника Тарквиніева.

Такая опличная Тарквиніева милоссть къ Туллію возбудила ненависсть въ двухъ сынахъ Анкозовыхъ. Имъ несносно было шо, чшо они неправеднымъ образомъ лишены были преспола отъ своего опекуна, и съ крайнею досадою взирали они на шо, чшо иносшранецъ помѣщенъ былъ на ихъ мѣстѣ. Они почишали за

великой для себя спыдъ и безчестіе, чшобъ упустишь изъ рукъ Тарквиніевыхъ скипешрѣ въ руки, не только иностранцу, но еще и невольнику, будучи Анковыми сынами. И такъ они предпріали намѣреніе отвратишь сей спыдъ оружіемъ. Но они не меньше озлоблены были на самого Тарквинія, какъ и на Сервія, и многія причины побудили ихъ къ начашію убившва ошъ Тарквинія; потому что ежелибъ онъ ошался живъ по смерти своего зятя, то будучи Королемъ, больше бы могъ ошъ мшпшишь имъ за убивштво; чего бы паршикуляной человекъ не могъ здѣлать. Сверхъ того видѣшь можно было, что по смерти Сервіевой, Тарквиній не преминулъ бы здѣлать себѣ наслѣдникомъ новаго зятя, котораго бы онъ могъ выбрать; и такимъ образомъ пріняли они намѣреніе напастъ прежде на Тарквинія.

Они, для исполненія своего намѣренія, сыскали двухъ мужиковъ смѣлыхъ и надежныхъ, и научили ихъ, какъ поступишь въ семь дѣлъ. Мужики пришли ко дворцу, имѣя шопоры на плечахъ и жаловались одинъ на другаго съ великимъ крикомъ. На сей шумъ сбѣжалась вся гвардія, и какъ они произвели свою ссору далеко, то шребовали, чшобъ Король разобралъ ихъ дѣло. Крикъ ихъ уже дошелъ до Королевскихъ покоевъ, и Король хопѣлъ самъ выслушать ихъ жалобы. Въ шогдашнія времена Короли, чшобъ здѣлать себя больше любимыми въ народѣ, дозволяли своимъ подданнымъ приходишь къ себѣ прямо, и сами разбирали ихъ ссоры; и такъ сіи мужики, пришелъ предъ Короля, начали кричать и говоришь оба вмѣстѣ, перебивали безпрестанно одинъ другому рѣчи, и насилу ихъ принудили говоришь по переменно. Тогда одинъ изъ нихъ началъ говоришь, изъяснялъ причину своей жалобы и доказывалъ свое дѣло такимъ образомъ, какъ они до шого согласились между собою. Король, слушая его рѣчи, смолѣлъ на него, а другой между шѣмъ ударилъ его шопоромъ въ голову: шогда шощъ и другой бросились бѣжать прочь. Стоявшіе

около Короля подняли его за мершво, а убійцы между шѣмъ захвачены были.

Весь городъ о семъ пошчасъ услышалъ, и сбѣжалось ко дворцу великое множество народа. Танаквиля въ семъ смятеніи приказала запереть всѣ ворота у дворца, и приставить карауль, чшобъ не впускать никого, ни выпускать изъ дворца, а между шѣмъ постаралась она обязать рану, какъ бы имѣя надежду въ живощѣ своего мужа, а въ случаѣ, ежели онъ умреть, чшобъ можно было ей принять другія мѣры. Попомъ приказака она пошчасъ призвавъ къ себѣ Сервія, и показавши ему своего мужа почти безъ дыханія, и двухъ малолѣтнихъ внуковъ, начала его просить, чшобъ онъ не оставилъ безъ наказанія злодѣевъ за смерть своего шестя, и чшобъ онъ не пошерпѣлъ, чшобъ его шеста, и сѣи бѣдные сироты достались своимъ непріятелямъ въ поруганіе. Престолю шебѣ принадлежишь, сказала она ему, ежели ты окажешь на себѣ мужество, а не шѣмъ, которые чужими руками произвели убивство. Подумай о шомъ, какимъ ты здѣлался, а не о шомъ, какимъ ты родился. Мы хошя были, и иношранные, однако владѣли симъ государствомъ. Ежели ты въ семъ великомъ смятеніи не можешь опшважиться самъ собою искать престола, шо дозволю себя управлять моими совѣтами.

И какъ трудно было удержать крикъ и усилие народное, шо Королева, опворивши окошко, начала говорить къ народу, и успокойла его. Она сказала ему, что Король, ранень будучи нечаяннымъ и сильнымъ ударомъ, потерялъ было сперва свои чувства, но попомъ онъ пришелъ въ себя, и рана здѣлана не глубока; что какъ кровь остановилась и рассмотрена была рана, шо оказалось, что она неопасна, и что она надѣется, что Король въ скоромъ времени выздоровѣеть; а въ ожиданіи своего выздоровленія повелѣваетъ онъ народу послушнымъ быть Сервію, равно какъ себѣ самому, что онъ производишь будешь судъ и другія

должности Королевскаго чина. Въ слѣдствіе чего Сервій вышелъ въ народъ въ Королевскомъ одѣяннѣ и съ ликторами, по естъ служительми Королевскаго шпаша, и сѣвши на престола, рѣшилъ поспѣхъ нѣкопорыя дѣла, а о другихъ сказалъ, что предста-вить Королю. А Анковы сыновья, между тѣмъ услышавъ, что убійцы захвачены были, и думая, что Король еще живъ, также видя великую Сервіеву власшь, ушли въ Вольской городъ назы-ваемой Свесса Помеція.

Тарквиній древній скончался въ восемьдесятъ лѣтъ отъ ро-ду. Онъ правилъ государствомъ шриццать лѣтъ, и оставилъ по себѣ двухъ малолѣпныхъ внуковъ, по естъ Люція Тарквинія и Арунса Тарквинія, и двухъ дочерей, копорыя выданы были за мужъ.

И С Т О Р І Я

О КРЕЗѢ КОРОЛѢ ЛИДІЙСКОМЪ.

Одно имя Креза подаешъ мысль о великомъ богатствѣ; и это вошло въ пословицу, что ежели кто хочешъ сказаць о какомъ человекѣ, что онъ имѣешъ великое богатство, по говоритъ, что онъ шакъ богатъ, какъ Крезъ- Богатство сего Короля, ежели раз-судить по подаркамъ, копорые посылалъ онъ въ Делфійской храмъ, долженствовало бытъ чрезвычайное. Сіе богатство могло производить отъ части изъ нѣкопорыхъ рудоконныхъ ямъ, по объявленію Спрабона, находящихся между Пергамомъ и Апарномъ, шакже и отъ нѣкопорой не большой рѣки, называемой Пакто-ломъ, копорая имѣла золошой песокъ. Во времена Спрабоны не приносила уже она сего прибышка.

Такое богатство, хотя весьма рѣдкое на свѣтѣ, не ослаби-ло Крезова духа. Онъ почиталъ по за не пристойное Королю дѣло, чтобъ препровождать жизнь свою въ роскоши и праздни-сши. Онъ былъ всегда вооруженъ, и завоевалъ многія смѣжныя

провинціи, какъ по Фригію, Мизію, Пафлагонію, Влѣинію, Памфилію, и всѣ Карійскія, Іонійскія, Дорійскія и Эольскія земли.

Но что всего удивительнѣе, сей Государь хотя былъ богашъ и Герой, однако со всѣмъ шѣмъ упражненіе въ наукахъ починалъ за наилучшее свое удовольствіе. Домъ его былъ обыкновеннымъ пребываніемъ многихъ знашныхъ ученыхъ людей, извѣстныхъ, въ древности подъ именемъ семи мудрецовъ Греческихъ.

Солонъ, одинъ изъ славнѣйшихъ мудрецовъ, успавивъ новыя законы въ Аѣнахъ, вздумалъ оплутиться опшуда на нѣсколько лѣшъ, и попользовашься чрезъ то время пушешествіемъ въ разныя мѣста. Между шѣмъ прѣхалъ онъ въ Сарды, столичной городъ Короля Креза, и былъ шамъ приняшъ шакъ, какъ шребовала шого слава шакого великаго мужа. Сей Государь, въ провожаніи многочисленнаго двора, во всемъ сїяніи Королевскаго чина, и въ великолѣпномъ одѣянїи блистающемъ опъ злаша и драгоценныхъ камней встрѣшилъ Солона. Однако какъ ни было ново для него шакое позорище, не примѣчено, чтошъ онъ хотя мало былъ имъ пронупъ, и не сказалъ онъ ни одного слова шакого по которомубъ заключить можно было, что онъ удивляешься шакому великолѣпїю. Онъ далъ знанъ разумнымъ людямъ, что починалъ все сїе великолѣпїе за знакъ малодушія. которое не много знаешъ разбору между хорошимъ и великимъ. Такая холодная и безпристрастная встрѣча Соланова съ Крезомъ показалаь ему непрїятна,

Потомъ приказалъ Крезъ показатъ Солону всѣ свои сокровища, пышношъ и великолѣпїе своихъ аппаратменовъ и обоевъ, чтошъ чрезъ множештво богатой посуды, камней, шпатуй и картинъ побѣдиль безпристрашїе сего Философа. Но все сїе не предшавляло Короля, коего Солонъ пришелъ видѣшъ, а не богашство и великодушїе его. Солонъ хотѣлъ разсуждатъ о Крезѣ, не по наружной сей пышношти, которая для него была чужая, но

по самому ему и собственнымъ его качествамъ. Сямъ образомъ многихъ вельможъ можно бы загнать въ пустыню, ежели разсуждашь пакъ о ихъ великолѣпїи.

А какъ Солонъ разсмошрѣлъ все, то Крезъ спросилъ его; кого бы онъ въ путешесствїи своемъ видѣлъ совершенно благополучнаго человѣка. Одного мѣщанина Аѣинскаго называемаго Телломъ, ошвѣпсповалъ Солонъ. Онъ очень доброй человѣкъ, которой во всю свою жизнь не имѣлъ ни въ чемъ нужды. Видѣлъ свое опечесшво всегда въ цвѣшущемъ сосстоянїи, оставилъ по себѣ дѣшей, почипаемыхъ вообще опъ всего народа. Видѣлъ своихъ внуковъ, и наконецъ умеръ славно на сраженїи за свое опечесшво.

Такой Солонъ ошвѣпшъ, которымъ онъ почипалъ серебрѣ и злато за ничшо, показался Крезу чрезвычайно грубымъ и глупымъ. Однако между тѣмъ какъ онъ не опчаявался бытъ по крайней мѣрѣ вторымъ изъ числа благополучныхъ людей, то спросилъ онъ еще у Солона: кого бы послѣ Телла почипалъ онъ щаспливымъ? Солонъ сказалъ ему, что онъ почипаетъ щаспливыми двухъ брапьевъ, Клеобиса и Бипона Аргосскихъ, которые были совершеннымъ примѣромъ брапней любви и почпенїа долгаго родителемъ. Въ нѣкопорой праздничной день, когда священница, мать ихъ, должна была ѣхать въ храмъ Юонинъ, быки ея не скоро пришли домой. И пакъ они сами надѣли на себя ярмо, и везли мать свою въ коляскѣ до самаго храма больше двухъ миль. Всѣ машери пришли въ крайнее удивленїе, и поздравляли сїю мать, что она родила такихъ сынопей. Она будучи наполнена радости и благодарности къ богамъ, просила Богиню Юону, чтообъ она соблаговолила дать сынамъ шо въ награжденїе, что бы она имѣла самое лучшее на свѣшѣ. Богиня услышала ея молишву. Сыновья ея будучи въ храмѣ, послѣ жершвоприношенїя уснули тамъ сладкимъ сномъ, и скончали жи-

вошь свой спокойною смертію. Жители Аргоскіе, для почтенія ихъ набожности, посвящали спашуи ихъ Дельфійскому храму.

И такъ ты меня не полагаешь въ числѣ благополучныхъ людей, сказалъ Крезъ Солону голосомъ значащимъ его неудовольствіе? Солонъ, которой не хотѣлъ ни ласкать ему ни досаждашь больше, сказалъ тихимъ голосомъ. „Лидійской Государь! „Богъ намъ Грекамъ далъ, кромѣ другихъ качествъ, умѣренной и „воздержной духъ, которой здѣлалъ между нами нѣкоторой родъ „проспой и народной Философіи соединенной съ благородною смѣ- „лостію, безъ тщеславія и хвасовства, и неспособной къ Коро- „левскому двору, и которой вѣдая, что человѣческая жизнь под- „вержена безчисленнымъ переменамъ, не дозволяетъ намъ ни ве- „личаться своимъ добромъ, ни удивляться другихъ благополучію; „попому что оно не постоянно, преходящее, и не имѣетъ въ се- „бѣ ничего существеннаго,“. При семъ случаѣ сказалъ онъ ему, что жизнь человѣческая обыкновенно состоитъ изъ семидесяти лѣтъ, которыя составляютъ двашцать шесть тысячъ двѣсти пятьдесятъ дней, изъ которыхъ ни одинъ не похожъ на другой день. И такъ предбудущее время, для всякаго человѣка есть связь разныхъ приключеній, которыхъ онъ предвидѣть не можеть. Почему намъ только тошъ человѣкъ щасливъ кажется, которому Богъ продолжаетъ благополучіе по конецъ его жизни; а что касается до другихъ людей, которые подвержены безчисленнымъ опасностямъ; то щастіе ихъ кажется намъ не надежнымъ, какъ и вѣнецъ шому, которой сражается, а еще не побѣдилъ. Солонъ, выговоривши сіи рѣчи, которыя, вмѣсто исправленія, оскорбили Креза, пошелъ прочь отъ него.

Эзопъ, сочинитель басней, былъ тогда при дворѣ сего Государя, которой содержалъ его въ великой милости. Онъ сожалѣлъ о худомъ Солоновомъ пріемѣ, и сказалъ ему подъ видомъ совѣта: Солонь! совѣтъ не надобно ходишь къ Королямъ или имъ гово-

ришь только однѣ пріятныя рѣчи. Скажи лучше; охвѣщсво-
валъ Солонъ, что со всѣмъ не надобно ходить къ Королямъ,
или имъ говоришь только однѣ полезныя рѣчи.

Предложеніе мое о Крезѣ изображаетъ живо произхожденія
при дворахъ Королей и Вельможей, коихъ большая часть допус-
каютъ себя обманывать ласкашельствомъ, и при этомъ показыва-
етъ, что сіе ослѣпленіе обыкновенно происходитъ отъ двухъ
причинъ, изъ коихъ первая есть пошасная склонность во всѣхъ
людяхъ, а особливо въ вельможахъ, чтобы слышать похвалы
свои безъ всякой осторожности, и бытъ благосклонными ко всѣмъ
нѣмъ, которые удивляются имъ, или которые почитаютъ ихъ
волю съ великимъ униженіемъ и подобоспращіемъ. Другая при-
чина, что ласкашельство съ искреннимъ доброжелательствомъ,
и законнымъ почтеніемъ шакое имѣетъ великое сходство, что и
самые весьма разумные люди, безъ прилѣжнаго примѣчанія, одно
отъ другаго едва опличать могутъ.

Крезъ, какъ разсуждашь объ немъ по исторіи его, былъ
весьма доброй, и по многимъ дѣламъ почшенія достойной Госу-
дарь. Онъ былъ тихъ, словохотенъ и милостивъ. Домъ его
былъ прилѣжищемъ ученымъ людямъ и мудрецамъ, что доказы-
ваетъ, что онъ и самъ имѣлъ охоту къ наукамъ, и упражнялся
въ нихъ. Но слабость его состояла въ томъ, что онъ уважалъ
богатство и великолѣпіе: что онъ почиталъ себя потому сча-
сливымъ и великимъ, что онъ не зналъ почной великости Ко-
ролевскаго достоинства, а полагалъ его въ наружномъ сянїи и
пышности сего чина; что онъ любилъ изшлишнее почшеніе, шакъ
что бывшіе при немъ люди почти его обожали.

Сїи ученые и разумные люди и прочіе придворные, кото-
рые окружали сего Государя, которые кушали при его столѣ,
копорые забавлялись съ нимъ, копорые участіе имѣли въ его
довѣренности, копорые пользовались его щедростями, не спара-

лись осперетать его не выводились изъ погрѣшностей и ложныхъ мнѣній, а напрошивъ того въ шомъ его утверждали, безпрестанно выхваляя, какъ самаго пребогатаго и сильнаго Государя въ своемъ вѣкѣ и не говорили никогда иначе о его изобиліи, богатствѣ и великолѣпїи, какъ только съ выраженїями удивленїя и восхищенїя, вѣдая что сіе было одно средство къ угожденїю ему, и къ сохраненїю себя въ его милости. Ласкашельство есть нечто иное, какъ торговля лжи, основанная съ одной стороны на собственной пользѣ, а съ другой на щеславїи. Ласкашель ищетъ милости и щастїя, а Государь похвалы и удивленїя своими дѣламъ. Онъ есть первой самъ себѣ ласкашель, и носишь въ своемъ сердцѣ сей вкрадчивой ядъ, и лучше услажденно, нежели какой подаюшь ему другїе.

Рѣчь Эзопова, какъ самаго искуснаго придворнаго человѣка, которую сказалъ онъ Солону, что не надобно ходишь къ Королямъ, или говоришь имъ только однѣ прїятныя рѣчи, показываешь намъ, какими людьми наполненъ былъ домъ Крезовъ, и какъ онъ выгналъ изъ него искренность, усердіе и должность своихъ подданныхъ. И такимъ образомъ не могъ онъ снести благородной и праводушной вольности сего Философа, котораго долженъ онъ былъ и могъ бы почиватьъ чрезвычайно, ежели бы зналъ какой дѣны стоишь другъ, которой почиваешь Государя по природнымъ его качествамъ, а не по богатству, и отваживаешь говоришь ему непрїятную правду, и прошивную любви его къ наспоющей пользѣ, но напрошивъ того могущую ему бышь полезною и душеспасительною, для предбудущаго времени, *dic illis, non quod volunt audire, sed quod audisse semper volunt.* *говори имъ не то, что они слышать желаютъ, но то о чемъ бы они радовались потомъ; то слышали прежде.* Такъ говоришь Сенека, показывая, какую помощь подашь можешь Государю вѣрной и усердной другъ. а потомъ какую онъ продолжаетъ рѣчь, то кажешся, что

нарочно про Креза. Подайте ему, говоритъ онъ, полезной совѣтъ, скажите ему, хотя однажды въ его жизни, праведную рѣчь, по- му Государю, коего уши заглушены безпрестанными ласкатель- ствами. Вы у меня спрашивайте, какую ему дѣлать услугу, какъ онъ достигъ до самодержавнаго достойнства? Какую услу- гу? Научите его, чтобъ онъ не утверждался на томъ; опни- мите у него сіе тщетное надѣяніе, которое имѣетъ онъ на само- державную свою власъ и великосъ, будто бы она могла при- немъ непрерывно продолжаться, и покажите ему, что всѣ фор- тунны плоды непостоянны, и могутъ бытъ у насъ опнышы; и что между самымъ большимъ возвышеніемъ и великимъ паде- ніемъ, разстояніе времени не больше, какъ одна минуша.

Крезъ въ скоромъ времени испыталъ истинну пѣхъ словъ, копорыя ему говорилъ Солонъ. Онъ имѣлъ у себя двухъ сыновей, изъ коихъ одинъ будучи нѣмъ, причинялъ ему безпрестанную печаль, а другой, называемой Аписъ, имѣлъ хорошія качества и опмѣнныя между своими сверстниками по лѣтамъ, и чрезъ то одинъ онъ утѣшалъ его въ печали. Крезъ видѣлъ во снѣ, что сей его любимой сынъ нѣлъ погибнуть опъ меча, зрезъ что онъ получилъ новую причину къ печали и безпокойству. Съ того времени начали пряпать опъ сего Принца всѣ желѣзныя орудія, какъ то кинжалы, копы и прочее, и не говорили при- немъ ни объ осадахъ, ни о войнѣ ни объ арміяхъ. Въ нѣкопорой праздникъ Король намѣревъ былъ ѣхать на охоту, чтобъ убить дикаго кабана, копорой въ окольныхъ мѣстахъ причинялъ много вреда. Всѣ придворные господа имѣли присутствовать на сей охотѣ. Аписъ началъ сильно просить своего отца, что онъ ему дозволилъ ѣхать на охоту, по крайней мѣрѣ для одного смопрѣ- нія. Король не могъ ему отказать въ томъ, и для того пору- чилъ его въ смопрѣніе одному разумному Принцу Адрасу, копо- рой, убѣжавши изъ своей земли, имѣлъ у него прибѣжище. Адрасъ

хотя поразилъ кабана своимъ копьемъ, не нарочно убилъ между шѣмъ Ашиса. Не можно выразить, какую пораженъ былъ отецъ его печалью, когда онъ о томъ услышалъ; также и Адрасъ не повинной убійца, которой для того самъ себя пронзилъ своимъ мечемъ.

Для сего приключенія пренровождены были два года въ ираурѣ, потому что сей не благополучной отецъ не могъ утѣшиться отъ печали о потеряннн своего сына; но возрастающая слава о великихъ качествахъ Кировыхъ, которой началъ себя оказывать, возбудила его отъ дреманн. Онъ разсудилъ, что надлежало ему ограничить силу Персовъ, которая ежедневно возрастала. И какъ онъ по своему обычаю былъ очень набоженъ, то для того положилъ не начинать никакова предпрнннн, безъ воушеннн Боговъ; а чтобы ему не попустилъ въ томъ слѣпо, и утвердился на ошвѣшн Боговъ, то для того прежде хотѣлъ онъ испытать истинну прорицаннн ихъ. Чего ради послалъ онъ ко всѣмъ славнымъ Богамъ, которые были въ Греции и Африкѣ, спроситься у нихъ, что онъ будетъ дѣлать въ нѣкоторой назначенной день и часъ, о которомъ сказалъ онъ шѣмъ послать. Сие его повелѣнн исполнено было точно, однако ни одинъ изъ Боговъ не далъ праведнаго ошвѣша, кромѣ Дельфійскаго. Онъ былъ сказанъ въ Греческихъ шесшиспопныхъ стихахъ слѣдующимъ образомъ: Я знаю число зернъ песка морскаго, и мѣру великаго его пространства; я разумѣю нѣмаго, и шакого, которой еще говорить не можешь; чувства мои пронупы сильнымъ духомъ черепахи, которая съ бараниною варится въ мѣдномъ сосудѣ, пѣкрышомъ мѣдною крышкою. И подлинно Король, хотя выдумать шакое дѣло, о которомъ бы не можно было догадаться, варилъ, одинъ запершись, въ назначенной день и часъ черепаху съ бараниною въ мѣдномъ коплѣ.

Крезъ будучи такимъ образомъ удостоверенъ объ истиннѣйшей пророчаннѣ Дельфійскаго Бога, принесъ ему великую жертву. Онъ послалъ много кусковъ золота въ Дельфійское сокровище; каждой изъ тѣхъ кусковъ вѣсилъ по крайней мѣрѣ два шаланша. Къ сими приношеніямъ прибавилъ онъ еще много другихъ подарковъ, между которыми былъ, по Геродотову объявленію, золотой левъ вѣсомъ въ десять шаланшовъ, и два сосуда чрезвычайной величины, одинъ золотой, въ которомъ вѣсилъ восемь шаланшовъ съ половиною и двенадцать минъ, а другой серебряной, въ которой входило шесть сотъ мѣръ, называемыхъ аифора. Всѣ сии подарки и прочіе, которые для краткости оставляю я, видимы были еще во времена Геродотовы.

Крезъ приказалъ посланнымъ спроситься у Дельфійскаго Бога о двухъ пунктахъ: Первое, долженъ ли онъ предпринимать войну противъ Персовъ? второе, долженъ ли онъ брать вспомогательное войско? на первой вопросъ отвѣтъ былъ, что ежели онъ начнетъ войну съ Персами, то опровергнетъ великое государство, а на другой, что не худо бы ему взять вспомогательное войско изъ сильнѣйшихъ Греческихъ народовъ. Потомъ посланный спросилъ опять у Бога, долго ли пребудетъ владѣніе Крезово? на что ему въ отвѣтъ сказано, что онъ до тѣхъ поръ владѣть будетъ, пока не будетъ оселъ начальствующимъ въ Мидіи.

Въ слѣдствіе сихъ божескихъ отвѣтовъ, Крезъ здѣлалъ союзъ съ Аѳинейцами при владѣніи Пизкспрашовомъ и съ Лакедемонцами; а сии два народа были самые сильныя изъ всей Греціи.

Одинъ Лидіецъ, весьма почтенной за свой разумъ, далъ Крезу совѣтъ весьма хорошей. Великой Государь! сказалъ онъ ему, что вы думаете обратиться ваше оружіе противъ такого народа, какъ Персы, которые родившись въ жестокой и грубой землѣ, навывкли отъ дѣйствія ко всякому шруду и томленію, которые одѣвающа и воспишывающа просто, которые довольствуются

однимъ только хлѣбомъ и водою, которые со всѣмъ не знаютъ, что то есть выгода и роскошь въ человѣческой жизни; однимъ словомъ, которые не имѣютъ ничего пошерять, ежели вы ихъ побѣдите, а все достать, ежели они васъ побѣдятъ. Ужъ весьма трудно будетъ отхватить ихъ отъ нашей земли, ежели они хотя однажды вкусятъ ея сладости. И такъ мнѣ кажется, что чѣмъ воевать противъ ихъ, то лучше благодарить Боговъ, что они не дали на разумъ Персамъ прійти и напасть на Лидійцевъ. Крезъ со всѣмъ послушалъ его совѣта.

Послы Индійскаго Короля, котораго Киръ склонилъ на свою сторону, бывши у Креза и его союзниковъ, будто для того, чтобы сдѣлать съ нимъ союзъ, возвратились къ Киру и сказали ему, что Крезъ выбранъ Генералиссимусомъ союзной арміи; что всѣ Государи и Принцы его партіи согласились дать потребныя суммы денегъ на наборъ салдатъ; что Фракійцы прислали къ ихъ сторонѣ; что изъ Египта идетъ къ нимъ моремъ вспомогательное войско, которое простирается до ста двадцати тысячъ человекъ; что они ожидаютъ еще войска изъ Кипра; что уже Киликійцы, Фригійцы, Паелагонцы, Каппадокійцы, Аравяне и Финикійцы прибыли къ Крезу, и что Ассиріане пришли также съ Королемъ Вавилонскимъ; что Іоняне и большая часть Грековъ, жившихъ въ Азіи, приняли ихъ сторону; что Крезъ послалъ Пословъ въ Лакедемонъ, для заключенія союза; что армія ихъ собирается при рѣкѣ Паксолѣ, а опшуда подвинется къ Лидійскому городу Тимбреи, и сіи Посольскія рѣчи подтверждены были плѣнниками и шпионами.

Сіе извѣстіе причинило въ Кировой арміи великой страхъ. Но сей Государь собравши своихъ Офицеровъ, показалъ имъ великую разность между непріятельскими и своими салдатами, и чрезъ то тотчасъ ободрилъ ихъ.

Киръ вѣдая, что полезнѣе производить войну въ непріятельской землѣ, не ожидалъ, пока прійдутъ Вавилонцы напасъ на него въ его землѣ, и пошелъ имъ на встрѣчу, въ намѣреніи изшребишь ихъ съѣстные припасы своею армією, и при томъ привесъ ихъ въ замѣшательство скоростію и смѣлостію сего предприятия. По долгомъ пуши встрѣшился онъ съ непріятелемъ при Тимбреѣ, которой городъ недалече отстоишь отъ столичнаго Лидійскаго города Сардъ. Они не думали, чтобы сей Государь съ слабѣйшею противъ ихъ армією вполнѣ вздумалъ прійти напасъ на нихъ въ ихъ землю, и для того они оробѣли, не имѣя уже времени ни къ собранію съѣстныхъ припасовъ, необходимыхъ для такой своей многочисленной арміи, ни къ соединенію всѣхъ своихъ войскъ, которыя они противъ Кировой арміи поставили хощѣли.

Сія башалія была самая важная въ древности; поному что она опредѣлила Имперію надъ Азією между Ассиріянами и Персами.

Армія Кирова вся спояла изо ста девяноста шести тысячъ, какъ конницы такъ и пѣхоты. Кромѣ сего войска Киръ имѣлъ при ста колесницъ вооруженныхъ косами, изъ коихъ каждая заложена была чешырью лошадыи.

Киръ приказалъ еще здѣлать много колесницъ гораздо большихъ отъ прежнихъ, на которыхъ поставлены были башни вышиною въ восемнадцать или двадцать фушовъ, на которыхъ было по двадцати стрѣлковъ. Сіи колесницы везены были на кашкахъ шеснаццатью быками.

Онъ еще имѣлъ у себя много верблюдовъ, на которыхъ сидѣло по два Арапа спиною одинъ къ другому.

Армія Крзова была вдвое многочисленнѣе Кировой, и простиралась числомъ до чешырехъ сотъ тысячъ человекъ, изъ которыхъ было шесъдесятъ тысячъ конницы. Главнѣйше войска въ Бре-

зовой арміи были Вавилонцы, Лидійцы, Фригійцы, Каппадокійцы, Геллеспонтское войско и Египтяне, и сихъ послѣднихъ числомъ было сто двадцать тысячъ. Они имѣли у себя щиты, которые закрывали ихъ съ ногъ до головы, долгія копья, и коршкѣя, но широкіе мечи; а прочая часть арміи, состояла изъ вышеписанныхъ народовъ.

Армія Крезова стала въ ордеръ-баталіи въ одну линію, пѣхоша его стояла въ срединѣ, а конница по флангамъ; все какъ пѣхошное, такъ и конное войско, стояло толщиною въ двадцать человекъ. Но Египтяне, которыхъ числомъ было сто двадцать тысячъ, и которые составляли главную силу Крезовой пѣхоши, и стояли въ срединѣ арміи, раздѣлились на двѣнадцать толстыхъ корпусовъ: или баталіоновъ карре, чтобы каждому корпусу можно было сражаться особо. Армія сія, построенная такимъ образомъ на пространной равнинѣ въ одну линію, заняла мѣста почти на сорокъ стадій, то есть на шесть верстъ съ небольшимъ. Намѣреніе Крезова, на которомъ онъ основалъ надежду своей побѣды, состояло въ томъ, чтобы окружить Персидскую армію.

Персидскія войска сражались обыкновенно толщиною корпуса въ двадцать чешыре человекъ, но Киръ перемѣнилъ сіе расположеніе. Ему надобно было, не ослабляя своихъ еалангъ, здѣлать фронтъ, какъ можно большій, чтобы не быть окружену непріятельскою армією. Пѣхоша его была надежна и вооружена хорошо кирассами и мечами, такъ что можно было ей сражаться съ непріятелемъ по корпусно, и не лзя было думать, чтобы Лидійскія Фаланги, вооруженныя одними только легкими щитами и копьями, могли выдержать ихъ устремленіе. И такъ Киръ раздвоилъ свою пѣхошу, полагая толстошу корпуса только въ двадцать человекъ, а число его пѣхоши простиралось до девяноста трехъ тысячъ человекъ. Конницу поставилъ онъ на флангахъ,

изъ коихъ однимъ командовалъ Хризантъ, а другимъ Гиспасъ. Весь фронтъ Кировой арміи занималъ мѣста не больше тридцати двухъ стадій, но есть пять верстъ съ залишкомъ, следовательно онъ превышаетъ былъ длиною непріятельскаго фронта съ обѣихъ сторонъ на полверсты.

За сею первую линеею, поставилъ Киръ копейщиковъ, а позади ихъ стрѣлковъ. Они были прикрыты передними салдашами, и поверкъ ихъ головъ могли мешать копья и стрѣлы.

Онъ дѣлалъ послѣднюю линію, то есть арріэргардію, изъ самыхъ лучшихъ салдашъ. Должность ихъ была смотрѣть за поставленными передъ ними, ободрять ихъ пропивъ непріятеля, удерживать угрозами отъ бѣгства, а бѣгущихъ убивать, какъ изменниковъ, чѣмъ чрезъ то слабымъ и робкимъ подать большій страхъ отъ себя, нежели какой они отъ непріятеля имѣли.

Позади Персидской арміи стояли вышеобъявленныя башни на колесницахъ. Онѣ дѣлали равную и параллельную линію съ фронтомъ арміи, служили не только къ обезпечиванію непріятеля отъ поставленныхъ на нихъ стрѣлковъ, но еще и почесаться могли за редуны, при кошорыхъ Персидскіе салдашы могли собиранься, въ случаѣ, когда бы непріятель могъ ихъ разбишь и прогнать.

Неподалеку отъ сихъ башень были еще двѣ линіи, параллельныя и равныя съ фронтомъ арміи, изъ коихъ въ одной находился багажъ, а въ другой жены Персидскія, бесполезные люди въ такомъ случаѣ.

Киръ дѣлалъ сіи двѣ линіи изъ багажа, въ помъ намѣреній, чѣмъ не только представитъ свою армію многочисленнѣе, нежели какъ она была въ самой вещи, но еще чѣмъ принудитъ непріятеля, въ случаѣ, когдабы онъ армію его окружитъ хотѣлъ, какъ то онъ и намѣренъ былъ, раздаться больше, и следовательно чрезъ то себя ослабитъ.

Вооруженныя колесницы Персидскія раздѣлены были на три части, изъ которыхъ каждая состояла изъ ста колесницъ. Одна изъ сихъ частей подъ командою Сузіянскаго Короля Абраама, поставлена была во фронтѣ башаги, а другія двѣ по фланкамъ.

Такое было расположеніе сихъ двухъ армій за день до баталии.

Какъ обѣ арміи встрѣтились одна съ другою, и Лидійцы узнали, сколько ихъ фронтъ былъ больше отъ Персидскаго, то середина ихъ арміи остановилась, а между тѣмъ два фланка подавались кривизною впередъ, чтобы окружить Кирова армію, и напасть на нее вдругъ со всѣхъ сторонъ. Сіе движеніе неустрашило Кира, потому что онъ къ тому приготовился.

Какъ два корпуса, отдѣлившись отъ Лидійской арміи, гораздо раздались, то Крезъ далъ знать и прочей арміи идти на Персовъ, а между тѣмъ фланки Лидійской арміи приближались къ нимъ, такъ что Кирова армія окружена была съ трехъ сторонъ, какъ бы тремя великими арміями, и подобна была, какъ говоритъ Ксенофонъ, малому квадрату написанному въ большомъ.

Тогда по первому знаку, данному отъ Кира, салдамы его оборотились лицомъ во всѣ стороны, и въ молчаніи ожидали повелѣній. Сей Государь приказалъ заиграть на трубахъ къ сраженію; на что армія его отвѣтствовала великимъ крикомъ, призывая на помощь Бога войны. Киръ потчасъ усремился съ частью конницы на Лидійцовъ, которые шли взять правую сторону его арміи во флангъ, самъ ихъ противоположно взялъ во флангъ и привелъ въ порядокъ. За Киромъ пошелъ скорыми шагами корпусъ пѣхоты, и въ самое то время пущены были на Лидійцовъ колесницы самымъ сильнымъ бѣгомъ конскимъ, и обратили ихъ со всѣмъ въ бѣгство.

Тогда полки лѣваго фланга услышавъ отъ звука и преска ружейнаго, что Киръ началъ сраженіе на правомъ флангѣ, пошли

на непріяшеля, и въ то время гужены были верблюды, какъ по Кирь приказалъ. Конница Лидійская не дожидалась ихъ приходу, и лошади ихъ еще вдали какъ только примѣнили верблюдовъ, то не могли снести духу сихъ животныхъ, и бросились назадъ одинъ на другихъ, а многія изъ нихъ поднявшись на заднихъ ногахъ збили съ себя всадниковъ на землю. Небольшой Корпусъ конницы подъ командою Арпагеза сильно устремился на Лидійцовъ, такъ что не далъ имъ ни мало времени собраться, и въ самое то время колесницы, вооруженныя косами, набѣжали на нихъ ужаснымъ образомъ, и обратили всѣхъ въ бѣгство; и пусть то здѣлалось ужасное кровопролитіе.

Тогда Кирь далъ знакъ Абрадашу учинить нападеніе на фронтъ непріятельской арміи, которой устремился на Лидійцовъ, какъ молнія со всѣми своими большими колесницами. Лидійскія колесницы не могли снести такого сильнаго удара, и разбѣжались всѣ врознь. А Абрадашъ, разбивъ и опровергъ сіи колесницы, набѣжалъ на Египетскіе баталіоны, которые сомкнувшись и покрывшись своими щитами, не давали прорваться сквозь себя Абрадашовымъ колесницамъ, чего ради лошади жестокимъ своимъ усремленіемъ сбивали Египтянъ съ ногъ и топтали. Тутъ было ужасное позорище видѣть великія кучи изрубленныхъ салдавъ и лошадей, изпереломанныхъ колесницъ и оружія, и страшное дѣйствіе смертоносныхъ косъ, которыя разсѣкали все, что имъ ни попадалось. По несчастію колесница Абрадашова опровержена, и онъ убитъ былъ, съ прочими бывшими при немъ, по учиненіи великаго усилія, и оказаніи чрезвычайной храбрости. Египтяне сомкнувшись и покрывшись щитами безпрестанно подавались въ передъ, принудили Персидскую пѣхоту уступить, и прогнали ее за четверную линию, до самыхъ ихъ машинъ. Тамъ Египтяне осягощены были градомъ стрѣлъ и копей, метаемыхъ на нихъ съ вышины движимыхъ башенъ, приномъ же баталіонъ

Персидской Аррїэргардїи прибѣжали шуда съ обнаженными мечами для удержанія отъ бѣгства передней пѣхоты, и принудили ее обратиться опять къ бою.

Киръ, по прогнанїи конницы и пѣхоты, споявшей по правую сторону Египтянъ, не гнался за бѣгущими, а устремился прямо на средину непрїательской арміи. Тупъ онъ съ сожалѣніемъ увидѣлъ, что Персы его принуждены были уступать Египтянамъ, и не сыскалъ лучшаго средства къ удержанію Египетской силы, какъ только напасть на нихъ съ тылу, что онъ и задѣлалъ, а конница его въ самое то же время ужаснымъ образомъ на нихъ устремилась. Египтяне упрежденные со всѣхъ сторонъ непрїательскимъ нападеніемъ, дрались съ чрезвычайною храбростію. При семъ случаѣ самъ Киръ попалъ было въ великую опасность. Лошадь подъ нимъ убита была однимъ Египетскимъ салдамомъ; и такъ онъ попалъ было въ средину непрїателей. Тогда видимо было, говоритъ Ксенофонтъ, сколь нужна главному командиру любовь своихъ солдатъ. Офицеры и солдаты Кирова, видя его въ опасности, пришли всѣ въ крайнюю тревогу, и наклонивъ головы бросились въ средину того мѣсту непрїательскихъ копей, чшобъ спасти его изъ рукъ непрїательскихъ. Какъ только Киръ сѣлъ опять на лошадь, то бой задѣлался жесточе прежняго. Наконецъ Киръ, удивляясь чрезвычайной храбрости Египтянъ, пожалѣлъ погибели такихъ добрыхъ солдатъ, и представилъ имъ честныя кондиціи, съ объявленіемъ, что всѣ соотники ихъ оставили. Они приняли сіи кондиціи, и какъ они не меньше были вѣрны какъ и храбры, то уговорились, чшобъ имъ не вооружаться противъ Креза, копорой ихъ призвалъ на помочъ. Они служили потомъ и въ Персидской арміи съ ненарушимою вѣрностію.

Башалїя продолжалась до самаго вечера. Крезъ съ крайнимъ доспѣшеніемъ ушелъ съ своимъ войскомъ въ Сарды, а прочїя вой-

ска въ шу же ночь опсправились всѣ въ свои земли. Побѣдители, покушавши и разспавивши караулы, взяли себѣ покой.

На утрешней день Киръ пошелъ къ Сардамъ, и ежели вѣрнѣе Геродоту, то Крезъ недождался, чтобъ онъ его заперъ въ городѣ. Онъ вышелъ ему на встрѣчу, чтобъ дать башалію. По объявленію сего испорика, Лидійцы были самой храброй и военной народъ изъ всей Азіи. Главная ихъ сила состояла въ конницѣ. Киръ, чтобъ здѣлать ее бесполезною, приказалъ потчасъ пустить на нее своихъ верблюдовъ, коихъ ни взору, ни духу не могли терпѣть лошади, и для того всѣ обратились въ бѣгство. И такъ конница его спѣшившись прибѣжала на башалію, копорая была очень кровопролитна. Но наконецъ Лидійцы уступили и принуждены были убѣжать въ городѣ. Киръ началъ осаду города, и велѣлъ подвесити машины къ стѣнамъ, также и лѣсницы для приступа. Но между сими пріутоповленіями въ слѣдующую ночь завладѣлъ онъ замкомъ, увѣдомившись отъ одного плѣнника, копорой служилъ у Коменданта того замка, о нѣкопорой закрытой и способной дорогѣ въ замокъ. При восхожденіи утрешней зари вошелъ онъ въ городѣ, безъ всякаго сопротивленія. Тамъ будучи, вопервыхъ поспарался онъ сберечь городѣ отъ грабленія, потому что помощные ему Халдейцы, бросивъ оружіе, разсыпались по разнымъ мѣстамъ. Надлежало Кировой власпи быть въ великомъ уваженіи у его арміи, что онъ могъ однимъ простымъ приказомъ удержатъ, или нѣкоторымъ образомъ связатъ жадныя руки иношранныхъ салдавъ, отъ грабленія шакого богатствомъ наполненнаго города, какъ Сарды. Онъ приказалъ объявить гражданамъ, что оставитъ ихъ безопасныхъ въ своей жизни, и не прикасаешся ни къ женамъ ихъ ни къ дѣшамъ, ежели только они принесутъ къ нему все свое серебро и золото, на что они охотно согласились. Крезъ самъ показалъ имъ въ шомъ примѣръ, отдавши всѣ свои сокровища побѣдителю.

Киръ какъ отдавалъ всё пошребиме приказы въ городѣ, то имѣлъ попомъ съ Коралемъ на единый разговоръ. Онъ спросилъ у него особливо, что онъ думаетъ о прорицаніяхъ Дельфійскихъ, копоры по объявленію почиталъ онъ много. Крезъ признался, что онъ праведно привлекъ на себя негодованіе сего Бога, оказаніемъ недоувѣрванія праведнымъ его отвѣщаніемъ, и искушеніемъ его въ помъ чрезъ такой непристойной и смѣшной вопросъ; и что между тѣмъ не можеть онъ въ своемъ нещасствіи жаловаться на Бога, по тому что когда онъ спрашивалъ у него о томъ, что ему дѣлать, чтобы могъ онъ препроводить благополучную жизнь, то онъ на то въ отвѣтъ сказалъ, что онъ будетъ жить въ совершенномъ и постоянномъ благополучіи, ежели узнаеть самъ себя. Я не имѣю сего познанія, продолжалъ онъ, и почитая себя отъ безмѣрныхъ похвалъ со всѣмъ другимъ, нежелеи каковъ я былъ въ самой вещи, принялъ чинъ Генералиссимуса надъ всею арміею, и вступилъ не къ спашу въ сію войну противъ такого Государя, копорой во всемъ несправенно превосходитъ меня. А теперь, научивъ будучи сего побѣдою надо мною, начинаю я познавать себя, и думаю также, что я начинаю спановишья щасливымъ, и буду такимъ подлинно, сказалъ онъ Киру, ежели вы мнѣ окажете свою милость. Судьба моя зависить отъ вашей воли. Киръ, будучи пронупъ сожалѣніемъ о нещасствіи сего Короля, лишеннаго въ одну минушу такого великаго достоинства, и удивляясь его равнодушію въ такомъ оборотѣ фортуны, содержалъ его въ великой милости. Онъ ему отдалъ имя и власть Королевскую, только не дозволялъ ни противъ кого воевать, безъ своей воли, какъ то и самъ Крезъ признавалъ, что онъ облегчилъ его отъ того, что Королевской чинъ имѣеть самаго тяжелаго. И подлинно чрезъ сіе Киръ привелъ его въ состояніе, препроводить жизнь благополучную и свободную отъ всякаго попеченія и безпокойства. Послѣ того времени Киръ во всѣхъ случаяхъ бралъ его съ собою,

или съ почтенія, чшобъ пользовашься его совѣтами, либо по по-
лишикѣ, чшобъ быть съ его стороны въ безопасности.

Геродотъ и другіе Историки объявляютъ въ сей исторіи
нѣкопорыя обстоятельство, достойныя особливаго примѣчанія,
кошорыхъ я здѣсь пропустишь не долженъ, хотя онѣ кажутся
больше чудными, нежели праведными.

Мы уже объявили, что оставшійся у Креза одинъ сынъ
былъ нѣмъ. Сей Принцъ увидѣвъ въ городѣ, что одинъ салдашъ
хотѣлъ изрубить саблею Короля; не зная кто онъ, опъ страха
и любви къ своему родителю вскрикнулъ съ такимъ усиліемъ,
что опъ того разорвалъ онъ свою нѣмошу и промолвилъ: сал-
дашъ не убивай Креза.

Киръ сперва взявши въ полонъ Креза, осудилъ его на сож-
женіе; чего ради здѣланъ былъ амвонъ, и какъ сей не благопо-
лучной Государь взведенъ былъ на него, по передъ самымъ по-
слѣднимъ временемъ своей казни, вспомнилъ рѣчь Солонуву, ко-
шорую онъ прежде ему сказывалъ, и признавъ справедливостъ
его совѣта, вскричалъ три раза: О Солонъ, Солонъ, Солонъ!
Киръ, кошорой съ знашнѣйшими своими вельможами былъ при
семъ позорищѣ, увѣдомившись, для чего онъ въ сей своей край-
ности выговорилъ такъ громко имя сего славнаго философа, и
пронувъ будучи незнаніемъ человѣческой судьбы и нещасіемъ
сего Государя, приказалъ его свести съ амвона, и почиталъ его
во всю жизнь. И такимъ образомъ Солонъ получилъ славу, что
онъ, однимъ своимъ словомъ, спасъ живощъ одному Государю, а
другому подалъ душеспасительное наставленіе.

Два отвѣта Дельфійскаго бога подали причину Крезу всту-
пить въ сію нещасливую для него войну, изъ кошорыхъ одинъ
былъ, что Крезъ долженъ почитать себя въ опасности тогда,
какъ осель будетъ владѣть Мидійцами; другой, что когда онъ
перейдетъ черезъ рѣку Галисъ воевать съ Мидійцами, то опроверг-

К

нешъ онъ великое Государство. Первой изъ сихъ отвѣшовъ подалъ ему мысль, что взирая на невозможность сего дѣла, долженствовало онъ бытъ въ совершенной безопасности; а другой подалъ ему надежду опровергнуть Мидійское государство. А какъ онъ увидѣлъ, что всѣ сии дѣла со всѣмъ иначе оборотились, то ошправилъ съ позволеніемъ Кировымъ, посланнаго въ Делфы, представивъ сему Богу отъ него золотую цѣпь, и при томъ выговорить ему, что онъ, несмотря на великіе его подарки, такъ не годно обманулъ его своими отвѣсами. Сему Богу не трудно было оправдать свои отвѣсы. Киръ былъ томъ осель, о которомъ говоритъ хотѣлъ сей Богъ, по тому что онъ произхождение свое имѣлъ отъ двухъ разныхъ народовъ, то есть по отцѣ былъ Персидской природы, а по матерѣ Мидійской; а что касается до государства, которое имѣлъ онъ опровергнуть, то оно было не Мидійское, а собственное его.

Такими ложными и обманчивыми отвѣсами дѣволъ, лживой духъ, ослѣплялъ человѣческой родъ, въ сихъ наполненныхъ тьмою и невѣжествомъ временахъ, слышавъ шѣмъ, которые спрашивались у него, слова сомнительныя и обоюдныя, что какое бы ни дѣлалось приключеніе, тобъ онѣ сходственной къ тому толкъ имѣли.

И С Т О Р І Я.

О СЕРВИИ ТУЛЛИИ КОРОЛѢ РИМСКОМЪ.

Мы видѣли въ житіи Тарквинія древняго, что какъ сей Государь раненъ былъ смертно, то Туллій вмѣсто Короля правилъ государствомъ нѣсколько времени. Потомъ онъ объявилъ смерть Тарквиніеву, какъ бы онъ въ то время, а не прежде умеръ. Онъ дѣлалъ ему великолѣдное погребеніе, и богатой гробъ, со всѣмъ приборомъ достойнымъ Королевскаго величества.

Потомъ онъ былъ опекуномъ малолѣтнихъ Принцовъ, внуковъ Тарквиніевыхъ, и имѣлъ попеченіе объ государствѣ, какъ наслѣдїи ихъ; и въ семь достоинствѣ правилъ онъ сею республикою.

Сенаторы, видя сей случай, которой очищаль Туллїю путь къ совершенной независимости отъ ихъ власпи, приняли между собою мѣры, на воспрепятствованіе сего слѣдствїя, и на сопротивленіе начинающейся Туллїевой власпи, которой, увѣдомившись объ ихъ намѣренїяхъ, всѣ силы употребилъ на прїобрѣтеніе народной благосклонности въ такомъ нужномъ случаѣ. Въ семь намѣренїи созвалъ онъ собранїе, и представивъ тамъ Тарквиніевыхъ внуковъ, поручаль ихъ въ покровительство народу, какъ по дѣду ихъ при своей кончинѣ приказаль ему такую рѣчь, которая, сказалъ онъ, пребудеть вѣчно изображенна на моемъ сердцѣ. Онъ въ краткихъ словахъ привель на память народу важныя услуги сего Государя, которыя оказалъ онъ Римской республикѣ, а между тѣмъ скромнымъ образомъ представилъ, сколько онъ старался слѣдовать его стопамъ, и сколь усердно желаль подати облегченїе убогимъ гражданамъ, и окончилъ свою рѣчь тѣмъ объявленїемъ, что какъ онъ, будучи опекуномъ несчастливыхъ сихъ дѣшей, находится въ равной съ ними опасности, по не остается ему болѣе, какъ только опдати сихъ Принцовъ подъ сохраненїе Римскому народу, которой только одинъ можешь быть имъ опцомъ.

Сїя Туллїева рѣчь принята была отъ всего собранїя. Многіе изъ его фаворитовъ, которыхъ онъ подослалъ въ разныя мѣста, на площади сказали громко, что надобно его здѣлать Королемъ и созвавъ Курїи ошобравъ голоса. Сему мнѣнїю слѣдовало все множество народа. Туллїй разсудилъ за благо употребить въ свою пользу ихъ желанїя. И такъ онъ назначилъ день собранїю, и приказаль созвать къ тому сельскихъ жишелей. Какъ Курїи собрались въ назначенной день, и всѣ объявили свои голоса на

Туллия, по онъ былъ выбранъ Королемъ: Туллій вступилъ на престоль, не пребуя на шо согласія Сенатскаго, которой не подшвердилъ, прошивъ своего обыкновенія, народного выбору.

Къ сшапи случилась въ шо время война, для удержанія внутренихъ движеній недовольныхъ Сенаторовъ. Веенцы были первые, которые возспали на Римлянъ, а Церепы и Тарквинцы слѣдовали ихъ примѣру, и въ скоромъ времени вся почши Эпрурія вооружилась. Сія война продолжалась безперерывно двадцать лѣтъ. Многіе были набѣги съ обѣихъ сторонъ, и часто оба народа дрались со всѣми своими силами. Сервій имѣлъ всегда преимущество надъ сими народами, какъ на малыхъ сраженіяхъ, такъ и на генеральныхъ баталяхъ. Онъ поржеспвовалъ надъ ними три раза, и покорилъ ихъ наконецъ подъ свою власшь. Двенадцать народовъ, сославлявшихъ Эпрурію, испоцившисъ людьми и деньгами, собрались на двадцатомъ году опъ начашія войны, и вознамѣрились опять покорипсья Римлянамъ, на шѣхъ же кондиціяхъ, на которыхъ прежде согласились они съ Тарквиніемъ. Сервій охотно принялъ шѣ кондиціи, и оставилъ ихъ при всѣхъ ихъ правахъ и привилегіяхъ; а что касается до Цереповъ, Тарквинцовъ и Веенцовъ, которые были предводителями сего возмущенія, и которые привлекли другихъ народовъ въ еію войну, шо онъ ихъ наказалъ опнишѣемъ земель, которыя онъ раздѣлилъ пошомъ новопринятымъ въ Римскіе граждане. И сіи благополучные успѣхи въ войнѣ ушвердили его на престоль.

Онъ почель за должносшь себѣ, принесшь благодаревіе Богинѣ Форшунѣ, которая помогала ему такъ постоянно. Онъ ей посвятилъ два храма, одинъ подъ именемъ доброй Форшуны, а другой подъ именемъ мужественной Форшуны. Плутархъ говоритъ о третьемъ храмѣ, которой посвятилъ сей же Сервій Форшунѣ природной, пошому что она спаралась объ немъ съ самаго младенчества. Онъ еще упоминаеть о многихъ другихъ

храмахъ; которые доказываютъ, что сей Государь помянулъ всегда переменѣнну своей форшунѣ; и что онъ не спыдился шого низкаго и презрѣннаго состоянїя, изъ коего произошелъ.

Сервій по возшествїи своемъ на пресполъ раздѣлилъ публичныя земли убогимъ гражданамъ, которые не имѣли собственныхъ своихъ, а работали на чужихъ. Онъ также издалъ многіе законы о шяжбахъ и несправедливостяхъ, и всѣ сїи учрежденїя утвердилъ онъ въ собранїи народномъ.

Объявляютъ что Сервій былъ первой изъ Королей Римскихъ, которой приказалъ прикладывать на монету шшемпель, а прежде она употреблялась не отдѣленная въ кускахъ мѣди, или олова, но нѣкоторому извѣстному вѣсу. Изображенїе овцы на монетѣ, которую сперва начали употреблять въ Римѣ подало причину къ названїю монеты (ресипїа).

Сервій употребилъ покой, которой получилъ онъ ошъ недавно заключеннаго мира съ Тосканцами, на произведенїе полезныхъ учрежденїй. Онъ включилъ въ городъ Виминальскую и Эсквилинскую горы, изъ коихъ на каждой можно было соорощить городъ надлежащей величины, и отдалъ сїю землю подъ строенїе шѣмъ, которые не имѣли своихъ домовъ, также онъ и самъ себя приказалъ соорощить палаты на самомъ лучшемъ мѣстѣ Эсквилинской горы. Эшо былъ послѣднїй Король, которой увеличилъ пространство города присоединенїемъ сихъ двухъ горъ къ прочимъ пяши.

И какъ Римъ содержалъ уже въ себѣ семь горъ, шо Туллїй раздѣлилъ его на чешыре часши, которыя назвалъ онъ по именамъ главнѣйшихъ горъ, кои въ нихъ находились. Изъ шрехъ цеховъ, на которые Римъ до сего времени былъ раздѣленъ, здѣлалъ онъ чешыре, и посшавилъ каждой въ одной изъ чешырехъ часшей города. Въ слѣдующїя времена умножаемо было помалу число цеховъ, и дошло до шридцати пяши.

Поэтому онъ постарался здѣлать самое разумное и полезное для республики учрежденіе, которое могло привести его въ согласіе съ Сенатомъ, и доставить ему почтеніе и любовь отъ сего первѣйшаго въ государствѣ общества.

Чудно, что въ государствѣ, управляемомъ Королемъ, съ помощію Сената, законы, учрежденія и всѣ дѣла происходили подъ именемъ народнымъ, безъ упоминанія Государя. Сей народъ оставилъ себѣ лучшую часть правленія. Не предпринимаема была ни война ни миръ, какъ только въ собраніи народномъ. Сіи собранія назывались въ то время собранія по Куріямъ; по тому что онѣ состояли изъ однихъ гражданъ Римскихъ, раздѣленныхъ на тридцать Курій. Въ сихъ собраніяхъ, выбираемы были Короли, Сенатскіе и священническіе чины, учреждаемы были законы, и производимы суды. Король, съ согласія Сенатскаго, созывалъ собраніе, и объявлялъ по совѣту его на то день, также и дѣла, какія тамъ рѣшишь слѣдовало. Надлежало имѣть другой совѣтъ съ Сенатомъ, чтобы утвердить все то, что опредѣлено въ собраніи.

Но какъ въ сихъ собраніяхъ всѣ дѣла рѣшились по большинству голосовъ, кои считались поголовно, то для того простолюдины всегда преимуществовали предъ Сенаторами и другими вельможами, такъ что окончаніе дѣлъ происходило обыкновенно больше по разсужденію простыхъ людей, нежели по благоизобрѣтенію Сената и дворянства. Сервій Туллій хотя и былъ въ прочемъ наполненъ республиканскими мыслями, но не хотѣлъ сносить того, чтобы правленіе государственныхъ дѣлъ зависѣло отъ воли простаго народа; и для того вознамѣрился перенести всю власть въ общество вельможъ и дворянъ, отъ коихъ онъ надѣялся лучшаго провидѣнія, и справедливѣйшихъ мнѣній.

Намѣреніе сіе соединено было съ великими трудностями. Сей Государь имѣлъ дѣло съ такимъ народомъ, коимъ былъ очень

ревнистеленъ къ своимъ правамъ: чего ради надобно было его обманути надеждою значной пользы. Римляне въ то время по душевно плащили подати въ государственную казну. И какъ они съ начала имѣнїями почти равны были, то пошму и подати на всѣхъ ихъ положены равныя, которыя они всегда равно плащили, ждѣпя въ послѣдованїи времени произошло великое различїе между имѣнїями однихъ и другихъ. Сервій представилъ въ собранїи, что число жипелей Римскихъ, и богатство ихъ значно увеличилось, множествомъ иноспранныхъ людей, поселившихся въ Римѣ; и пошму ему не справедливо казалось то, чтобъ убогой гражданинъ сколькожъ плащилъ подати въ казну, сколько и богашой; что надлежало уставитъ подати, смотря по имѣнїю каждаго, а чтобъ то узнать точно, то надобно принудитъ всѣхъ гражданъ, подъ опасенїемъ жестокаго наказанїя, чтобъ они объявили вѣрно о своихъ имѣнїяхъ; по чемубъ можно было исправно расположитъ подати.

Народъ, не видя въ семъ предложенїи ни чего другаго, какъ только собственное свое облегченїе, принялъ его съ великою радостїю, и все собранїе, общимъ согласїемъ, дало Королю власшь уснавивъ въ правленїи порядокъ, кошорой покажется ему сходственнѣе съ общею пользою. Въ слѣдствїе сего опредѣленїя, Сервій успавилъ денсъ, кошорой былъ не что иное, какъ разчисленїе или роспись всѣхъ Римскихъ гражданъ, по ихъ имѣнїямъ, лѣшамъ и искусствамъ, именамъ ихъ цеховъ и Курїй, и по числу ихъ дѣшей и невольниковъ. Въ то время находилось въ Римѣ больше восмидесяти тысячъ гражданъ, кошорые могли нести военную службу. Въ семъ росписанїи не включены были ни жены, ни дѣши, ни молодые люди ниже семнадцати лѣтъ, ниже невольники.

Сервій раздѣлялъ сіе великое число жипелей на шесть классовъ, и сосщавилъ каждой классъ изъ разныхъ соменъ, кошорые не имѣли точно числа ста человекъ. какъ то названїе сіе означаешъ, а больше или меньше, смотря по разности классовъ. По-

ловина сошенъ каждаго класса состояла изъ молодыхъ гражданъ ошъ семнадцати до сорока шести лѣшъ, а другая половина содержала въ себѣ гражданъ выше сорока шести лѣшъ.

Въ первой классѣ опредѣлили онъ восемьдесятъ сошенъ, въ которыхъ находились Сенаторы и другіе знашныя люди по ихъ богашствамъ, и каждой изъ нихъ долженъ былъ имѣть доходу съ своей земли, не меньше, какъ на сто тысячъ мѣдныхъ ассовъ шо есть: не меньше тысячи рублей. Сіи восемьдесятъ сошенъ перваго класса раздѣлены были на двѣ части, изъ коихъ первая состоящая изъ стариковъ, опредѣлена была для содержанія караула, и для обороны городу, а прочія сорокъ сошенъ состоявшія изъ младшихъ людей, должны были ходить въ походы на войну. Они всѣ имѣли одинаковыя оружія. Наступательныя и оборонительныя оружія были у нихъ копья, дрошники, алебарды, и мечи а оборонительныя шишаки, кирассы, и мѣдныя лашы. Въ сей же первый классъ опредѣлена была конница, состоявшая изъ семнадцати сошенъ самыхъ богашыхъ и знашнѣйшихъ людей въ семь городѣ.

Другой классъ состоялъ изъ двадцати сошенъ, шакихъ людей, коихъ доходы просширались до семидесяти пяти тысячъ ассовъ, шо есть; до семи сотъ пятидесяти рублей. Сіи употребляли шакия же оружія, какъ и граждане перваго класса, шолько что не имѣли кирассовъ, и носили легкіе щипы вмѣсто длинныхъ.

Въ шрешьемъ классѣ было шаже двадцать сошенъ шакихъ людей, которые имѣли пятьдесятъ тысячъ ассовъ, или пять сотъ рублей доходу. Они имѣли шакое же оружіе, какъ и граждане шпораго класса, исключая лашы.

Чешвершой классъ состоялъ изъ шакого же числа сошенъ, какъ и прежніе два. Они должны были имѣть доходу на двадцать пять тысячъ мѣдныхъ ассовъ, или двѣсти пятьдесятъ рублей, а вооружены были копьями, мечами и долгими щипами.

Въ пятомъ классѣ было тридцать сошенъ, и бывшіе въ немъ люди должны были имѣть доходу изъ своихъ земель на двѣнадцать тысячъ съ половиною ассовъ, то есть: сто двадцать пять рублей, а вооружены были они пращами.

Изъ сихъ тридцати сошенъ, были четыре безъ всякаго оружія. Двѣ изъ нихъ были споляры и кузнецы, для дѣланія военныхъ машинъ, а другія двѣ были шрубачи и музыканты. Работники были присоединяемы къ второму классу, а музыканты къ четвертому, и по сему каждой изъ сихъ классовъ имѣлъ у себя двадцать двѣ сошни.

Шестой классъ имѣлъ только одну сошню, и не такъ общество самыхъ бѣдныхъ людей, коихъ почипали почипи за безплезныхъ республикъ, кромѣ того, что они порожденіемъ дѣшей, приносили ей гражданъ, впрочемъ они не ходили на войну, и не платили никакой подати.

Сіи шесть классовъ содержали въ себѣ сто девяносто три сошни, изъ коихъ каждая имѣла у себя искуснаго и храбраго командира.

Сіе раздѣленіе Римскаго народа, какъ можно видѣшь, со всемъ воинское, и имѣло главной предметъ войну; однако Сервій употребилъ его въ великую пользу и въ разсужденіи внутренняго правленія. Не можно довольно надивиться великому его искусству въ сие дѣло, и глубокой полишикѣ. Онъ приказалъ, чтобъ впредь когда надобно будетъ выбирать гражданскихъ чиновъ, учреждать какіе законы, объявлять войну, или судить какія дѣла касающіяся до всей республики, либо преступленія заслуживающія смерть виноватымъ, то бы народъ собирался по сошнямъ. Собраніе должно было дѣлаться за городомъ на Марсовомъ полѣ. Граждане всѣ должны были приходиться туда вооружены, по различію ихъ классовъ. Государи только, или первѣйшіе гражданскіе чины мо-

гли созывать сїи собранїя, гдѣ всякія дѣла предназначаемы были прориданїями, что дѣлало много уваженїя Государю и вельможамъ, копорые заступали главные священническіе чины. Сверхъ того соглашенось, чтообъ собирашь впредь голоса по сошнїямъ, вмѣсто того что прежде они собираемы были поголовно; и чтообъ девяносо по восемь сошенъ перваго класса подавали свой голосъ прежде всѣхъ.

Симъ удивительнымъ и разумнымъ учрежденїемъ, республика Римская приведена была въ такое состоянїе, что ни богаше ни убогіе граждане не имѣли правильной причины на него жаловашься, какъ по изъ того видѣшь можно, что сей народъ чрезъ сшолько лѣшь сносилъ сїю переиѣну безъ всякаго ропшанїя и неудовольствїя.

Подлинно съ обѣихъ споронъ, ежели случались какїе новые налоги, по были приномъ и великія выгоды. Когда надобно бывало набирать салдашь, по каждая изо спа девяносоша прехъ сошенъ, исключая послѣднюю, должна была поставишь извѣстное число салдашь, и сумму денегъ потребную на содержанїе арміи. И шакъ шѣ, копорые были богаче, а напрошивъ того меньше числомъ, и сосшавляли больше сошенъ, нежели другїе убоже ихъ, и больше числомъ, принуждены были служишь почти безпрестанно, и давашь великія суммы денегъ; напрошивъ того нижнїе классы, сосшоя изъ большаго числа людей, и раздѣлены будучи на меньше сошенъ, рѣдко ходили въ походъ, и плашили самыя легкія подати. По сей же причинѣ шѣ, копорые не имѣли ничего болѣе, кремѣ дневной пищи, и будучи въ великомъ числѣ людей, свободны были отъ службы и податей.

Не можно здѣсь довольно надивишься разумнымъ Сервіевымъ учрежденїямъ. Онъ вѣдая, что вѣшь шакой причины, копорая бы больше побуждала людей къ войнѣ, какъ самое ихъ имѣнїе, и что вѣшь шакой опасности, копорой бы они не подвергались, для обороны своихъ жишквъ, разсудилъ заблаго, что шѣ, ко-

порые больше имѣли прибыли въ содержаніи баталіи, не только должны были по справедливости больше помогать въ шоемъ республикѣ сами собою и своимъ имѣніемъ, но еще и могли служить опечесству съ большею ревностію и усердіемъ. Тогда каждой служилъ въ походѣ на собственномъ своемъ коштѣ, по шому что еще въ Римѣ салдаши не были содержаны изъ народной казны. Какая разность на баталіи между такими салдашами, которые отваживають все, и которые не имѣють ничего потерѣть.

Изъ вышеписаннаго учрежденія видѣть можно, что убогіе граждане были со всѣмъ облегчены, и что всѣ налоги распределены были на богатыхъ, по пропорціи ихъ имѣній. Но съ другой стороны богатые начали имѣть больше силы, нежели убогіе. Въ первыя времена самыя важныя дѣла, а особливо выборъ чиновъ, усановленіе или уничтоженіе какого закона, миръ и война опредѣлялись голосами собранія по Куріямъ, въ которомъ случаѣ простолюдины, будучи въ большемъ числѣ, всѣ дѣла рѣшили по своей волѣ. Сервій, чрезъ сіе новое учрежденіе, перенесъ искуснымъ образомъ всю власть правленія въ первой классъ, состоявшей изъ знатныхъ дворянъ; а чтобъ ему явно не отнять у простолюдиновъ права въ подаваніи голосовъ, то онъ, чрезъ сіе усановленіе, здѣлалъ ихъ право бесполезнымъ.

Онъ усановилъ еще плашить по одной монетѣ со всякаго младенца, которой родился, въ храмъ Юоны Луцинской, а когда умреть, то въ храмъ Венеры Либинской. Также всякой гражданинъ, которой вступалъ въ мужескія лѣта, долженъ былъ заплашить монету въ храмъ Богини младости.

Сервій окончивъ разчисленіе народа Римскаго, приказалъ вооружить всѣхъ гражданъ, и собралъ ихъ по классамъ и сошнать на Марсовомъ полѣ. Потомъ очистилъ все сіе войско приношеніемъ въ жершву одной свиньи, одной овцы и одного быка, кошо-

рыхъ онъ , прежде приношенія , велѣлъ прогнать три раза крутомъ по Марсову полю ; а назывался сей праздникъ очищеніе чрезъ жертву , и дѣлался онъ по прошествіи каждаго пяти лѣтъ . На семъ первомъ очищеніи было восемьдесятъ четыре тысячи свободныхъ гражданъ .

Сервій имѣя всегда попеченіе о пользѣ своего народа , вознамѣрился еще утвердить республику , присовокупленіемъ въ число гражданъ невольниковъ освобожденныхъ , какимъ бы по ни было образомъ . Невольники въ Римѣ были двухъ родовъ , изъ коихъ одни были взяты на войнѣ , чрезъ что у Римлянъ и рабство началось , а другіе , которые родились отъ отцовъ и матерей , взятыхъ въ полонъ , или отъ однихъ только матерей . И такъ Король разсудилъ ихъ допустить въ число гражданъ . Состояніе рабства , въ которомъ онъ самъ былъ , вдохнуло въ него сожалѣніе къ такимъ людямъ , которые впрочемъ могли имѣть великое достоинство , и которыхъ не можно было порочить ничемъ , кромѣ несчастія ихъ природы , или взятыя въ полонъ . Сему намѣренію сильно прошивились , и весьма его хулили , а особливо вельможи , которые почитали по за недостойное дѣло , чтобъ смѣшивать такимъ образомъ невольниковъ съ гражданами . Сервій старался себя оправдать въ собраніи , объявляя , что онъ удивляется тому , что нѣкоторые прошивяція такому его намѣренію , и хотящъ положить на всегда между вольностію и рабствомъ такую разность , какой натура не дѣлала , а зависѣла она отъ несправедливости судьбы . Онъ представилъ собранію , сколько надежда полученія вольности могла дѣлать невольниковъ старательными и усердными къ службѣ своимъ господамъ . Онъ подкрѣплялъ сей законъ пользою , которую республика могла получить отъ него , объявляя , что ничто такъ непристойно было такому городу , какъ Римъ , которой предпринималъ великія намѣренія , и старался дѣлаться въ свое время обладашелемъ

всего свѣта, какъ имѣшь великое множество гражданъ; что чрезъ то сей городъ въ сосшоаніи будешь содержать себя собственными своими силами, противу самыхъ сильнѣйшихъ арій, и не имѣшь нужды въ иноспранныхъ войскахъ, которыя бывающъ во вредъ государству. Сія рѣчь возниѣла великую силу въ сердцахъ слышателей, и законъ былъ приняшь общимъ согласіемъ.

Симъ закономъ дозволялось гражданамъ и господамъ увольять своихъ невольниковъ, и присовокуплять ихъ въ число гражданъ; и ежели кто изъ господъ хотѣлъ увольять невольниковъ, то довольно было, чтобъ онъ вписалъ ихъ въ публичной списокъ, и подалъ бы щеть объ ихъ имѣніи, ежели у нихъ какое было; и это былъ у Римлянъ первой способъ увольненія, по различію имѣнія.

Другой способъ увольненія рабовъ, былъ увольненіе палкою. Сей способъ увольненія введенъ былъ въ помъ году, какъ выгнаны Короли изъ Рима, Валеріемъ Публиколою, которой такимъ образомъ наградилъ невольника вольностію, за открытіе заговору молодыхъ дворянъ Римскихъ, хотѣвшихъ возспавить Тарквинія по прежнему на престоль. Сей невольникъ назывался Виндексъ, и думаютъ, что по его имени сей способъ увольненія названъ Виндикша. Преторъ давалъ небольшой ударъ по головѣ невольнику палкою, и въ самое то время шощъ невольникъ спанивился вольнымъ. Сказываютъ, что онъ еще при помъ дѣлывалъ другую церемонію, малымъ ударомъ по щекѣ невольнику, и оборощомъ его одинъ разъ вокругъ.

Третьей способъ увольненія рабовъ былъ по завѣщанію, и невольники увольяемые такимъ образомъ назывались опущеники.

А хощя уволенные рабы и дѣлались такимъ образомъ гражданами Римскими, однако они не были допускиваны, по подобію природныхъ гражданъ, ни въ число Сенаторовъ, ни въ число дворянъ Римскихъ, а шолько учасныи были въ привилегіяхъ про-

спыхъ гражданъ Римскихъ ; и потому они не имѣли больше иѣсна, какъ только въ цехахъ, которые не были важны въ Римѣ. Освобожденные невольники не безъ трудности сносили то, что они такъ стѣснены были въ однихъ цехахъ ; и для того они постарались, что ихъ расселили по полямъ ; что учинилъ Апшій Клавдій, во время своего начальства. Сей случай началъ было причинять замѣшательство и беспокойство въ собраніяхъ народныхъ, которой чрезъ то сталъ усиливаться ; что пресѣкъ Фабій Рулла; а сія его услуга почтена была важною для республики, и доставила ему имя великаго, чего не могли ему пріобрѣсти его побѣды.

Что касается до воинской службы, то также дѣлалось различіе между уволенными и старыми гражданами. Старые граждане опредѣлялись въ сухопутную службу, а уволенные въ морскую, которая у Римлянъ была въ меньшемъ почтеніи прошиву сухопутной.

Отпущенники, въ засвидѣтельство своей благодарности за такое великое благодѣяніе, каково есть отпустить на волю, считали себя за должность и честь, чтобы называться именемъ своихъ бывшихъ господъ; чего ради они употребляли ихъ имена съ прибавленіемъ собственныхъ своихъ прозваній. Мы знаемъ двухъ отпущенниковъ Цицероновыхъ, изъ коихъ одинъ назывался Маркъ Туллій Тиро, а другой Маркъ Туллій Лавреа.

Изъ сего учрежденія Сервіева, о освобожденіи невольниковъ, можно видѣть въ немъ свойство добронравія, челоѣколюбія и праводушія, и при томъ глубину его разума и полишки, которая дѣлаешь ему много чести, не упоминая о томъ, сколь многихъ добрыхъ гражданъ доставилъ онъ чрезъ сей законъ республикѣ.

Сервій, всегда имѣя великія, и при томъ миролюбивыя мысли, по учрежденіи внутреннихъ порядковъ въ Римѣ; началъ думать о томъ, чтобы дѣлать сей городъ центромъ и столицею

всей Лапинской земли, и соединить бы всех Лапинскихъ народовъ, какъ между собою, такъ и съ Римомъ. Сии народы много разъ покаряемы были отъ Римлянъ силою оружія ихъ; а Сервій предпріять соединить ихъ съ Римомъ союзомъ дружбы и вѣры. Въ семь намѣреній началъ онъ за благовременно: искавъ дружбы и любви у главнѣйшихъ изъ Лапиновъ, призывая ихъ часто къ себѣ, и угощая пріятно и учтиво, засвидѣтельствованіемъ великаго имъ почтенія. Въ семь обхожденій предсказывалъ онъ имъ часто сколько миръ и согласіе приводили въ приращеніе и самыхъ слабыхъ народовъ, а напрошивъ того раздоръ причинялъ раззореніе и самымъ сильнымъ Монархіямъ. Онъ имъ приводилъ въ примѣръ Амфиціона, которой учредилъ въ Греціи совѣтъ и собраніе, гдѣ весь народъ соединившись, спарался согласно содержать между всѣми городами весьма тѣсной союзъ, и помогать себѣ взаимобразно прошивъ общихъ непріятелей. Онъ говорилъ имъ также о Іонянахъ и Дорянахъ, которые построили общимъ иждивеніемъ храмы, въ кои они приходили, въ назначенные дни, всѣ съ своими женами и дѣтьми. Тамъ они приносили вмѣстѣ жертвы богамъ, и свободны были въ то время отъ всякихъ дѣлъ. По окончаніи праздника, гдѣ они обходились между собою съ сердечною любовію, ежели были какія ссоры между городами, или причины къ жалобамъ, то шутъ они рѣшились дружескимъ образомъ, по суду опредѣленныхъ къ тому людей. Сервій уговаривалъ Лапиновъ, чтобы и они поступили такимъ же образомъ. Они охотно приняли его совѣтъ, и пригласили къ тому другихъ народовъ. И такъ Лапины съ Римлянами, общимъ иждивеніемъ, соорудили храмъ Діанѣ на горѣ Авеншинской, куды изъ каждаго города ежегодно приходили Лапинскіе народы, для жертвоприношенія, для торговли и для рѣшенія своихъ ссоръ. Это было скрывное признаніе Лапиновъ, что они почитали Римъ за споличной себѣ городъ, что прежде было причиною столь многихъ браней. Сей

союзъ Латинцевъ съ Римлянами много споспѣшествовалъ велико-
сти Рима, чрезъ которую онъ удвоилъ нѣкошорымъ образомъ свои
силы. Какое благополучіе для такой земли, которую владѣеть
Государь искусной, и совершенно способной къ правленію, кото-
рой имѣеть великія намѣренія, и прилѣжно наблюдаешь всѣ дол-
жности Королевскаго чина.

Сервій помышлялъ о томъ, какъ бы ему привести всѣ свои
дѣла въ совершенство, отказомъ отъ королевскаго чина, и пере-
мѣненіемъ Римскаго королевства въ республику. Онъ было уже
здѣлалъ подробное тому расположеніе и основаніе сего новаго
правленія, какъ смерть, которую назвать можно безвременною, хо-
тя сей Государь былъ и очень смаръ, предупредила исполненіе
такого похвальнаго его намѣренія. Я предложу печальныя обстоя-
тельства сего приключенія, начиная опять исторію выше сего
времени.

Сервій имѣлъ у себя двухъ дочерей отъ Тарквиніи, дочери
Тарквинія древняго. И какъ онѣ достигли до такихъ лѣтъ, что
могли вступитъ въ бракъ, то онъ ихъ выдалъ замужъ за двухъ
внуковъ Тарквинія древняго, двоюродныхъ братьевъ своихъ доче-
рей, смаршую за смаршаго, а младшую за младшаго. Сии два зя-
тя его нашли въ своихъ супругахъ качества со всѣмъ прошивныя
своимъ качествамъ. Смаршій Принцъ, называемой Лудій, былъ
человѣкъ дерзновенной, жестокой и немилосердой; а жену себѣ
получилъ шихую, крошкую, разсудительную; наполненную по-
чтенія и любви къ своему родителю; а меньшей Принцъ Арунсъ
былъ напрошивъ того благосклоннѣе и человѣколюбивѣ смарша-
го своего брата, а нашелъ въ своей женѣ нравъ дерзновенной,
предпримчивой, и къ самымъ жесточайшимъ беззаконіямъ склонной.

Младшей Туллїи, по дерзновенному и жестокому нраву, какъ
мы уже о томъ объявили, несносно было то, что она въ своемъ
мужѣ не видѣла ни властолюбія, ни дерзновенія подобнаго сво-

му. Она починала крошкой его и шихой нравъ за слабость и безчувственность. Она обратила весь свойъ взоръ на другаго Тарквинія, безпрестанно его хвалила, безпрестанно ему удивлялась и возвышала его, какъ добраго человѣка, какъ Принца достойнаго своей природы. Она всегда говаривала съ презрѣніемъ о своей сестрѣ, которая худо помогала такому своему мужу. Сходство нравовъ и склонностей, въ скоромъ времени соединило старшаго Тарквинія съ младшею Туллиєю. Въ тайныхъ разговорахъ, которые она часто имѣла съ своимъ зятемъ, употребляла она самыя язвительныя и властолобивыя выраженія на приведеніе его къ презрѣнію ея мужа и сестры. Она говорила, что онибъ были благополучнѣе не вступая въ бракъ, нежели сочетавшись съ такими противными свойствами, и принуждены будучи, по слабости другаго, оставаясь въ поносномъ спокойствіи, что ежелибъ ей боги подали достойнаго мужа, тобъ она пошчасъ увидѣла въ своемъ домѣ скипешрѣ, которой находился въ рукахъ ея отца. Непрудно было ей вдохнуть свои мысли сему Принцу, и склонить его къ своимъ намѣреніямъ. И пакъ они согласились, одна погубить своего мужа, а другой свою жену, и по учиненіи сего сугубаго убивства, совокупили они въ одно мѣсто свои качества и свои бѣшенства, сочетаніемъ брачнымъ, которому Сервій не отважился противиться, хотя онъ и могъ опасаться отъ того печальныхъ слѣдствій.

Тогда ужъ они не видѣли никакова препятствія своему властолобію, кромѣ Сервіева живота, и сіе неистовое желаніе власпи довело ихъ пошчасъ отъ одного беззаконія къ другому еще ужаснѣйшему. Сія лютая Мегера, будучи всегда съ Тарквиніемъ, не давала ему покою, ни днемъ ни ночью, и понуждала его къ продолженію исканія плода отъ перваго убивства. Какихъ она рѣчей не говорила ему, что она нашла было человѣка, которой правда назывался ея мужемъ, но съ которымъ не должна была

препровождать поносную жизнь, а теперь сыскала она мужа Принца, кошорой почиаетъ себя досшойнымъ престола, кошорой по-
жвишь, что онъ внукъ Тарквинія древнаго, и кошорой желаетъ
лучше самъ собою взять скипетръ въ свои руки, нежели ожи-
дашь его отъ воли другаго.

Она побуждала его безпрестанно такими рѣчьми, и поощря-
ла сама себя къ беззаконію, чрезъ сравненіе съ Танаквилою, ко-
шорая будучи иностранною въ Римѣ могла два раза съ ряду
имѣшь въ своей силѣ скипетръ: и первой разъ она досшавила его
своему мужу, а въ другой разъ зяпю, а она, будучи Принцесса
отъ королевской крови, не могла имѣшь силы въ коронѣ.

Тарквиній, побуждаемый сею домашнею фурією, позабылъ всю
умѣренность, и устремился прямо къ беззаконію. Онъ спарался
склонить на свою сторону Сенаторовъ, а особливо новоучрежден-
ныхъ. Онъ имъ напоминалъ то, что дѣдъ его здѣлалъ для нихъ,
и пребовалъ отъ нихъ за то себѣ благодарности. Онъ склонялъ
къ себѣ молодыхъ людей подарками, и ежедневно увеличивалъ
свою партію благосклонными поступками, обѣщаніями, а особли-
во оглашеніемъ короля и негодными клеветами.

А какъ онъ разсудилъ, что ужъ время было открытъ ему
свое намѣреніе, то вдругъ вышелъ на всенародную площадь, окру-
женъ будучи драбантами. Весь народъ пришелъ въ страхъ, а онъ
пошелъ прямо въ Сенатъ, и сѣвши на престолѣ, приказалъ со-
звать Сенаторовъ именемъ Короля Тарквинія, кошорые тотчасъ
сошлись пуда, одни изъ нихъ, склонены будучи Тарквиніемъ
прежде, а другіе опасаясь, чтобъ не причтено было имъ въ вину,
что они не были при семъ случаѣ, а большая часть изъ нихъ
устрашившись отъ сего спранныго и нечаяннаго приключенія, и
душая, что Сервій уже нѣтъ въ живыхъ. Тогда Тарквиній началъ
говорить, что по несчастливой кончинѣ его дѣда, Сервій рожден-
ной отъ полоненной машери, и самъ будучи невольникъ, завла-

дѣлъ Королевскимъ чиномъ, безъ наблюденія обыкновеннаго междоцарствія, безъ созванія собранія; безъ испробованія голосовъ народныхъ, и безъ согласія Сенатскаго, а только по хитрымъ пронкамъ одной жены, что кромѣ низкости его природы, и неправильнаго возшествія на престоль, сей Король покровительствъ всѣхъ шѣхъ, которые какъ и онъ, родились изъ протонародной подлости, и ненавидитъ всѣхъ шѣхъ, которые производятъ отъ честной природы; что онъ отнялъ у знатнѣйшихъ дворянъ принадлежащія имъ земли, а раздѣлилъ ихъ людямъ самаго подлаго произхожденія; что всѣ налоги и подати государственныя, которыя прежде равно раздѣлены были на всѣхъ, положилъ онъ на однихъ только богатыхъ гражданъ; и наконецъ, что онъ учредилъ роспись имѣнїямъ въ помѣ намѣренїи, чтобъ подвергнуть богатыхъ ненависти чрезъ объявленїе ихъ имѣнїй, и чтобъ имѣнїе изъ чего оказывашъ свою щедрость всѣмъ низкимъ и подлымъ людямъ.

Сервій, услышавъ о помѣ, что происходило въ Сенатѣ, пришелъ туда въ самое то время, какъ Тарквинїй говорилъ къ Сенаторамъ свою рѣчь, и увидѣвъ его еще въ дали сидящаго на престолѣ, какъ Тарквинїй, сказалъ онъ ему, ты отважился при моей жизни созвать Сенатъ, и сѣсть на моемъ мѣстѣ? Тарквинїй отвѣчалъ дерзновеннымъ и суровымъ образомъ, что онъ занялъ мѣсто своего дѣда, къ которому внукъ имѣетъ больше права, нежели невольникъ; что Сервій довольно ругался своимъ господамъ, и пренебрегалъ ихъ шертвнїе. Партизаны ихъ съ той и другой стороны начали сильно шумѣть, множество народа сбѣжалось въ Сенатъ, и видно было, что сїя ссора ничемъ инымъ кончиться не могла, какъ только силою.

Тогда Тарквинїй видя, что дѣло доходило до крайности, какъ онъ былъ молодъ и силенъ, то подхвативъ сего старика, вынесъ изъ Сената, и бросилъ въ низъ по лѣсницѣ. Потомъ онъ

возвратился въ Сенатъ. Сервія разбила и полумертва понесла домой нѣкоторые изъ его Офицеровъ, коихъ спрхъ Тарквиніевъ не оплучилъ опъ его особы. И едва только донесли его до улицы, называемой тогда Кипрійскою, какъ посланные опъ Тарквиніа, достигши его убили. Многіе думали, и кажется это очень вѣроятно, что Тарквиній приказалъ убить его по совѣту Туллій. За подлинно извѣстно по, что она въ первомъ смятеніи прибѣжала въ Сенатъ, не смотря ни на благоприсойность своего пола, ни на состояніе нравовъ тогдашняго времени, и вызвавъ опшуда своего мужа, первая поздравила его Королемъ. Тарквиній приказалъ ей потчасъ ѣхать прочь и не казаться въ такомъ великомъ смятеніи. А какъ она поворошила домой, и пріѣхала на Кипрійскую улицу, по кучеръ поворошивши карешу направо къ Эквилинскому холму, остановился вдругъ съ крайнимъ ужасомъ, и указалъ ей мертвое шѣло ея опца все обогренное кровію. Она при семъ печальномъ и смертномъ позорищѣ не только не пришла въ сожалѣіе, но еще ужаснымъ образомъ разсвирѣпла, и приказала кучеру переѣхать карешою мертвое шѣло своего опца. Адскія фуріи, говоритъ Титъ Ливій, мщащія ей за смерть мужа и сепры, лишили ее при семъ случаѣ разума, такъ что она пошеряла чувства не только натуры, но и человѣчества. Для сихъ обшоятельствъ Кипрійская улица названа потомъ незаконною улицею. Она пріѣхала въ свой домъ, какъ въ щоржеспвѣ какомъ, съ полною надеждою государствования, и поздравляла сама себя съ благополучнымъ успѣхомъ своего беззаконія.

Сервій Туллій государствовалъ сорокъ четыре года; самой лучшей Государь на свѣтѣ. Въ наслѣдіи по немъ престола, самой лучшей Государь имѣлъ бы шрудность сравнать свою славу съ славою Сервіею; такъ его правленіе было крошка и умѣренно! Тарквиній произвелъ свое безчеловѣчіе такъ далеко, что и не дозволилъ Сервію обыкновеннаго Королевскаго погребенія, а овдовѣв-

шая жена его Тарквинія проводила его ночью, съ нѣкопорыми пріятелями до гроба; и какъ бы она прожила нѣсколько подолѣ своего мужа, ни для чего другаго, какъ шолько для ошданія ему послѣдняго долгу, а попомъ шопчасъ и сама скончалась.

И С Т О Р І Я

объ

АРИСТИДЪ И ѲЕМИСТОКЛЪ, ГЕНЕРАЛАХЪ АѢИНЕЙСКИХЪ.

Во время государствованія въ Персіи Дарія, сына Гиспасова, начали себя прославлять два знашныя АѢинейскіе гражданина, а именно Аристидъ и Ѳемисшокль. Плутархъ объявляетъ, что первой изъ нихъ воспитанъ былъ наподобіе Клиштена, кошорой былъ великой человекъ въ свое время, и ревностной зашщитникъ вольности. Онъ много спосѣшествовалъ къ ушверженію вольности въ АѢинахъ. выгнавъ изъ сего города Пизиспашовъ. Эшо былъ полезной обычай у древнихъ, кошорой желательнѣ имѣшь и намъ, что молодые люди, дослуживающіеся до чиновъ, опредѣляемы были къ шарымъ, кошорые прославили себя своими дѣлами, и учились у нихъ изъ обхожденія и примѣровъ, весшь себя хорошо, и управляшь разумно другими. Такимъ образомъ, говоритъ Плутархъ, Аристидъ учился у Клиштена, Цимонъ у Аристида, и многіе другіе.

Ѳемисшокль и Аристидъ были со всѣмъ противныхъ нравовъ, но оба онѣ показали республикѣ великія услуги. Ѳемисшокль; кошорой былъ склоненъ къ народному правленію, не пренебрегалъ ничего того, что могло его дѣлать любезнымъ народу. Онъ для снисканія себѣ пріятелей, оказывалъ себя пріятнымъ и благоклоннымъ ко всѣмъ, и всегда готовъ былъ дѣлать услуги своимъ согражданамъ, кошорыхъ онъ зналъ всѣхъ по имянно. Клеонъ, кошорой спустя потомъ нѣсколько времени, пришелъ АѢины, пошупилъ со всѣмъ противнымъ образомъ. Когда онъ вступилъ въ

правленіе народныхъ дѣлъ, по собравъ всѣхъ своихъ пріятелей, сказалъ имъ, что съ того времени отказывается онъ имъ въ дружбѣ; потому что она можетъ его привесть къ пренебреженію своей должности и справедливости. Сія его поступка противъ своихъ пріятелей была не учтива. Плутархъ говоритъ, что онъ долженъ былъ отказать въ дружбѣ своимъ спрашавшимъ, а не своимъ пріятелямъ.

Ариспидъ умѣлъ хранить посредство между сими двумя порочными излишествами. Онъ былъ склоненъ къ Аристокраціи по примѣру Ликурга, кошорому онъ удивлялся. Онъ жилъ самъ собою, и не искалъ поддабриваться своимъ пріятелямъ, съ ущербомъ справедливости; однако при томъ всегда онъ склоненъ былъ дѣлать услуги, когда онѣ сходны были съ правдою. Онъ въ пріобрѣтеніи чиновъ чрезвычайно убѣгалъ рекомендаціи своихъ пріятелей, опасаясь отъ того вреднаго для себя обязательства; а для нихъ надежной причины къ пребыванію отъ него взаимныхъ услугъ въ подобныхъ случаяхъ. Онъ обыкновенно говаривалъ, что истинной гражданинъ, и доброй человекъ, не долженъ полагать своея надежды ни на что, кромѣ того, чтобы онъ самъ собою во всѣхъ случаяхъ поступалъ честно и праведно, и другимъ совѣщивалъ бы то же.

При такомъ несходствѣ нравовъ и склонностей Ариспида и Фемистокла, не чудно что во все время ихъ правленія надъ республикою не было у нихъ согласія. Фемистоклъ, будучи смѣлъ и предприимчивъ, всегда имѣлъ себѣ противникомъ Ариспида, кошорой почиталъ себѣ за должность противиться его намѣреніямъ, хощя онѣ были иногда праведны и полезны, чтобы воспрепятствовать ему чрезъ то, достигъ до преимущества и уваженія въ народѣ, которое бы могло здѣлаться вреднымъ республикѣ. Въ одно время, какъ онъ переспорилъ Фемистокла, кошорой предлагалъ народу нѣкоторое весьма полезное дѣло, не могъ онъ

удержаться отъ того, чтобы выходя изъ собранія не сказать громкимъ голосомъ, что нѣтъ пользы для Афинцевъ, какъ бросить ихъ обоихъ въ Барашръ. Это было мѣсто, куда бросали преступниковъ осужденныхъ на смерть. Но общая республиканская польза опять ихъ соединяла, и когда имъ надобно было ѣхать въ походъ, или на другую какую должность, то они соглашались, при выѣздѣ изъ города, оставяшь свою ссору, съ тѣмъ договоромъ, чтобы можно было имъ опять начать ее, ежели они разсудятъ заблаго.

Главная сраша была въThemistocle, сраша властолюбія и славолюбія, кошую можно было видѣшь въ немъ еще изъ самыхъ молодыхъ его лѣтъ. Какъ послѣ Маратонской баталиі прославляемы были вездѣ храбрыя поступки Милшадовы, то примѣчено было, что Themistocle съ того времени всегда былъ въ задумчивости. Онъ препровождалъ цѣлыя ночи безъ сна, и не ходилъ, прошивъ своего обыкновенія, въ публичныя пиры; и какъ пріятели у него спросили о сей переменѣ, то онъ имъ сказалъ, что Милшадова слава не даетъ ему покою. Она была для него побужденіемъ и подспрѣканіемъ непреспаннымъ. И съ того времени сраша къ войнѣ усилилась въ Themistocle, и со всѣмъ завладѣла имъ.

А что касается до Аристиды, то любовь его къ общей пользѣ была основаніемъ всѣхъ его дѣлъ. Всѣ удивлялись въ немъ великому поспоянству и швердости духа, въ нечаянныхъ переменѣхъ, копорымъ подвержены бываюшь правящіе государшвенными дѣлами. Онъ никогда не возносился отъ чести, ни ослабѣвалъ отъ презрѣнія. Онъ былъ всегда спокоенъ духомъ, вѣдая то, что должно себя отдавать на жершву своему опечесшву, и служить ему съ совершеннымъ безкорыствованиемъ, не сполько въ пріобрѣшеніи ему богатства, какъ славы. Всенродное почтеніе къ его праводушію, къ его вѣрной ревности къ общей пользѣ и

къ безпорочной его добродѣтели, видимо было въ одно время какъ чиналъ свое сочиненіе Эсхиль, въ которомъ онъ сказывалъ похвалу Ампліараю, что онъ не хочеть казаться добрымъ и справедливымъ человекомъ, а бытъ такимъ дѣйствительно. При сей рѣчи весь народъ обратилъ свой взоръ на Ариспида, почитая его за такого человека.

Еще объявляютъ объ немъ нѣкоторое весьма достопамятное дѣло. Какъ только онъ избранъ былъ общимъ казначеемъ всей республики, то и показалъ народу, что его предшественники въ томъ чинѣ разокрали великія суммы денегъ, а особливо Фемиспоклъ, которой со всѣмъ своимъ достоинствомъ не безъ порока былъ въ семь званіи; и для того какъ Ариспидъ хотѣлъ подать щеть о народныхъ деньгахъ, то Фемиспоклъ весьма усиливался противъ него, и говорилъ, будто бы Ариспидъ самъ покралъ казенныя деньги, и наконецъ довелъ дѣло до того, что Ариспида осудили виноватымъ; но которые были главнѣе и добродѣтельнѣе изъ гражданъ, воспротивились такому несправедному суду, и не только простили ему денежное наказаніе, но еще здѣлали его и на другой годъ казначеемъ. Тогда онъ притворился, будто сожалѣлъ о первой своей поступкѣ, и началъ себя оказывать склоннѣе прежняго, и притомъ сыскалъ средство угодинъ всѣмъ тѣмъ, которые обкрадывали республику. Онъ не удерживалъ ихъ отъ воровства, и не требовалъ у нихъ спротивныхъ отчешовъ, такъ что сии воры, разжирѣвши отъ хищенія и грабительства казенныхъ денегъ, разхвалили Ариспида. Не трудно было по видимому набогатиться Ариспиду въ семь мѣсѣвъ, а особливо съ такими начальниками, которые съ своей стороны ни о чемъ больше не думали, какъ только о воровствѣ, и старались со всей силы укрывать хищеніе главнаго казначея подъ видомъ ошдачи.

Они поспарались сами собою въ народѣ, чѣмъ его оставить въ казначейскомъ чинѣ и на прѣшей годѣ. Но какъ день выбору пришелъ, и всѣхъ голоса пали на Ариспида, чѣмъ продолжашъ ему еще казначейство, то онъ вставши, здѣлалъ Аѳинейцамъ великой выговоръ. Какъ, сказавъ онъ имъ, когда я содержалъ государственные доходы со всевозможною вѣрностію и неусыпнымъ стараніемъ, какъ честной человекъ, то вы мнѣ опплатили за то сурово и подло, а теперь какъ я оставилъ казну на похищеніе государственнымъ ворами, то я спалъ удивительной чести, и самой лучшей гражданинъ. Я вамъ объявляю, что оппшой чести, которую вы мнѣ теперь дѣлаете, больше мнѣ стыда, нежели оппш осужденія, которое вы надо мною прошедшаго году дѣлали. Я съ сожалѣніемъ вижу, что здѣсь за славнѣе почитается то, чѣмъ ласкашельствовашъ негоднымъ людямъ, нежели зберегашъ и соблюдать пользу республики. Сею рѣчью заградилъ онъ уста всѣмъ государственнымъ ворами, и получилъ себѣ почтеніе оппш всѣхъ честныхъ людей,

Такія были сихъ двухъ знашныхъ Аѳинейцовъ свойства, которыя начали оказывать всю обширность своего достоинства, въ такое время, какъ Дарій напалъ на Грецію. Они доказали храбрость свою и остроуміе на Маратонской баталіи противъ Даріевой армии, гдѣ былъ главнокомандующимъ Милтіадъ надъ арміею изъ десяти тысячъ состоящею, и имѣлъ подъ своимъ повелѣніемъ Ариспида и Фемистокла. Сія десять тысячъ человекъ обратили въ бѣгство всю Персидскую армию, состоявшую изъ ста тысячъ пѣхоты и десяти тысячъ конницы.

Ариспидъ, не смотря на его правосудіе и добронравіе, не могъ убѣжашъ оппш ненависти и злобы своихъ непріятелей. Вѣрная и невредимая его любовь къ справедливости, заставляла его во многихъ случаяхъ противиться Фемистоклу, которой не такъ крѣпко наблюдалъ справедливостъ, и для того употребилъ

Н

исканія погибели сшаратъ своего соперника, ревностно споспѣшествовалъ предпріятіямъ его и славъ.

Тревога въ Греціи тѣмъ больше умножалась, чѣмъ ближе ослѣпляли они подходящихъ къ себѣ непріятелей. Еслибъ Аѳинейцы и Лакедемонцы не имѣли у себя больше, какъ одно сухопутное войско, то бы Греція погибла въ семь случаевъ. Здѣсь видимо было все мудрое провидѣніеThemistocle, которой, для другой надобности, приказалъ соорудить сто галеръ. Themistocle, вмѣсто того, что другіе Аѳинейцы полагали Маратонскую битву за конецъ войны, почиталъ ее за начало и знакъ къ великой войнѣ, къ которой долженъ онъ былъ приготавливать свой народъ, и въ сикъ мысляхъ будучи, заблаго разсудилъ употребить всѣ Аѳинейскія силы на морѣ, вѣдая что какъ они ни слабы были на сухомъ пуши, однако на морѣ могли бытъ полезными своимъ союзникамъ, и страшными непріятелямъ. Совѣтъ его принявъ былъ, не смотря на усиліе Милтиадово, которой безъ сомнѣнія не думалъ, чтобъ Греческой народъ, какъ непрѣобыкшій къ морскимъ сраженіямъ, и немогущій вооружать, кромѣ малыхъ кораблей, въ состояніи былъ противиться такой ужасной силѣ Персовъ, копорые кромѣ флота состоявшаго болѣе нежели изъ тысячи кораблей, имѣли еще и сухопутную армию многочисленную. И такъ передъ прибытіемъ Ксерксовымъ въ Грецію удвоено было число сша галеръ, и сей флотъ спасъ Грецію отъ гибели.

А какъ надобно было выбрать Генералиссимуса для командованія флотомъ, то Аѳинейцы, копорые одни поставили его двѣ прѣши, старались, чтобъ команда поручена была имъ, какъ что и самая справедливость того прѣбовала; однако голоса всѣхъ союзниковъ пали на Лакедемонца Эврибѣада. Themistocle хотя и весьма былъ жаденъ къ славі; однако въ семь случаевъ заблаго разсудилъ позабытъ собственную свою пользу, для предпочте-

них пользы своего опечетства, и далъ знать Аэинейцамъ, что какъ они поступашь будущь на войнѣ храбро, то всѣ Греки пошчась сами собою прещоручашь имъ команду. Чего ради совѣщавалъ имъ уступить въ шомъ Лакедемонцамъ. Можно сказать, что сія разумная Темистоклова поступка спасла Грецію; потому что союзники угрожали опшсашь опъ нихъ, ежелибъ они въ шомъ имъ попросивились, а шакой случай могъ бы до конца погубить Грецію.

Какъ Греки услышали, что происходило при Фермопилахъ, то ужъ болѣе они не разсуждали о шомъ, что имъ дѣлать. Они опшравились въ Артемизию, и подавшись внутрь Греціи, остановились при Саламинѣ, небольшомъ островѣ, лежащемъ прямо противъ Ашшики. При семъ опшступленіи Темистокль, проходя чрезъ шѣ мѣша, гдѣ необходимо надобно было приставать къ берегу непріятелямъ, чтобы запасшись съвспными припасами и водою, приказалъ вырѣзать на камняхъ къ Іонійцамъ слѣдующія слова: „Іонійской народъ! пристаните вы къ намъ, и будыте съ опшороны вашихъ опцовъ, которые предавали живопъ свой въ опшасность, для збереженія вольности; а ежели вамъ шого не можно здѣлать, то покрайней мѣрѣ дѣлайте Персамъ во время баталіи всевозможной вредъ, и причиняйте безпорядокъ въ ихъ арміи,“. Чрезъ шо надѣялся опъ Іонійцовъ, которые совокупились съ Персами, или сложили на свою сторону, либо здѣлать подозрительными Персамъ. Изъ сего видѣть можно, что Темистокль неуспинно старался о всемъ шомъ, что могло подашь успѣхъ его предпріятіямъ.

Аэинейцы раздражены были опшпаденіемъ нѣкоторыхъ своихъ союзниковъ, и видѣли себя недалеко опъ шого, чтобы попасны въ руки Персамъ, и сносили всю шягоспъ ихъ гибва и шденія. Они спрашивались за нѣсколько времени предъ шѣмъ у Дельфійскаго Бога, которой скавалъ имъ въ опшвѣщъ, что городъ

ихъ не можеть имѣть иного спасенія, какъ только въ деревянныхъ стѣнахъ. Сіе сомнительное выраженіе раздѣляло ихъ мнѣнія. Нѣкоторые изъ нихъ разумѣли подъ деревянными стѣнами замокъ, копорой окруженъ былъ полисадомъ.Themistoclesъ здѣлалъ нѣмъ словамъ лучшее толкованіе, разумѣя подъ деревянными стѣнами корабли, и сказалъ, что одно только имъ остается средство къ спасенію, чѣмъ оставишь городъ и сѣешь на суда. Но народъ не хотѣлъ сего здѣлать никомъ образомъ, не надѣясь побѣдить такимъ способомъ непріателя, и не видя никакова средства къ своему спасенію въ такомъ случаѣ, ежели оставишь храмы своихъ Боговъ и гробы своихъ предковъ. Themistoclesъ при семъ случаѣ имѣлъ крайнюю нужду во всемъ своемъ проворствѣ и краснорѣчїи, чѣмъ подвинушь народъ къ своему мнѣнію. Онъ имъ предсказалъ живымъ образомъ, что Аѣины не состояли ни въ стѣнѣ ни въ домахъ, а въ людяхъ. И такъ опредѣлено было для облегченія народнаго въ томъ, что онъ долженъ былъ оставишь городъ, чѣмъ препоручишь Аѣины въ залогъ и соблюденіе Минервѣ хранительницѣ Аѣинейской; чѣмъ всѣ имѣ, которые могли владѣть оружіемъ, сѣли на корабли, и чѣмъ всякъ, какъ онъ могъ, промышлялъ спасеніе и безопасность своей женѣ, дѣтямъ и рабамъ.

Послупка, которую употребилъ Themistoclesъ прошиву Лакедемонскаго Генерала Эврибіада, дѣлалась много чести его умѣренности, и доказывалась его великодушїе. Въ разсужденїи мѣста, гдѣ должно было дать башалю Персамъ, здѣлалось несогласїе между Греками. Одни изъ нихъ съ Эврибіадомъ хотѣли приближиться къ Коринтскому перешейку, а другїе съ Themistoclesомъ утверждали, что это бы было предать свое отечество непріателю въ руки, ежели бы оставишь такое полезное мѣсто, какъ островъ Саламинъ. И какъ Themistoclesъ утверждалъ свое мнѣніе съ великою горячестїю, то Эврибіадъ поднялъ на него свою

проситъ. Семиспоклъ нисало не поколебавшись отъ того, продолжалъ ему свою рѣчь жарко: ударь, ударь меня, говорилъ онъ, только выслушай, сколь нужно для Греческаго флота, которой состоить изъ легкихъ судовъ, и несравненно меньше Персидскаго, чтобъ дать баталію непріятелю въ такомъ ускомъ мѣстѣ, каково при Саламинѣ; и чрезъ то привестъ непріятеля въ несостояніе употребить на баталіи великую часть своихъ силъ. Эврибидъ чрезвычайно удивившись такой Семиспокловою умѣренности; принялъ его мнѣніе. Между тѣмъ Семиспоклъ, услышавъ, что во флотѣ Греческомъ еще думали итти къ Коринѣскому перешейку, увѣдомилъ тайно Ксеркса, что ему легче побѣдитъ однажды Грековъ, соединенныхъ вмѣстѣ при Саламинѣ, нежели допустить ихъ разошшихъ по разнымъ мѣстамъ, какъ то они намѣрены были, и въ то время никогда ужъ не будешь имѣть онъ, такого способнаго случая. Ксерксъ тому повѣрилъ, и приказалъ окружить ночью Саламинъ великимъ числомъ кораблей, чтобъ опьянѣвъ чрезъ то у Грековъ средство выйти изъ того мѣста.

Никто не могъ примѣнить, что армія Греческая окружена была такимъ образомъ. Аристидъ въ ту же ночь прибылъ изъ Атины, гдѣ онъ командовалъ нѣкоторыми полками, и пробрался съ великою опасностію сквозь весь непріятельской флотъ. Онъ пришелъ къ Семиспоклу въ его палатку, и опоздавъ его въ спорону, началъ говорить такимъ образомъ, Семиспоклъ! ежели ты люди умные, то должны мы оставить всѣ нѣ дѣшскія соорженія, которыя насъ раздѣляли по нынѣшнее время, и постараемся съ благородною и полевною ревностію, кому изъ насъ удастся лучше поразить непріятеля, ты будучи командиромъ и опправляя должность добраго и разумнаго Генерала, а я будучи подкоманднымъ, опарашься буду помогать тебѣ моими совѣтами. Пошомъ онъ сказалъ, что армія ихъ окружена была Персидскими

корабляни, и очень совѣщавалъ ему, чѣмъ не потеря времени дать баталию. Фемистоклъ чрезвычайно удивился такому рѣдкому великодушію, и такому благородному чистосердечію, и послѣдствіемъ нѣсколько, видя себя побѣжденнымъ отъ своего соперника. Онъ не преминулъ признать сей справедливости, и обидѣлся раздражать благородству его духа, и ежели можно, имъ и превзойти его своими поступками. Потомъ Фемистоклъ открылъ Ариствиду свою хитрость, кою обмануль онъ Ксеркса. Онъ его просилъ, чѣмъ онъ пошелъ къ Эврибиаду, и представилъ бы ему, чѣмъ нѣтъ другаго для нихъ спасенія, какъ только дать баталию при Саламинѣ; что онъ здѣлалъ съ радостію и успѣхомъ, потому что сей Генералъ много почиталъ Аристиду.

И такъ съ обѣихъ сторонъ приготовлено къ сраженію. Греческой флотъ состоялъ изъ трехъ сотъ восьмидесяти судовъ. Сей флотъ слѣдовалъ Фемистокловой волѣ, онъ кою пророчествомъ ничто не уходило, и онъ какъ искусной Генералъ, употреблялъ все въ свою пользу. Онъ ожидалъ, чѣмъ тогда вспушилъ въ баталию, какъ подуешь вѣтръ, кою каждой день начиналъ вѣять въ извѣстномъ часу, и со всѣмъ былъ противенъ непріятелямъ. Тогда данъ былъ знакъ къ бою. Персы вѣдая, что Государь ихъ прилѣжно смотрѣлъ на нихъ, усупремилась на Грековъ сильно и съ такою храбростію, кою могла распространить страхъ во все ихъ войскѣ; но сей ихъ первой жаръ потушенъ былъ тотчасъ, какъ только сразились арміи. Все имъ было не способно; вѣтръ, кою дулъ имъ прямо въ лицо, вышина и пятость ихъ кораблей, которые вѣрочались съ трудностію, великое число сихъ кораблей, которые вѣсто пользы, причиняли имъ въ такомъ шѣсномъ и узкомъ мѣстѣ замѣшательство. Напротивъ того въ Греческомъ флотѣ все происходило осторожно и порядочно, безъ смятенія и замѣшательства, и все дѣлалось по одному повелѣнію. Іонійцы, кою напоминалъ Фемистоклъ

вырѣзанными на камняхъ словами, чѣтобъ они не забыли своего происхожденія, были первые, копорые обратились въ бѣгство, а за ними поворошилъ и весь оставшій флотъ непріятельской.

Θемиспокль, въ тайномъ разговорѣ съ Аристидомъ, представилъ ему на разсужденіе, чѣтобъ испытать почныя его мысли. Не хорошо ли будетъ послать корабли, для разломанія Ксеркова мосту, чѣтобъ, говорилъ онъ, взять Азію въ Эврупу; впрочемъ думалъ онъ со всѣмъ прошивное. Аристидъ представилъ ему живымъ образомъ, сколь опасно было привесить въ ошчаяніе шакого сильнаго непріятеля, отъ котораго трудно будетъ избавишься. Θемиспокль пришворился, что онъ уступилъ его разсужденію, а чѣтобъ ему принудить Ксеркса къ скорѣйшему выѣзду изъ Греціи, то онъ его увѣдомилъ тайнымъ образомъ, что Греки думаютъ разломать мостъ. Кажется, что Θемиспокль имѣлъ намѣреніе, въ сей ложной довѣренности, утвердить себя въ томъ мнѣніемъ Аристидовымъ, копорой былъ въ великомъ уваженіи въ разсужденіи другихъ Генераловъ, ежелибъ они вздумали ишши мостъ разламывать.

Ксерксъ устращася шакого извѣстія, не пошерялъ времени, и отправился потчасъ ночью, оставивъ Мардонія съ армією состоявшею изъ прехъ сошъ тысячъ человекъ, и приказавъ ему стараться, ежели можно будетъ, покорить Грецію. Греки ожидали было, что Ксерксъ на другой день дастъ новую баталію, но увѣдомившись, что онъ ушелъ, гнались за нимъ напрасно. Они разбили двѣспи непріятельскихъ кораблей, нещитая шѣхъ, копорые взяли въ полонъ, а остальной флотъ Персидской, по прешерпѣнни въ пущи отъ вѣтровъ великой нужды, прибился къ берегамъ Азіатскимъ, не осмѣливаясь впредь приходить въ Грецію.

Θемиспокль почти одинъ имѣлъ всю честь отъ сей побѣды, копорая была славнѣе всѣхъ прочихъ Греческихъ побѣдъ надъ Персами. Лакедемонцы взяли его въ Спаршу, для показанія ему

должной чести, и определяли своему генералу Эврибиаду честь в храбрости, а Фемиспоклу честь в остроумии, которая состояла в масличных венцах; при этом подарили Фемиспоклу самую лучшую карету из всего города, и при отъезде его приказали проводить его шлем спамь самых благороднейших молодцов из того города до самых границ. Такой чести по то время ни кому они не дѣлали.

Онъ получилъ еще большую честь отъ всенародныхъ восклицаній на Олимпійскихъ играхъ, гдѣ вся Греція собралась для празднованія ихъ, вь первой разъ по одержаніи Саламинской побѣды. Какъ онъ только шуда прибылъ, то весь народъ вспалъ, для почтенія его. Никто не смотрѣлъ ни на игры, ни на борбу, а одинъ Фемиспоклъ составлялъ ихъ позорище. Всѣ обращали свой взоръ на него, и всякой старался указать его рукою другимъ, которые его не знали. Онъ признавался потомъ своимъ пріятелямъ, что почилалъ шомъ день за самой лучшей изъ всей своей жизни, что онъ не имѣлъ никогда большей себѣ радости, и что сіе награжденіе, какъ праведной плодъ его трудовъ, превосходило всѣ его желанія.

Безъ сомнѣнія примѣчено было вь Фемиспоклѣ два или три главныя качества, за которые должно его полагать вь числѣ самыхъ великихъ мужей. Намѣреніе, которое предпріялъ и исполнилъ онъ, чтобы употребить всѣ Аѳинскія силы на морѣ, показывалъ вь немъ великой духъ, способной къ великимъ предпріятіямъ, проникающей вь предбудущее время, и имѣющей во всѣхъ дѣлахъ опредѣлительное мнѣніе. Онъ зналъ, что Аѳины вь бесплодной своей и малой землѣ, не имѣли другаго, кромѣ се-го средства къ пріобрѣтенію себѣ богатства и великости. И можно почестъ сей прожектъ за источникъ и причину всѣхъ шѣхъ великихъ случаевъ, которые вь послѣдованіи времени Аѳинскую республику привели вь шакое цвѣтущее состояніе.

Но несравненно выше ошъ всего прежде объявленнаго починашъ должно рѣдкую Фемиспоклову умѣренность, кошорую оказалъ онъ въ двухъ случаяхъ, гдѣ доходило до гибели всей Греціи, ежели бы онъ вздумалъ слѣдовать безразумному властолюбію, и пронулся бы ложною честію, какъ шо обыкновенно дѣлается съ другими людьми его искусства и лѣтъ. Первая его умѣренность была въ томъ, что онъ, не смотря на вопіющую несправедливость, кошорая здѣлана была Аѳинейской республикѣ и собственной его особѣ, въ выборѣ Генералиссимусомъ надъ Греческимъ флотомъ Лакедемонца, склонилъ Аѳинейцовъ къ тому, что они отстали ошъ своего требованія, каково оно праведно ни было, чтошбъ отшратить чрезъ шо погубельныя слѣдствія, кошорыя необходимо могли бы произойти ошъ раздѣленія союзниковъ. Вторая его умѣренность, или лучше сказать, удивленія достойное присутствіе духа; какъ Эврибиадъ восшалъ на него съ язвительными и грозными словами и поднялъ прость, а надобно знашь, что Фемиспоклъ въ шо время не былъ еще очень старъ, что онъ наполненъ былъ горячестію къ славѣ, что онъ командовалъ многочисленнымъ флотомъ, и что онъ говорилъ пришомъ справедливыя причины, что бы здѣлали наши Генералы въ подобномъ случаѣ. Онъ снесъ сію досаду, и Саламинская побѣда была плодомъ его терпѣнія.

А что касается до Ариспида, шо онъ, какъ прямо сказать, былъ человекъ самой республиканской. Ему не было нужды въ томъ, кто бы ни служилъ республикѣ, шолькобъ приносилъ ей пользу. Достоинство другихъ вмѣсто оскорбленія было ему такъ пріятно, какъ собственное его, какъ шо можно видѣшь изъ признанія его и похвалъ такимъ людямъ. Мы видѣли, какъ онъ пробрался сквозь непріятельской флотъ, не безъ крайней опасности своей жизни, для того шолько, чтошбъ подать полезной совѣшь Фемиспоклу. Плутархъ говоритъ, что во все время

командованія Семиспоклова, Ариспидъ помогаль ему во всѣхъ случаяхъ своими совѣтами, хошя онъ могъ ночипашъ его за своего соперника и непріятеля. Какъ счислишь сіе благородство и великодушіе съ подлостію и малодушіемъ тѣхъ людей, которые шакъ нѣжны и зависливы въ томъ, что принадлежитъ до команды, и не могутъ шерпѣшь сверстниковъ, а единственнo того смопряшъ, чшобъ славу всѣхъ дѣлъ себѣ присвоитъ, и всегда готовы посвящашъ общую пользу на жертву собственной своей, и допускающъ своихъ соперниковъ до погрѣшностей, чшобъ получишь себѣ ошъ того пользу.

Семиспокль предпріялъ самъ себѣ на мысли понизитъ Лакедемонцовъ, а на мѣсто ихъ здѣлашъ Аѳинейцовъ главными надъ всею Грецією; и какъ онъ мало дѣлалъ разбору въ средствахъ къ исполненію своихъ намѣреній, шо въ нѣкоторой день объявилъ въ полномъ собраніи, что онъ предпріялъ нѣкоторое важное намѣреніе, но не можешъ его сообщить народу, пошому, что для полученія въ немъ успѣху, надобно содержашъ его въ глубокомъ молчаніи. И шакъ онъ пошребоваль ошъ народа, чшобъ данъ былъ ему одинъ человекъ, кошоромубъ онъ сообщитъ могъ шу тайну. Весь народъ общимъ согласіемъ опредѣлилъ ему на шо Ариспида, и общался слѣдовашъ въ томъ его мнѣнію. Такъ много надѣялись на его правосудіе и благоразуміе! Семиспокль ошведъ его особо, сказалъ ему, что онъ думаетъ сжечь флотъ Греческой, кошорой находился въ блискомъ портѣ, и что чрезъ шо Аѳинейцы безъ сомнѣнія завладѣющъ всею Грецією. Ариспидъ возвратился въ собраніе; и сказалъ, что нѣшъ полезнѣе но припомъ и нѣшъ неправеднѣе, какъ намѣреніе Семиспоклова. Весь народъ общимъ голосомъ запрешилъ Семиспоклу поступишь по своему намѣренію. Изъ сего видѣшь можно, что шо здѣлано не безъ основанія, что Ариспиду еще при жизни его дано наименование Справедливаго, кошорое, какъ и Плущархъ гово-

ришь, несравненно превосходитъ отъ всѣхъ шѣхъ, которыя съ такою горячестію спараются себѣ пріобрѣсть побѣдители, и которое челоуѣка уподобляетъ нѣкоторымъ образомъ божеству.

Не смотря на всеThemistocloво достоинство, сильная его страсть къ славѣ соединенная съ великимъ желаніемъ самовластія, дѣлала его весьма ненавистнымъ своимъ гражданамъ. Онъ при обвиненіи Лакедемонскаго Генерала Павзанія, которой хотѣлъ предать Спарту и всю Грецію подъ владѣніе Персидскому Государю, найденъ сообщникомъ его; что принудило Аѣнейцовъ сослать Themistocla въ ссылку въ Аргосъ, а какъ Павзаній былъ казненъ, то найдены были между его бумагами нѣкоторыя письма, кои много подавали подозрѣнія на Themistocla въ изиѣнѣ. Лакедемонцы послали депушатовъ въ Аѣины, съ представленіемъ на него и пребываніемъ осужденія на смерть, причемъ и непріятели бывшіе между согражданами его соединились на обвиненіе его съ сими донощиками. Ариспидъ имѣлъ тогда хорошей случай къ опмщенію сему своему сопернику за причиненныя себѣ отъ него озлобленія, ежели бы онъ склоненъ былъ къ такому суровому удовольствію. Но онъ посшояннымъ образомъ отказался вступитъ въ такой злобной союзъ, и сколькожъ не вѣселлся на сердцѣ своемъ о нещасіи своего непріятеля, сколько прежде не тужилъ о его благополучіи. Themistocla отвѣпшествовалъ письменно на всѣ учиненныя противъ его оклеветанія, и припомъ представлялъ Аѣнейцамъ, что изъ того, что онъ искалъ власти и не желалъ бытъ подъ повелѣніемъ другихъ, не было еще никакова подозрѣнія, чтооь онъ хотѣлъ предать самъ себя и всю Грецію въ рабство непріятелямъ и варварамъ.

Между тѣмъ народъ, по увѣренію донощиковъ, послалъ взять Themistocla подъ карауль, и отдать его на судъ всей Греціи. Themistocla заблаговременно будучи о томъ увѣдомленъ, ушелъ въ островъ Корциру, которому онъ въ прежнее время дѣ-

лалъ нѣкоторыя услуги, но разсуждая, что шамъ онъ былъ не въ совершенной безопасности, уѣхалъ въ Эпиръ, а видя, что и шамъ Аѳинейцы и Лакедемонцы дѣлали надъ нимъ поискъ, съ опчаянїя принялъ весьма дерзновенное намѣренїе, и ушелъ къ Молосскому Королю Адмешу. Сей Государь просилъ въ нѣкоторое время помочи у Аѳинейцовъ, но Фемиспокль, имѣвъ тогда главную власть въ республикѣ, отправилъ его со стыдомъ. Король клялся опмспить ему за то, ежели полько сыщешъ способной случай, и тогда имѣлъ еще въ свѣжей памяти ту досаду. Но Фемиспокль, разсуждая по тогдашнему своему состоянїю, что новая ненависть его согражданъ была ему страшнѣе, нежели старая злоба сего Короля, опсважился на сїю опасность. Какъ онъ прибылъ къ его двору, то увѣдомился, что его не было дома, и такъ онъ бросился къ Королевѣ, которая приняла его милоспиво, и научила какимъ образомъ просить Короля. При возвращенїи Адметовомъ въ домъ, Фемиспокль взялъ на руки Королевскаго сына, и сѣвъ въ его домѣ предъ лицомъ домашнихъ его боговъ объявилъ, кто онъ такой, и для чего онъ убѣжалъ къ нему. Онъ началъ просить у него милости, признавалъ, что живопъ его и смерть зависѣли опъ его воли, умолялъ его, чтоопъ онъ позабылъ прошедшее, представляя, что нѣтъ пристойнѣе для великаго Государя, какъ бытъ милоспивымъ. Адметъ пронупъ былъ великимъ удивленїемъ и жалостїю, видя въ такомъ смиренномъ положенїи, къ ногамъ своимъ припадающаго самаго великаго челоуѣка изъ всей Греціи, поднялъ его потчасъ, и обѣщаль ему все свое покровительство. И подлинно, когда Аѳинейцы и Лакедемонцы начали шребовать у Адмета выдачи Фемиспокла, то онъ имъ въ помъ опказаль вося, объявляя, что онъ не выдаспъ своего гостя, кошорой пришелъ у него просить покровительспва, въ надеждѣ сыскапъ себѣ свяшое и ненарушное убѣжище.

Теперь я возвращаюсь къ Ариспиду, въ которомъ ны увидимъ еще многіе знаки справедливости его и безкорыстствованія. Какъ Афинейцы оказали себя славно на Саламинской башаліи, но претребовали, чшобъ правленіе надъ Греціею имъ поручено было, и Лакедемонцы въ помъ имъ уступили. До того времени Греческіе города ховя и давали нѣкоторыя суммы денегъ для издвненія на войну противъ варваровъ; но сей плашежь происходилъ не равно, и для того при новомъ семъ правленіи заблаго разсуждено положить на оспровѣ Делосѣ публичное и общее всей Греціи сокровище, и учредить новой порядокъ въ сихъ сборахъ, чшобъ всякой городъ и народъ платилъ въ казну по пропорціи своихъ доходовъ, и попомубъ никто не имѣлъ правильной причины къ жалобѣ. Надобно было сыскашь къ такой соблазнительной, опасной и трудной должности, каково естъ содержаніе всенародной казны, достойнаго чловѣка, кошорой бы могъ нести сей чинъ исправно и безпорочно. При семъ случаѣ всѣ союзныя Греки обрашили свой взоръ на Ариспида, положились совершенно на его благоразуміе и справедливосшь, и поручили ему въ полную власть сїи денежныя зборы.

Они не имѣли причины къ раскаянію о семъ выборѣ. Ариспидъ отправлялъ сїю казначейскую должность съ вѣрносшію и безкорыстствованіемъ такоаго чловѣка, кошорой почитаетъ за смертное преступленіе прикасашься къ чужому имѣнію, съ прилѣжаніемъ, и бережливосшію ошца фамиліи, кошорой смотритъ за собственными своими доходами; и наконецъ, что весьма трудно и рѣдко бываетъ, онъ при отправленіи сей должности здѣлалъ себя любимымъ; гдѣ довольно и того, чшобъ убѣжать только ненависти. Такія разумныя и добродѣтельныя поступки доставили ему славное наименованіе справедливаго.

Однако Плутархъ объявляетъ объ Ариспидѣ нѣкоторое обстоятельство, кошорое показываетъ, что Греки равно какъ и

Римляне имѣли о справедливости понятіе весьма слабое и несовершенное; а особливо когда дѣло доходило до ихъ опечесства или республики. Они почитали ее за Бога и приносили ей все въ жертву, что ясно видѣшь можно изъ нижеслѣдующаго.

Въ одно время по предложенію Саміанцовъ разсуждаемо было въ совѣтѣ о томъ, чѣмъ прошиву тракшапа отвезть все общее всей Греціи сокровище, которое находилось въ Делосѣ, въ Аѳины. А какъ спросили о томъ у Ариспида, то онъ сказалъ въ отвѣтъ, что то было полезно, только не праведно. И такимъ образомъ сей человекъ, который во всемъ томъ, что до него, и что до общества согражданъ его касалось, наблюдалъ щочную и строгую справедливость, производилъ въ правленіи республики многія дѣла, смотря по обстоятельству случаевъ, которая для своей безопасности имѣешь нужду употреблять иногда и несправедливость.

Безкорыстствованіе Ариспидово причиною было, что онъ всегда былъ убогъ, и казалось, что онъ любилъ убожество по вкусу и склонности къ нему, и вмѣсто чѣмъ спыдидься ему отъ убожества, пріобрѣталъ онъ отъ него не меньше славы, какъ и отъ всѣхъ своихъ побѣдъ. Онъ говаривалъ, что изъ убогихъ людей, развѣ тѣ спыдидься должны, которые убоги отъ своей лѣности, воздержанія, мощовства и распушной жизни.

Плушархъ свидѣтельствуешь великое почтеніе Ариспидовой добродѣтели, за которую предпочитаетъ онъ его всѣмъ великимъ людямъ его времени. Онъ говоритъ, что Темистокль, Цимонъ и Перикль наполнили свой городъ пышными строеніями, галереями, статуями, богатствомъ, украшеніемъ и другими подобными щещными излишествами, а Ариспидъ старался наполнить его добродѣтелью; по сему для снисканія своему городу истиннаго благополучія, надобно стараться здѣлать его добродѣтельнымъ, а не богатымъ. Ариспидъ, продолжаетъ Плужархъ,

никогда не былъ опятошпелень, а всегда полезень своему опечесшву. Домъ его былъ публичнымъ училищемъ добродѣтели, премудрости и полишки. Онъ открытъ былъ всѣмъ молодымъ Аевнейцамъ, которые охоту имѣли приходишь къ нему и спрашивашь совѣша о своихъ дѣлахъ.

Онъ ихъ принималъ ласково, слушалъ терпѣливо, наславлялъ дружески, старался ободрять ихъ и подавалъ надежду. Сказывають, что онъ здѣлалъ се великое одолженіе Цимону, когото имя пошомъ такъ прославилось.

Исторія не предшавляетъ намъ ничего вѣрнаго ни о времени ни о мѣстѣ Ариспидовой смерти, а память его почиаетъ се великою славою, объявляя, что сей великой человекъ, копорой имѣлъ первые чины въ республикѣ, и содержалъ въ полной власпи государшвенныя сокровища, умеръ такъ убогъ, что не ошалося чемъ и погребши его. Республика своимъ иждивеніемъ здѣлала ему погребеніе, и содержаніе его фамиліи приняла на себя. Дочери его выданы были за мужъ, а Лисимахъ сынъ его содержанъ былъ Припаннѣевымъ кошпомъ; кошорой, по смерти Лисимаховой, опредѣлилъ дочери его такое же содержаніе, какое давалось побѣдителямъ на Олимпійскихъ играхъ.

Изъ всѣхъ добродѣтелей Ариспидовыхъ, говоришь Плупархъ, самая важная и самая славная была его справедливость, пошому что плодами ея пользоваться могли многіе люди, и что она почесшья можешъ за основаніе и сущеспво всѣхъ публичныхъ чиновъ; и опъ того произошло, что Ариспидъ хотя былъ убогъ, и опъ проспонароднаго произхожденія, однако заслужилъ себѣ наименованіе справедливаго, наименованіе самое Королевское, или лучше сказашь самое божіе, Государи и вельможи не стараются о приобрѣшеніи сею имени, невѣдая его доброты и преимущества. Они лучше желаютъ, чтобы ихъ называли побѣдителями народовъ, молніями войны, а иногда орлами и львами, предпочишад

такимъ образомъ суетную честь сихъ пышныхъ шишуловъ, которые не значать ничего другаго, кромѣ наглости и раззоренія, совершенной славы шѣхъ шишуловъ, которые кажутъ на себѣ милость и добродѣтель. Они не знаютъ, продолжаетъ пошъ же писатель, прехъ свойствъ, пристойныхъ Государямъ, по естѣ безсмертія имени, силы исправливости. Изъ сихъ свойствъ первое приводитъ насъ въ удивленіе, впорое въ страхъ и шрепешъ, а шрепше въ любовь и почтеніе, но послѣднее изъ сихъ свойствъ, одно съ природы дано человѣку, и одно оно можешъ его довести до прочихъ двухъ; пошому что человѣкъ не можешъ здѣлаться иначе безсмертнымъ и сильнымъ, какъ шолько, будучи справедливымъ. Щасливъ пошъ человѣкъ, которой заслужилъ себѣ можешъ такое наименованіе, какъ Аристидъ.

Мы видѣли прежде, что Темиспоклъ убѣжалъ къ Молосскому Королю Адмешу, которой принялъ его весьма хорошо. Аѣнейцы и Лакедемонцы не оставили его и тамъ въ покоѣ. Они шребовали опять у сего Государя выдачи его, съ угроженіями войны за неудовольствіе. Адмешъ, не хотя привлечь на себя такихъ спрашныхъ непріятелей, а наипаче предашь своего гостя, увѣдомилъ его о шомъ, и помогъ ему убѣжашъ. И шакъ онъ ушелъ къ Персидскому двору, при владѣніи Артаксерксовомъ, куда пришедъ, просилъ, чтобы доложили объ немъ Государю; а какъ его допустили на аудіэнцію, то онъ припадъ къ ногамъ Артаксерксовымъ, началъ просить его: „Великой Государь, ска-
„заль онъ ему черезъ переводчика, я Аѣнеецъ Темиспоклъ, ко-
„шорой выгнанъ будучи изъ Греціи, пришелъ искашь при швоемъ
„дворѣ убѣжища. Правда, что я здѣлалъ много зла Персамъ, но
„не меньше имъ здѣлалъ и добра полезными совѣтами, которые
„подавалъ я имъ не однажды, а и шеперь показашъ имъ могу ве-
„ликія услуги. Судьба моя зависить отъ вашей власши. Вы мо-
„жете шеперь оказашъ мнѣ милость вашу или гнѣвъ, однимъ вы

„можете спасти несчастливаго человека, а другимъ поперять вс-
 „ликаго непріятеля Греціи.

„Сей Государь тогда не ошвѣпшвоваль ему ничего, хотя
 „онъ и крайне удивился великому его разуму и смѣлости. Но
 „объявляюшь, что онъ будучи одинъ съ своими пріятелями, ра-
 „довался о семъ случаѣ, какъ о великомъ какомъ щастіи, и лег-
 „ши спать вскричалъ при разѣ, „: Я нибю у себя Аѳинейца Фе-
 мистокла!

На другой день поутру созваль Артаксерксъ всѣхъ знаш-
 ныхъ господъ своего двора, и приказаль призвашь Фемистокла.
 Онъ далъ ему двѣсти талантовъ, по естѣ, сто двадцать ты-
 сячъ рублей, которые обѣщаль онъ тому, кто дославиль ему
 Фемистокла, и сказалъ, что сїи деньги принадлежашъ ему, по-
 тому что онъ самъ принесъ свою голову, поручая себя въ его
 покровительство. Помомъ онъ приказаль ему говорить о дѣ-
 лахъ Греческихъ, но какъ Фемистоклъ не могъ иначе изъяснать-
 ся, какъ только черезъ переводчика, по просиль онъ Артак-
 серкса, чшобъ онъ дозволиль ему научиться прежде Персидско-
 му языку, объявляя, что въ то время лучше можно будетъ
 ему изъясниться самому чрезъ себя, нежели чрезъ переводчика,
 а какъ ему по дозволено было, по онъ чрезъ годъ научился
 говорить по Персидски такъ хорошо, какъ природной Персъ,
 и могъ помомъ говорить съ Артаксерскомъ безъ переводчика. Сей
 Государь почиталь его чрезвычайно, сочеталь его съ дѣвицею
 знанной фамиліи, далъ ему богатой домъ со всемъ приборомъ,
 и опредѣлиль ему хорошіе доходы, чшобъ онъ могъ содержать
 себя безпосыдно. Онъ браль его съ собою на охоту, онъ до-
 пускаль его къ своимъ забавамъ и увеселеніямъ. Онъ часшо съ
 нимъ разговариваль, шакъ чшо подалъ чрезъ то причину госпо-
 дамъ своего двора къ зависти и безпоиству.

Наконецъ Артаксерсова милость къ Семиспоклу такъ была велика, что Государи наследствовавшие престолю, послабъ Артаксеркса, когда надобно имъ бывало, при случавшихся раздорахъ съ Греками, оклонить кого изъ Грековъ въ свою службу, посылывали къ нимъ такъ, что они у нихъ лучше содержаны будутъ, нежели Семиспоклъ у Артаксеркса.

Наконецъ, какъ нѣкоторые думаютъ, надобно было Артаксерксу отправить Семиспокла въ малую Азію, чтобы онъ, тамъ живучи, въ потребныхъ случаяхъ могъ служить ему съ пользою. Онъ назначилъ ему для пребыванія городъ Магнесію, расположенный при рѣкѣ Меандрѣ, и опредѣлилъ ему на содержаніе, кромѣ доходовъ сего города, которыхъ ежегодно собиралось пятьдесятъ талантовъ, по естѣ тридцать тысячъ рублей, еще доходы изъ городовъ Міунша и Ламсака. Изъ одного города получалъ онъ хлѣбъ, изъ другаго вино, а изъ претьяго мясо. Семиспоклъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Магнесіи въ изобиліи и великолѣпнн, по самую свою кончину, которую мы здѣсь опишемъ намѣренны.

По смерти Ариспида и ссылки Семиспокла, Афинейцы поручили правленіе надъ республикою Цимону, которой шествовалъ къ славѣ исполинскими шагами, и благополучными успѣхами въ войнѣ съ Персами, причинялъ Артаксерксу великое безпокойство, коимъ, для отвращенія того, вознамѣрился послать Семиспокла въ Аппику съ многочисленною армією, и дѣлалъ ему о томъ предложеніе.

Сія новость привела Семиспокла въ великое затрудненіе. Съ одной стороны благодареніе и милость Артаксерсова къ нему, слово данное, чтобы служить ему въ потребномъ случаѣ съ ревностію, и строгое повелѣніе сего Государя, которыми онъ напоминалъ ему обѣщаніе его, не позволяли ему отказать въ семъ дѣлѣ Артаксерксу, а съ другой стороны любовь къ отечеству, коимъ ненависть и несправедливость его согражданъ, не могла

погасишь въ его сердцѣ нехотѣніе, чѣмъ помрачишь такую поносною поспулкою славу великихъ своихъ дѣлъ, и знасныхъ побѣдъ, а можетъ быть и опасеніе неблагополучнаго успѣха въ войнѣ, гдѣ ему доводилось имѣть дѣло съ знашными Генералами, а особливо съ Цимономъ, копорой по самое то время былъ какъ щасливъ такъ и храбръ; и всѣ сѣи соединенныя мысли не допускали его воспашъ прошивъ своего опечества, въ шакомъ предпріятіи, коего каковъ бы ни былъ успѣхъ, то бы все обрашился къ его безславію.

Θемиспоклъ, невидя никакова средства ни къ оказанію долгу своему опечеству, ни къ исполненію требованія сего Государя, имѣшаго на то право, для спасенія себя отъ такого несноснаго безпокойства, вознамѣрился окончить свой животъ. И такъ онъ принесъ богамъ публичную жершву, къ копорой пригласилъ онъ всѣхъ своихъ пріятелей, и обнявши ихъ далъ имъ послѣднее цѣлованіе; потомъ напился бычачьей крови, или какъ другіе объявляютъ; проглотилъ сильной ядъ, и умеръ такимъ образомъ въ Магнезіи на шестидесять пятомъ году своей жизни, отъ копорой онъ большую часть препроводилъ въ правленіи республики и въ командованіи надъ арміями. Аршаксерксъ, услышавъ о причинѣ и способѣ его омерши, сожалѣлъ по немъ, почиталъ его память, удивлялся ему еще больше прежнято и продолжалъ милосшивую свою поспулку ко всѣмъ его пріятелямъ и домашнимъ. И сія нечаянная Θемиспоклова смерть здѣлала препятство исполненію намѣренія Аршаксерксова въ нападеніи на Грецію. Магнезіанцы здѣлали Θемиспоклу на публичномъ мѣстѣ богатой гробъ, и дозволили попомкамъ его у себя много чеспи, и особливья привилегіи.

Туцидидъ разумной Историкъ, копорой былъ самъ Аѣинецъ, и почти единовременной съ Θемиспоклемъ, объявляетъ о смерти Θемиспокловой другимъ образомъ. Правда, что сей писатель не

ушаеваетъ слуху о томъ, что Фемистоклъ принялъ ядъ, но думаетъ, что умеръ просто отъ болѣзни, и что пріятели его тайно перенесли шѣло его въ Аѣны. И сіе мнѣніе кажется вѣрояшнѣе.

Подлинно Фемистоклъ былъ самой великой человѣкъ изъ всѣхъ бывшихъ въ Греціи знатныхъ людей. Онъ имѣлъ великой духъ, неустрашимую храбрость и непоколебимую въ самомъ крайнемъ бѣдствіи; невѣрояшную горячестъ къ славѣ, копорую любовь къ общей пользѣ иногда умѣрять могла, и копорая также иногда заводила его очень далеко; присущствіе разума, копорое показывало ему въ одну минушу, что должно дѣлать въ нечаянномъ какомъ и нужномъ случаѣ; и наконецъ провиданіе въ предбудущее время, копорое открывало ему самыя тайныя непріятельскія намѣренія, и подавало еще въ дали потребныя мѣры къ отвращенію оныхъ, и копорое вдыхало въ него благородныя, великія, смѣлыя и пространныя мысли въ пользу его опечества. А душевныхъ качествъ, то есть добронравія искренности, праводушія и вѣрности, не имѣлъ онъ, также примѣчена въ немъ спрасъ къ сребролюбію, что причиняетъ великой порокъ государственному человѣку.

Однако не смотря на то сказываютъ про него въкопорую добрую поступку. Какъ свашали у него дочь, то онъ предпочелъ убогаго человѣка богашому, коего слава была подозрительна; и сказалъ, что въ выборѣ зятя, лучше любить достоинство безъ богатства, нежели богатство безъ достоинства.

И С Т О Р І Я

О КОРІОЛАНѢ ГЕНЕРАЛѢ РИМСКОМЪ.

Около 261 года созданія Рима между Сенатомъ и народомъ происходили великія ссоры, а какъ все успокоилось, то тогда при-

ялись въ Римѣ за наборъ салдавъ для произведенія войны. Консуль Постумъ Коминій пошелъ съ арміею на Вольсковъ, и осадилъ самой крѣпкой ихъ городъ Коріолы; и какъ жишли сего города заблаговременно приготовились противъ осады, шо для того они производили сильную оборону. Первая атака, копорая продолжалась до самой ночи, не удалась Консулу, и онъ отраженъ былъ съ пошеряніемъ у себя многихъ салдавъ. Онъ вознамѣрился ашаковать городъ на другой день, и велѣлъ приготовить тараны и лѣстницы; но услышавъ, что Аншіяшы, союзники Коріольскіе шли на помощь имъ съ великимъ войскомъ, раздѣлилъ свою армію на два корпуса, изъ коихъ одинъ оставилъ онъ при городѣ, для продолженія осады, подъ командою Генерала Ларгія, а съ другимъ пошелъ на встрѣчу Аншіяшамъ.

Въ оставшемъ при городѣ корпусѣ былъ нѣкоторой Офицеръ, называемой Марцій изъ знашней фамиліи, и вообще почитаемой отъ всѣхъ за свою храбросшь и разумъ. Онъ еще въ малолѣтствѣ лишился своего отца, а былъ воспитанъ подъ смотрѣніемъ своей матери, называемой Вертуріи, копорая очень строго наблюдала добродѣтель. Сей Марцій доказалъ своимъ примѣромъ, что хошя состояніе сиротское и трудно, однако оно не препятствуетъ; чтобы находящійся въ немъ человекъ не могъ здѣлаться великимъ; но какъ сироты часто остаются безъ воспитанія, шо отъ того происходитъ иногда, что природныя ихъ къ великимъ добродѣтелямъ склонности соединены бывающъ съ великими пороками, копорые не поправлены у нихъ въ малолѣтствѣ. Марцій имѣлъ духъ твердой и постоянной въ предпріятіяхъ, шакъ что онъ въ слѣдующія времена произвелъ много великихъ и славныхъ дѣлъ. Но какъ сіи дѣла были не въ свое время, шо онѣ довели его до великихъ погрѣшностей, равномерно какъ какая крѣпкая и плодоносная земля, когда она не вспахана, шо производитъ много и худыхъ нравъ съ хорошими. И

подлинно сія крѣпость и постоянство его духа, приводили его въ такую горячность, что онъ не въ состоянн былъ преодолевать самъ себя, и въ такое непобѣдимое упрямство, что онъ не зналъ, что по естѣ склониться по учтивости на другихъ мнѣніе. И такимъ образомъ сколько съ одной стороны удивлялись въ немъ превосходству духа, которой дѣлалъ его не приступнымъ соблазну роскоши и богатства, и неушолимымъ въ самыхъ жесточайшихъ шрудахъ, по съ другой стороны, гордой и повелительной его нравъ, дѣлалъ его шруднымъ и несноснымъ въ обхожденіи человѣческомъ. Главная польза, говоритъ Плущархъ, кошую люди опъ упражненія въ наукахъ пріобрѣсть себѣ могутъ, естѣ шихость нравовъ кошорая дѣлаетъ ихъ любимыми.

Сей Марцій оказалъ себя особливымъ образомъ при осадѣ города Коріоль. Коріольцы, будучи въ полной надеждѣ на помощь Антіашовъ, отвѣрили всѣ свои ворота, и учинили генеральную вылазку на Римлянъ. Римляне сперва остановились крѣпко на мѣстѣ, и перебили многихъ Коріольцовъ; но потомъ отягощенные великимъ множествомъ Коріольцовъ, непрерывно бѣгущихъ на нихъ изъ города, принуждены были уступать имъ и подаваться назадъ. Марцій съ досады на такой побѣгъ Римлянъ, взялъ небольшое число солдатъ, и остановился крѣпко на мѣстѣ, выдерживалъ шупъ все непріятельское устремленіе, шакъ что наконецъ и Вольски, въ кошорыхъ дѣлалъ онъ ужасное кровопролитіе, начали подаваться назадъ и убѣгать въ городъ. Марцій погнавшись за бѣгущими весьма жарко, напалъ на нихъ съ новою яростію, и кричалъ на своихъ шоварищѣй, бѣжавшихъ опъ Вольсковъ, чтообъ и они ободрились, и возвратились къ бою; кошорые послѣдившись опъ своей слабости збѣжали на его голосъ и соединившись съ нимъ докончили побѣду надъ непріятелемъ, кошо Марцій привелъ въ порядокъ. Римляне, смѣшавшись съ Вольсками, ворвались въ городъ, кошорой принужденъ былъ здаться и отданъ на грабленіе.

Марцій не насытивъ будучи славою, по покореніи города Коріоль, побѣжалъ съ небольшимъ числомъ храбрыхъ салдавъ къ консульской арміи. У Римлянъ былъ обычай, предъ начатиемъ баталии, дѣлалъ завѣщаніе безъ письменнаго виду, а шолько просто назначивая себѣ наслѣдника при трехъ или чепырехъ свидѣтеляхъ. Марцій, въ прибытіи своемъ къ арміи, нашель Коминіевыхъ салдавъ въ семь упражненіи, когда уже обѣ арміи въ виду были. Онъ увѣдомилъ Консула о взятіи города Коріоль. Сіе извѣстіе разсыпало радость и бодрость во всей Консульской арміи, а напрошивъ того тревогу и уныніе въ Аншіатахъ, а какъ начали играть на трубахъ къ сраженію, то Марцій съ небольшимъ корпусомъ салдавъ, которыми командовалъ онъ, успремился на непріятелей, и въ первомъ своемъ сраженіи перебилъ всѣхъ тѣхъ, которые ему прошивились. Потомъ онъ шакимъ сильнымъ пораженіемъ непріятелей пробился до самой середины ихъ арміи, и въ которую сторону ни успремлялся, то никшо не могъ опшважиться ему прошивиться. Онъ рубилъ, онъ убивалъ, онъ разрывалъ врознь шеренги. Напрасно спарались непріятели окружить его, всѣ бѣгали отъ его успремленія, и шолько вдали, и шо убѣгая отъ него, спарались его одолѣвать. Консулъ, которой съ своей стороны сильно наступалъ на Аншіатовъ, опасаясь, чшобъ Марцій, находясь въ срединѣ непріятельской арміи не задавленъ былъ множествомъ успремляемыхъ на него стрѣлъ и копей на подобіе града, опсправилъ на помощь ему баталионъ отборныхъ салдавъ, и приказалъ имъ сомкнувшись щипами пробиваться, гдѣ была самая большая непріятельская сила. Сіи храбрые Римляне отворили себѣ путь сквѣзъ непріятелей, и пробились до самого Марціа, котораго нашли они всего израненнаго и окруженнаго великимъ множествомъ побитыхъ отъ него непріятелей. Сей неуспрашимой Офицеръ, ободрень будучи въ своей храбрости сею новою помощію, проби-

валя еще далѣе, гдѣ только видѣлъ, что непріятели крѣпко стояли, и такимъ образомъ однихъ онъ поразилъ до смерти своими ударами, а другихъ обратилъ въ бѣгство. Никто изъ Римлянъ не оказалъ себя въ сей день лучше, какъ тѣ, которые пришли Марцію на помощь, но сей благородной Римлянинъ превзошелъ всѣхъ своею храбростію, и слава побѣды ему принадлежала.

Слава, которую получилъ Марцій на сей баталіи, такъ заняла славу Консула Постума, что ежелибъ не было шрама вырѣзаннаго на мѣдномъ столбѣ съ именемъ Постума, то бы попомки не могли знать, имѣлъ ли когда Постумъ войну съ Вольсками, однако надлежитъ отдать честь сему Генералу, за рѣдкую его добродѣтель, что онъ въ томъ не имѣлъ никакой зависти. На другой день послѣ баталіи Постумъ предъ всю армію дѣлалъ Марцію великую похвалу за его храбрость, и за великія услуги, которые оказалъ онъ республикѣ на обѣихъ баталіяхъ, и положилъ своею рукою на его голову вѣнецъ, присовокупивъ къ сей чести и другія награжденія, ласкашельныя для сего побѣдителя. Онъ ему подарилъ еще походную лошадь съ богатымъ чапракомъ и со всемъ другимъ приборомъ Генеральскимъ. Онъ дозволилъ ему выбрать десять плѣнниковъ, и взять десятиую долю изъ всей добычи. Справедливостію, которую учинилъ Постумъ Марцію, похвалена была общимъ плесканіемъ рукъ, и прославляемо было правдушїе Консульское, и заслуга сего молодаго побѣдителя. Марцій, подошедъ къ Постуму, благодарилъ его и всю армію, за ихъ благосклонность, и объявилъ припомъ, что такое награжденіе было для него велико, и для того онъ взялъ только лошадь и одного плѣнника, которой былъ ему пріятель. Салдаты, которые и прежде знали о его великодушїи, въ то время еще и больше тронуты были безкорыстваніемъ его и ужьренностію, и несравненно предпочли добродѣ-

желъ его въ отказѣ оныя принятія такого богатаго награжденія предъ шую добродѣтелью, которая здѣлала его много достойнымъ. И такъ они здѣлали ему другую честь, оныя которой онъ не могъ отказашся. Для преданія имени его безсмертной памяти въ пошюкахъ, за двойную его надъ непріятелями побѣду, назвали они его Коріоланомъ, и сіе имя осталось при немъ вѣчно, съ почтеніемъ къ нему и удивленіемъ его согражданъ.

А какъ пришло время собранію для выбора Консуловъ, то Коріоланъ хотѣлъ пребыть себѣ Консульства. Великое щастіе во всѣхъ походахъ здѣлало его весьма надменнымъ, и доставило ему много друзей, которые безвѣрно его любили. Народъ вообще былъ къ нему склоненъ, и казалось, что онъ счелъ бы что за великую несправедливосць, чинобъ отказанъ такому, какъ по своей природѣ, такъ и по заслугамъ знашному челоуку въ семь чинѣ. И такъ Коріоланъ не сомнѣвался, чинобъ его не выбрали въ Консулы, и онъ не пропустилъ ничего изъ нѣхъ обрядовъ, которые наблюдаемы были при требованіи чиновъ; а какъ день выбору насталъ, то Коріоланъ одѣвнись великолѣпно, пошелъ на народную площадь, въ провожаніи всего Сената и вельможъ, которые никогда ни за какого кандидата не старались съ такою ревностію. Сіе Коріоланово великолѣпіе и стараніе объ немъ все-то Сената потчасъ перемѣнило мысли въ народъ, и вмѣсто все-народнаго почтенія и доброжелательства Коріолану, произвело въ немъ зависть и ненависть на него. Сверхъ того народъ она-сался усилицъ такого себѣ страшнаго соперника, порученіемъ ему полной власпи, каковъ былъ Коріоланъ, челоукъ сильной между дворянами, и великой защитникъ ихъ правъ. И такъ народъ, пожелавшисъ сии разсужденіями, отказалъ Коріолану въ требованіи его, а опредѣлилъ въ Консулы Минудія и Семпронія.

Коріоланъ при семъ случаѣ увидѣлъ печальной оныщъ лег-

консуля и непостоянства Римскаго народа, косто прежняя склонность обнадевивала его полученіемъ Консульскаго чина. Мы уже объявили, что Коріюланъ не имѣлъ въ себѣ сихъ любезныхъ качествъ, то есть умѣренности, тихости и шерибнїя, шакъ нужныхъ знашному челоѡѡку, кошорыя сунъ плодомъ добраго воспитанїя и здраваго разсужденїя. Сей отказъ раздражилъ его несказаннымъ образомъ, и онъ жаловался на шо неумѣренно.

Въ шо время въ Римѣ хлѣбъ здѣлался очень дорогъ, чего ради посланы были Послы въ Сицилію, для покупки хлѣба, кои возвратились отшуда съ пятьюдесятью тысячами минъ хлѣба, кошораго половину купили они весьма дешевою цѣною, а другую подарилъ имъ Сиракузской Король Гелонъ, и онправилъ шошъ хлѣбъ въ Римъ своимъ кошпомъ; а какъ услышали въ Римѣ, что прибыли корабли съ хлѣбомъ, шо Сенаторы долго разсуждали, какииъ образомъ надобно было его раздавать народу. Тѣ, кошорые были разсудительнѣе, и склоннѣе къ народу, думали, чтошъ шошъ хлѣбъ, кошорой подарилъ Король, раздашь даромъ убогимъ гражданамъ, а купленной хлѣбъ продавать дешевою цѣною, объявляя, что сія милость будешъ самое надежное средство къ приведенїю въ примиренїе и согласїе убогихъ гражданъ съ богатыми. Но другїе, дерзновенные изъ нихъ, и несклонные къ народному правленїю, совѣповали поступить съ простымъ народомъ жестоко, и предавать ему хлѣбъ очень дорого, чтошъ чрезъ шо научить его бышь смиреннѣе и послушнѣе законамъ.

Коріюланъ, будучи извѣстной неприятель Трибунской силы, кошорой одно имя и напоминовенїе приводило его въ ярость, говорилъ при семъ случаѣ больше всѣхъ противъ Трибуновъ, и кричалъ громко, что шо пришелъ случай уничтожить на вѣки Трибунскую власть, и привести республику въ первое ея сосуществованїе. Если они хотятъ, говорилъ онъ, получить хлѣбъ по старому обычаю, шо дускай уступятъ Сенату отартъя его права.

Должныяль мы сносить сіе новое начальство народное, которое здѣлано для нашего порабощенія. Мы здѣлались почти невольниками. Сносно ли то, что Сициній гордится предо мною? Развѣ онъ больше Тарквинія, котораго спеси снесши мы не могли? Пускай онъ себѣ идетъ прочь, и пускай онъ уводитъ съ собою народъ на священную, или на другую какую гору. Дорога имъ открыта. Что, народъ кричишь съ голоду, плачешь, приходишь въ отчаяніе? Онъ того споишь. Пускай онъ пользуется плодомъ своего возмущенія. Онъ самъ былъ тому причиною, оставивши безъ паханія землю. Нѣтъ кромѣ бѣдности, которая можетъ принудить его къ должности, и привестъ въ разумъ.

Народъ, услышавъ оныя Трибуновъ, которые призваны были въ Сенатъ, и присутствовали при семъ разсужденіи его, какія Коріоланъ говорилъ рѣчи, пришелъ въ великую ярость. И шакъ насъ хопяшь моришь голодомъ, какъ непріятелей, вскричалъ народъ: Сицилійской хлѣбъ, одна наша надежда, которую было щастіе намъ даровало, отнянь у насъ, и хопяшь у насъ еще отнянь и послѣдней хлѣбъ изо рта, ежели мы не свяжемъ нашихъ Трибуновъ и не отдадимъ Коріолану. Сей новой Тираніи оставляешь намъ на волю выбирать, или смерть, либо рабство. Оныя сей досады разъярившись народъ едва было не разломалъ дверей Сенатскихъ, чтобъ ворваться туда. Но Трибуны удольствовались тѣмъ, чтобъ обратить всю вину на Коріолана, и послали требовать его на судъ народной; а какъ посланные отбиши и прогнаны были отъ Сената, то Трибуны сами съ другими простонародными начальниками пошли туда, чтобъ взять его насильно, и сыскавши Коріолана подаѣ Сената, хопѣмъ было схватить его. Но Сенаторы прибѣжавъ на помощь Коріолану, начали бить и отпалкивать Трибуновъ. Между тѣмъ наступившая ночь прекратила сей безпорядокъ.

Въ слѣдующіе дни происходили съ обѣихъ сторонъ многія

собранія, разсужденія и весьма жестокиа и дерзновенныа ссорт, а особливо съ стороны народной. Сидицій Трибуны, не многими браанными словами, сказали сеншенцію о смерти Коріолану, объявляя, что она опредѣлена въ собраніи Трибуновъ, въ наказаніе за наглоснѣ причиненную имъ, и хотѣлъ было, чтобы шомъ часть зброшенъ былъ Коріоланъ съ Тарпейской горы, однако по многими своимъ предельнымъ предпріяніямъ принужденъ были Трибуны основаннись на шомъ, чтобы волько позвать Коріолана на судъ народной. Коріоланъ принялъ было сверху оіе предложение съ обыкновенноа своего гордаснѣю и презрѣніемъ, и много о шомъ заботился, объявляя, что Трибуны не имѣютъ никакова права шребовать Сенатора на судъ народной. Подлинно, что оіе предпріяніе было безъ примѣру, и имѣло опасныа слѣдствія, когорыа Сенатъ могъ предвидѣть, и для шого не смотря на противныа мнѣнія иъкоморыхъ несклонныхъ къ народу вельможъ, заблаго разсудилъ употребитъ шихія и примирительныа оредетва. Въ семъ намѣреніи первое ихъ дѣло было, что они опредѣлили продавать народу хлѣбъ за самую дешевую цѣну, думая чрезъ шо укрощитъ народъ; другое, что вознамѣрились они убѣждать Трибуновъ, чтобы они не шребовали удовольствія на Коріолана, а ежели шого здѣлать не можно будетъ, то по крайней мѣрѣ посшарашься объ ошсрочкѣ, чтобы дать время успокоитъ народу. Опредѣленіе о продажѣ хлѣба объявлено и принято было съ общими удовольствіемъ, а содержаніе его было слѣдующее. Всѣ съѣсныа привасы продаванъ по такой дешевой цѣнѣ, какъ шо было прежде шого смяшенія. Однако со всѣмъ шѣмъ не могъ Сенатъ убѣдить Трибуновъ, чтобы они не покали удовольствія на Коріолана. Все, что онъ шолучитъ могъ ошъ Трибуновъ, состояло въ шомъ, чтобы ошладитъ судъ надъ Коріоланомъ на ошюлько времени, сколько пожелающъ Консулы.

Но прошедшимъ въ некоторомъ времени Сигирий, Трибуны; звали народъ и объявилъ Корюлану, чѣмъ онъ явился на судъ предъ народъ. При семъ случаѣ сенатъ много спорилъ съ Трибунами, и наконецъ Маній-Валерій, коимъ изъ всѣхъ Сенаторовъ былъ самой умѣренной и склонной къ народу, началъ говорить, выхваляя сперва шѣхъ, коимъ убогаются всевозможными образомъ онъ раздору за маловажныя дѣла, и коимъ согласіе предпочитаютъ всякой другой пользѣ. Онъ сказалъ, что ежели отдастъ на волю народу судъ надъ Корюланомъ, то можетъ случиться, что народъ за такое Сенатское снисхожденіе, не спашетъ шакъ много всунуться въ сіе дѣло, и будучи доволенъ зависимостию Корюлановой судьбы онъ своей воли, оставитъ его въ покоѣ. А между шѣмъ уговаривалъ онъ Консуловъ, Сенаторовъ и всѣхъ дворянъ, чѣмъ они присужествовали при Корюлановомъ судѣ, и упрашивали бы народъ, чѣмъ онъ не употребилъ противъ него жестокости, объявляя, что присужствіе ихъ будетъ весьма важно къ сохраненію Корюланова живота, а больше всего обращалъ онъ свою рѣчь къ Корюлану, увѣщевалъ его, упрашивалъ, и всѣ свои силы употреблялъ на то, чѣмъ склонилъ его къ своему мнѣнію. Онъ ему говорилъ, что народъ обвиняетъ его за причину происшедшаго между имъ и Сенатомъ раздора; что онъ почитаетъ природную его гордость за тайную склонность къ Тираниіи; и что опасно, чѣмъ онъ сего случая не произвелъ явной разрывъ между Сенатомъ и народомъ; и шакъ онъ просилъ его прилѣжно, чѣмъ онъ своимъ упрямствомъ не утверждалъ народа въ шѣхъ мысляхъ, коимъ онъ объ немъ имѣетъ. Онъ предсказывалъ ему; чѣмъ онъ укрѣпилъ себя и предсказалъ предъ народъ смиреннымъ образомъ, и въ видѣ обвиненнаго, чѣмъ онъ отдался на волю своихъ жалобщиковъ, и чѣмъ онъ старался оправдать себя отъ учиненныхъ на него клеветъ. Онъ просилъ его слезно, чѣмъ онъ ради бо-

говъ и опечества своего присовокупилъ къ шакимъ великимъ дарованіямъ, какія имѣлъ онъ, хотя мало шихоспи и снисхожденія, для опшращенія опасныхъ слѣдствій могущихъ произойши ошъ гражданскаго раздора, кошорому онъ былъ причиною.

Коріоланъ, видя что всѣ Сенаторы, изключая весьма малое ихъ число, согласны были съ мнѣніемъ Валеріевымъ, и хошѣли опредѣлить пошому, сказалъ, что когда прошивъ его чаянія, Сенатъ вознамѣрился предать его народу, шо чтошобъ приказано было Трибунамъ объявить, какою они знаютъ на него вину, и какимъ образомъ производимъ будешъ надъ нимъ судъ. Какъ спрошено было у Трибуновъ, шо они сказали, что обвиняютъ Коріолана въ исканіи Тиранніи, и чтошобъ онъ въ семъ дѣлѣ явился предъ народъ для оправданія. Ежели шолько сіе, сказалъ Коріоланъ, чтошобъ оправдашься ошъ сей ложной вины, шо я опдаюсь народному суду, и не прошивлюсь опредѣленію Сенатскому. По сему и положено было; но пришомъ дозволенъ былъ, по обычаю, судимому срокъ до шретьяго дня, для пригошовленія своихъ отвѣшовъ.

Какъ Трибуны получили сіе повелѣніе, шо пришедъ на площадь, прочли его при собраніи народа съ великимъ удовольствіемъ и похвалою. Пошомъ объявили они Коріолану назначенной день для его оправданія, и содержаніе его суда.

А какъ пришелъ шопъ день, шо Сидилій первой изъ Трибуновъ, кошорой уже давно изгошовилъ свой доношь, началъ сказывать все шо, что Коріоланъ говорилъ въ Сенатѣ, чтошобъ не продавать дешево хлѣба, и чтошобъ уничшожишь Трибунскую власть, и доказывалъ, что сіе его мнѣніе клонилось къ Тиранніи.

Коріоланъ началъ отвѣшшвовать на шо, и предшавлялъ народу о всѣхъ своихъ дѣлахъ, ошъ самаго младенчества. Онъ вычислялъ имъ, во сколькохъ онъ былъ походахъ, для защищенія республики, сколько побѣдоносныхъ вѣнцовъ получилъ онъ

отъ рукъ Генеральскихъ, сколько пѣнилъ онъ непріятелей, сколько согражданъ спасъ онъ отъ смерти на багаліяхъ. Онъ привывалъ въ свидѣтельство шѣхъ Генераловъ, у копорыхъ былъ подъ командою, и шѣхъ согражданъ, копорые одолжены были ему своею жизнію, называя каждаго изъ нихъ по имени, потому что они тушь присутствовали, и свидѣтельствовали истинну его рѣчей своими слезами и воздыханіемъ. И наконецъ раздразилъ онъ свое плащье до самой нагоны, и показавъ множество ранъ на своемъ шѣлѣ, спрашивалъ у Трибуновъ, указывая на раны, это доказательство шѣхъ винъ, копорыми вы меня оклеветали, и это шѣ дѣла, копорыя клонятся къ Тиранніи; что увидѣвъ почти всѣ тушь присутствовавшіе пронумы были жалосшію до самыхъ слезъ.

Трибуны видя, что Коріоланъ избавлялъ себя такимъ образомъ отъ осужденія, переиѣнили свои рѣчи, и начали доносить на него новую вину, въ томъ, что онъ добычи взяшой отъ Антиашовъ не опдалъ въ силу законовъ въ казну, а раздѣлил ее салдашамъ, чтобы чрезъ шо можно было ему задобрить ихъ, и въ случаѣ употребить къ опаснымъ своимъ намѣреніямъ, какъ шо дѣлають похитители, копорые своею щедросшію очищають себѣ путь къ Тиранніи.

Сіе новое обвиненіе, коего не чаялъ Коріоланъ, привело его въ замѣшательство, и онъ на него отвѣтствовалъ слабо, что было причиною, что сердца народныя, какъ легкомысленныя и пріобыкшія слѣдовать слѣпо и самымъ малымъ побужденіямъ, много переиѣнились въ семъ случаѣ. Трибуны опредѣлили въ наказаніе Коріолану вѣчное изгнаніе изъ отечества, какъ шо у Римлянъ былъ обычай, чтобы потчасъ объявлять осужденному сеншенцію. Пошомъ опдали они свое мнѣніе на разсужденіе цехамъ, коихъ было тогда числомъ двадцать одинъ. Изъ сихъ цеховъ девять думали освободить Коріолана отъ наказанія, а прочіе двѣнадцать осудили его.

С

Пріятели Коріолановы проводили его въ домъ со слезами и воздыханіемъ. Сей жестокой ударъ поразилъ его несноснымъ образомъ. А что касается до самаго его, то онъ безъ жалобы на такое огорченіе, безъ смягченія отъ слезъ проливаемыхъ его пріятелями, и безъ малѣйшаго знака слабости, оказывалъ себя твердымъ и не поколебимымъ. Видъ жены и матери его, копорья, при такой печальной разлукѣ, били себя въ грудь, и наполняли весь домъ крикомъ и воплемъ, не поколебавъ его великодушія и не смягчивъ его твердости. Онъ говорилъ имъ спокойнымъ образомъ, и увѣщавалъ, чтобъ они сносили такое несчастіе терпѣливо. Онъ поручилъ имъ своихъ дѣтей, изъ коихъ одно было десяти лѣтъ, а другое еще у груди, а потомъ, простившись съ своею фамилією, вышелъ изъ города въ провожаніи небольшого числа своихъ домашнихъ, копорые не хотѣли его оставить. Онъ не сказалъ никому о мѣстѣ своего убѣжища, и не взялъ ничего на содержаніе свое въ ссылку.

Коріоланъ былъ почти единовременной съ Семиспокломъ, копорой имѣлъ такой же почти жребій, какъ и онъ, потому что оба они по оказаніи великихъ услугъ своему отечеству осуждены были въ ссылку отъ несправедливости благодарнаго народа, и ушли къ своимъ непріятелямъ, и тамъ свою жизнь скончали.

Коріоланъ вышелъ изъ Рима, наполненъ будучи ненависти и ярости противъ своего отечества, и помышляя на сердцѣ своемъ объ отмщеніи ему. Въ семь намѣреній ушелъ онъ въ городъ Антій къ Вольскамъ, чтобъ склонить ихъ къ вооруженію противъ Рима, вѣдая, что сей народъ богатъ былъ, какъ деньгами, такъ и людьми, и думая, что несчастіе, копорое приключилось имъ въ послѣднюю войну, не сколько умалило ихъ силу, сколько возбудило въ нихъ зависти, и умножило храбрости. Великія жалобы на Римъ и жестокія угроженія, копорья часто слышали

опъ Коріолана Вольски, подали имъ причину, имѣшь къ нему довѣренность. Онъ жилъ у Аппія Тулла, которой по своей природѣ, богатству, власти, и по своимъ великимъ заслугамъ былъ у своего народа въ великомъ уваженіи. Общая ихъ ненависть противъ Рима погасила въ нихъ пошчасъ шу завись, которую они одинъ къ другому уже давно имѣли, и соединила ихъ пѣсною дружбою. Туллъ думалъ, чшобъ не теряя времени пойши войною на Римъ со всѣми силами Вольсковъ, какъ шамъ еще между гражданами раздоръ продолжался, и не было у нихъ довольно храбраго Генерала, а Коріоланъ разсуждалъ, что не надобно было шакъ спѣшить, объявляя, что Вольски въ прошедшую войну потеряли много людей, не упоминая о шомъ раззореніи, которое причинила имъ моровая болѣзнь въ недавномъ времени во всей ихъ землѣ, по чему и не чаятельно было, чшобъ Вольски вступили въ войну, которая не въ давномъ времени была для нихъ шакъ неблагополучна; сверхъ шого заключено было шогда перемиріе между Римлянами и Вольсками на два года, и что желательо было, чшобъ Римляне прежде нарушили шракташъ, а представилъ онъ Туллу другое къ шому средство, которое ему очень показалось и послужило съ успѣхомъ, какъ шо мы здѣсь увидимъ.

Во время празднованія великихъ игръ въ Римѣ, все Вольское юношество собралось шуда, и городъ ими шакъ наполнился, что многие изъ нихъ за недосшаткомъ мѣста въ партикулярныхъ домахъ, принуждены были спояшь въ публичныхъ и священныхъ мѣстахъ. Они ходили по городу шолпами, шакъ что начали подавать Римлянамъ подозрѣніе худаго намѣренія. Между шѣмъ нѣкошорой человекъ, котораго подговорилъ Туллъ, пришелъ къ Консуламъ и пришворился, будшо онъ имѣеть сказашъ имъ нѣкошорую шайну, но шребувалъ пришомъ подъ кляшвою, чшобъ они ее ни кому не открывали, пошомъ объявилъ имъ, что Вольски зговорились во время игръ зазечь Римъ, и учинить нападеніе на

Римлянъ. Консулы не сомнѣвались объ истиннѣ сего предложенія, и не теряя времени собрали Сенатъ, которой тому также повѣрилъ. И такъ они издали поспѣшь повелѣнїе, чѣшобъ всѣ Вольски подѣ опасенїемъ смерти вышли изъ города до захожденїя солнца, которые принуждены были послушаться безъ отговорокъ и продолженїя.

Туллъ, вышедъ первой изъ города, остановился нарочно при одномъ мѣстѣ, и собравши тамъ множество Вольсковъ, наполненныхъ негодованїемъ и жаланїемъ опущенїя, сказалъ имъ: сносно ли вамъ такое ругательство, чѣшю при всѣхъ иностранныхъ и сосѣднихъ народахъ, и въ присушствїи всего многочисленнаго собранїя, выгнали васъ безчестнымъ образомъ изъ Рима какъ иновѣрныхъ и безбожныхъ, какъ бы вы своимъ присушствїемъ могли бы осквернить торжество игръ? Ежели бы мы промѣшкали одинъ день, то бы лишились живота, которой спасли мы скорымъ выходомъ, ежели его почестъ можно за выходъ, а не за безчестное и поносное бѣгство. Такое несносное безчестїе почестъ можно за явное объявленїе войны, которая обратится можетъ къ великому несчастїю тѣхъ, которые ее объявили, ежели вы храбрые люди. Вольски, наполненные сами чрезъ себя злобою, и сверхъ того побуждены будучи сею Тулловою рѣчью, пошли домой, имѣя на сердцѣ своемъ крайнее желанїе опущенїя, и рассказали всѣмъ свое приключенїе. По прибытїи ихъ въ свои дома, соввано было поспѣшь генеральное собранїе Вольсковъ, на коемъ они съ общаго согласїя объявили войну Римлянамъ, какъ нарушителямъ пракша, а команду надъ арміею поручили Туллу и Корїолану.

Во время приготоовленїя Вольсковъ къ войнѣ Корїоланъ, желая употребить время въ пользу, взялъ самыхъ надежнѣйшихъ изъ Вольсковъ, и вдругъ напалъ на Римскїя земли. Онъ тамъ доспалъ великую добычу, но при раззоренїи сихъ земель, прика-

валъ онъ зберегашь дворянскія , что причинило немало раздору въ Римѣ между дворянствомъ и народомъ , какъ то Коріоланъ предвидѣлъ . По окончаніи сей экспедиціи , которая несказанно ободрила Вольсковъ , и подала имъ причину къ презрѣнію Римлянъ , Коріоланъ привелъ назадъ свое войско , не пошерявъ ни единого человѣка .

А какъ Вольски собрали всѣ свои силы , то раздѣляли они ихъ на два корпуса , изъ которыхъ одинъ долженъ былъ оспашься дома , для збереженія своей земли , а другой итти на Римлянъ . Туллъ , которому дано было на волю выбирать себѣ любой корпусъ , уступилъ команду надъ походнымъ корпусомъ Коріолану , на коего искусство Вольски надѣялись много . Онъ ихъ не обманулъ въ шомъ , и показалъ , что сила Римская состояла не шакъ въ числѣ солдатъ , шакъ въ искусствѣ ихъ Генераловъ . Коріоланъ пошелъ шомчасъ на городъ Цирцею , гдѣ жили Римскіе переведенцы , и какъ они здались на дискрецію , то для шого онъ освободилъ ихъ городъ ошъ грабленія , а ошшуду пошелъ онъ раззорять Лашинскія земли , будучи въ шой надеждѣ , что Римляне придуть оборонять своихъ союзниковъ . Но какъ Консуламъ мало оспавалось времени бышь въ своихъ чинахъ , то для шого они не хотѣли ничего предпринимать . И такимъ образомъ Коріоланъ началъ осаждашь самые крѣпкіе города , и взялъ изъ нихъ швотіе .

Коріоланъ приближался съ своею армією къ Риму , и спалъ лагеремъ подлѣ Кляулійскихъ рововъ , въ разспоянїи ошъ Рима на шорокъ спадїй , или семь Россійскихъ верспъ . Приближеніе его причинило великую шревогу и спрахъ въ Римѣ . Улицы наполнены были женщидами , которыхъ въ опчаянїи бѣгали во всѣ шпороны , и храмы спариками , которые просили помощи у боговъ . Рѣдко бываешъ шо , чтошбъ простой народъ почишалъ , какъ шо ему должно , человѣка съ прямымъ достоинствомъ , когда онъ имѣешъ его въ своей власши . Не задолго предъ симъ видѣли мы

какъ гордо поступилъ онъ съ симъ знашнымъ осужденникомъ, а теперь самъ же онъ, приведенъ будучи къ крайности, чтобъ смириться и ползать предъ нимъ, не сыскалъ къ своему благополучію иного средства, какъ шолько просить у него милости, какимъ бы то ни было образомъ. Мнѣніе Сената было не шакое. Онъ было опредѣлилъ, чтобъ ничего не упоминашь Вольскамъ ни о прахшапѣ ни о мирѣ, пока оци не сойдуть съ Римскихъ земель, но онъ не силенъ былъ при семъ случаѣ. Народъ принудилъ его послать къ Коріолану пословъ просить его, чтобъ онъ возвратился въ Римъ и оставилъ бы войну. И хотя сіи послы были всѣ опъ часши его родственики, а опъ часши пріятели, однако онъ принялъ ихъ весьма грубо и спесиво, и всего шолько и сказалъ имъ въ опвѣтъ, что ежели Римляне хощають мира, то чтобъ они уступили Вольскамъ право гражданства Римскаго, какъ и Лапинамъ, и что въ противномъ случаѣ онъ имъ покажетъ, что ссылка не привела его въ уныніе, а шолько раздражила. А какъ послы пришли къ нему другой разъ, то онъ не удостоилъ уже и выслушать ихъ рѣчей.

Римляне тогда хотя и были въ великой превогѣ, однако не потеряли всей надежды. Они отправили новое посольство къ Коріолану, соспоявшее изъ первосвященниковъ и прорицателей одѣтыхъ въ церемоніальное ихъ платье, представляя въ нихъ нѣкоторымъ образомъ величество божіе. Однако Коріоланъ небольшое посмопрѣлъ и на сіе, какъ и на прежнее посольство.

Въ сей крайности Римскія дамы собрались въ Вепуріи, Керіолановой мапери. Онѣ знали, сколько сей благородной Римлянинъ имѣлъ почтенія къ своей маперѣ, и служилъ примѣромъ молодымъ людямъ. Плутархъ говоритъ, что онъ и въ сей добродѣтели, не меньше себя отличалъ опъ своихъ соперниковъ, какъ и въ своей храбрости и другихъ важныхъ дѣлахъ, и вмѣстѣ шого, что другіе ищущъ великимъ своимъ дѣламъ славы, Корі-

оланъ больше всего спарался своими дѣлами приносить удовольствіе своей матери. Сіи дамы разсудили, что не смотря на худой успѣхъ всѣхъ прежнихъ посольствъ къ Коріолану, осталось еще одно средство и надежда Риму въ матери сего гордаго изгнанника. Вепурія не отказалась помогать своему опечесиву, и пошла съ Волумніею, женою Коріолановою, которая взяла съ собою двухъ сыновъ, рожденныхъ отъ него, изъ коихъ одного несла она на рукахъ въ непріятельской лагерь, въ провожаніи великаго множества другихъ дамъ. И шакъ при семъ случаѣ дамы предпріяли защищать городъ своимъ прошеніемъ, коего мужья ихъ не могли оборонить оружіемъ.

Въ приближеніи сихъ дамъ, какъ еще не можно было раззнать, кто онѣ были, Коріоланъ, котораго ни величество авгуспѣйшаго посольства, ни почтеніе къ вѣрѣ и священному чину, поколебать не могло, думалъ, что ему ужъ гораздо легче будетъ устоять противъ слезъ сихъ женщинъ. Но одинъ изъ его офицеровъ сказалъ ему, что онъ, въ числѣ сихъ идущихъ къ нему дамъ признаетъ его мать, жену и дѣшей, Коріоланъ услышавъ сіе, бросился изъ палатки вонъ, и въ крайнемъ замѣшательствѣ побѣжалъ ей на встрѣчу, чтобы обнять и поцѣловать ее. Сія дама, истинная Римлянка, вмѣсто прозбы оказала свой гнѣвъ на него, и шолкнувъ его прочь отъ себя рукою, поспой, сказала она ему раздраженнымъ голосомъ и взоромъ; мнѣ прежде принятія твоихъ объятій, надобно знать, съ кѣмъ я говорю, съ сыномъ ли моимъ, или съ непріятелемъ? и ты здѣсь меня за мать ли свою почитаешь, или за плѣнницу? Сего ли я должна была ожидать въ нещасливой моей спароспи? И развѣ я жила долго на свѣтѣ для того только, чтобы видѣть тебя сперва изгнанникомъ, а потомъ непріятелемъ твоего опечесива? И могъ ли ты вздумать раззорять сію землю, которая тебя родила, которая воспишала тебя въ своихъ нѣдрахъ? Какъ бы жадно ни

было въ тебѣ желаніе опмищенія, и каковабъ сильна ни была твоя злоба, однако со всѣми шѣми, какъ тебѣ не могъ снягчить видъ сихъ мѣстъ, и какъ только Римъ предшавился твоимъ глазамъ, какъ ты не могъ сказать самъ себѣ: сей городъ, на который напасть я хочу, содержишь въ себѣ все то, что я имѣю дражайшаго на свѣтѣ, домъ мой, мать, жену, и дѣтей моихъ? Ежелибъ я не была мать, то бы Римъ не былъ въ осадѣ; ежелибъ я не имѣла сына, то бы скончалась вольною среди моего опечесства: и еще не достойна я крайняго сожалѣнія, что не могу ничего того снести, что тебѣ причиняешь не только безчестія, какъ мнѣ печали. Посмотри, что ты предпринимаешь, и что здѣлается съ сими бѣдными дѣтьми въ такомъ случаѣ, которые не убѣгутъ или безвременной смерти, либо долговременнаго рабства.

Сія Вепуріина рѣчь препровождается была слезами и воздыханіемъ всѣхъ Римскихъ дамъ, шущъ присупсповавшихъ, которые оплакивали свое и опечесства своего нещастіе. Коріоланъ не могъ прошивиться такому выговору своей матери, которую онъ любилъ и почиталъ много. Онъ обнявъ ее, вскричалъ: милоспивая Государыня! вы одержали надо мною несносную побѣду, которая въ скоромъ времени кончится моимъ нещастіемъ.

Такое великое почтеніе къ своей матери похвалы достойно; но онъ долженъ былъ почитать свое опечесство еще больше.

Коріоланъ, сказавъ сію рѣчь своей матери, снялъ свой лагерь, и заключилъ трактатъ между Римлянами и Вольсками, и такимъ образомъ Римъ спалъ свободенъ отъ осады. Историки не согласны между собою въ описаніи, что здѣлалось съ Коріоланомъ, по пресѣченіи сей осады. Нѣкоторые объявляютъ, что по возвращеніи его съ арміею въ Анпій, Туль началъ завидовать его славу и великой силѣ въ народѣ, и приказалъ его убить въ возмущеніи народномъ, а другіе описываютъ смерть его инымъ

образомъ. Титъ-Ливій говоритъ, что онъ дожилъ до глубокой старости, и припомъ объявляетъ славную его рѣчь, которую онъ говаривалъ, что сылка несносна, а наипаче старику.

Равно объ немъ сожалѣли, какъ Вольски такъ и Римляне, у которыхъ память его была всегда въ великомъ почтеніи. А дамы Римскія особливо ополь казали объ немъ сожалѣнія и печали, какъ бы о своемъ ближнемъ родственникѣ. Они оставили златоплканныя и порфиновые одѣянія и прочія свои украшенія, и носили по немъ цѣлой годъ печальное платье.

Мужья не завидовали той славѣ, которую пріобрѣли себѣ жены ихъ избавленіемъ отечества отъ такой великой опасности. Сенатъ, съ согласія народнаго, для соблюденія въ памяти такого важнаго произхожденія, нѣкопорымъ публичнымъ знакомъ, приказалъ соорудить храмъ Форсунѣ женской, въ разспоянїи отъ Рима на чепырѣ мили по Лашинской дорогѣ, по естѣ на самомъ помѣ мѣстѣ, гдѣ мать Коріоланова побѣдила его своею прозьбою. Сей храмъ оконченъ и посвященъ былъ въ слѣдующемъ году, и дамы однѣ имѣли право входить туда и приносить свои жертвы богинѣ Форсунѣ.

Мы видѣли Коріолана съ великими качествами, скончавшаго живою свой печальнымъ образомъ. Мало было изъ Римлянъ, которыхъ имѣли больше его достоинства. Онъ могъ преодолевать роскоши, которыхъ обыкновенно властвують надъ молодыми людьми. Онъ любилъ справедливость не отъ принужденія законовъ и не отъ страха наказанія, но по одной похвальной врожденной въ немъ къ тому склонности. Никакой сынъ не могъ имѣть большаго почтенія и снисхожденія къ своей матери, какъ онъ. Онъ, оставшись сиротою по смерти своего отца, счелъ себѣ за должность имѣть такое почтеніе и любовь къ своей матери, какимъ онъ обязанъ былъ своему отцу. Онъ былъ щедръ, поступалъ великодушно, и никогда не допускалъ своихъ пріятелей до нужды.

Т

Онъ имѣлъ удивительное и несравненное дарованіе къ военнымъ дѣламъ, и ежелибъ не препяшествовали противники его, то бы Имперія Римская подъ его предводительство могла пріобрѣсти себѣ великое приращеніе.

Великой его недоспашокъ, котораго не исправлено въ его малолѣтствѣ, ошнялъ у него всѣ плоды и доспоинство пакикъ великихъ дарованій. Онъ не имѣлъ шихоспи и снисхожденія. Онъ не имѣлъ пріятнаго виду и любезнаго обхожденія, которое склоняетъ и убѣждаетъ сердца человѣческія. Онъ былъ нравомъ жестокъ и непреклоненъ, когда кто его обидишь. Онъ не имѣлъ умѣренности въ своемъ озлобленіи, и производилъ свой гнѣвъ до самой несносной крайности, однимъ словомъ, онъ не зналъ шого средства и разумнаго снисхожденія въ нужныхъ случаяхъ, чшобъ унаравливать обходишься искусно съ людьми безъ всякаго различія; ни что ему шакъ не вредило въ походахъ, какъ нравъ его неспособной къ человѣческому сожитію. Великая его швердоспъ въ соблюденіи законовъ и дисциплины, которая не позволяла ему шерпѣшь никакой въ шомъ умѣренности, и чрезвычайная его ревность ко всѣмъ шѣмъ дѣламъ, которыя починалъ онъ за справедливыя, способствовали больше всего къ озлобленію его согражданъ, и къ ошвращенію сердець ихъ. Молодые господа учишься должны ошъ сего примѣра, сколь нужно шо, чшобъ умѣшь побѣждать и преодошвашъ швенравіе, коему пороку подверженъ былъ Коріоланъ.

Сей порокъ нечувствительнымъ образомъ велъ его по шпенно къ другому опаснѣйшему всѣхъ другихъ шрасшей, и имѣющему печальныя слѣдствія, шо ешь къ вооруженію противъ собшвеннаго своего ошечества. Другихъ пороковъ вредъ ограниченъ, и бываетъ чувствительенъ шолько одному человѣку, а по крайней мѣрѣ не многимъ людямъ, а сей порокъ пошашаетъ въ сердцѣ природную любовь къ шой землѣ, которая насъ родила

на свѣшъ, производилъ свое неистовство прошиву дѣлаго народа, и влечешъ за собою наглость, раззореніе, убивство и самое безбожное свяшопашство; и сїи злодѣянїя искалъ Коріоланъ причинилъ своему отечеству. Правда, что оно обидѣло его недоспойнымъ образомъ, заплапивъ ему за важныя его услуги ссылкой, а развѣ онъ позабылъ то, что съ отечествомъ также поступать должно, какъ и съ родителами, отъ которыхъ дѣли ихъ и самую крайнюю жестокость сносить должны терпѣливо, и что онъ никакой причины не могъ почиташъ за праведную къ тому, чтобы вооружиться прошивъ своего отечества. Онъ былъ изъ числа такихъ людей, о которыхъ говоритъ Цицеронъ, что они почиташъ себя должными и готовыми все свое имѣніе и животь посвящать на жертву своему отечеству, но которые не хотяшъ сносить отъ него ни малѣйшаго озлобленїя, ни самаго легкаго ущербу своей славы. Какое ложное честолюбїе и славолюбїе! Великіе люди не имѣють такой мысли.

И С Т О Р І Я

О ЦИМОНѢ ГЕНЕРАЛѢ АѢИНЕЙСКОМЪ.

Городъ АѢины, пошеравъ у себя самаго лучшаго гражданина, и самаго славнаго Генерала въ изгнанїи Фемисшохла, старался наградить сей ущербъ, порученїемъ команды надъ армією Цимону, кошорой былъ не меньше его достоинствомъ.

Цимонъ въ молодыхъ своихъ лѣпахъ не имѣлъ себѣ никакой чести, и не подалъ о себѣ великихъ мыслей. Примѣръ сего знашнаго АѢидейца, кошорой въ младости своей былъ въ худой славы, а попомъ прїобрѣлъ себѣ такое великое имя, доказываешъ, что несройность сихъ лѣшъ, не должна приводить насъ въ отчаянїе о молодомъ человѣкѣ, а особливо, когда онъ имѣешъ хорошей разумъ, доброе сердце и праводушныя склонности; ша-

кова свойства былъ Цимонъ. Худая его слава произвела объ немъ неблаговоленіе въ народѣ, которой при первомъ выборѣ его въ чины, принялъ его весьма худо, такъ что Цимонъ думалъ было никогда не вступать въ публичныя дѣла. Аристидъ, открывая въ немъ сквозь его недостатки великія его качества, утѣшалъ его, ободрялъ надеждою, наставлялъ на путь и старался особливо хорошо воспитать его, такъ что наставленіями своими и усерднымъ руководствомъ дѣлалъ его такимъ, какимъ онъ оказался себя въ слѣдующее время. Сія услуга его опечесству была самая важная.

Плутархъ говоритъ, что какъ Аристидъ исправилъ въ Цимонѣ первыя его погрѣшности, то послѣ того не примѣчено было въ его поступкахъ ничего другаго, кромѣ великости и благородства, что онъ не уступалъ Милшпаду въ храбрости и силости, иThemistocle вѣ оспроуміи и прозорливости; и что онъ былъ справедливѣе и лучше обоихъ ихъ, и будучи не меньше ихъ въ дѣлахъ воинскихъ, много превосходилъ ихъ въ добродѣтеляхъ.

Это бы было весьма полезно для всякаго государства, чтобы люди, превосходные во всякомъ родѣ знанія, старались научать и воспышывать по своему примѣру молодыхъ людей, въ которыхъ видяшь они хорошую къ тому склонность, чрезъ то бы они имѣли средство продолжая свои услуги опечесству и по самой смерти, и предавая чрезъ своихъ учениковъ истинное достоинство потомкамъ въ вѣчное храненіе и почтеніе, и употребленіе добрыхъ наставленій.

Не много спустя времени по изгнаніи Themistocle, Афиняне поручивъ команду надъ флотомъ Цимону, Милшпадову сыну, завоевали городъ Эгону, находившейся при рѣкѣ Спримонѣ, Амфиполь и другія мѣста во Фракіи; и какъ сія земля очень плодородна, то Цимонъ дѣлалъ тамъ поселеніе, и перевелъ туда десять тысячъ Афинцевъ.

Цимонъ покорилъ также островъ Сциросъ, на которомъ лежалъ онъ кости Тезея, сына Эгея, которой убѣжалъ изъ Афинъ въ сей островъ и скончался тамъ. Онъ приказалъ ихъ положить на свою галеру, и украсивъ ихъ великолѣпными приборами отвезъ въ свое отечество, спусти около восьми летъ послѣ убѣжанія Тезея. Народъ принялъ сѣмъ оспашки съ великою радостію, и для соблюденія въ памяти сего происшествія, учредилъ онъ споры между трагическими стихотворцами, которые были въ сей древности очень славны, и много способствовали къ приведенію въ совершенство театра, потому что они заставили трагическихъ писателей трудиться въ сихъ дѣлахъ съ великою ревностію, для полученія въ томъ преимущества. Какъ Софокль, будучи еще молодъ, началъ играть тогда впервые свое сочиненіе, то Архонтъ, которой былъ главнымъ надъ сими играми, видя, что зрители имѣли о Софокловомъ сочиненіи великой споръ и пристрастіе, принудилъ Цимона и другихъ Генераловъ, товарищей его, разсудить сѣ дѣло, которые присудили преимущество Софоклу, что было причиною великой печали и неудовольствія Эсхилу, которой по самое то время былъ первымъ на театрѣ, и для того онъ не могъ уже жить долѣе въ Афинахъ, и поѣхалъ въ Сицилію, гдѣ и скончался.

Союзные Греки взяли много плѣнниковъ у варваровъ въ городахъ Сестѣ и Византіи. Они съ почтенія къ Цимону, просили его здѣлать между ними раздѣлъ въ добычѣ. Цимонъ поспавилъ съ одной стороны плѣнниковъ со всѣми нагихъ, а съ другою положилъ всѣ ихъ дорогіе уборы и прочую добычу. Прочіе Греки жаловались сперва на сей раздѣлъ, сказывая, что онъ былъ не равенъ, на что Цимонъ въ отвѣтъ сказалъ имъ выбирать любое. И такъ они безъ дальняго размышленія, взяли Персидскіе уборы, а плѣнниковъ оставили Афинянамъ. Цимонъ поѣхалъ прочь съ оставшимъ себѣ жребіемъ, и помышлемъ былъ завесымъ не

искуснаго человѣка въ раздѣлѣ, пошому что прочіе Греки увезли съ собою золотыхъ вещей и богатыхъ одѣяній, а Аѳинейцы съ своей спорны получили однихъ нагихъ людей, копорые и къ работѣ неспособны были. Но въ скоромъ времени пошомъ прѣехали изъ Фригіи и Лидіи родшвенники и прѣехали сихъ плѣнниковъ, копорые всѣхъ ихъ выкупили за великія суммы, такъ что сими деньгами Цимонъ могъ содержать весь свой флотъ чешыре мѣсяца, и сверхъ того осшалось еще много сихъ денегъ въ народной казнѣ, не считая шѣхъ, копорыя одному ему достались. Въ слѣдующія пошомъ времена рассказывалъ онъ сей случай своимъ прѣшелямъ въшшо забавы.

Онъ упошреблялъ свое имѣніе такимъ образомъ, какъ по описываетъ Орапоръ Горгіи хошя въ крашкихъ словахъ, однако весьма хорошо и живо Цимонъ, говоритъ онъ, собиралъ богатштво для упошребленія, и упошреблялъ его для прѣобрѣшенія себѣ чести и славы. Намѣреніе, съ копорымъ упошреблялъ онъ свое богатштво, было не Христіанское. Сады его всегда отворены были его согражданамъ, и они могли брать шамъ плоды, какіе хошѣли. Онъ ежедневно имѣлъ у себя споль довольноной, но не шщеславной, копорой ни мало не былъ подобенъ шѣмъ пышнымъ и богатымъ споламъ, къ копорымъ допускающся шолько значныя персоны и въ маломъ числѣ, единшвенно шолько для оказанія великолѣпія. А Цимоновъ споль былъ просшъ, шолько довольноной, и всѣ убогіе граждане приниманы были при семъ сполѣ безъ разбору. Онъ ошвращалъ такимъ образомъ ошъ своего стола все то, что шолько пахло излишешствомъ, роскошью и хвасшовешвомъ, и чрезъ шо зберегалъ у себя довольно денегъ, не шолько на издержки своего дому, но и на нужды своихъ прѣшелей и великаго шножештва другихъ согражданъ, и показывалъ чрезъ шо, что онъ гораздо лучше зналъ, нежели другіе люди, нашу-ральное опредѣленіе и прямое упошребленіе богатштва.

Онъ хаживалъ всегда съ служителями, копорымъ приказывалъ онъ давашь скрышно деньги убогимъ людямъ. Онъ также давалъ неимущимъ одѣянiя, плашье. Онъ часшо давалъ деньги на погребенiе убогихъ людей; и чшо всего удивительнѣе, онъ всѣ сiи благодѣянiя дѣлалъ не для шого, чшобъ здѣлалъсь сильнымъ въ народѣ, и купивъ себѣ за шо благоволенiе его, попому чшо онъ во всѣхъ случаяхъ казалъ себя прошивнымъ народной царшiи, а склоннымъ къ богатымъ и сильнымъ гражданамъ.

Хошя онъ и видѣлъ, чшо всѣ другiе Генералы въ его время набогачались вымогательствомъ и хищенiемъ народнаго добра, однако самъ всегда удерживался отъ шого, и не шолько не дѣлалъ никакихъ вымогательствъ, но ниже принималъ какихъ подарковъ, и продолжалъ по конецъ своей жизни всѣ пошребныя и полезныя дѣла для республики, безъ всякой мзды и воздаянiя.

Цимонъ при другихъ своихъ великихъ качестввахъ имѣлъ великую прозорливосшь въ основанiи свойства и способносшей разныхъ людей. Въ Грецiи когда нарядъ бывалъ на какую войну, шо каждой народъ изъ союзныхъ Грековъ, кромѣ нѣкошорой суммы денегъ на военное иждивенiе, долженъ былъ давашь извѣстное число людей и кораблей. Многiе Греческiе народы, послѣ Ксерксова побѣга изъ Грецiи, опдались свободно покою, и думали шолько о паханiи земель, и желая избавишься отъ шрудовъ и опасносшей военныхъ, лучше хошѣли давашь на войну однѣ деньги безъ людей, Аѣинейцамъ однимъ поручали спаранiе о наполненiи салдашами и гребцами шѣхъ судовъ, копорыя они на войну давашь должны были. Другiе Генералы, не имѣя предвидѣнiя въ предбудущее время, принуждали ихъ къ точному исполненiю шракаша, а какъ Цимонъ всшупилъ въ генеральской чинъ, шо пошшупилъ въ шомъ со всѣмъ прошивнымъ образомъ. Онъ оставилъ сихъ союзныхъ Грековъ въ покоѣ, вѣдая чшо они изъ храбрыхъ салдашъ, каковы были прежде, здѣлаюшся неспособными къ вой-

нѣ, а только къ земледѣлію и купечеству, а между шѣвъ Аеи-
нойцы, имѣя всегда оружіе въ рукахъ, и обращаясь въ мореплава-
ннн, спанушъ навикашъ больше военнымъ дѣламъ, и дѣлашся
онѣ времени до времени сильнѣе. Въ самое дѣйствіе исполни-
лось то, что онѣ предвидѣлъ. Самые снн народы, собственнымъ
своимъ издивеніемъ и деньгами, купили себѣ госполъ, и изъ по-
варнцей и союзниковъ, какъ то они были прежде, здѣлались нѣ-
кошорымъ образомъ подданными Аеишцамъ.

Не было никого изъ Грецескихъ Генераловъ, кошорой бы споль-
ко понизилъ силу Персидскихъ Государей, какъ Цимонъ. По про-
гнаннн варваровъ изъ Греціи не даль онѣ времени опдохнушъ имъ,
но успѣснялъ ихъ сильно своимъ флотомъ, кошорой состоялъ
изъ двухъ сотъ судовъ, взялъ у нихъ самые крѣпкіе города, и
опнялъ всѣхъ союзниковъ, шакъ что не осталось при Персидскомъ
Государѣ никого изъ союзниковъ во всей Азіи, начиная онѣ Іоніи
и до самой Памфіліи. Онѣ безпрестанно гонялся за своими не-
пріятелями, опважился ашаковать ихъ флотъ, весьма многочи-
сленнѣе своего. Непрнятельской флотъ, состоявшій изъ шрехъ
сотъ шшидесяшн судовъ, находился при устьѣ рѣки Эвримедо-
на, кошорой подкрѣпляла сухопутная армія, споявшая на берегу
той рѣки. Сей флотъ обращенъ былъ шотчасъ Греками въ бѣг-
ство, и они взяли въ полонъ болѣе двухъ сотъ судовъ, не щн-
шая пошопленныхъ. Многіе изъ Персовъ бросались въ море, чшобъ
доплышъ до берегу къ сухопутной арміи. Чшо принадлежитъ до
сей арміи, шо хощя Цимонъ почель было шо за весьма дерзновен-
ное предпрншатіе, чшобъ высадишъ своихъ салдашъ упруженныхъ
уже долгимъ сраженіемъ, въ виду непрнятеля, и весшн шотчасъ
на него; но видя, чшо вся армія его просила, чшобъ весшн ее на
варваровъ, разсудилъ за благо упошребшъ въ пользу горячую
ревность своихъ салдашъ, кошорыхъ первой успѣхъ ободрилъ
чрезвычайно. И шакъ онѣ высадилъ свою армію на берегъ, и

повелъ ее прямо на варваровъ, которые, стоя крѣпко на своемъ мѣстѣ, ожидали его, и выдержали первое сраженіе съ великою храбростію; но наконецъ принуждены были уступить и бѣжать отъ Грековъ. На сей баталіи происходило великое кровопролитіе, и Греки взяли въ полонъ Персовъ великое множество, и получили богатую добычу. Цимонъ, одержавъ въ одинъ день двѣ побѣды, когорты славою почти равны были Саламинской и Плашейской, пошелъ на встрѣчу противъ Финикійскаго флота, состоявшаго изъ восьмидесяти кораблей, когорты шли на помощь Персидскому флоту, и не знали ничего о томъ, что съ нимъ дѣлалось. Сіи корабли всѣ взяты были въ полонъ, а нѣкоторые изъ нихъ пошоплены, также и салдамы почти всѣ побиты или пошоплены были.

Цимонъ, по окончаніи сихъ славныхъ дѣлъ, возвратился съ торжествомъ въ Аѣины, и употребилъ одну часть добычи на укрѣпленіе порта и на украшеніе города. Хорошо употреблять такъ богатство, которое собираетъ Генераль въ своихъ походахъ; такое употребленіе богатства приноситъ ему несравненно больше чести, нежели когда онъ употребляетъ его на соспосредствіе себѣ великолѣпныхъ палатъ, когорты хотя не скоро, однако достанутся въ чужія руки. Напротивъ того такія строенія опредѣленные на общенародную пользу, принадлежатъ будущъ ему нѣкопорымъ образомъ вѣчно, и память его проповѣдывашъ спашутъ до позднихъ потомковъ. Такія украшенія города чрезвычайно пріятны народу, когорты всегда чувствительны бывать къ такому роду великолѣпія, и могутъ быть надежнымъ и законнымъ средствомъ къ пріобрѣшенію отъ него любви себѣ и почитенія.

На другой годъ сей Генераль отправился съ флотомъ къ Геллеспонту, и выгнавши Персовъ изъ Херсона и Фракіи, когорты они прежде было завладѣли, покорилъ сіи земли подѣ

У

власть Аэнейцамъ, хотя онъ самъ собою владѣть и болше имѣлъ права по наслѣдству своего отца Милтіада, которой прежде владѣлъ сими землями. Потомъ онъ атаковалъ жителя острова Таза, которые взбунтовались противъ Аэнейцовъ, и побѣдилъ ихъ флотъ. Тазійцы, по прилѣтномъ сопротивленіи, черезъ которое время претерпѣли они великія раззоренія, здались наконецъ Аэнейцамъ, которые даровали ихъ живомъ, а удовольствовались только шѣмъ, что срыли укрѣпленія ихъ города до основанія.

А какъ Цимонъ высадилъ своихъ салдатъ на другой берегъ моря, лежащій противъ Фракіи, то завладѣлъ тамъ всѣми рудокопными золотыми заводами, и покорилъ всю тамошнюю землю до самой Македоніи подъ владѣніе Аэинъ. Онъ также могъ бы завоевать и Македонію, какъ то кажется, что ему не трудно было завладѣть нѣкоторою частью сего государства, ежелибъ онъ хотѣлъ пользоваться случаемъ. И такимъ образомъ онъ, по возвращеніи своемъ въ Аэины, позванъ былъ къ суду, за то, что не воювалъ противъ Македоніи, и обвиняемъ былъ, будто бы подкупилъ его Македонской Король Александръ. Цимонъ со всѣмъ не сроденъ былъ къ такому измѣнничеству, и по тому оправдалъ себя совершенно.

Цимонъ, по возвращеніи своемъ въ Аэины, съ великимъ сожалѣніемъ увидѣлъ достоинство Сенапа, приведенное происками Перикловыми въ пренебреженіе, и такимъ образомъ постарался онъ всѣми силами доставить сему обществу законную его власть, и возобновить Аристократію на такомъ основаніи, какъ она была во времена Клистеновы. Но непріатели его начали кричать, и возбуждать противъ его народъ. Они кромѣ многихъ другихъ дѣлъ, выговаривали ему за великую его склонность къ Лакедемонцамъ. Цимонъ подалъ причину къ сему выговору неосторожными рѣчьми. Онъ во всѣхъ случаяхъ, когда говаривалъ къ Аэи-

нейцамъ, не переспавалъ выхваляя Лакедемонцовъ, и когда онъ въ чемъ либо хуливалъ ихъ поспулку: то говаривалъ обыкновенно, что Спаршанцы такъ бы не здѣлали. Такія его рѣчи привлекли на него ненависть его согражданъ.

На четвертомъ году государствованія Архидамова было въ Спаршѣ ужасное прясеніе земли, какова не слыхано было прежде. Во многихъ мѣстахъ земля провалилась въ пропасти. Тегеса и другія горы разрушились до самыхъ ихъ основаній. У многихъ горъ верхи оторвавшись повалились на низкія мѣста. Всѣ дома въ городѣ опровержены были, исключая пяшь изъ нихъ, копорые шолько одни спаслись отъ сего ужаснаго раззоренія. Къ умноженію ихъ неблагополучія, Илошы, Спаршанскіе рабы, разсуждая, что это былъ способной случай къ освобожденію ихъ, набѣжали со всѣхъ сторонъ, чшобъ перебить Спаршанцовъ оставшихъ отъ землѣпрясенія. Но нашедъ ихъ вооруженныхъ и въ порядкѣ къ башали, по благоразумному предвидѣнію Архидамову, копорой собралъ ихъ въ одно мѣсто, бросились въ ближніе города, и съ сего времени начали производить съ ними явную войну, присовокупивъ въ свой союзъ многихъ сосѣдей, и подкрѣплены будучи помощью Мессинцовъ, копорые въ то время дѣйствительнo воевали противъ Спаршанцовъ.

Въ сей крайности Лакедемонцы послали въ Аѣины просить помочи. Эѣидашъ при семъ случаѣ противился, и говорилъ, что не должно имъ помогать и подкрѣплять такой городъ, противной Аѣинамъ, а напротивъ того оставить ихъ страдать въ сей крайности, и держать такимъ образомъ Спаршанскую гордость погранну. Такая полишика показалаь несносною Цимону, копорой шопчасъ непреминулъ предпочестъ Спаршанской пользы возвышенію своего отечества, и представлялъ сильными выраженіями, что не должно такимъ образомъ приводить Грецію въ слабость и Аѣины въ безспрашіе отъ Спаршанской силы. Онъ

склонилъ къ своему мнѣнiю народъ, и послалъ помочь Спарта-
цамъ. Подлинно Спарта и Аѣины могли почитаться за двѣ под-
поры Греціи, и шакъ ежели бы одинъ изъ сихъ городовъ погибъ,
то бы и вся Греція должна была колебаться. Правда, что Аѣи-
нейской народъ, надменнoю своею великостію здѣлался шакъ
дерзновеннымъ и предприимчивымъ, что необходимо надобно бы-
ло держашъ его въ уздѣ, чѣлобъ умѣрять чрезъ то его стремле-
ніе, а къ сему намѣренію не было способіе народа, какъ Спар-
танцы, копорые одни могли съ ними держашъ равновѣсіе, и умѣ-
рять ихъ гордость. И шакъ Цимонъ отправился съ чѣтырью
тысячами на помощь Спартацамъ.

Изъ сего видѣть можно, сколько въ республикѣ можешъ че-
ловѣкъ разумной, когда онъ къ великимъ своимъ качествамъ при-
совокупитъ швердую славу о своемъ добросердечіи, безкорыство-
ваніи и любви къ общей пользѣ. Цимонъ исполнилъ свое намѣре-
ніе безъ дальней шрудности, и вдохнулъ въ Аѣинейцовъ благород-
ныя и великодушныя мысли, въ противность мнимой ихъ поль-
зѣ, и въ противность усилю шайной зависти, которая не мо-
жешъ скрыться въ такихъ случаяхъ. Цимонъ по своей силѣ и
преимуществу въ народѣ, копорыя добродѣтель его подавала ему,
ошвелъ его ошъ такой худой и неправедной политики, которая
у другихъ обыкновенно употребляется, и заспавляетъ ихъ почи-
ташъ нещасіе своихъ сосѣдей за насшоющее свое приращеніе,
което искашъ дозволяетъ и повелѣваетъ государственная польза.
Цимоновы совѣты наполнены были разума и правдушія, но шо
удивительно, какъ онъ могъ склонить къ нимъ цѣлой народъ,
чѣто надлежало бы ожидать шолько ошъ собранія разумныхъ
и добродѣтельныхъ Сенаторовъ.

Нѣсколько времени спустя, Лакедемонцы просили еще по-
мочи у Аѣинейцовъ, противъ Мессинцовъ и Илошовъ, копорые
завладѣли Ишиомъ. Но какъ Аѣинейцы пришли къ нимъ подѣ

командою Цимона, но они начали опасаться ихъ смѣлости, силы и славы, и опослали ихъ со стыдомъ, какъ подозрительныхъ въ худомъ намѣреніи, и могущихъ обратишь свое оружіе на самихъ ихъ.

Аѳинейцы возвратились опшуда съ крайнею досадою и огорченіемъ, и съ того времени объявили себя непріятелями всѣхъ ихъ, которые были въ союзѣ съ Спаршанцами, и при первомъ случаѣ сослали Цимона въ ссылку. Это былъ первый случай, какъ оказался явно раздоръ между сими двумя народами, коюрой продолжался и возраспалъ попомъ опъ разныхъ взаимныхъ неудовольствій, и хотя было онъ упишился на нѣсколько лѣтъ шракшпомъ о перемиріи, коюрой удержалъ его продолженіе, но попомъ опяшь возгорѣлся неумѣренно во время Пелопонесской войны.

Въ продолженіи сей войны происходили многія баталіи, изъ копорыхъ самая славная была при Танагрѣ въ Беопіи, на копорой Аѳинейской Генераль Миронидъ побѣдилъ Спаршанцовъ, копорые пришли на помочъ Тебанцамъ.

При семъ случаѣ Цимонъ, почитая себя свободнымъ опъ ссылки, прѣхажъ къ своей арміи, чпобъ служить своему опечеству и сражашся съ своими одноземцами прошиву Лакедемонцовъ. Непрѣтели его приказали ему шопчасъ ишши прочъ опшуда. Онъ до опѣзду своего уговаривалъ своихъ шоварищей, на копорыхъ шакое же, какъ и на него подозрѣніе было. Будно бы они склонны были къ Лакедемонцамъ, чпобъ они дрались съ непрѣтелями со всей своей силы, и нимало себя нежалѣли; чпобъ оія баталія послужила имъ въ доказашельство ихъ невинности, и выгнала бы изъ мыслей ихъ согражданъ подозрѣніе, копорое имъ было несносно. Сіи храбрые салдашы, коихъ было числомъ шпо, возбуждены будучи сими словами, выпросили у него весь военной его приборъ, коюрой положили они въ срединѣ своего

малаго баталіона, чѣмъ ииѣшь сей подарокъ предъ своими глазами. Они дрались съ такою храбростію и свирѣпствомъ, чѣмъ до единого на мѣстѣ побиты были, и оставили по себѣ Аѳинейцамъ чрезвычайную жалость и великое раскаяніе о томъ, чѣмъ они ихъ неправедно оклеветали.

Аѳинейцы почувствовали нужду въ Цимонѣ, и для того призвали его изъ ссылки, въ которой препроводилъ онъ пять лѣтъ. Самъ Перикль, соперникъ его, представилъ о томъ народу, и издѣлалъ опредѣленіе. Такъ тогда раздоры и несогласія умѣряемы и прекращаемы были, когда требовала того государственный польза! и столько властолюбіе ихъ, самая жестокая и сильная спрась, уступала времени, и согласовалась съ нуждою отечества!

Какъ только Цимонъ прибылъ изъ ссылки, то мгновенно погасилъ войну, которая начала возгораться между Греками. Примиривъ Аѳинейцовъ съ Спартанцами, и заключивъ миръ о перемиріи на пять лѣтъ. А чѣмъ ему опияшь у Аѳинейцовъ надменныхъ великимъ щастіемъ желаніе и случай, напасть на своихъ сосѣдей и ихъ союзниковъ, то онъ заблаго разсудилъ повести ихъ далеко противу обиднаго Греческаго непріятеля, ища симъ собразомъ усилить въ военномъ искусствѣ, и при томъ обогатить своихъ согражданъ. И такъ онъ пустилъ въ море флотъ, состоявшій изъ двухъ сотъ кораблей, изъ которыхъ шестьдесятъ послалъ онъ на помощь Амирией, а съ прочимъ флотомъ отправился самъ въ Кипръ. Въ то время былъ Артабазъ въ Кипрскомъ морѣ съ флотомъ, состоявшимъ изъ трехъ сотъ кораблей, а Мегабизъ, другой Генераль Артаксерксовъ, стоялъ съ арміею въ трехъ сотахъ тысячахъ челоуѣкъ на берегахъ Киликійскихъ. Какъ эскадра, которую прежде Цимонъ отправилъ въ Египеть, возвратилась къ его флоту, то онъ пошелъ на Артабаза, и взялъ у него сто кораблей, нѣсколько потопилъ, а за остальными гнался до самыхъ Финикійскихъ береговъ. И тѣмъ неудо-

вольствовавшись, высадилъ свою армію въ Киликіи на берегъ, и напалъ на Мегабиза, побѣдилъ его, и перебилъ у него ужасное множество салдавъ. Пошомъ возвратился онъ въ Кипръ, съ глубымъ симъ поржесствомъ, и осадилъ городъ Цицій, кошорой былъ очень крѣпокъ. Онъ имѣлъ намѣреніе, по завоеваніи сего острова поѣхать въ Египетъ, и тамъ произвести новыя безпокойства варварамъ, пошому что онъ не имѣлъ посредственныхъ намѣреній, а искалъ со всѣмъ раззорить и истребить Персидское государство. Слава, что Темиспоклъ имѣлъ командовать Персидскою арміею, подавала новое поощреніе его храброспи. Но мѣ уже видѣли, что Темиспоклъ въ самое сіе время умершвилъ себя.

Аршарксерксъ, упружденъ будучи сею войною, въ кошорой прешерпѣлъ онъ такіе великіе уроны, вознамѣрился, по совѣшущихъ генераловъ, кончить ес примиреніемъ. Онъ послалъ указы къ своимъ Генераламъ, чшобъ они заключили миръ на какихъ можно лучшихъ кондиціяхъ. Мегабизъ и Артабазъ послали къ Аѳинейцамъ пословъ, для представленія о мирѣ; по чему съ обѣихъ споронъ выбраны были полномочные миниспры. Съ спороны Аѳинейцовъ, былъ припомъ главнымъ Калліасъ. А кондиціи въ шрапшѣ положены слѣдующія. 1. Чшобъ всѣ Греческіе острова въ Азіи имѣли вольность въ выборѣ законовъ и правленія, подъ кошорымибъ они жить хощѣли. 2. Чшобъ ни одинъ военной Персидской корабль не входилъ въ море, кошорое простирается отъ Гіанскихъ до Хелидонскихъ острововъ, шо естъ вачиная отъ Эвксинскаго понша и простираясь до самыхъ Пимѳилійскихъ береговъ. 3. Чшобъ никакой Персидской Генераль не приближался къ симъ морямъ съ арміею, въ разстояніи шридневногo луши. 4. Чшобъ Аѳинейцы не нападали впредь ни на какія Персидскія земли. Сіи пункты положены и кляшвою ушверждены съ обѣихъ споронъ, и миръ былъ объявленъ.

Такииъ образомъ кончилась сѣя война, кошорая послѣ того, какъ Аѳинейцы сожгли Сарды, продолжалась пятьдесять одинъ годъ, и кошорая стояла живша безчисленнаго множества Персовъ и Грековъ.

Въ то время, какъ Полномочные Министры съ обѣихъ сторонъ прудились въ заключеніи трактата, Цимонъ скончался или отъ болѣзни, либо отъ раны, кошорую получилъ онъ при осадѣ города Циція. Онъ видя себя близъ смерти, приказалъ своимъ офицерамъ опвестъ въ самой скорости флотъ въ Аѳины, и всевозможнымъ образомъ скрыть свою смерть, что было исполнено такъ скрышно; что ни непріятели, ни союзники Греческіе не провѣдали о томъ, и Аѳинейцы возвратились домой во всякой безопасности подъ предводительствомъ Цимона, хоша умершаго прежде за трицать дней.

Объ Цимонѣ сожалѣлъ весь народъ вообще, что и не чудно въ разсужденіи такога человека, кошорой соединялъ въ себѣ многія превосходныя дарованія. Онъ былъ сынъ, наполненной любви къ своему отечеству, вѣрной другъ, ревнишельной гражданинъ къ своему отечеству, великой полишникъ, совершенной Генераль, учивъ въ самомъ знашномъ чинѣ, и при великой самой славѣ, добродѣтеленъ, чтивъ даже до разпоченія, простъ въ обхожденіи, не щеславной въ великомъ изобиліи и богатствѣ; и наконецъ любитель бѣдныхъ гражданъ даже до того, что раздѣлялъ съ ними все свое имѣніе, и не стыдился ихъ убожества. Исторія не объявляетъ намъ ни о статуяхъ, ни о другихъ Монуменсахъ, здѣланныхъ въ его честь, ниже о великолѣпномъ его погребеніи. Ощенародное сожалѣніе объ немъ было безъ сомнѣнія самымъ лучшимъ его одобреніемъ. Таковы статуи суть шверды и долговременны, кошорыя не бывають подвержены переменамъ времени, и кошорыя дѣлають памяти великихъ людей вѣчное почтеніе. Пышныя монументы, мраморныя и мѣдныя статуи и

гробы, которые дѣлаются для славы вельможъ, часто презираемы бывають отъ попомковъ, кои проклинають ихъ память.

Послѣдованіе времени еще больше оказало, какой уронъ получила Греція въ Циимоновой смерти. Не было почти больше послѣ него никого изъ Греческихъ Генераловъ, кошорой бы здѣлалъ что важное, или славное противъ варваровъ. Съ шого времени Аеннейцы волнуемы были Орапорами, кошорые владѣли народомъ, и дѣлали въ собраніяхъ несогласія и раздоры. Они возставали другъ на друга, и наконецъ дошли до явной войны, а никто о шомъ и не помыслилъ, чтобъ удержашъ печальныя отъ шого слѣдствія; что послужило въ великое облегченіе Государямъ Персидскимъ, а въ крайнее разореніе Грекамъ.

И С Т О Р І Я

О

МАНЛІИ ТОРКВАТЪ ГЕНЕРАЛЪ РИМСКОМЪ.

Многіе были Манліи. Отецъ сего Манлія, о коемъ мы предлагашъ спанемъ, выбранъ былъ въ 390 году отъ созданія Рима Дикшаторомъ, и былъ весьма строгой человекъ, какъ то мы въ послѣдованіи увидимъ. Обычай былъ въ Римѣ опредѣлять Дикшатора, когда республика имѣла нужду въ скоромъ рѣшеніи какого дѣла, или великой помочѣ. Дикшаторской чинъ подавалъ полную власшь выбираннымъ въ сѣе досшойнство. Сей Манлій носилъ свое Дикшаторство съ великою власшю и строгостію. Онъ хотѣлъ, воевашъ съ Герниками, и для шого принялся за наборъ салдашъ, а какъ Римляне начали ему въ шомъ прошивиться, то онъ упшребилъ къ нимъ крайнюю жестокость. Онъ наказалъ однихъ денежнымъ шштрафомъ, другихъ велѣлъ сѣчь розгами, а нѣкошорыхъ посадилъ въ шюрму, пакъ что наконецъ всѣ народныя Трибуны воспали противъ него, и онъ принужденъ былъ уступитъ имъ и опказашъся отъ Дикшаторства. Такая его поступка досша-

Ф

вила ему наименование Манлія Жестоковласннато, котораго онъ споялъ по многимъ причинамъ.

Какъ Манліи оказался отъ Диктаторства, то Трібунъ Помпоній представлялъ на него жалобу народу, которая состояла въ томъ, что онъ во время своего Диктаторства поступалъ не правильно и жестоко. Сей Трібунъ старался еще при томъ представить его ненавистнымъ народу за жестокосердіе его, не только къ чужимъ людямъ, но и къ собственному своему сыну. Онъ на него говорилъ, что онъ, имѣя у себя сына такиахъ лѣтъ что онъ можетъ казаться въ людяхъ, и вступитъ въ службу, и на котораго не имѣетъ онъ никакой причины къ озлобленію, опослалъ его далеко отъ городу, отъ родительскаго дому, отъ публичнаго мѣста и отъ общества своихъ сверстниковъ, и приславивъ его къ рабской работѣ, засадилъ почти въ невольническую шюру, гдѣ сей молодой человекъ, Диктаторской сынъ, происхожденіе имѣющей отъ такои знаменитой фамилии, научился звать отъ своей бѣдности, что онъ родился отъ такои отца, которой по справедливости носитъ наименование Жестоковласннато; а за какую вину поступаешь онъ съ нимъ такъ жестоко, что онъ косноязыченъ. Ежелибъ сей отецъ имѣлъ хотя малу натуральной чувствительности, то не долженъ ли бы онъ стараться шикимъ образомъ поправить такой недостатокъ, нежели его дѣлалъ примѣнне, жестокою своею съ нимъ поступкою. И самые звѣри питаютъ всѣхъ своихъ дѣтей съ равнымъ усердіемъ и любовію, хотябъ нѣкоторые изъ нихъ и безобразны были. А Манліи напросивъ того поступкою своею съ сыномъ зло въ зло присовокупляетъ, и умножаетъ его природную косноязычность. И ежели въ семъ молодомъ человекѣ есть какія добрыя склонности и хорошія дарованія, то онъ ихъ погашаетъ въ земь, и искореняетъ сею деревенскою жизнію, и мужичьимъ воспитаніемъ, приводя его въ общество звѣрей.

Сии укоризненные рѣчи возбудили на Манлія всѣхъ гражданъ, видящая одного его сына, котораго содержалъ онъ въ такой жестокости. Онъ не могъ того снести, чтобы для него опецъ его перенѣлъ какую ненависть отъ народа, для того хотѣлъ, что оказавъ явно всѣмъ, что вмѣсто того, чтобы опосѣдшесшвовать доносчикамъ, предпріять онъ защищать своего отца и помогать ему. Онъ подлинно предпріять такое намѣреніе, которое по справедливости представляло отъ его дикости, въ которой онъ былъ воспитанъ, и которое было весьма опасно въ республикѣ; но прищомъ похваляное по своей причинѣ. Въ одинъ день по утру, не сказавъ онъ никому пощель въ городъ, имѣя при себѣ кинжалъ, и пришелъ прямо къ Трибуну Помпонію, которой еще снадъ, такъ онъ приказалъ ему дождаться о себѣ, что Помпоній вслѣдъ пощасъпустилъ его. Трибунъ не сомнѣвался, чтобы сей молодой человекъ, огорченной отъ своего отца, не для того пришелъ, чтобы сообщить ему новую какую причину къ обвиненію своего отца, или подать ему нѣкоторой совѣтъ, какъ производить сѣдѣло. Молодой Манлій потребовалъ его щомчасъ на особую разговоръ, и какъ они вышли и сшли два на единѣ, то онъ, выхвативъ свой кинжалъ уставиъ его Трибуну къ горлу, и сказалъ, что онъ его пронзишь шу минушу, ежели онъ не клянется ему по такой формѣ, которую онъ ему сказывать щанеть, що есть, что онъ никогда не будеть собирать народа на обвиненіе его отца. Трибунъ будучи одинъ и безъ обороны, пришелъ въ великой страхѣ щпрещеть, видя сего сильнаго человека въ звѣрской надеждѣ на свою крѣпость, держащаго предъ его глазами сверкающій кинжалъ, вслѣдъ ему присягу, которой онъ щребовалъ, и признавался щомъ съ нѣкоторою пріятностію и искренностію; онъ кощорой видѣшь можно было, что онъ не сожалѣлъ о щомъ, что одна оія Манліева наглость удержала его отъ своего намѣренія. щѣмъ

Правда, что сїя поступка была сама по себѣ несправедлива, но погрѣшность прикрыва была нѣкоторымъ образомъ, благородствомъ духа и благоговѣніемъ сыновнимъ къ своему ошцу, такимъ образомъ и народъ Римской разсудилъ осемь дѣлъ. Онъ было хошѣлъ съ полною вольностію употребить свою ярость на шакого жестокаго и гордаго человѣка, каковъ былъ Манлій Жестокогласной, но не могъ похулить дерзновенной поступки сего сына въ спасеніи своего ошца. Онъ почель ее шѣмъ похвальнѣе, что такая безмѣрная къ нему жестокость его ошца, не могла погасить въ немъ природной къ нему любви. Народъ почель себѣ за должнсть наградить шакую чесную и благородную его поступку, какъ шо мы впредь увидимъ.

Мы видимъ здѣсь въ особѣ молодого Манлія значной прииѣръ тому, что можеть и должна произвестъ природная любовь къ своему ошцу въ сыновнемъ сердцѣ, и сколько онъ долженъ имѣть къ нему почтенія и усердія. Языческіе писатели крѣпко разумѣли всю обширность сей должнсти, и сильно утверждали шо обязательство, которое налагается дѣтямъ въ разсужденіи ихъ родителей, чтообъ они не шолько скрывали и умалчивали все худое содержаніе своихъ родителей, но чтообъ они съ почтеніемъ и шерпѣніемъ сносили ошъ нихъ и самыя вопіющія несправедливости. Былъ ли когда какой сынъ несправедливѣе содержанъ ошъ своего ошца, какъ молодой Манлій? А онъ въ самое шо время, какъ прешерпѣвалъ ошъ него шакую крайнюю жестокость, за кошорую онъ видѣлъ ему ошъ иценіе, безъ всякаго своего къ шому способствія и помочи, бросился напротивъ того защищашъ его, и желая единственно спасти своего ошца, и помня, что его сынъ, позабылъ всѣ прочія должнсти.

Къ сей должнсти язычники присовокупляли еще другую, поинѣннюю ихъ, нужнѣйшую, кошорая состояла въ томъ, чтообъ бышь вѣчно усерднымъ своему ошечеству, каковы ошъ него ни дѣла-

юлся обиды. Опечество должно быть благодарнымъ за услуги своимъ гражданамъ, но жесточайшая обида и самая смертная казнь не должна приводить въ раскаяніе гражданина о своей ревности и вѣрности къ опечеству, ежели онъ прямо великодушенъ. Сіе важное наставленіе подалъ намъ Камиллъ. Правда что въ началѣ его нещастія было у него желаніе противъ своего опечества, непристойное его достоинству, которое показываетъ, сколько самыя великіе люди чувствительны бывають къ безчестию, но послѣ перваго сего движенія возвратился онъ шотчасъ къ природной склонности своего сердца, и ссылка его не послужила ни къ чему другому, какъ шолько къ умноженію и воспламененію его ревности къ опечеству, и къ оказанію ея въ болшемъ сіянїи.

Въ Монархическомъ правленїи подданные все по должны Государю, что въ республикѣ граждане своему опечеству.

Я говорилъ, что народъ Римской наградилъ молодаго Манлія за его поступку. Онъ здѣлалъ его Трибуномъ въ Легионѣ. Сей чинъ былъ равной чину нашего Полковника. Такая народная милость была велика, и здѣлана ему за одну его ревность къ своему опцу, попому что сей молодой Римлянинъ, воспитыванъ будучи по самое по время въ деревнѣ, не могъ себя оказать ни въ какомъ дѣлѣ.

Спустя нѣсколько времени потомъ, имѣлъ молодой Манлій случай оказать свою храбрость противъ Галловъ, которые приближились къ Риму на три мили. Римляне пошли имъ на встрѣчу, а какъ сошлись обѣ арміи въ виду, по простояли онѣ нѣсколько времени безъ всякаго движенія, а отдѣлены были одна отъ другой рѣкою Тeverономъ, на кошорой мостъ былъ здѣланъ. Одинъ Галль чрезвычайной величины взошелъ на мостъ и кричалъ громкимъ голосомъ, чтобъ какой храброй Римлянинъ вышелъ подрашья съ нимъ, чтобъ чрезъ сей бой узнать можно было, кошорой народъ имѣетъ больше храбрости. Чрезвычайной его

росиль успрашалъ и самыхъ прехрабрыхъ салдашь. Манлій, ко-
торой оказалъ себя великимъ своимъ надебеспрастїемъ къ своему
ошцу, пришель къ Диктатору, и сказалъ ему: Я не хочу вступь
шатъ въ такую чрезвычайной бой безъ вашего повелѣнія, хотя бы
я и увѣренъ былъ объ одержанїи надъ непрїятелемъ побѣды; а
если вы мнѣ въ томъ дадите дозволенїе, то я покажу тому
наглецу, копорой намъ ругаетса, что я произвелъ оныя шой
фамилїи, копорая низринула Галловъ съ высоты Тарпейской горы
въ стремнину. Диктаторъ въхваливши его, дозволилъ ему идти
спротивъ непрїятеля, и опомспидъ за честь Римскаго имени.
Сей храброй Римлянинъ, взявъ свое оружіе, пошелъ къ мосту,
гдѣ шохъ Галль, надѣясь на свою ужасную силу, шоржесшвоваад
уже на передъ, и казалъ въ насмѣшество и ругательство языкъ
Манлію. Если разсуждать по наружному виду, то шпо шардїя
была не равная. Галль имѣлъ у себя все казисное: росшь чрез-
вычайной, одѣяніе разноцѣпное, и оружіе позлащенное. А Рим-
лянинъ былъ посредственной величины, каковую имѣшь надобно
салдашу, и имѣлъ у себя оружіе не столь богато, сколько спо-
собное къ дѣлу. Римлянинъ идучи не кричалъ, и не производилъ ни
какихъ движеній ни оборотовъ своимъ оружіемъ, какъ шо дѣлалъ
Галль, и будучи наполненъ неуспрашимою храброшїю и скрыш-
нымъ презрѣніемъ, зберегалъ всѣ свои силы для бою. Какъ они
приблизились одинъ къ другому на мосту, въ виду обѣихъ армїй,
копорыя обѣ безпокоились объ успѣхѣ каждого, и колебались ме-
жду надеждою и страхомъ. Галль, какъ огромной и ужасной Ис-
толинь, поворошивъ передъ себя щипъ, ударилъ съ великимъ зву-
комъ саблею своею по оружію Манліеву, копорой, отразилъ сво-
имъ щипомъ шохъ ударъ, подобрался искуснымъ образомъ про-
межь Галла и его оружія, пронзилъ его на сквозь и опровергъ
мершваго на землю. Пошомъ оны снялъ съ него волошую шїшь,
и повѣсилъ ее у себя на шеи. Галлы, обьяшш будучи страхомъ

и одержаніемъ оныхъ сего случая, стояли неподвижны и внѣ себя, а Римляне съ великою радостію пошли на встрѣчу сему молодому побѣдителя, и прославляя его непрерывъ хвалами, повели въ Диктатору, какъ въ торжествѣ. При сихъ радостныхъ восклицаніяхъ, слышно было промежъ салдатами имя *Manlius Torquatus*, Манлій Торкватъ, по есть, Манлій съ золотомъ цѣпью, которое они ему дали. И сіе имя оспалось при немъ и до потомковъ неснннимъ шишуломъ его фамиліи. Диктаторъ подарилъ ему золотой вѣнецъ, и выхвалялъ много его побѣду въ присутствіи всей Арміи. Сія побѣда имѣла острое и благополучное дѣйствіе. Галлы, почитая поединочной сей бой за худой знакъ себѣ, въ слѣдующую ночь оспавили свой лагерь, и пошли въ безпорядкѣ на земли Тибуртинцовъ, которые по объявленію вѣщорныхъ писателей, привели ихъ въ сію войну.

Спуска попомъ около десяти лѣтъ самой сей Манлій здѣланъ былъ Диктаторомъ, для произведенія войны противу города Церы, которой помогалъ Тарквинцамъ раззорять Римскія земли. Объявленіе войны открыло глаза несчастливимъ Церитцамъ и они увидѣли, что не въ состояніи были противиться Римлянамъ явною войною; чего ради они употребили сильнѣйшее оружіе, по есть возымѣли прибѣжище къ ихъ милости. Они признавали свою виновность, объявляя, что она произошла отъ ихъ легкомыслія, и припомъ напоминали чрезъ пословъ Римскому народу о томъ, что они въ прошедшія лѣта, во время Галльской войны принесли въ свое покровительство всѣхъ ихъ священнослужителей, и всѣ жертвенныя вещи, Чего ради они просили Римлянъ, чтобъ они пощадилъ шакое городъ, которой чрезъ нѣсколько времени былъ хранилищемъ всѣхъ ихъ священныхъ вещей, и по справедливости почешъ можешъ за убѣжище священниковъ ихъ и Веспальныхъ лѣвницъ, и за храмъ и святцаще Рима. Народъ Римской, будучи больше чувствителенъ къ старой ихъ

услугѣ, нежели къ новой обидѣ, принялъ ихъ въ союзъ, и заключилъ перемиріе на сто лѣтъ.

Позомъ спустя два года, Манлій Торкватъ здѣланъ былъ опять Дикшаторомъ, для выбору Консуловъ. Жребій палъ на Валерія Корва, хопя онъ былъ молодъ только двадцати шрехъ лѣтъ, и припомъ въ оплучкѣ отъ Рима, однако то непрепятствовало народу объявить свои голоса на него. Дикшаторъ съ своей спороны весьма радъ былъ шому, что онъ могъ помочь сему молодому Офицеру, кошорой слѣдуя его шопамъ, оказалъ себя славно на подобномъ поединочномъ бою.

Въ чешыреста пшнадцатомъ году отъ созданія Рима, Манлій Торкватъ здѣланъ былъ Консуломъ въ шрешій разъ. Лашины, надменныя своимъ щастіемъ, здѣлались такъ дерзновенными и гордыми, что не только воевали съ Самнишандцами, въ противность Римлянамъ, но еще произвели свое дерзновеніе до того, что шребовали у Римлянъ Консульскаго чина для своего народа. Хопя объ оппаденіи отъ Римлянъ Лашинскаго народа и не лзя было сомнѣваться, однако Римляне, какъ бы это дѣло и не касалось до нихъ, а только до Самнишандцовъ, потребовали десятъ человекъ изъ знашнѣйшихъ Лашиновъ, изъ коихъ два были Преторы; то естъ Анній изъ Сеціи, а Нумидій изъ Цирцеша, кои города населены были Римскими переведенцами, для принятія повелѣнія, какое датъ имъ Сенатъ Римской за благо разсудитъ.

Какъ депуташы прибыли въ Римъ, то Сенатъ далъ имъ авдіанцію въ Капитоліи. Консулъ Манлій объявилъ имъ именемъ всего Сената, что Самнишандцы были Римскіе союзники, и пошому Лашины не должны были съ ними воевать; Тогда Анній началъ говорить не съ шихосшію и умѣренностію депутатскою, а голосомъ шрисшойнымъ побѣдишело, кошорой бы взялъ силою Капитолій. „Вы, Римляне, сказалъ онъ, просширая рѣчь свою къ Манлію и Сенаторамъ, должны бы по крайней мѣрѣ шеперь, какъ

„видите, до какой степени великости и силы дошелъ народъ
 „Латинской, собственными своими и союзниковъ своихъ силами,
 „не поступать съ нами повелительнымъ образомъ. И какъ вы
 „не хотите сами оставитьъ вашего повелительсва надъ нами,
 „то мы должны сами по всѣмъ обстоятельствомъ, какъ и можемъ
 „оставить себѣ вольность: однако мы, будучи одного съ вами
 „происхожденія, хотимъ, въ разсужденіи такого почтеннаго со-
 „за, поступить въ томъ миролюбивымъ образомъ, и какъ по у-
 „годно было богамъ сравнять силы двухъ народовъ, представить
 „вамъ мирныя кондиціи, которыхъ сравняли власть и силу обо-
 „ихъ народовъ. И по сему должно быть изъ двухъ вашихъ Кон-
 „суловъ одному изъ Римлянъ, а другому изъ Латинцевъ, и чтобы
 „число вашихъ Сенаторовъ раздѣлено было равно между вами и нами,
 „такъ чтобы Римляне и Латинцы составляли одинъ народъ и одну
 „республику и чтобы была у насъ одна общая столица Имперіи, и
 „оба бы народа назывались однимъ именемъ, какъ то необходимо
 „надобно, чтобы одинъ народъ уступилъ сію честь другому.
 „Мы склоняемся, для общаго покоя, на то, чтобы Римъ былъ
 „общимъ нашимъ опечесвомъ, и чтобы всѣмъ намъ называться
 „Римлянами.,,

Консуль Манлій, которой былъ не меньше дерзновенъ и не
 меньше гордъ, какъ сей депутатъ Латинской, такъ разъярился за
 сію рѣчь, что сказалъ, что ежели Сенаторы такъ лишены будущъ
 разума и общаго человѣческаго разсужденія, чтобы принять сіи конди-
 ціи, то онъ непременно прійми въ Сенатъ съ обнаженною шпа-
 гою, и поразить того до смерти, кто изъ Латинцевъ отважится
 занять себѣ мѣсто въ Сенатѣ. Потомъ оборотясь къ статуи
 Юпитеровой, великой боже! вскричалъ онъ, услышь такія неправед-
 ныя и незаконныя рѣчи; можешь ли ты видѣть въ святомъ твоёмъ
 храмѣ иностранныхъ Консуловъ и Сенаторовъ? Развѣ это толь
 спрашивать, Латинцы, которой дѣлалъ съ предками вашими Аль-
 банцами Король Римской Тулль, и которой возобновилъ попомъ

съ вами Тарквиній? По видимому Регильская башалія вышла изъ вашей памяти. Развѣ вы позабыли такимъ образомъ и ваши древнія пораженія, и наши оказанныя вамъ благодаренія?

Какъ Манлій окончилъ свою рѣчь, то и Сенатъ не меньше оказалъ о томъ неудовольствія. И какъ при семъ случаѣ Консулы и Сенатъ призывали на помощь боговъ, свидѣтелей пракшатовъ ихъ и союзовъ, то сказываютъ, что Анній проговорилъ презрительныя и ругательныя слова противъ Юпитера. А что подлинно извѣстно, то сей Анній выходя поспѣшно изъ преддверія храма, полетѣлъ въ низъ по лѣсницѣ и разшибъ себѣ голову объ камень такъ сильно, что пошерялъ свои чувства: а по объявленію нѣкоторыхъ писателей, тошчасъ пушъ умеръ.

Манлій опредѣленъ былъ отъ Сената къ провозанію пословъ, и увидѣвъ Анніа лежащаго на землѣ, вскричалъ такъ громко, что народъ и Сенатъ могъ слышать его рѣчь. Боги услышали нашу молитву, и небо обѣщаетъ намъ помощь. Есть провидѣніе Божіе. Есть Юпитерь, коимъ преклоняется на приносимыя ему молитвы. Не бойтесь Римляне, принимайтесь за оружіе, которое сами боги подаютъ вамъ въ руки. Я поражу и опровергну Латинскіе полки, какъ вы видите пораженнаго богами ихъ предводителя.

Сіи рѣчи сполько огорчили народъ Римской на Лашиновъ, что ежелибъ не было при послахъ начальниковъ Римскихъ, кошорые проводить ихъ должны были, то бы и всесвѣтное право не спасло ихъ отъ народной ярости. Тотчасъ объявлена была война Латинамъ. Консулы, набравши двѣ арміи, къ кошорымъ присоединились и Самнитанцы, отправились тошчасъ въ походъ, и намѣрены были сшатъ лагерьмъ подлѣ города Капуи, гдѣ назначено было зборное мѣсто у Лашиновъ и ихъ союзниковъ.

Консулы собрали военной совѣшъ, на кошоромъ разсуждаемо было о томъ, что боги, по ихъ мнѣнію, прогнѣвались на Рим-

лянь, и соглашенось, чшобъ постарашься умилоспивить ихъ шакимъ образомъ, чшобъ съ той спороны, которая прежде начнешь уступать непріямелю, Консуль принесъ себя въ жертву за народъ Римской и армію. Пришомъ зблагю разсуждено, чшобъ въ шакюй опасной войнѣ, возобновить всю древнюю строгость военной дисциплины, и для шого публикованъ былъ по всей арміи манифесшъ, которой запрещалъ подъ жестокою казнію срашась съ непріямелями безъ дозволенія Консульскаго, какимъ бы по ни было образомъ. А чшо Римляне упошребили шакую великую предосторожность, шю причиною была шому Лапинская сила, которые часшо воевали совокупно съ Римлянами противъ другихъ народовъ, и всегда сшавили въ Римскую армію съ своей спороны половину пѣхоты и двѣ шреша конницы. Ошъ сего переняли Лапины много у Римлянъ. Все было у нихъ подобно Римскому: языкъ, оружіе, дисциплина, порядокъ эволюцій, а часшо и храбросшь. Разность была шолько въ Генералахъ, которые всегда были искусіе у Римлянъ, и какъ рождены на шю, чшобъ командовать. Противъ шакюго непріямеля не можно было упошребишь довольно осторожности.

Консулы послали въ разныя мѣста нѣсколько конницы, для развѣданія о движеніяхъ непріямельскихъ, которые находились ошъ нихъ не въ далекомъ разстояніи. Манлій, Консульской сынъ, приближился съ однимъ эскадрономъ до самыхъ воротъ непріямельскаго лагеря, гдѣ его одинъ Офицеръ изъ непріямельской арміи вызывалъ съ величавостію и спесью на поединочной бой. Молодой Римлянинъ, наполненъ будучи храбросши и пламеннаго духа, не могъ снести шакюго ругательсшва, и, или съ досады, либо ошъ стыда отказашься ошъ шакюго бою, или наконецъ, какъ говоритъ Титъ-Ливій, понуждаемой необходимостію неблагополучной своей судьбы, позабылъ онъ въ сію минушу почтене и повиненіе, должное своему ошцу и Консульскому повелѣ-

нiю, и бросился слѣпо къ шакому бою, котораго успѣхъ хошя бы онъ побѣжденъ былъ, или самъ побѣдилъ, имѣлъ кончишься его гибелью. Онъ убилъ своего непрiяшеля, и ободравши его, возвратился, какъ въ торжествѣ съ своимъ ескадрономъ въ галерѣ, и пошелъ прямо къ палаткѣ своего ошца, не разсуждая о томъ, что онъ здѣлалъ, и не вѣдая, что имѣло ему за шо послѣдовашь, а ласкалъ себя только похвалами, когда онъ долженъ былъ ожидать себѣ смершной казни. Онъ предсталъ, въ полной надеждѣ, предъ своего ошца, и сказалъ ему: Милостивой государь! для показанiя всему свѣшу, что я произошелъ ошъ швоей крови, не могъ я снести ругательства ошъ непрiяшеля, которой вызывалъ меня на поединочной бой. Я его поразилъ до смерти, и предсавляю себѣ взяшую съ него добычу. Какъ только Консулъ услышалъ сiи рѣчи онъ своего сына, шо отвратилъ свой взоръ ошъ него, и приказалъ шотчасъ собрать армию. Потомъ обращаясь къ своему сыну, Манай, сказалъ онъ ему, когда ты, не уважая ни величества Консульскаго, ни власпи ошческой, отважился драшся съ непрiяшелемъ, въ противность нашему повелѣнiю, и чрезъ шо поколебалъ ты нашу воинскую дисциплину, которая по самое сiе время была крѣпостiю и поднорою нашей Имперiи, такъ что ты меня привелъ чрезъ шо до шой печальной крайности, что мнѣ не ошрается болѣе, какъ только или здѣлать подлогъ пользѣ республики, либо самаго себя со всѣмъ шѣмъ, что можешь мнѣ быть прiяшно на свѣшѣ, предашь ей на жертву; такъ я разсуждаю, что справедливѣе повешь намъ за нашу погрѣшность казнь, нежели обратишь нещастiе на неповное наше отечество. Правда, что мы чрезъ сiе подадимъ печальной и шяжкой примѣръ, но полезной Римлянамъ для предбудущихъ вѣковъ. Не думай, чтобъ ошческая во мнѣ любовь, и первой опышъ швоей храбрости, которая доставляетъ себѣ шцешную славу, могли меня преклонишь къ пощадѣнiю себя. Надобно

или утвердишь своею смертию почтение, должное Консульской власти, или вступи презрѣніе къ ней, оставивъ свою вину безъ казни. Такъ я думаю, что ты и самъ, когда имѣешь въ себѣ хотя каплю моей крови, не откажешься утвердишь, своею казнью, на старомъ основаніи военную дисциплину, которую опровергъ ты своимъ непослушаніемъ. Ликторъ возьми его и привяжи къ столбу. Такое жестокое опредѣленіе безъ сомнѣнія сподобило слезъ отца, который учинилъ его; и ежели при семъ случаѣ любовь къ общей пользѣ могла торжествовать надъ отеческою къ своему сыну любовью, то должно думать, что по крайней мѣрѣ не погасила она въ немъ чувствительности.

Вся армія, услышавъ такой жестокой и немилосердой приказъ, пришла въ великой страхъ и трепетъ, и всякъ думая, что какъ бы шпоръ приготовленъ для него, сподобилъ съ почтеніемъ не такъ отъ покорности, какъ отъ страха. Всѣ были въ глубокомъ молчаніи, но какъ они увидѣли опрубленную голову молодого Манлія, и землю обогренную его кровью, то тогда, разорвавъ свое оцепенѣніе, въ которое привелъ ихъ первый страхъ, дали вольное стремленіе своему степенію, и начали слезно жалѣть о сынѣ, а проклинали отца за его жестокосердіе. Погребеніе сему молодому Манлію здѣлано было великолѣпное. Тѣло его покрыто было добычею убитого имъ непріятеля, и костеръ здѣланъ былъ подлѣ лагера, на кошоромъ, по обычаю Римскому, сожжено было тѣло. Салдаты, при засвидѣтельствваніи ему сего послѣдняго печальнаго долгу, казали великое сожалѣніе, и прославляли его память съ великою честию,

Башалія происходила неподалеку отъ горы Везувія, гдѣ Римляне одержали совершенную побѣду, какъ Консуль Децій отдалъ себя на жертву за армію.

Какъ Манлій возвратился въ Римъ, то спарики одни вышли ему на встрѣчу, а молодые люди взирали на него съ

крайнею ненавистію, какъ тогда, такъ и во всю его жизнь.

Здѣсь надлежитъ разсмотрѣть, что должно думать о поступкѣ Манліевой, которой немилосерднымъ образомъ казнилъ своего сына за то, что онъ дрался съ непріятелемъ, въ противность его повелѣнію, должно ли ее почитать за доброе и похвальное дѣло, или за чрезвычайную жестокость, на которую нѣтъ довольнаго проклятія, потому что она простерлась до самаго варварства. Не лѣзя надивиться довольно, видя въ одномъ человѣкѣ два свойства со всѣмъ противныя, то есть благородную любовь къ своему отцу, которой содержалъ его худо, и безчеловѣчную жестокость къ сыну; коего вина состояла въ одномъ неумѣренномъ желаніи славы, которое по его лѣшамъ могло быть простительно.

Смѣлая и опасная поступка Манліева, въ спасеніи своего отца, показываетъ ясно, что сердце его было не злобно, и способно къ той чувствительности, которую подаетъ намъ натура и человѣчество. И такъ надлежитъ искать другой причины такой его поступи съ своимъ сыномъ. Ревность къ своему опечеству, которое обожалъ онъ, преодолѣло въ немъ чувства напуга и любовь отца къ сыну. Манлій былъ отецъ; но онъ же былъ и Консуль. Онъ любилъ своего сына, а больше того свое опечество, которое Римляне почитали за бога, и думали, что должны они были все приносить ему въ жертву; къ чему они обязаны были и закономъ, которой управлялъ ихъ должностями. Боги у нихъ имѣли первую степень почтенія, опечество другую, а взаимныя должності между собою отцовъ и сыновей шрешью. Когда случалось у Римлянъ, что сѣи двѣ послѣднія должності противоборствовали между собою; а чтобъ дать преимущество опечеству, то надлежало имѣть крѣпость духа. или лучше сказать, нѣкоторое звѣрство, которое заставило молчать природную чувствительность въ человѣкѣ, такъ крѣпко

впечатлѣнную въ его сердцѣ. Какое ни приписываютъ великодушіе Брушу, Манлію и другимъ славнымъ Римлянамъ въ ихъ поступкѣ противъ своихъ сыновъ, однако ежели разсудить ее безпристрастно, то должно признаться, что всякъ самъ въ себѣ почувствуетъ тайной гласъ, которой ихъ проклинаетъ, потому что такая поступка противна чувствамъ nature и чelовѣчества.

И С Т О Р І Я

o

ДІОНЪ СИРАКУЗСКОМЪ.

Діонъ былъ зять Діонисія древняго, Сиракузскаго Тиранна. Сей Діонъ имѣлъ съ природы много благородства, честности и великодушія, а благополучной случай утвердилъ въ немъ сіи дарованія. Нѣкоторое щастіе, или паче особенное провидѣніе божіе, говоритъ Плутархъ, которое хотѣло подати вольность Сиракузамъ, привело туда славнаго философа Платона. Діонъ здѣлался его другомъ и ученикомъ, и хотя онъ воспитанъ былъ и при дворѣ, гдѣ все пахло роскошью и забавами, и гдѣ полагалось совершенное добро въ изобиліи и великолѣпїи, однако онъ, какъ только услышалъ первыя наставленія отъ сего новаго учителя, и вкусилъ нѣсколько Философскаго ученія которое ведетъ къ добродѣтели, то и почувствовалъ въ своемъ сердцѣ пламенную охоту къ сей наукѣ. Платонъ объявляетъ въ одномъ своемъ письмѣ, что онъ не видалъ никого такого изъ молодыхъ людей, которой бы такъ крѣпко слѣдовалъ его ученію.

Какъ Діонъ былъ еще молодъ, и мало обращался на свѣтѣ, то видя, какъ легко могъ Платонъ перемѣнить его склонности и нравы, и доведши его къ добродѣтельнымъ и честнымъ поступкамъ, по простосердечію своему думалъ, что тѣ же самыя наставленія имѣшь будущъ такое же дѣйствіе и въ сердцѣ Діонисія

Тиранна. И въ семъ намѣреніи не далъ онъ ему покою, чѣмъ онъ слушался Платона, и имѣлъ бы съ нимъ обхожденіе. Діонисій согласился на то, и призвалъ къ себѣ Платона. Но тиранство вкоренилось въ его сердцѣ такъ глубоко, что ужъ его испребишь не можно было. Оно проникло въ его душу, какъ пашню какое, копорато вычистишь не можно.

Хотя Платонъ пребѣжаніемъ своимъ при дворѣ и не принесъ никакова плода Діонисію, однако сей Тиранъ продолжалъ къ Діону почтеніе свое и довѣренность даже до того, что сносилъ безъ досады отъ него ту вольность, съ копорою Діонъ къ нему говаривалъ. Діонисій насмѣхался въ одно время надъ правленіемъ Гелона, древняго Короля Сиракузскаго, и сказалъ въ шутку къ его имени, что онъ былъ посмѣяніемъ Сициліи. Всѣ придворныя начали удивляться и выхвалять, будто сія шутка была очень искусна и хороша, хотя она въ самой вещи была глупа и непристойна. Діонъ взялся за сію рѣчь съ разсужденіемъ, и опшваждался ему предшавить, что онъ не справедливо говорилъ о семъ государѣ, копорой, разумными и праведными своими дѣлами, показалъ образецъ совершеннаго правленія, и здѣлалъ Сиракузцамъ монархическое правленіе пріятнымъ. Вы государствуете, сказалъ онъ ему, и народъ вамъ вѣритъ для Гелона, а для васъ не повѣритъ уже онъ никому. Ели было для Тиранна много, что онъ смесъ такія рѣчи.

А какъ сей Діонисій умеръ, то вступилъ по немъ сынъ его называемой также Діонисій. Онъ былъ со всѣмъ опшвѣннаго нрава противъ своего отца. Сколько Діонисій первой былъ смѣлъ и предпріимчивъ, то, сколько Діонисій второй былъ шихъ и смиренъ. И сія его шихость была бы полезна его народу, ежелибъ она производила отъ разума и умѣренности, а не отъ природной лѣности и нерадѣнія.

Діонъ, зяшь молодаго Діонисія, могъ бы по своему разуму много помогашъ сему Государю, ежелибъ онъ умѣлъ вользовашься

его совѣтами. Въ первомъ собраніи, гдѣ были всѣ любимицы сего Государя, Діонъ разсуждалъ обо всемъ томъ, что было нужно и полезно государству по тогдашнимъ обстоятельствомъ, съ такими оспроуміемъ, что другіе при семъ случаѣ показались, какъ дѣши противъ его разумомъ, а въ праводушіи и вольности рѣчей, какъ подлые рабы пиранства, упражняющіеся въ одномъ томъ, чтобы нравиться Государю. А всего больше удивило ихъ то, что Діонъ, видя всѣхъ придворныхъ, обьямыхъ страхомъ оны силы Кареагенцовъ, готовыхъ успремиться на Сицилію, смважился утверждать то, что ежели Діонисій хочетъ мира, то должно ему шу же минушу, сѣвши на судно, ѣхать въ Африку, и стараться прозьбою отвратить сію бурю, а когда онъ лучше желаетъ производить войну, то онъ ему поставитъ, и на своемъ кошпѣ содержать будешь пятьдесятъ прехъ палубныхъ галеръ всемъ снабдѣнныхъ.

Молодой Діонисій, удивляясь, и вознося до небесъ такое великодушіе и благородство Діоново, оказывалъ ему великую благодарность, любовь и благоволеніе. Но придворные, кошорые почитали Діонову щедрость за нѣкошорое себѣ упреканіе, и великую его силу за умаленіе своей силы, вывели пошчасъ изъ того причину къ оклеветанію Діона, и никакого случая не пропустили, гдѣ только имъ можно было, приводить его въ ненависть у сего молодого Государя. Они ему шолковали, что ежели Діонъ здѣлаешся сильнымъ на морѣ, то онкроетъ себѣ путь къ Тираниіи; и симъ своимъ флосомъ ищешъ онъ доставитъ всю Королевскую власть сынамъ Аристомаховымъ, своимъ племянникамъ.

Но ни чемъ шакъ Діонъ не озоблялъ ихъ противъ себя, какъ свою жизнью, кошорюю онъ приводилъ ихъ въ порицаніе. Сии придворные, завладѣвъ сперва сердцемъ сего молодого Тиранина, кошорой воспитанъ былъ очень худо, не думали ни о чемъ болѣе, какъ шолько предшаваятъ ему безпрешанно новыя заба-

вы, пированія, увеселенія съ женщинами, и многія другія самыя порочныя роскоши. Со вступленія своего на престоль праздновалъ онъ, пировавъ и веселился цѣлые три мѣсяца, и во все сіе время не приходилъ ни одинъ разумной человекъ въ его домъ, а наполненъ онъ былъ пьяницами и шушми, и раздавался ошъ шуму, крику, безчестныхъ шушмокъ, срамныхъ пѣсенъ, танцовъ, маскерадовъ, и всѣхъ разпустныхъ игръ и забавъ. И такъ можно думать, что не было для нихъ нягоснѣе и несноснѣе, какъ присушствіе Діоново, кошорой не вступалъ ни въ какія забавы. Чего ради старались они заимить его добродѣтели мнимыми пороками, и сыскали средспиво оклеветашъ его сему Государю. Они полковали важныя его поступки, гордостію, и вольныя его рѣчи, возмущительнымъ своесольспвомъ. Какъ онъ хотѣлъ когда подашь какіе мудрыя совѣты, шо называли его спрогимъ учашемъ, кошорой силился подавашъ свои наспавленія и увѣщанія Государю не къ спашу, А когда не хотѣлъ вступашъ въ забавы съ другими, шо называли его ненавистникомъ рода человекскаго, кошорой гордясь своею добродѣтелью, презиралъ всѣхъ людей и старался бышь судіею ихъ пороковъ.

Надлежишь признашься, что Діонъ имѣлъ въ своемъ видѣ и поступкахъ нѣкошорую спрогосшь и жестокосшь, кошорая казала его гордымъ, и могла ошвращашъ ошъ него не шолько сего молодого Государя, воспитаннаго въ ласкашельствѣ и угожденіи цо и самыхъ лучшихъ его друзей и доброжелашелей. Пріятели его, удивляясь въ немъ правосшь и крѣпосши духа, благородспву и безприспашію мыслей, совѣшовали ему, чтошъ онъ, какъ государственнор человекъ, кошорому надобно умѣшь владѣшь сердцами человекскими, чтошъ чрезъ шо приводишь ихъ къ своимъ намѣреніямъ, переиѣнишь свой нравъ, кошорой казалъ въ немъ нѣкошорую жестокосшь и дикосшь. Платонъ въ послѣдованіи времени старался поправишь въ немъ сей недоспашокъ. Онъ подру-

жилъ его съ нѣкоторымъ Философомъ, которой въ обхожденіи былъ забавенъ и пріятенъ, и могъ его пріучишь къ шихому и ласковому обхожденію. Онъ напоминалъ ему о томъ также и въ письмѣ своемъ, такимъ образомъ: пожалуй переимѣни свой нравъ въ шомъ, что находясь въ тебѣ недосташокъ шихости и пріятности, и разсуди, что самое наилучшее средство къ полученію успѣха въ своихъ дѣлахъ, состоишь въ шомъ, чтобы дѣлался пріятнымъ шому, съ кѣмъ ты имѣешь дѣло. Жесткою нравъ отвращаетъ людей и приводитъ челоуѣка въ уединеніе. Однако, не взирая на сей недосташокъ, былъ онъ при дворѣ въ великомъ почтеніи, потому что превосходной его разумъ, и опимѣнное достоинство дѣлали его необходимо нужнымъ, а особливо въ шакое время, когда государство угрожаемо бывало великою какою опасностію.

Какъ онъ думалъ, что всѣ пороки молодого Діонисія происходили отъ худаго воспитанія и отъ крайняго незнанія своей должности, то для того разсудилъ заблаго привестъ его по возможности въ дружбу съ разумными людьми, отъ которыхъ полезнаго и пріятнаго обхожденія могъ бы онъ научишь своей должности забавнымъ образомъ. Сей Государь самъ по себѣ въ основаніи своемъ не былъ худъ, а надобно было только сыскашь для него челоуѣка шакихъ качествъ, какъ я прежде упомянулъ, или паче подашь ему самому желаніе искашь его.

О семъ Діонъ постарался съ крайнимъ усердіемъ. Онъ ему часто говаривалъ о Платонѣ, самомъ искусномъ и славномъ Философѣ, котораго достоинство онъ узналъ самъ собою, и которому одолженъ былъ онъ всемъ своимъ знаніемъ. Онъ ему изъяснялъ великость его разума, пространство его знанія, шихость его нравовъ и пріятность его обхожденія. Онъ представлялъ его, какъ самаго способнѣйшаго челоуѣка къ наученію его въ искусствѣ правленія; отъ чего зависѣло, какъ собственное его, шакъ и на-

рода его благополучіе. Онъ ему говорилъ, что подданные его, управляемы будучи кротоспїю, какъ какая фамилїя управляется добрымъ отцомъ, исполнялибъ охотно, за его умѣренность и справедливость, шомъ долгъ, которой они воздаюшъ ему по неволѣ и отъ принужденїя, и что онъ чрезъ шо здѣлается изъ Тиранна Королемъ справедливымъ, копоромубъ всѣ люди отъ любви повинувались.

Не лзя повѣришь, какъ сїи рѣчи, предлагаемыя безпристрастно молодому Дїонисїю, возжигали въ сердцѣ его пламенное желанїе видѣшь и имѣшь у себя Платона. Онъ писалъ къ нему прїятныя и ласкапельныя письма, и посылалъ въ Аѳины курїеровъ за курїерами, чтобъ онъ къ нему прїѣхалъ. Платонъ, которой больше опасался неудачи, а не много надѣялся плода отъ своей поѣздки, проволакивалъ сїе дѣло, и не отпказывая со всѣмъ, давалъ знать, что ему не безъ прудности было опредѣлишь себя на шо. Филозофы Пиагоровой секшты, жившіе въ большой Греціи и Ишалїи, присовокупили свою прозбу къ Дїонисїевой, которой съ своей стороны сильно упрашивалъ сего Филозофа.

Платонъ не могъ противишься шакой сильной прозбѣ, и поѣхалъ къ Дїонисїю. Онъ нашель въ немъ самыя добрыя склонности. Дїонисїй приспалъ крѣпко къ его ученїю и совѣшамъ, и переѣнилъ себя шотчасъ, такъ что всѣ шому удивлялись. Сей молодой государь по сїе время погруженъ былъ въ лѣности, роскоши и незнанїи всѣхъ своихъ должностей, воспая какъ отъ глубокаго сна, началъ открывашъ свои глаза, усмашривашъ преимущество добродѣтели, и вкушашъ сладости постоянного и прїятнаго обхожденїя, и принялся съ шакою охотою къ ученїю Платонову, какъ онъ прежде того отшращался и убѣгалъ его. Придворные, какъ обезьяны государевы, копорые во всемъ подражаюшъ склонностямъ его, начали ему въ шомъ слѣдовать.

Плодъ , которой Государь ошъ ученія получить можешъ , состояшъ въ томъ , что онъ въ состояніи будешъ управляшъ государствомъ самъ собою , и видѣшъ все собственными своими глазами , по естѣ можешъ бышъ истиннымъ Государемъ . Но сему , какъ по обыкновенно бываешъ , противились ласкашели , и придворные единодушно .

Они начали насмѣхаться надъ уединенною жизнію , къ которой пріучаешъ былъ Діонисій , и надъ ученіемъ , къ которому склоняли его , какъ бы надлежало ему бышъ Философомъ , и шѣмъ недовольны будучи , согласились еще постараться здѣлашъ ревность Діонову и Платонову подозрительною , представляя ихъ какъ безпокойныхъ бласпителей , и сстрогихъ учителей , кои употребляли надъ нимъ власть , не сходную ни съ его лѣтами ни чиномъ .

Главное стараніе сихъ придворныхъ было , чтошъ разславишъ Діоновы посшупки худыми . Они явно говорили , что шо было видимое дѣло , что Діонъ употреблялъ краснорѣчіе Платоново для того , чтошъ свесши съ пущи и обманушъ Діонисія ; чтошъ сей Государь оставилъ добровольно пресполь , а онъ бы , взявъ его въ свои руки , могъ поручишъ Аристотелевымъ дѣшамъ , которые были его племянники .

Сии рѣчи произвели шотчасъ въ Діонисіи великое подозрѣніе на Діона , которое переродилось скоро въ жестокой гнѣвъ , и открылось явнымъ разрывомъ . Пошомъ Діонисій началъ проводишъ и обманывашъ Діона наружнымъ видомъ ложнаго примиренія , и повелъ его однажды пониже замка на берегъ морской , и тамъ обвинилъ его въ союзъ съ Картегенцами противу себя . Діонъ хотѣлъ было оправдаться , но онъ не хотѣлъ его слушашъ , и въ самое шо время приказалъ его посадишъ на судно , отвесши въ Италію , и тамъ оставишъ , куда прѣхавши Діонъ отправился шотчасъ въ Пелопоннесъ .

Какъ Діонъ увезенъ былъ изъ Сиднаи, то Діонисій переѣхалъ квартиру Платону, и восплаждалъ его въ замкѣ, подъ наружнымъ видомъ почтенія къ нему, а въ самой вещи, чинилъ бытъ безопасну оу него, и недопустилъ его соединиться съ Діономъ. Онъ пришеворился, будто починялъ Платона такъ много, что побудилъ нѣкоторыхъ къ зависти, и казалъ себя наружно шакъ, будшобы онъ хопѣлъ ему уступитъ всѣ свои сокровища, шолькобъ онъ любилъ его больше, нежели Діона, онъ чего Платонъ прешерпѣлъ много. Случилась къ спашу въ то время война, которая принудила Діонисія опуститъ Платона на волю. При опѣздѣ Платона общалъ ему Діонисій возвратитъ Діона, какъ шолько кончитъ война.

Діонъ препроводилъ свое время въ Афинахъ не безъ пользы. Онъ употребилъ его на ученіе Философїи, къ которой имѣлъ онъ великую склонность, и наконецъ спросилъ, однако онъ въ шомъ наблюдалъ настоящій предѣлъ, и не ославлялъ между тѣмъ своей должности. Въ самое сіе время привелъ его Платонъ въ особливую дружбу съ племянникомъ своимъ Спевсиппомъ, которой присовокупляя къ Философской важности, забавныя и прїятныя поступки придворнаго чловѣка, умѣлъ мѣшати забавы и честныя шушки съ важными упражненїями, и которой, чрезъ сіе весьма рѣдкое въ ученомъ чловѣкѣ свойство, весьма способенъ былъ къ шому, чшобъ смягчитъ все шо, что было жестокаго, и шруднаго въ Діоновыхъ нравахъ.

Діонъ ѣздилъ и въ другїе Греческіе города, присушествовалъ на всѣхъ собранїяхъ, и обходился съ самыми разумными, и въ полишкѣ искусными людьми. Онъ опличалъ себя въ компанїяхъ не гордоснїю, которая обыкновенно бываетъ у другихъ людей его достоинства, а напрошивъ шого просшою и учшивою поступкою превосходствомъ разума и обширностїю своего знанїя и разсужденїя. Во всѣхъ городахъ дѣлали ему великую честь, а Ла-

кедемонцы объявили его гражданиномъ Спаршанскимъ , не смотря на Діонисіевъ гнѣвъ , кошорой здѣлалъ имъ великую помощь въ войнѣ прошиву Тебанцовъ. Такіе ошмѣнные знаки чеспи возбудили зависть въ семь Тираниѣ. Онъ переспалъ посылать Діону доходы съ его земель, а приказалъ ихъ собирашь въ казну.

При всей шакой худой поступкѣ съ Діономъ Діонисій почувствовалъ въ себѣ чрезвычайное желаніе видѣшь Плапона , и постарался всевозможнымъ образомъ упросить его; чшобъ онъ пріѣхалъ къ нему. Онъ склонилъ Архипа и другихъ Философовъ Пиеаторовой секшы; чшобъ они писали къ нему; чшо онъ можеть пріѣхать къ нему безъ всякой опасности, и просилъ ихъ, чшобъ они въ томъ поручились по немъ. Онъ писалъ къ нему шакже своеручное письмо, въ кошоромъ объявлялъ ему, чшо ежели онъ не склонится на его прозбу. шѣ Діонъ не долженъ ожидать ничего ошъ него, напрошивъ шого, ежели онъ пріѣдетъ къ нему, шчо вѣшь шого, въ чемъ бы онъ для него ошказалъ Діону. Какъ ни прошивна была Плапону сіа поѣздка, однако онъ не могъ противидѣсья такой сильной прозбѣ, и ошправился въ Сицилію на семидесятомъ году своей жизни.

По прошествіи первыхъ ласканій и пріятностей, Плапонъ хошѣлъ было начать Діоново дѣло, кошорое было ему очень нужно, и для коего одного шолько пріѣхалъ онъ въ Сицилію. Діонисій сперва началъ ошкладывашъ сіе дѣло, а потомъ жаловался на Діона, и силился ошвратить Плапона ошъ его дружбы. Плапонъ съ своей шпороны притворялся, и хошя ему и не сносно было, чшо Діонисій не устоялъ въ своемъ словѣ, однако онъ шого не оказывалъ наружу.

Наконецъ Діонисій, ушрудень будучи принужденіемъ себя, приказалъ продать всѣ земли и прочее имѣніе Діоново. И продажъ перевелъ Плапона изъ дворца, и пошавилъ его за замкомъ въ срединѣ своей Гвардіи, кошорые его ненавидѣли и искали убишь.

Архипъ, славной Философъ Пиеагоровой сексты, которой занималъ въ Тарентѣ первой чинъ, какъ шолько услышалъ, что Платонъ находится въ великой опасности, то и послалъ потчасъ къ Діонисію пословъ и шридцати весельную галеру, для испребованія. обрашно Платона, объявляя, что онъ не можетъ его держашъ неволею безъ публичнаго нарушенія своего слова. Сіи справедливыя представленія возбудили ошашокъ спыда въ Тиранновомъ сердцѣ, кошорой дозволилъ наконецъ Платону возвращишь-ся въ Грецію.

Какъ Платонъ оставилъ Сицилію, то Діонисій уже не хранилъ больше никакой умѣренности, опдалъ свою сестру Арету, Діонову жену, въ супружество другому мужу называемому Тимократу. Такая негодная поступка послужила за знакъ войны. Съ сего времени Діонъ вознамѣрился напасъ на сего Тиранна явною силою, и описшишь ему за всѣ причиненныя себѣ ошъ него озлобленія. Платонъ упошребилъ всѣ свои силы, чшобъ опшрашишь Діона ошъ сихъ мыслей, но видя, что всѣ его усильныя старанія бесполезны были, предсказалъ ему какое онъ имѣлъ причинишь чрезъ то себѣ нещасіе, и объявилъ пришомъ, чшобъ онъ ошъ него не ожидалъ ни помочи ни совѣшу. А по благоразумію ли или по благодарности, либо по разсужденію, что Діонъ не могъ законнымъ образомъ свергнушь Діонисія съ прешола, удерживалъ онъ Діона ошъ войны, то не извѣстно. Съ другой стороны Спевсиппъ и всѣ другіе пріятели Діоновы безпрешанно ему совѣшвали, чшобъ онъ постарался освободишь ошъ Тиранства Сицилію, кошорая преширала къ нему свои руки, и кошорая хошѣла приняшь его съ великою радосшію.

Діонъ не размышлялъ долѣе, чшобъ приняшь сей совѣшъ. Чаяштельно никогда не было никакое намѣреніе предпріято съ швакою смѣлосшію, и производимо съ такимъ благоразуміемъ. Діонъ началъ сперва набирашъ тайно иносшранныхъ солдатъ чрезъ

нѣкопрыхъ посредственниковъ, чшобъ чрезъ шо лучше скрышь свое намѣреніе. Великое множество знашныхъ людей, которые имѣли участіе въ государственныхъ дѣлахъ, соединились съ нимъ. Мѣсто назначено было на островѣ Зациншѣ, гдѣ собралось ихъ числомъ около восьми сотъ человекъ. Всѣ сїи люди испытанные въ важныхъ случаяхъ, довольно обученные военной экзерциціи, смѣлы, сильны и могли воспламенить храбросшь въ салдапахъ, копорыхъ Діонъ надѣялся сыскашь въ Сициліи и возбудить ихъ къ пораженію непріятеля, со всею шою храбросшію, копорой прребовало такое благородное намѣреніе.

Діонъ, приготовавъ великолѣпную жертву Апполлону, взялъ своихъ салдашь, копорые всѣ были одѣшы въ лапы, и пошелъ такимъ образомъ къ храму. Попомъ онъ здѣлалъ богатой пиръ всѣмъ своимъ салдапамъ. А на другой день посадилъ ихъ на два грузовыя суда, за копорыми слѣдовало прешіе небольшое судно, и двѣ шридцати весельныя галеры.

Кто бы могъ подумать, говоритъ Историкъ Діодоръ Сицилійской, чшобъ какой человекъ съ двумя кораблями могъ отважисья атаковать Государя, копорой имѣлъ у себя чешыреша военныхъ кораблей, сто тысячъ человекъ пѣхоты, и десять тысячъ конницы, великой запасъ въ хлѣбѣ и довольно оружія и богатства на содержаніе такой арміи и флота, копорой кромѣ того былъ обладатель самыхъ крѣпкихъ и великихъ городовъ, копорой имѣлъ у себя порты, арсеналы и непобѣдимыя крѣпости, и копорой подкрѣпленъ былъ великимъ множествомъ союзниковъ сильныхъ, однако окончаніе дѣла докажетъ намъ, чшо не сила арміи, не помощь союзниковъ, и не крѣпость городовъ, а добродѣтель, человеколюбіе, справедливосшь и любовь Государей къ своимъ подданнымъ сосцавляющъ подлинную и непобѣдимую силу Государей.

Діонъ, пуспившись въ море съ малыиъ своимъ войскомъ, въ осмнадцашъ дней прибылъ въ портъ малаго Сицилійскаго города Миноя, копорой находился подъ владѣніемъ Картегенскимъ. Онъ былъ тамъ принятъ очень хорошо, и пребылъ бы тамъ нѣсколь-ко времени, для снабдѣнія себя съѣстными припасами, ежелибъ не услышалъ, что Діонисій въ то время оплучился ошъ Сиракузъ, и поѣхалъ за нѣсколько времени предъ тѣиъ въ Италію съ восьмьюдесятью кораблями. Салдашы просили сильно Діона, чшобъ ихъ онъ велъ пошчасъ шуда, и для того онъ пошелъ прямо къ Сиракузамъ,

Какъ Діонъ приближился къ рѣкѣ Анапу, въ разспоявіи ошъ Сиракузъ на полмили, то оспановился на мѣстѣ, принесъ жершву на берегу шой рѣки и молитвы восходящему солнцу. Онъ уже имѣлъ при себѣ не меньше пяти тысячъ человекъ изъ шѣхъ, копорые соединились съ нимъ на пуши, и приближился съ ними къ городу. Знашнѣйшіе изъ гражданъ, копорые были въ городѣ, одѣвшись въ бѣлое плашье, вышли ему на встрѣчу, для принятія его въ городскихъ воропахъ; и въ самое то время народъ бросился на пріятелей Тиранновыхъ, и перебилъ шѣхъ, копорые подыскивались надъ нимъ, и доносили Тиранну. Прокляшые люди, злодѣи божіи и человекскіи, говоритъ Плущархъ, копорые бѣгали ежедневно по городу, подслушивали и доносили Тиранну, что говорили или думали про него граждане, а часшо чего не говорили и не думали. Они были первою жертвою ярости народной, копорой перебилъ ихъ до смерти. Тимократъ, Діонисіевъ намѣшникъ, копорой женился на Діоновой женѣ, не могли уйши въ крѣпосшь, сѣлъ на лошадь и убѣжалъ изъ города.

Въ сіе время Діонъ показался передъ городскими спѣнами. Онъ, будучи великолѣнно вооружень, шелъ передъ своимъ войскомъ, и имѣлъ при себѣ брата своего Мегакла и Аеннейца Калиппа. Какъ Діонъ вошелъ въ городъ, то приказалъ заиграшь на

шрubaхъ , для укрощенія народнаго смяшенія ; а какъ онъ упишился , шо Діонъ объявилъ ему чрезъ проповѣдниковъ , что онъ съ брапомъ своимъ пришелъ въ Сиракузы , для истребленія Тираннїи , и для освобожденія Сиракузцовъ , и всего Сицилійскаго народа опъ Тиранскаго ига. Сиракузцы , услышавъ сіе , пришли въ восхищеніе опъ радости ; и въ засвидѣтельствованіе ему своей благодарности и любви , выбрали его съ брапомъ въ Генералы съ полномочною властію.

Діонъ , взявши замокъ Эпиполь , освободилъ всѣхъ гражданъ , которые шамъ сидѣли въ неволѣ и обвелъ сей замокъ крѣпкими стѣнами. Семь дней спуспя попомъ Діонисій прибылъ изъ Италїи , и вошелъ моремъ въ крѣпость. Онъ началъ посылать пословъ къ Діону и Сиракузцамъ , и дѣлалъ предложенія , которые казались весьма полезными. На что отвѣтствовано , что прежде всего надобно опказаться опъ Тираннїи , на что Діонисій и склонялся , попомъ доходило у нихъ до свиданія и разговоровъ. А все сіе было не что иное , какъ припворъ Діонисіевъ , которой искалъ пользоваться продолженіемъ времени , и смягчить ярость Сиракузцовъ надеждою примиренія , какъ шо онъ въ самомъ дѣлѣ удержалъ у себя , и въ шюрью посадилъ пословъ , которые опправлены были къ нему , для исправленія сего дѣла , и вдругъ напалъ на стѣны , копорыми Сиракузцы окружили крѣпость , здѣлалъ въ нихъ много проломовъ , и опбилъ опъ нихъ салдашь Діоновыхъ , которой съ своей стороны сильно оборонялся , и перебилъ многихъ салдашь Діонисіевыхъ. Діоновы салдашы , награждены будучи богато опъ Сиракузцовъ , почтили Діона золотымъ вѣнцомъ.

Не смотря на великодушїе Діоново , копорое , для прїобрѣтенія Сиракузцамъ воальности , заставляло его забывать самую лучшую свою пользу , сіи граждане начали опасаться великой его власти , и подозрѣвать на него неправеднымъ образомъ , а прибы-

пше Гераклидово утвердило ихъ въ сихъ мысляхъ. Гераклидъ былъ изгнанникъ, наполненной дерзновенія и властолюбія, и шайной непріятель Діоновъ. Онъ прибылъ въ Сиракузы съ сенью шрехъ палубными галерами, и шрема другими судами, не для соединенія съ Діономъ; но для нападенія собственными своими силами на Тиранна, копорой заперся въ крѣпоспи.

Гераклидъ спарался сперва склонить къ себѣ народъ. Къ чему вкрадчивой и ласкапелной его нравъ былъ очень способенъ, а напротивъ того шрогость и важность Діонова ошвращала ошъ него народъ.

Сиракузцы собрались шотчасъ, и выбрали Гераклида Адмираломъ. Діонъ, пришелъ въ собраніе, жаловался сильно народу, и сказалъ, что чинъ данной Гераклиду умалялъ его власть, копорую они ему получили, и что онъ уже не можеть быть Генералиссимусъ, ежели другой командовать спанеть на морѣ. Сирѣчи принудили Сиракузцовъ противъ ихъ воли ошнять у Гераклида чинъ, копоримъ его почтили. Но Діонъ самъ ошдалъ ему сей чинъ, желая побѣдить благодареніями недоброжелательство своего соперника. Гераклидъ на словахъ и всѣхъ наружныхъ дѣлахъ казалъ себя весьма усерднымъ къ службѣ Діону, но въ сердцѣ своемъ искалъ вредить ему во всемъ.

Какъ убишь былъ Фелистъ Генераль Тиранновъ, то Діонисій представилъ Діону о здачѣ крѣпоспи, оружія и салдашъ съ жалованьемъ на пять мѣсяцовъ, ежели онъ согласится въ шрактатѣ дозволишь ему уѣхать въ Италію, для препровожденія шамъ ошпатка своей жизни, и уступишь доходы съ нѣкопорыхъ земель, находившихся подлѣ Сиракузъ. Сиракузцы, надѣясь дошпашъ Діонисія живаго, ошвергли сш предложенія. Діонисій, лишившись сей надежды, поручилъ крѣпость спаршему своему сыну Аполлократу, и дождавшись способнаго вѣпру, взялъ съ собою всѣ свои сокровища и нужнѣйшихъ людей, и уѣхалъ моремъ въ Италію.

Сиракузцы очень не довольны были Гераклидомъ, которой командуя галерами, упустилъ изъ рукъ Тиранна своимъ нерадѣніемъ. Но онъ такъ умѣлъ преклонить къ себѣ народъ ласкашельствомъ своимъ, и возбудить на Діона, что онъ, для спасенія своего, и салдашь своихъ живота, принужденъ былъ удалиться въ Леонтинскую землю, гдѣ онъ принялъ былъ съ великою честью и благопріятствомъ. Сиракузцы въ то время ослѣплены были благополучіемъ своимъ и радостію, которая не допускала имъ разсудить и выразумѣть достоинство Діоново, но въ скоромъ времени почувствовали они такую надобность въ немъ, что принуждены были просить его, чтобы онъ опять къ нимъ возвратился. Нипсій Генераль Діонисіевъ, ускорѣвъ время, какъ граждане, Офицеры и салдашы веселились, пировали и пьянствовали, ворвался въ городъ, и ошдалъ его на грабленіе своимъ салдашамъ.

Тогда они узнали свою погрѣшность и уронъ въ пошераніи Діона, и пришедъ въ печаль и раскаяніе о томъ, начали просить боговъ, чтобы они возвратили имъ Діона. Они послали пошчасъ пословъ къ Діону, которые при наспуленіи ночи прибыли въ Леонтинской городъ, и пришедъ къ Діону пали къ ногамъ его, обливаясь слезами, и начали рассказывать ему о нещастіи, въ которомъ находяшся Сиракузцы, и просятъ его усердно о подавніи имъ помочи.

Діонъ тронуть былъ нещастіемъ своего отечества, и не смотря на причиненную ему обиду, обѣщался подашь помочь Сиракузамъ; потомъ обратясь къ посламъ и своимъ салдашамъ, сказалъ: при семъ случаѣ не остається мнѣ долго разсуждашь, когда Сиракузы находяшся въ опасности. Я ежели не смогу спасти сего города отъ нещастія, то по крайней мѣрѣ хочу скончаться съ нимъ вмѣстѣ, и заваленъ быть его развалинами. Потомъ онъ началъ уговаривашъ иностранныхъ салдашь, чтобы они слѣ-

довали за нинѣ. Салдашы поднялись съ великимъ крикомъ, и сказали ему, чшобъ онъ шу же минушу вель ихъ на помощь Сиракузамъ. И такъ онъ отправился въ шу же ночь, чшобъ какъ можно скорѣе поспѣшь на помощь своему опечесству.

Сиракузцы тогда были еще не согласны между собою. Главнѣйшіе граждане желали усердно Діона, и послали къ нему пословъ, чшобъ онъ поспѣшилъ своимъ маршемъ, а командующіе Генералы послали другихъ пословъ, чшобъ недопустишь его въ городъ. Сіе ихъ несогласіе причиною было, что онъ слѣдовалъ весьма шихо.

Между шѣмъ Нипсій, увѣдомившись о семъ несогласіи Сиракузцовъ, здѣлалъ выласку изъ крѣпости въ большемъ числѣ салдашь, и въ большемъ надбѣяніи, нежели прежде. При семъ случаѣ разбилъ онъ и раззорилъ шѣ спѣны, которыми Сиракузцы окружили крѣпость. Салдашы его, бѣгая по всему городу, зажигали дома, грабили и убивали гражданъ. Сиракузцы убѣгая отъ пламени, убиваемы были на улицахъ; а шѣ, которыя укрывались отъ убивства непріятельскаго меча въ домахъ, выгоняемы были изъ нихъ огнемъ, пошому что многіе уже дома охвачены были пламенемъ, коихъ не догорѣвшіе осшашки валялись на проходящихъ по улицамъ людей.

Самой сей пожирающій дома пламень открылъ Діону городъ и принудилъ гражданъ согласиться отворить ему ворота. Тогда ужъ начали посылать къ нему куріеровъ за куріерами, съ прошеніемъ, чшобъ онъ поспѣшилъ свой маршь. Самъ Гераклидъ, вѣчной и непримиримой его врагъ, послалъ къ нему своего брата, а пошомъ дядю Θεодопа, просишь его всевозможнымъ образомъ, чшобъ онъ поспѣшилъ къ нимъ на помощь.

Сіе извѣстіе получилъ Діонъ, когда онъ былъ еще въ разстояніи двухъ или трехъ миль отъ города. Салдашы его употребили при семъ случаѣ великую поспѣшность, такъ что онъ

весьма скоро прибылъ къ городскимъ ворошамъ. Онъ вступилъ въ часть города, называемую Гекапомпедонъ, и пошелъ прямо сквозь городъ на непріятеля. По всѣмъ улицамъ, гдѣ ни проходилъ онъ, происходило радостное восклицаніе и желаніе побѣды, смѣшенное съ прозвбуою и умаливаніемъ отъ всѣхъ Сиракузцовъ, которые называли Діона своимъ спасителемъ и богомъ, а салдашъ его своими согражданами и братьями. Салдашы Діоновы дошли до непріятеля весьма шруднымъ маршемъ, потому что, въ которую сторону ни поворачивали, то всегда принуждены были маршировать, освѣщаемы будучи ужаснымъ пламенемъ, копорой пожиралъ дома, и должно было имъ проходить по развалинамъ въ срединѣ огня, и въ ежеминушномъ опасеніи, чшобъ не бышь задавленнымъ висящими спѣнами, бревнами и кровлями, которыя, полусожжены, будучи свирѣпымъ пламенемъ валялись на улицы, и открывая себѣ путь сквозь густой дымъ и прахъ неразорвань своихъ шереногъ и рядовъ.

Какъ они сошлись съ непріятелями, то только весьма малое число салдашъ съ обѣихъ сторонъ могли драшься, по причинѣ малаго и не равнаго иѣства. Но наконецъ Діоновы салдашы, побужденные крикомъ и воплемъ Сиракузцовъ, употребили такое усиліе, что Нипсіевы салдашы принуждены были уступитъ, и большая часть изъ нихъ ушли въ крѣпость, которая была очень близко, а оставшіе внѣ крѣпости порублены были на части.

А какъ настала день, то всѣ возмущительные орапоры, для спасенія себя отъ наказанія, ушли изъ города, а остался только Гераклидъ и Феодотъ, которые явились къ Діону, признавались, что они посупили съ нимъ очень худо, и просили его, чшобъ онъ не слѣдовалъ ихъ примѣру. Пріятели Діоновы совѣтовали ему, чшобъ онъ не щадилъ такихъ коварныхъ людей, и предаль бы Гераклида на волю салдашамъ, чшобъ искоренишь чрезъ шо такой возмущительной духъ въ правительствѣ. Но

Діонъ, для успокоенія ихъ, сказалъ имъ, что хотя другіе Генералы спараются обыкновенно о томъ, чтобы привести себя въ состояніе преодолѣть своихъ непріятелей, однако, что касается до него, то онъ препроводилъ долгое время въ Академіи, и научился шамъ искусству, какъ укрощать гнѣвъ, ненависть и всякой духъ раздора; что знакъ власпи надъ спрасъми не состоишь въ томъ, чтобы быть пріятнымъ и склоннымъ къ своимъ друзьямъ и добрымъ людямъ, но чтобы быть милоспивымъ и къ тѣмъ, которые причиняютъ намъ обиды, и всегда готовымъ проспитъ ихъ несправедливостъ; что онъ не ищетъ превосходствоватъ предъ Гераклидомъ въ силѣ и разумѣ, а въ добродѣтели и справедливости, какъ то въ семъ состоишь пряное и надежное преимущество; что ежели Гераклидъ злой, ненавистной и вѣроломной человекъ, то слѣдуетъ ли Діону помрачить и обезславить свою добродѣтель такимъ неспойнымъ гнѣвомъ. Діонъ слѣдуя симъ правиламъ проспитъ Гераклида и возвратилъ ему главную команду на морѣ; но онъ не оставилъ прежнихъ своихъ коварныхъ умысловъ.

Сиракузцы распустили морское войско, которое уже имъ не надобно было, а принялись всѣми силами за осаду крѣпости, и взвели опять около ея стѣну, которая прежде раззорена была. А какъ никто не приходилъ на помощь осажденнымъ, притомъ началъ у нихъ оказывашься недоспапокъ въ хлѣбѣ, и салдаши дѣлались свосвольными, и не наблюдали уже военной дисциплины, то Діонисіевъ сынъ лишившись надежды и всѣхъ средствъ, дѣлалъ капишулацію съ Діономъ, по которой онъ здалъ ему крѣпость, оружіе и другіе военные припасы. Онъ взялъ съ собою мать свою и сестрѣ, нагрузилъ пять галерѣ своими пожилками и людьми, и поѣхалъ къ своему отцу. Діонъ подалъ ему всевозможное средство уѣхать изъ Сициліи въ безопасности. Женщины, дѣши и шарики, побѣжали съ крайнею жадностъю къ

въ поршу, чшобъ насытитъ свои глаза шакимъ прїяшнымъ позорищемъ, и пропраздновашъ такою благополучной день, въ которой, послѣ шоль многихъ лѣтъ рабства, восходящее солнце начало въ первой разъ освѣщашъ своими лучами Сиракузскуювольность.

Дїонъ наградилъ тѣхъ, которые имѣли участіе въ благополучныхъ его успѣхахъ, смотря по чину и достоинству, прямою королевскою щедростію, а самъ онъ за такую услугу Сиракузамъ, которая сосшавляла позорище не только одной Сидилїи, но и Картегена и всей Греціи, которые почитали его за премудраго и самаго достойнаго Генерала, одобренъ и награжденъ былъ чрезвычайною честию и славою, однако онъ, не смотря на всѣ сїи обстоятельство, хранилъ всегда прежнюю свою простоту и умеренность, въ шолѣ, въ плашѣ, и во всемъ своемъ приборѣ, какъ бы онъ жилъ въ Академіи съ Платономъ, а не съ военными людьми, какъ шо Офицерами и салдашами, которые часто любяшъ роскошь и великолѣпіе.

Дїонъ имѣлъ намѣреніе утвердить въ Сиракузахъ правленіе, состоящее изъ Спаршанскаго и Крипскаго правленїя, шакъ чшобъ главнѣйшіе люди имѣли власть, и рѣшили важныя дѣла; однако и при семъ случаѣ увидѣлъ онъ препяшство отъ Гераклида, который былъ всегда несокоекъ и возмушшеленъ, и упражнялся въ одномъ шомъ, чшобъ только склоняшъ къ себѣ народъ своимъ ласкательствомъ. Дїонъ, упруженъ будучи такими его коварствами, здѣлалъ послабленіе тѣмъ, которыхъ онъ прежде не допуская до его убившва, и дозволилъ имъ исполнить свое желаніе. И шакъ они, пришедъ къ нему на домъ, убили его до смерпи.

Послѣ сего убившва, Дїонъ не имѣлъ больше ни радости ни покоя. Спращное привидѣніе, которое показалось ему ночью, привело его въ ужасное смяпеніе и сильную меланхолїю. Это была женщина чрезвычайнаго росшу, похожа по своему спращному виду, жестокому взору, и всей необычайной наружности, на

Фурію, которая вынесла его домъ. Смерть его сына, которой, для нѣкоторой своей досады, бросился съ кровли одного дому, почтена была за исполненіе сего привидѣнія, и за начало его неблагополучія, которое Калиппъ докончилъ. Онъ были Аѳинецъ, съ которымъ Діонъ свелъ крайнюю дружбу, какъ жилъ у него въ домѣ въ Аѳинахъ, и къ которому началъ онъ попомнѣннѣшъ великую ошкременность и довѣренность. Калиппъ, охладивши себя со всѣми страсти властолюбія, и желая здѣлаться обладателемъ Сиракузъ, считалъ за ни что священное право дружбы и гощенія, и предпріялъ погубить Діона, которой одинъ только могъ препятствовать его намѣреніямъ. И какъ онъ ни старался укрыть свои мысли, однако не прошло безъ того, чтобы не провѣдали о томъ сестра и жена Діонова, которыми не теряя времени, поспарались удостовѣриться объ истиннѣ сего дѣла, чрезъ точное нѣкоторое изслѣдованіе. Калиппъ, увѣдомившись о семъ, пришелъ къ нимъ въ слезахъ, и представлялъ себя неутѣшимымъ, что подозрѣвали его въ такомъ злодѣйствѣ, и думали чтобы онъ могъ предпріясть такое коварное намѣреніе. Онъ попребовали у него такъ называемой великой клятвы, которая дѣлалась такимъ образомъ: заклинаящійся человекъ одѣвши былъ въ пореировую мантію богини Прозерпины, и держа въ рукѣ зажженной факель, выговаривалъ противъ себя въ храмѣ заклинанія, самыя страшныя, какія только себѣ вообразить можно.

Клятва сія не спояла Калиппу ничего, однако онъ со всѣми шѣмъ не увѣрилъ сихъ Принцессъ. Изъ разныхъ мѣстъ приходили къ нимъ новыя извѣстія и знаки Калиппова коварства, и всѣ пріѣхали Діономъ, совѣщавали ему предупредить такое его злодѣйство скорою и праведною казнью. Но онъ не хотѣлъ того здѣлать. Убивство Гераклидова, которое почиталъ онъ за великой порокъ своей славѣ и добродѣтели, представлялось беспресмысленно въ возмущенномъ его сердцѣ, и непрерывнымъ страхомъ

возобновляло болѣзнь его и раскаяніе. Онъ будучи перзаетъ дено и ночью симъ несноснымъ воспоминаніемъ, говаривалъ, что лучше желаетъ онъ умереть сто разъ и прожмуть свою голову всякому, кякобъ ни хотѣлъ его убить, нежели жить въ ежедневномъ принужденіи и опасеніи, не только отъ своихъ непріятелей, но еще и отъ самыхъ лучшихъ друзей.

Калиппъ не достоинъ былъ сего имени. Онъ старался успѣть въ своемъ беззаконіи, и приказалъ Зацинпскимъ салдашамъ, которые ему были очень вѣрны, убить Діона.

Послѣ сего убивства, Калиппъ былъ нѣсколько времени въ великомъ щасшіи. Онъ завладѣлъ Сиракузами помощію салдашъ, которыхъ онъ склонилъ къ себѣ подарками. Язычники думали, что божество должно казнить въ сей жизни скорымъ и явнымъ образомъ великія беззаконія. И такимъ образомъ и безъ негодованія смосилъ, что самой лютой злодѣи рода человѣческаго достигъ до такой великой власти, самымъ проклятымъ и безбожнымъ средствомъ, однако провидѣніе божіе не замедлило оправдать себя въ томъ. Калиппъ получилъ скорѣе достойную казнь за свои беззаконія. Какъ онъ отправился съ арміею, для завоеванія Кашана, то городъ Сиракузы взбунтовался противъ его и свергъ съ себя иго такого безчестнаго рабства. Потомъ Калиппъ пошелъ атаковать Мессину, гдѣ онъ потерялъ много людей, а особливо всѣхъ Зацинпскихъ салдашъ, которые убили Діона. Ни одинъ Сицилійской городъ не хотѣлъ принять его, а всѣ ненавидѣли, какъ проклятаго чловѣка. И такимъ образомъ уѣхалъ онъ въ городъ Регій, гдѣ препроводилъ остатокъ своей жизни въ неблагополучномъ сословіи, а потомъ убитъ былъ отъ Лепшина и Полиперхона, и объявляютъ, что самымъ же шѣмъ князю, которой упошребленъ былъ на убіеніе Діона.

Что касается до Ариспомахи и Арены, сестры и жены Діоновой, какъ онѣ освободились изъ плѣны, въ кошеру поса-

диль ихъ Калиппъ, по Ицетъ Сиракувской, которой была: Другъ Діону, принялъ ихъ въ свой домъ, и содержалъ весьма честно и хорошо, такъ что сія его поступка могла служить за примѣръ, ежелибъ онъ продолжалъ ее постоянно, но наконецъ непріятели Діоновы отвели его отъ него, и онъ велѣлъ ихъ посадить на судно, какъ бы желая отправить въ Пелопонесъ, а между тѣмъ приказалъ матрозамъ убить ихъ на пуши, и бросить въ море; однако онъ не много времени пребылъ безъ наказанія за такую свою проклятую невѣрность. Тимолеонъ взявши его умертвилъ, а Сиракузцы, чтобъ совершить отмщеніе за Діона, приказали еще убить двухъ дочерей сего предавшаго.

С в о й с т в о Д і о н о в о .

Трудно сыскать сколько добрыхъ качествъ соединенныхъ въ одномъ человѣкѣ, какъ то видно въ Діонѣ. Я не разсуждаю о великой его склонности къ наукамъ и объ искусствѣ, какъ онъ могъ соединять ихъ съ гражданскими и военными дѣлами, почерпавъ изъ нихъ правила служащаго къ добрымъ поступкамъ и государственному правленію, и имѣть такое полезное и честное отдохновеніе отъ трудовъ въ наукахъ. Я удивляюсь въ немъ великодушію его, благородству мыслей, щедрости его въ раздачѣ своего имѣнія, геройской храбрости на багальяхъ, соединенной съ безспраспѣемъ и прозорливостію, обширности разума, которой могъ производить великія дѣла, непоколебимой крѣпости въ великихъ опасностяхъ, и въ нечаянныхъ прошивныхъ оборонахъ фортуны, любви къ отечеству, и общей пользѣ почти чрезвычайной, и въ семъ заключается часть добродѣтелей Діоновыхъ. Намѣреніе, которое предпріять онъ, чтобъ спасти свое отечество отъ Тиранскаго ига, смѣлость и благоразуміе, съ которыми произвелъ онъ его въ дѣйство, показывающъ намъ, что онъ могъ дѣлать?

Но что всего лучше и удивительнѣе нахожу я въ Діоновой

жизни, и ежели можно сказать выше человечества, то было его великодушье и неслыханное щербиѣе, съ которыми онъ свосилъ неблагодарность своихъ гражданъ. Онъ все оставилъ; онъ все посвятилъ на жертву, для того только, чтобы припши имъ на помощь. Онъ поколебалъ Тиранию до ея основанія, и касался уже къ тому степени, чтобы утвердишь ихъ въ совершенной вольности. Но въ награжденіе за такія его услуги, выгнали они его безчестнымъ образомъ изъ города, съ небольшимъ числомъ иностранныхъ салдавъ, коихъ вѣрности къ нему повредити не могли. Они опягошили его многими озлобленіями, и присовокупили къ невѣрности своей самыя жестокайшія обиды. Онъ въ наказаніи неблагодарныхъ сихъ и мятежныхъ людей не имѣлъ шрудности, какъ только здѣлашь одно движеніе, и дозволишь озлобленнымъ своимъ салдавамъ пешупити съ ними по своему гнѣву. Но обладая ихъ сердцами, равно какъ своимъ, удержалъ ихъ шремленіе, не обезоруживая со всѣмъ ихъ рукъ. Онъ укротилъ праведной ихъ гнѣвъ, и въ самомъ огнѣ и горячести сраженія дозволилъ имъ спрашашъ, а не убивашъ своихъ неприятелей, пошому что онъ почиталъ ихъ всегда за своихъ согражданъ и братьей.

Кажешся, что нѣтъ, за что порицашь Діона, кромѣ одного его недосшатка. Онъ былъ жестокаго и швердаго нрава, копорой дѣлалъ его не обходительнымъ и неприступнымъ, и копорой нѣсколько опдалалъ опъ него самыхъ добрыхъ людей, также и самыхъ лучшихъ пріидшей. Плашней и другіе, копорые имѣли нужду въ его славѣ, часто говаривали ему о шомъ. Онъ не смотря на порицанія, копорыя дѣлали ему за весьма тяжкую его важность и несмятчимую шрогость къ народу, не хотѣлъ нимаго перемѣнити своей поступки, или по своему нраву, со всѣмъ несклонному къ ласкательству, либо по своему намѣренію, копорое имѣлъ онъ, чтобы поправишь Сиракузцовъ, испорченныхъ

и поврежденныхъ ласкашельными и вкрадчивыми Орапурекскими рѣчьми, и пошому разсудилъ заблаго упошребляшь къ нимъ строгое и жестокое повелительство.

Діонъ обманулся въ самомъ важномъ пунктѣ правленія. Надлежашъ знашь, что начиная отъ престола, и до самаго нижняго чина въ государствѣ всякъ, кому только поручается какая власть повелѣвать другими, долженъ прежде всего научиться искусству, какъ умѣнь владѣть людьми, склоняшь ихъ сердца, обрацашъ ихъ по своей волѣ, и приводишь къ своему намѣренію; чего здѣлашь не лъзя, повелѣвая людьми строго и спесиво, и довольствуясь однимъ жестокимъ показаніемъ имъ правилъ и порядка должности ихъ. Въ самой добродѣтели и въ самомъ порядочномъ опправленіи должности есть нѣкоторая точность и твердость, или паче неумѣренная жестокость, которая часомъ перерождается въ порокъ, ежели она произведена будетъ до крайности. Я знаю, что никогда не дозволяется скривляшь правила. Но шо бываетъ всегда похвально, а часто и нужно, чтобы смягчашъ его и дѣлашь сноснѣе; что производишь въ дѣйство по большой части лихою и пріятною поступкою, чтобы не всегда разыскивать должности съ крайнею жестокостію, а представляшь себя невидящимъ малыхъ погрѣшностей, которыя не стояшь того, чтобы ихъ выводишь наружу, а надобно наказывать, и шо съ милоспїю; важнѣйшія преступленія; однимъ словомъ, должно спараться всевозможнымъ образомъ приводишь себя въ любовь, и дѣлашь добродѣтель и должность любимою.

Дозволеніе Діоново на убивство Гераклида, которое получено отъ него съ великою трудностію, или паче испоргнушо было силою противъ его нрава, и противъ его обыкновенной пошупки, стояло ему много, и привело его въ крайнее смятеніе и горестѣ, которая продолжалась во всю остальную его жизнь до самой смерти, коей причиною была самая же сей случай.

И С Т О Р І Я

СЕРТОРИИ ГЕНЕРАЛЪ РИМСКОМЪ.

Серторій, о кошоромъ мы говоримъ будемъ, прославился своею храброспїю, разумомъ и добродѣтелью, въ такое время, когда, уже въ Римѣ не стали заботиться о томъ, какимъ образомъ, а только бы получишь успѣхъ въ своемъ желанїи. Онъ, будучи еще молодъ, служилъ въ Цепіоновой арміи противъ Цимбровъ, и еще въ то время имѣлъ столько силы и смѣлости, что переплылъ рѣку Рону въ лапахъ и со щипомъ.

Онъ былъ человекъ плодовоснаго разума, которой умѣлъ соединять хитрость съ смѣлостью, какъ то видѣть можно изъ слѣдующаго примѣра. Онъ былъ въ гарнизонѣ города Каспула, находившагося въ Гишпанїи при рѣкѣ Бѣшисъ. Римскіе саадапы, будучи тамъ въ довольствѣ и изобилїи, пуспились въ пьянство и другїя роскоши. Жители Каспульскіе, видя сіе, попользовались ихъ оплошностью. Они бросились къ Гиризенцамъ, которые были ихъ сосѣди и союзники, и выпросивши у нихъ вспомогательное войско, впустили его тайнымъ образомъ въ свой городъ, и бросились съ симъ войскомъ на Римлянъ, которыхъ побили они великое множество. Серторій убѣжалъ изъ города, и собравши другихъ Римлянъ, которые также, какъ и онъ, ушли изъ города, пошелъ прямо къ шѣмъ ворошамъ, въ кошорыя вошло вспомогательное войско. Варвары не употребили той осторожности, чтобъ поставитъ тамъ карауль. Серторій завладѣлъ сими ворошамъ, и оставивши при нихъ карауль, самъ съ прочими Римлянами напалъ на Гишпанцевъ, и порубилъ ихъ всѣхъ.

Потомъ, неудовольствовавшись сею побѣдою, приказалъ передѣться Римлянамъ въ плаще побитыхъ Гишпанцевъ, и повелъ ихъ въ самой скорости къ городу Гиризенцовъ, которые обманувшись Гишпанскимъ одѣянїемъ, думали, что это шли сограждане ихъ

съ побѣдаю, и разшворили всѣ свои врата. Серпторій вошелъ въ городъ, перебилъ многихъ, а другихъ, которые здались на дискрецію, продалъ. И такимъ образомъ не только доспалъ опять городъ, которой почти потерянь былъ Римлянами, но еще присокупилъ къ тому и другой новозавоеванной городъ.

Серпторій оказалъ себя на войнѣ прошиву Марсовъ, хотя онъ былъ шамъ и не главнымъ командиромъ. Онъ былъ казначеемъ, и имѣлъ въ своемъ вѣденіи Галлію лежащую по сѣю сторону Альпійскихъ горъ. Какъ онъ получилъ повелѣніе набрать шамъ салдавъ и надѣлать оружія, то онъ исполнилъ двойную сѣю комиссію съ такимъ проворствомъ и исправностію, что чрезъ то много оплечилъ себя онъ другихъ молодыхъ людей своихъ лѣтъ, которые будучи слабы и не упражнявшіеся въ дѣлахъ, почисали чины за одни шипулы, и заставляли другихъ трудиться, а сами не хотѣли ничего дѣлать.

Онъ же остановился при однихъ сихъ спокойныхъ дѣлахъ, которыми пребываютъ только попеченія, а не имѣютъ никакой опасности. Онъ былъ на многихъ сраженіяхъ, гдѣ онъ оказывалъ такую же храбрость, какъ и въ прежнія лѣта. И какъ онъ, не щадя себя, шелъ всегда противъ ударовъ, то потому часто получалъ раны, а особливо одну такую, которая лишила его одного глаза. Сіе безобразіе его лица служило ему за причину радости и шоржества. Онъ говаривалъ, что другіе не могли носить всегда съ собою знаковъ своей храбрости, какъ то вѣнцовъ и другихъ военныхъ награжденій, а онъ напротивъ того опыши своей храбрости всегда носилъ съ собою, и никто не могъ смѣть на его безобразіе, безъ удивленія его храбрости. Народъ дѣлалъ ему въ томъ должное почтеніе. Въ одно время, какъ онъ пришелъ на театръ, то принялъ его народъ съ восклицаніемъ и плесканіемъ рукъ; что не часто дѣлалось и для шарыхъ генераловъ.

Какъ Цинна былъ выгнанъ изъ Рима, то онъ увелъ съ собою нѣсколько сенаторовъ. Неблагополучныя обстоятельство привели Серпурія въ сію партію, во время раздора между дворянствомъ и народомъ въ Римѣ. Онъ по своей природѣ, долженъ былъ прилѣпляться къ партіи народной. Какъ онъ служилъ въ Цимбрскую войну подъ командою Марія, то получилъ себѣ много чести. А какъ онъ просилъ себѣ Трибунскаго чина, то Силла, начальникъ дворянской партіи, не допустилъ его до сего чина. И сіи обстоятельство привлекли Серпурія въ сію несчастливую партію, кошорая наполнила жизнь его трудностію и безпокойствіемъ; однако несчастіе не причинило ни малѣйшаго ущерба его славѣ. Онъ одаренъ былъ великодушіемъ и знаніемъ воинской науки, чрезъ то онъ могъ здѣлаться въ республикѣ первымъ человѣкомъ. Но по несчастію принужденъ онъ былъ во всю жизнь употреблять сіи дарованія противъ собственныхъ своихъ согражданъ, и наконецъ умереть бѣднымъ образомъ отъ предательства своихъ друзей. Доброе это поученіе для другихъ людей, кошорое они примѣчаютъ должны, чтобъ поступать осторожно въ своей младости, пошому что безразсудныя дѣла могутъ привлечь неблагополучіе на всю ихъ жизнь.

Какъ Силла взялъ армію у Консула Сципіона, то Серпурій, опчаявшись объ успѣхѣ такой войны, кошорую производилъ имѣли искусные Генералы, поѣхалъ въ Гишпанію, кошорая досталась ему въ правленіе, послѣ его Преторства. Онъ въѣхалъ туда не безъ трудности. Пиринейскихъ горъ ущелья заняты были варварами, съ кошорыми ни чемъ кромѣ денегъ раздѣлаться не можно было. Товарищамъ его показалось то досадно, что Проконсулъ Римской плашилъ нѣкошорой родъ дани и пошлину за проходъ такимъ бѣднымъ горнымъ жителямъ. Но Серпурій, какъ разумной человѣкъ, кошорой зналъ наилучше соблюсти свою честь, когда гдѣ было въ спашу, насмѣхался надъ сею непри-

пойною гордостію, и говорилъ, что онъ покупаетъ время, которое всего дороже для такого человѣка, которой хочешь произвести великія дѣла. Онъ давъ деньги варварамъ, прошелъ чрезъ горы, и спараніемъ своимъ завладѣлъ Гишпанією.

Онъ вознамѣрившись утвердиться и основать себѣ жилище въ Гишпаніи, постарался склонить къ себѣ природныхъ жителей той земли. Жадность и несправедливость прежнихъ Преторовъ вдохнула въ нихъ отвращеніе и ненависть къ Римскому правленію. Серпторій склонилъ къ себѣ главнѣйшихъ людей разныхъ шамошнихъ народовъ, пріятными и добрыми поступками, а просполудиновъ уменьшеніемъ налоговъ. Но всего больше угодилъ онъ Гишпанцамъ тѣмъ, что снялъ у нихъ съ кварширъ своихъ салдашъ, и приказалъ имъ соорудить около городовъ казармы, въ которыхъ сшалъ онъ самъ прежде всѣхъ. Тогдажъ взялъ онъ въ салдашы всѣхъ тѣхъ Римлянъ, которые находились въ Гишпаніи, и могли по своимъ лѣшамъ нести службу, и приказалъ соорудить разныхъ родовъ машины и шрехъ палубныя галеры. И симъ образомъ оказывалъ онъ себя спрашнымъ въ военномъ пріутошовленіи, а кропкимъ и милосшивымъ въ правленіи.

Онъ имѣлъ причину содержать себя въ предосторожности и дѣлать великія пріутошовленія, потому что какъ только паршія Карбонова и Маріева истреблена была, и Силла здѣлался обладателемъ республики, какъ то онъ предвидѣлъ, то Анній посланъ былъ отъ Рима воевать противъ его. Онъ зналъ, что весьма нужно было запереть проходы Пиринейскихъ горъ; и для того приказалъ занять ихъ Ливію Салинапору съ шестью тысячами человѣкъ пѣхоты. И такимъ образомъ Анній одержанъ былъ при основаніи сихъ горъ, и оспался бы шамъ въ великомъ замѣшательствѣ, ежелибъ не помогла ему измѣна. Нѣкто Калпурній Ланарій убилъ Салинапору. И такъ салдашы его, лишившись предводителя, разбѣжались, и Анній прошелъ Дефилей, и при-

нудилъ Серторія , кошорой не въ состоянїи былъ пропитьнсья ему въ полѣ, заперешься въ Кареагенѣ , съ шремя тысячами челоуѣкъ. Онъ шамъ не пробылъ долѣе, какъ шолько пока успѣлъ посадить своихъ салдашъ на корабли , и отправился въ море. Онъ ѣздилъ нѣсколько времени по Гишпанскимъ и Африканскимъ берегамъ, и покушался въ разныхъ мѣстахъ выходить на берегъ, но всегда съ худымъ успѣхомъ. Наконецъ онъ , соединивши свой флошъ , съ нѣсколькими малыми судами Киликійскихъ разбойниковъ , прошелъ проливъ и выступилъ на берегъ по шу сторону рѣки Бешиса.

Какъ онъ былъ въ семъ мѣстѣ, шо новоприбывшіе изъ Атлантическихъ оспрововъ мореплаващели описали ему шамшнїя мѣста шакъ, что онѣ его плѣнили. Они ему сказали, что климашъ шакъ былъ хорошъ, что рѣдко шамъ шель, и шо умѣреншой дождь, и что шамшняя шпорона прохлаждаема была морскими вѣшрами, кошорые разсѣвали по ней прїяшнюю росу, что земля шамъ плодоносна, шакъ что она не шолько ошъ паханїя, но и сама собою приносила изобильные плоды , кошорыхъ довольно было на содержанїе великаго множества жителей; однимъ словомъ это были, по общему мнѣнїю сихъ варваровъ , Елисейскїя поля , прославленныя Гомеромъ. Сїи мѣста были не что иное, какъ Канарскїе оспрова. Серторїй предпрїялъ было намѣренїе преселитьсѣ въ сїю изобильную землю , и препроводить шамъ благополучную и неповинную жизнь , въ ошдаленїи ошъ мяшежа войны и Тираннїи. И шакъ онъ сказалъ о своемъ намѣренїи Киликійскимъ разбойникамъ , но ишъ не показалось сїе мнѣнїе , и они ошавивъ его, поѣхали въ Мавришанїю, гдѣ нашедъ двухъ народовъ въ войнѣ, приняли одного паршїю.

Серторїй опасаясь, чтошбъ не бросили его и ошальные салдашъ и прїящели, присталъ къ другому народу , кошорому онъ безъ шрудности доставилъ побѣду. Тамъ завладѣлъ землею Тин-

тисомъ. Онъ не обманулъ тамошнихъ жителей, которые положились на его вѣрность, для того что онъ всѣ ихъ города, земли, богатства и прочее отдалъ имъ обратно, а удовольствовался только законнымъ награжденіемъ, коимъ бы онъ могъ содержать чрезъ нѣсколько времени небольшой свой корпусъ салданъ, коюрой сославлялъ всю его надежду.

Но сія ему помощь была временная, которая не могла избавить его отъ всего несчастія; и онъ былъ въ великомъ затрудненіи, видя, что имѣло съ нимъ тамъ послѣдовать, какъ между шѣмъ, къ обрадованію его, пріѣхали къ нему послы изъ Люзитаніи, которые просили его, чтобъ онъ соизволилъ принять надъ ними команду. Люзитанской народъ защищалъ еще свою вольность противъ Римлянъ, и въ то время будучи отъ нихъ сильно утѣсненъ, по славѣ, которую Серторій въ краткое время пребыванія въ Гишпаніи пріобрѣлъ себѣ, возымѣлъ приближиться къ Серторію, какъ шакому Генералу, коюрой одинъ могъ его спасти.

Правда, что они въ томъ не обманулись. Серторій былъ подлинно великой человекъ, котораго не могла смутить роскошь, ни поколебать страхъ. Онъ былъ не устрашимъ въ опасности и умѣренъ въ щастіи. Никакой Генералъ его времени не могъ его превзойти смѣлостію въ полевыхъ баталіяхъ, и ни кто не могъ сравниться съ нимъ въ хитрости и искусствѣ, какъ подавалъ себѣ преимущество положеніемъ мѣста, и въ скорости, съ какою онъ проходилъ горныя ущелія и дефилеи. Въ семъ родѣ онъ былъ другой Ганнибалъ, и Гишпанцы; у коихъ слава сего Картегенскаго Генерала не вышла еще изъ памяти, называли его другимъ Ганнибаломъ, котораго имени споллъ онъ по справедливости. Онъ умѣлъ совершенно владѣть сердцами своихъ салданъ. Онъ награждалъ ихъ храбростъ щедро, и не наказывалъ ихъ погрѣшностей, какъ только съ великою неохотою и весьма легко.

Качества его шѣла соопредѣлялись дарованіямъ души. Онъ съ природы имѣлъ у себя много силы и проворства, которыхъ опарался онъ соблюсти простую и умѣренною жизнію. Онъ не зналъ никогда пьянства, и въ самой своей великой праздности; а на противъ того привыкъ сносить, при простой и малой пищѣ, великіе труды, долгіе походы и непрестанныя бдѣнія. Ежели онъ когда имѣлъ покой, то отдохновеніе его была охота, которая также была полезна ему для войны, пошому что онъ чрезъ то научался могъ совершенному знанію мѣсяцъ.

Таковъ былъ Генераль, котораго Люзишанцы имѣли щастіе сыскать въ крайней своей нуждѣ, и подѣ командою котораго дѣлали они чудныя дѣла. Серторій отправился изъ Африки съ двумя тысячами, и шестьюстами человекъ, которыхъ онъ называлъ Римлянами, и съ семьюстами Африканцовъ, которыхъ онъ собралъ изъ разныхъ народовъ. Люзишанцы дали ему четыре тысячи пѣхоты легко вооруженной, и семьсотъ человекъ конницы. Съ симъ малымъ корпусомъ воевалъ Серторій противъ четырехъ Римскихъ Генераловъ, которые у себя имѣли сто двадцать тысячъ пѣхоты, и шесть тысячъ конницы, двѣ тысячи стрѣлковъ и пращниковъ, и великое множество городовъ, а Серторій напросивъ того въ началѣ своего прибытія въ Гишпанію на силу имѣлъ двадцать городовъ, которые власть его признавали, однако, не смотря на то, во всѣхъ случаяхъ побивалъ онъ Римлянъ, или самъ собою, либо чрезъ своего казначея Гершулея, которой былъ очень храброй человекъ, и получалъ надъ ними такія преимуществва, что сила его умножилась ужаснымъ образомъ, и покорила подѣ его власть большую часть Гишпаніи.

Метелла былъ самой лучшей изъ шѣхъ Генераловъ, которые воевали подѣ Серторіемъ. Но онъ былъ медлителенъ, и не зналъ какимъ образомъ поступать противъ такого непріятеля, которой убивалъ генеральной башали, и переворачивался равнымъ об-

разомъ, кошорой нападалъ на него въ такое время, когда онъ со-
всѣмъ не надѣялся, а попомъ уходилъ отъ него въ скоросши.
Когда армія Мешеллова маршировала, то она находила Сершоріа
на пуши, а когда она гдѣ останавливалась, то Сершорій опять
нападалъ на нее. Онъ не допускалъ имъ доспавашъ воды и дѣлалъ
пойѣшательство въ фуражѣ. Когда Римляне осаждали какой го-
родъ, то и сами себя осажденныхъ видѣли недоспашкомъ всѣхъ
вещей, такъ что они наконецъ со всѣмъ утрудились и ослабѣ-
ли, и Мешеллъ дѣлался посмѣяніемъ своихъ салдатъ.

Однако онъ хотѣлъ возснаношить свою славу осадю Лак-
кобригскаго города. Онъ думалъ, что можно будешь управишься
съ нею два дни, и для того не взялъ запасу для салдатъ,
какъ только на пять дней. Но Сершорій пресѣкъ его мѣры.
Онъ сыскалъ средство провести въ городъ съѣстные припасы,
чрезъ что граждане пришли въ состояніе оборонять себя на дол-
гое время. Мешеллъ увѣдомившись о томъ, очень досадовалъ,
попому что у самого его начало недоспавашъ съѣстныхъ припа-
совъ. И такъ послалъ онъ отъ себя Генерала съ шестью ты-
сячами человекъ, чтобъ собрать и привезти съѣстныхъ припа-
совъ, сколько онъ сыщеть ихъ въ окольныхъ мѣстахъ. Сершорій
поставилъ засаду на дорогѣ, по кошорой томъ Генераль дол-
женъ былъ возвратишься; и напалъ на него вдругъ съ фроншу
и съ тылу, побилъ у него много салдатъ, и принудилъ самого
его спасатьсь бѣгствомъ, по потеряннн своего оружія и лошади.

Мешеллъ не видѣлъ для себя никакого другаго средства,
какъ только оставишь со стыдомъ осаду города, и призванъ къ
себѣ на помочъ Манилія, кошорой командовалъ въ Галліи Нарбон-
ской. Сей Генераль еще меньше успѣлъ противъ непріятеля. Онъ
побитъ былъ на голову съ шремя своими Легіонами и принужденъ
былъ спасатьсь одинъ съ своею особою въ Илерде. Сія послѣд-
няя побѣда ошкрыла Сершорію Галлію, и онъ принудилъ Гал-

ловъ признашь свою власть надъ ними, и произвелъ свое завоеваніе даже до Алпійскихъ горъ, коихъ проходы занялъ онъ своими салдапами, или для удержанія войскъ, которыябъ могли прии-
ти изъ Италіи, либо можешъ бышь намѣренъ будучи самъ произвестъ шуда войну, ежелибъ ему щаспіе послужило.

Легко поняшь можно, въ какое удивленіе Сершорій привестъ могъ Гишпанцовъ такими успѣхами въ войнѣ. Онъ упошребилъ хитрую полишику и все свое искусство, чшобъ завладѣть ихъ сердцами. Онъ вѣдая, какъ поражаютъ, а особливо варваровъ, удивительныя дѣла, предпріялъ разсѣять о себѣ слухъ, что онъ чрезвычайной человѣкъ, и будшо бы онъ имѣлъ обхожденіе съ богами. Напрасно оправдашь сію хитрость пользою, когда справедливосшь ее отвергаешъ. И такимъ образомъ мы предсшавляемъ ее, какъ доказательство проворства Сершоріева, а не какъ примѣръ, кошоромубъ слѣдовашъ было можно.

Сершорій имѣлъ у себя оленицу, кошорая была вся бѣла. Ее принесли къ нему скоро послѣ шого, какъ шолько она родилась. Сершорій пріучилъ ее къ себѣ такъ хорошо, что она знала его голосъ. и шла къ нему, когда онъ ее кликалъ. Она вездѣ ходила за нимъ и привыкла къ шреску и звуку оружія, шакъ что она шого нимало не боялась. Сперва онъ не имѣлъ никакова намѣренія при ласканіи сего звѣря, какъ шолько одну забаву. Но какъ онъ увидѣлъ шакое въ ней проворштво, шо разсудилъ, что она могла ему бышь очень полезна. Онъ разславилъ, будшо бы она дана ему въ подарокъ опъ Діаны, и казалъ шощъ видѣ, будшо бы она открывала ему самыя попаенныя дѣла, а приводилъ онъ другихъ въ увѣреніе о семъ мнѣніи такимъ образомъ. Какъ когда случалось ему получашь шайно какое извѣстіе о состояніи непріятелей, или о предпріятіи ихъ на какой городъ, находившійся въ его власти, шо онъ сказывалъ, будшо бы его оленица сказала ему во снѣ, чшобъ онъ приготошилъ своихъ

сачдашь къ маршу въ такое мѣсто. Также какъ когда кто изъ подчиненныхъ ему Генераловъ одерживалъ побѣду, то онъ скрывалъ куріера, а казалъ прежде оленицу въ вѣнцѣ, какъ въ знакъ благополучнаго извѣстія, и тогда совѣщивалъ Гиппанцамъ радоваться и молился богамъ, обнадеживая ихъ, что въ скоромъ времени получатъ они извѣстіе о великомъ нѣкаккомъ благополучіи, Сею хитроспсю здѣлалъ онъ сихъ народовъ такъ подобоспращивными своимъ повелѣніямъ, что они его такъ слушались, какъ бы сами боги говорили его ушами.

Это было не что иное, какъ комедія, которая однакожь здѣлала Серпторію много дѣйствительной пользы. Онъ еще сверхъ того умѣлъ склонить къ себѣ сихъ варваровъ шѣмъ, что вооружилъ ихъ по Римскому манеру, и показалъ имъ пользу строгой дисциплины; припомъ пріучилъ ихъ наблюданію свои ряды, и слушанію знаку и повелѣній своихъ Офицеровъ, такъ что вывелъ изъ нихъ все то, сколько было у нихъ дикости и звѣрства при ихъ храбрости, и здѣлалъ изъ множества разбойниковъ настоящую армію. Сверхъ того промыслилъ онъ имъ великолѣпные уборы, и здѣлалъ корешокъ плащъ, также шишаки, щипы и кирасы блестящими ошъ сребра и золота. Все сіи дѣла плѣнили сихъ народовъ, которые во всемъ были дикіи.

Но ни что его такъ не привело въ любовь, а наипаче знашнымъ людямъ изъ сихъ народовъ, какъ попеченіе, которое воздѣлалъ онъ о наставленіи ихъ дѣшей. Онъ собралъ всѣхъ юношъ знашныхъ фамилій въ славной городъ Оску, и опредѣлилъ къ нимъ учителей для наученія ихъ Греческимъ и Римскимъ наукамъ. Сіи дѣши были дѣйствительные аманашы, но онъ при семъ случаѣ не оказалъ ничего другаго, какъ только намѣреніе, чтобы воспитать ихъ хорошо, и здѣлать чрезъ то способными, и чтобы они въ совершенныхъ лѣтахъ могли вступать въ чины, и имѣть участіе въ государственныхъ дѣлахъ. И такимъ образомъ онъ

весьма довольны были, видя съ одной стороны, что дѣши ихъ одѣтые въ порфиговое платье, ходили съ благоприсойноспію и въ добромъ порядкѣ въ публичныя училища, а съ другой стороны, что Серпорій плашилъ учителямъ, часто самъ навѣдывался объ успѣхахъ ихъ учениковъ, дѣлалъ награжденія достойнымъ, и приказывалъ имъ носить небольшое украшеніе изъ золота висящее на груди, которое было въ употребленіи въ Римѣ у дѣшей знашной природы.

За такую разумную поспупку награжденъ онъ былъ невѣроятною любовію Гишпанцовъ къ его особѣ, которая проспиралась почти до обоженія его. Обычай былъ у сихъ народовъ, равно, какъ у Галловъ и Римлянъ, что всякой господинъ имѣлъ у себя нѣсколько людей подъ своимъ покровительствомъ, которые опредѣляли себя для нихъ на смерть, и заклинались, чтобы не оставаться въ живыхъ послѣ нихъ, и проливать бы кровь свою до послѣдней капли, для защищенія ихъ живота. Другіе господа имѣли у себя не много такихъ людей, которые бы приставали къ нимъ на такихъ кондиціяхъ, а у Серпорія ихъ щисали тысячами. И въ одно время, какъ Серпорій былъ пораженъ, и непріятели его сильно припѣснили, то сказываюмъ, что Гишпанцы, подхвативъ его на свои плечи, внесли на сѣны города, подлѣ котораго они находились, и почли себя тогда безопасными, какъ увидѣли его въ безопасности.

Примѣчанія достойно то, что Серпорій, такъ вѣрно любимъ будучи отъ Гишпанцовъ, отдавалъ всегда Римлянамъ должное преимущество и всѣ права полной власти. Онъ дѣлалъ Сенатъ изъ выгнанныхъ изъ Рима Сенапоровъ, которые убѣжали къ нему, и изъ своихъ партизановъ, которой содержалъ въ себѣ до шрехъ сотъ человекъ. Онъ говорилъ, что сей Сенатъ былъ подлинной Сенатъ Римской, а тотъ Сенатъ, которой былъ въ Римѣ, почисалъ онъ за собраніе Силлиныхъ рабовъ. Изъ сихъ

Сенапоровъ дѣлалъ онъ казначея, Генераль-Поручикомъ и другихъ вышнихъ Офицеровъ, подражая въ шомъ, сколько можно было, правленію республики Римской. И такимъ образомъ никто изъ Гимпанцовъ не имѣлъ главной команды въ арміи, и онъ не хотѣлъ усилить варваровъ противъ Риму, а только употреблялъ ихъ силы на возстановленіе Римской вольности, по тому что онъ любилъ свое отечество, и страшно желалъ возвратиться въ него. Онъ часто поступалъ такъ, чтобы можно было ему получить на то дозволеніе, но дѣлалъ сѣе не въ такое время, когда онъ былъ нещасливъ. Онъ въ то время бодрствовалъ и поступалъ съ непріятелями гордо, а потомъ какъ онъ получалъ когда какое преимущество предъ ними, то представлялъ, что онъ хочетъ оставить войну, толькокобъ ему дозволено было жить въ Римѣ вмѣстѣ съ своими одноземцами, хотя безъ всякаго чина, и объявлялъ, что онъ лучше желаетъ быть самымъ бѣднымъ гражданиномъ Римскимъ, нежели въ изгнаніи изъ своего отечества повелѣвать всѣмъ свѣтомъ.

Такія добрыя мысли соединены были въ немъ еще съ одною добродѣтелью, кошорая не меньшаго почтенія достойна, то есть съ усердною любовію къ своей матери. Она еще въ молодыхъ лѣтахъ овдовѣла, и воспипала его съ великимъ стараніемъ. Серпорій почиталъ ее и любилъ такъ много, что желая ее опять видѣть, почувствовалъ въ себѣ сильную спрость, чтобы возвратиться въ Римъ, и какъ онъ услышалъ, что она умерла, то впалъ въ такую печаль и сожалѣніе, что цѣлыя семь дней не выходилъ ни куда, и не отдавалъ ни какихъ приказовъ до тѣхъ поръ, пока пріятели его не сказали, что всѣ дѣла его пропадутъ. И такъ онъ тогда ужъ склонился на ихъ совѣтъ, и принялся за прежнія дѣла. Кто не можетъ сожалѣть о такомъ праводушномъ и добродѣтельномъ челоѣкѣ, кошорой столько не желалъ бытъ непріятелемъ своего отечества, а при-

нужденъ былъ ошъ ненависти своихъ гонителей возмѣнить при-
бѣжище къ войнѣ, какъ къ одному только средству, для сохра-
ненія своей жизни въ безопасности.

Съ такими великими дарованіями и прямымъ Римскимъ ду-
хомъ не чудно, что Серторій былъ почитаемъ и любимъ, какъ
ошъ Римляемъ бывшихъ въ Гишпаніи, такъ и ошъ самихъ Ги-
шпанцовъ, какъ по пришедшіе изъ Сардиніи съ Перперною Рим-
ляне служили тому явнымъ доказательствомъ. Перперна былъ
Консульской фамиліи и очень богатъ, по чему ошъ и презиралъ
Серторія, какъ происшедшаго ошъ низкой природы, при томъ
же ошъ завидовалъ его славѣ, къ которой зналъ, ошъ, что ему
достичь не можно; и для того ошъ не безъ причины опасался
соединяться съ нимъ, чтобы не заиметь своей славы его дѣла-
ми. И такъ ошъ намѣренъ былъ одинъ съ своею партіею про-
изводить войну, особо ошъ Серторія, до тѣхъ поръ, пока при-
шло извѣстіе, что Помпей посланъ былъ въ Гишпанію. Тогда
салдашы его сказали ему, что ежели ошъ не поведешь ихъ къ
Серторію, то они сами и безъ него пойдуть къ нему. И такъ
ошъ по неволѣ пришелъ къ Серторію съ пятьюдесятью шрест
когоршами, когорыя ежелибъ были полны, то бы могли со-
спавить болѣе двадцати пяти тысячъ человекъ. Но Перперна
по своему злонавію, надѣлалъ одинъ больше вреда Серторію,
нежели шакой его сильной вспомогательной корпусъ пользы.

Серторій тогда былъ на самой высочайшей степени своей
славы и щастія, какъ посланъ былъ противъ его Помпей. Пом-
пеево имя весьма славно было ошъ побѣдъ, коему младость его
лѣшь, придавала много блеску. Серторіевы салдашы думали,
что въ побѣдахъ его произойдешъ перемѣна, чего ради и вѣр-
ные его друзья начали ошъ сего предразсужденія колебаться.
Но съ самаго перваго разу, какъ только Помпей сразился съ
ошмъ храбрымъ генераломъ, то тотчасъ и оказался успѣхъ сей

баталіи противной общему всѣхъ мнѣнію; и Серторій остался въ своей силѣ, а слава его разпространилась еще больше, какъ въ Гишпаніи, такъ и въ Римѣ.

Серторій взялъ городъ Лорону, не смотря на великое усиліе Помпеево, которой пришелъ ему на помощь, гдѣ онъ учинилъ шакой справедливой судъ, которой дѣлаешь ему много чести. Онъ услышавъ, что одинъ салдашъ здѣлалъ нѣкошорой полоненой женщинѣ звѣрское насиліе, которая, во омищеніе за то, выдрала ему своими ногшями глаза, не только приказалъ его казнить, но и всю ропу, которая подѣлала подобныя сему безчинства, велѣлъ сквозь строй прогнашь, хошя она была и Римская.

Помпей побѣдивши Гереннія и Перперну, подлѣ города Валенціи, пошелъ на Серторія. Они оба хотѣли сразиться до прибытія Метеллова изъ Бешики; одинъ, чтобы меньше имѣшь противъ себя на баталіи непріятелей, а другой, чтобы не раздѣлять славы отъ побѣды съ своимъ товарищемъ. Баталія началась подъ вечеръ, потому что Серторій, вѣдая, что непріятелямъ тамошнія мѣста не знакомы были, хотѣлъ дошянуть до ночи, чтобы она имъ равно бесполезна была, какъ въ побѣгѣ отъ него, такъ и въ погонѣ за нимъ.

На сей баталіи, Серторій будучи на правомъ крылѣ своей Арміи, стоялъ сперва не противъ Помпея, а противъ Афранія. Онъ было уже началъ одолѣвать непріятеля, какъ вдругъ увѣдожился, что лѣвое его крыло худо спояло противъ усстремленія Помпеева. Онъ бросился туда съ крайнею скоростію, и нашедъ шамъ однихъ салдашъ бѣгущихъ, а другихъ защищающихся съ шрудностію, ободрилъ ихъ всѣхъ, и перемѣнилъ видъ дѣла. Непріятели усстрашились и начали бѣжать, и Помпей самъ попалъ было въ великую опасность. Одинъ пѣхотной салдашъ изъ Серторіевой арміи, будучи великаго росту, напалъ на Помпея.

Удары, которые они другъ другу дѣлали, были такъ жестоки, что Помпей шому салдапу разрубилъ плечо, да и самъ получилъ ошъ него рану, но такая опасность для него была не одна. Ливійскіе салдапы бросились на него шолпою, и дошло до того, чтобъ бышь ему положену или убишу. И такъ онъ въ сей крайности оставилъ имъ свою лошадь, на которой былъ богатой уборъ, и между шѣмъ, пока сіи варвары спорили о сшй добычѣ, ушелъ ошъ нихъ.

По сему побѣда клонилась на Серпторіеву спорону. Какъ онъ принужденъ былъ оставишь правое свое крыло, шо оно начало уступашь непріятелю; и Афраній разбилъ его со всемъ, добрался до самаго непріятельскаго лагеря, которой салдапы его начали грабишь. Въ самое сіе время Серпторій набѣжалъ на нихъ съ побѣдою, и перебилъ ихъ великое множештво, а прочіе ушли ошъ него въ крайнемъ безпорядкѣ.

Такимъ образомъ кончилась Сукронская баталія съ одинакимъ почти успѣхомъ съ обѣихъ споронъ, пошому чшо у каждой арміи было одно крыло побѣдившее, а другое побѣжденное, но честь преимущества явно принадлежала Серпторію, которой былъ побѣдителемъ вездѣ, гдѣ только ни присутствовалъ.

Серпторій приговорился было дашь баталію на другой день, но услышалъ, чшо Мешелль соединился съ Помпеемъ, переѣнилъ свое намѣреніе, пошому чшо онъ не надѣялся успоашь прошивъ двухъ армій соединенныхъ вмѣстѣ. И такъ онъ разнущилъ своихъ салдапъ не безъ предосшорожности, а назначилъ имъ мѣсто, гдѣ они въ потребномъ случаѣ собрапсья должны были. Такая была его обыкновенная поступка, и сіи варвары такъ къ шому привыкли, чшо часто случалось, чшо Серпторій бывалъ почти одинъ на горахъ, и вскорѣ потомъ армія его вдругъ соединилась въ одинъ корпусъ, какъ какой спремительной источникъ, производящій ошъ дождевыхъ водъ, и онъ ча-

оно имѣлъ армію состоящую изъ полуктора сѣна тысячъ чело-
вѣкъ.

Въ сіе время здѣлалась ему великая печаль, оленица его во
время прошедшей башаліи при разграбленіи лагеря пропала. Это
была у него важная машина къ управленію сихъ варваровъ. На
жасцію саадаши его сыскали ее въ лѣсу, и узнавъ ее по шер-
сти, привели ее къ своему Генералу. Онъ обѣщаль имъ хоро-
шее награжденіе, ежели они умолчатъ сію тайноспъ; онъ спрѣ-
талъ ее на нѣсколько дней, а потомъ въ одинъ день оказалъ
себя веселымъ, и сказалъ бывшимъ тогда при немъ Офицерамъ
Гиппанскимъ, что онъ видѣлъ сонъ, которой предвозвѣщаль ему
опъ боговъ нѣкоторой благополучной случай. Помойъ онъ по
своему обыкновенію допустилъ къ себѣ шѣхъ, которые къ нему
имѣли какое дѣло. Тогда вдругъ выпущена была оленица, комо-
рая, увидѣвъ Серпоріа, вспрыгивая прибѣжала къ нему, поло-
жила свою голову на его колѣни и лизала его руку. Серпорій
ласкалъ ее, и между шѣмъ нѣсколько прослезился, что видя
варвары, спали въ великомъ изумленіи, потомъ съ радостнымъ
восклицаніемъ и плесканіемъ рукъ проводили его домой, какъ бо-
гоугоднаго челоуѣка.

Наконецъ Серпорій принужденъ былъ дать генеральную ба-
шалію, которой убѣгалъ онъ чрезъ долгое время. Онъ доволь-
ствовался шѣмъ, чшобъ посылать паршіи, которыя недопускали
непріятелямъ доставашъ съѣстныхъ припасовъ, онинимали у нихъ
конвой, и приводили сихъ къ крайнему недостатку во всѣхъ по-
требноостяхъ. И такъ они приняли намѣреніе вышши оттуда
со всею своею арміею въ такую землю, гдѣбъ они свободно до-
ставашъ могли съѣстные и другіе припасы. Серпорій не хотя
ихъ допустить къ тому, не имѣлъ другаго средства какъ только
дать башалію. Сіи арміи еразились подлѣ гѣрода Сегонціи, и дра-
лись съ великою яростію. Башалія продолжалась отъ полудня

даже до захожденія солнца.

Серторій одерживалъ преимущество надъ Помпеємъ. Но Перперна, которой командовалъ другимъ флангомъ, не могъ прошившись Мешеллу, и былъ почти со всѣмъ побѣжденъ. И такъ не обходимо надобно было Серпурію, оставивъ Помпея, послѣ-
шнть на помощь другому фланку. Онъ, прибѣжавъ туда, при-
чинилъ въ непріятеляхъ ужасное кровопролитіе, и пробился до
самаго Мешелла, которой при семъ случаѣ дрался со всею своею
храбростію, которой ожидать должно отъ молодаго человѣка.
Мешеллъ былъ пораненъ, и самое сіе было причиною его побѣ-
ды. Салдаты его видя проливающуюся кровь своего Генерала,
котораго любили они и почитали много, отъ сожалѣнія и до-
сады такъ разъярились, что Гишпанцамъ ни коимъ образомъ не
можно было выдержать жестокаго ихъ усшремленія; и побѣда
ушла изъ рукъ у Серторія, когда онъ почиталъ ее за из-
вѣстную.

И такъ Серторій возимѣлъ прибѣжище къ обыкновеннымъ
своимъ средствамъ. Онъ приказалъ разсѣяться своимъ варварамъ,
а самъ съ небольшимъ числомъ храбрыхъ салдатъ заперся въ
нѣкоторомъ крѣпкомъ городѣ, которой могъ выдержать долго-
временную осаду, чтобъ чрезъ то одержать при себѣ непріятель-
лей, и подать между тѣмъ время и способность уйти Гишпан-
цамъ, а потомъ собраться въ одинъ корпусъ. Сіе дѣло испол-
нено было по его намѣренію. А какъ онъ увѣдомился, что со-
бралась армія, которая могла споспѣши прошивъ непріятелей въ
ночь, то вышедъ изъ города, прошелъ сквозь непріятелей безъ
трудности, и соединился съ своею арміею, которая его ожида-
ла, а Мешеллу оставилъ онъ щедрое шоржество побѣды, ко-
торою онъ такъ хвастовалъ, что ужъ вышелъ изъ предѣловъ
благопристойности.

Еще бы можно было сказать Мешеллу такую его бездѣльную

радость, ежелибъ онъ не посягнулъ на такое безчеловѣчїе, чѣтобъ положишь награжденїе за Серпторїсу голову, и пообѣщать спо паланшовъ и двадцать тысячъ десяшинъ земли тому изъ Римлянъ, кто его убьетъ, а свободу возвратишь въ Римъ, ежели онъ былъ изгнанникъ. Такая подлая поспулка ясно доказываешь опчаянїе его, чѣтобъ онъ могъ побѣдить Серпторїа силою, котораго голову покупалъ онъ на деньги. Должно думать, чѣто сіе объявленїе не мало огорчило Серпторїа, пошому чѣто оно могло поколебать вѣрность такихъ людей, которые доброжелательны ему были по то время, и чѣто оно причиною было перемѣны его нравовъ и жестокости, за кошерую порицается его исторїа.

Однако, не смотря на то, онъ велъ войну съ добрымъ успѣхомъ. Мы не находимъ больше, чѣтобъ онъ когда давалъ генеральныя баталїи; чѣтошительно, чѣто онъ убѣгалъ ихъ всевозможнымъ образомъ, вѣдая, какъ полезно было ему воевать урывкомъ. Мы не имѣемъ ни какихъ подробностей о произожденїяхъ сего похода, кромѣ помочи его городу Паллантїи, которой Помпей довелъ до крайности; онъ уже было здѣлалъ подкопы подъ городскїя стѣны, которыя поддерживались на однихъ только уже подпорахъ, какъ Серпторїй прибылъ на помочь сему городу. И какъ Помпей не разсудилъ за благо дождаться его, а зажегши городскїя подпоры, убрался къ Метеллу. Серпторїй приказалъ возобновить стѣны города Паллантїи; а отшуда отправившись, напалъ вдругъ на непрїятельской корнусъ подлѣ города Калагуриса и побилъ у нихъ три тысячи человекъ. Но самое большее его искусство было въ томъ, чѣто онъ безъ всякой себѣ трудности упоминалъ двѣ непрїятельскїя арміи одними маршами и коншромаршами, и чѣто онъ безпреспаанно причинялъ имъ безпокойство частыми засадами, пресѣченіемъ привозу съѣстныхъ припасовъ, какъ земнымъ такъ и водянымъ пушемъ и многими дру-

ними образами, такъ что наконецъ довелъ онъ обѣ сѣи арміи до того, что онѣ принуждены были оставить ту часть Гишпаніи, которая послушна была Серторію; и Метеллъ отправился въ Гишпанію, лежащую по ту сторону Пиринейскихъ горъ, а Помпей въ Галлію Нарбонскую.

Въ самомъ семь году Митридатъ подалъ случай Серторію къ оказанію своего великодушія. Сей Государь, намѣренъ будучи возобновить въ третій разъ войну съ Римлянами, искалъ вездѣ союзниковъ и помощниковъ себѣ, для подкрѣпленія такого важнаго предпріянія. Онъ имѣлъ у себя тогда двухъ изгнанныхъ Римлянъ Фаннія, и Магія, старыхъ пріятелей и друзей Фимбриныхъ. Ненависть ихъ къ Силлѣ послужила имъ вмѣсто рекомендаціи къ Митридату; и они были у него въ милости чрезъ свое ласкашельство. Какъ они были той партіи, отъ которой Серторій подкрѣплялъ оспашки, и какъ слава сего Генерала проникла до концовъ востока, то они вложили Митридату мысль, чтобы вступить въ союзъ съ Серторіемъ. Сей Государь предпріялъ сѣе намѣреніе, а ласкатели не преминули его увѣрить, какая отъ того могла произойти польза. И такъ Митридатъ послалъ Пословъ къ Серторію, съ обѣщаніемъ ему денегъ и кораблей, только что онъ уступилъ ему Азію, которую принужденъ онъ былъ оставить въ силу трактата съ Силлою.

Серторій далъ аудіенцію симъ Посламъ, въ присутствіи своего Сенаата, и какъ Послы вышли, то началъ разсуждать о семъ дѣлѣ. Всѣ думали, чтобы принять королевское предложеніе, которое казалось имъ очень полезнымъ, потому что Король требовалъ одного пустаго шипула, а ничего такого, что бы ему принадлежало, и напрошивъ того хотѣлъ подать ему помощь, которая была для него весьма нужна.

Серторій также, какъ и совѣтники его видѣлъ нужду, которую, имѣлъ онъ въ корабляхъ и деньгахъ, однако не такъ

думалъ о предложеніи Мишридашовомъ. Онъ сказалъ, что не хочетъ препятствовать сему Королю въ завладѣніи Виеинією и Каппадокією, которыя всегда были подъ державою Королей Азіатскихъ, и на которыя Римляне не имѣли никакова престоанія, а что принадлежитъ до меньшей Азіи, которою владѣють они законнымъ образомъ, хотя сей Государь и предпріялъ было отнять ее у Римлянъ, но выгнанъ былъ отсюда Фимбрією, и отказался отъ нее торжественнымъ пракшомъ, но онъ никогда не согласится, чтобы она досталась во владѣніе Мишридашу, потому что (сказалъ онъ) мнѣ должно употреблять мою силу на приращеніе республики, а не на приращеніе мое отъ нея уцербу и пониженія. Храброй человекъ желаетъ побѣдить со славою, а ежели онъ употребитъ на то непристойныя средства, то онъ и самъ подумаешь, что купилъ себѣ живость за такую цѣну очень дорого.

Такой былъ отвѣтъ, которой принесли Мишридашу его Послы, и которой привелъ его въ страшное удивленіе. Какое еще повелѣніе, вскричалъ онъ, пришлеть мнѣ Серторій, первый Сенаторъ Римской, потому что онъ, будучи выгнанъ и сосланъ изъ Рима на берега Атлантическаго моря, полагаетъ предѣлы своему государству, и грозитъ мнѣ войною, ежели я предпрію что противъ Азіи.

Трактатъ заключенъ былъ на кондиціяхъ предписанныхъ Серторіемъ. Тамъ положено было, чтобы Мишридашъ владѣлъ Виеинією и Каппадокією, чтобы Серторій послалъ къ Королю одного Генерала и войско, а Король бы далъ Серторію три тысячи талантовъ и сорокъ кораблей. Серторій послалъ отъ себя Генерала Марія въ Азію. Сей Проконсулъ выбору Серторіева имѣлъ всякую честь въ Мишридашовой арміи, и ежели когда какой городъ Азіатской возьмъ былъ, то онъ входилъ въ него съ великолѣпьемъ и обрядомъ Консульскимъ, въ знакъ великошпи

имени Римскаго, а Король слѣдовалъ впорымъ по немъ. Онъ далъ вольность нѣкоторымъ изъ сихъ городовъ; а другихъ освободилъ отъ подашей, и все сіе дѣлалъ именемъ Серторія, а Машпридашу недозволено было никакой власни въ провинціи Римской. Это было послѣднее изъ славныхъ дѣлъ Серторіевыхъ, хотя онъ еще жилъ послѣ шого два года, и выдерживалъ безпрестанно войну противъ сильныхъ непріятелей. Исторія не объявляетъ намъ больше никакихъ его дѣлъ, которыябы соотвѣшествовали славѣ прежнихъ его лѣтъ.

Съ шого времени Серторій началъ ослабѣвать, по отъ измѣны своихъ подчиненныхъ, по отъ жестокости, которую употреблялъ онъ на удерживаніе и наказаніе ея. Съ шого времени, какъ начали дѣла непріятельской партіи приходить въ приращеніе, то между главнѣйшими Римлянами, приставшими къ Серторію, начало оказываться неудовольствіе. Пока опасность была велика, то страхъ содержалъ ихъ въ покорности Серторію, которой одинъ могъ спастись ихъ отъ погибели; а какъ страхъ прошолъ, то зависть вступила на его мѣсто. Перперна, знатнѣйшій изъ Римлянъ, бывшихъ при Серторіи, надмѣнь будучи своимъ благородствомъ, искалъ главной команды, и побуждалъ другихъ Римлянъ противъ Серторія возмущительными своими рѣчьми. Онъ говорилъ своимъ пріятелямъ: какой дѣволъ заставилъ насъ оставишь худое состояніе, и бросишь въ худшее. Мы не хошѣли оспашься въ своемъ опечествѣ, чшобъ покоряшься Силлѣ, которому весь свѣшь повинуется, а пришли сюда, чшобъ жишь въ вольности. Вошь какая вольность. Мы добровольно здѣлались драбантами и рабами бѣднаго, и не знатнаго итганника. Онъ насъ называетъ Сенаторами, а сей щцетной щитулъ подвергаетъ насъ посмѣянію, потому что онъ носунаетъ съ нами шакже спѣсиво и повелительно, какъ и съ варварами.

Ы я

Сїи рѣчи произвели свое дѣйствіе. Серторій примѣпивши, что Римляне начали отдаляться отъ него, повѣрилъ себя со всѣмъ Гишпанцамъ, и здѣлалъ себѣ изъ нихъ гвардію. Это была новая причина къ жалобѣ и неудовольствію, которая озлобила на него многихъ и изъ шѣхъ, кои по самое то время были ему вѣрны. Имъ несносно было то, что онъ предпочелъ имъ варваровъ; недовѣриваніе Серторіево сочли они шѣмъ за большую обиду, чемъ меньше они того сшояли, и что они сами себя повѣрили ему совершенно. Досаду ихъ еще умножали своею гордосшію Гишпанцы, которые видя себя предпочтенными предъ Римлянами, презирали ихъ, ругались надъ ними, и явно упрекали имъ измѣною; и такимъ образомъ армія Серторіева наполнена была ропшаніемъ, раздоромъ и досадою, по на Генерала, по отъ народа на народа, и всѣбъ его бросили, ежелибъ не видѣли, какая имъ въ немъ была нужда. Многіе изъ Римлянъ убѣжали отъ него, а другіе дѣлали заговоръ на его живопъ, и чрезъ то привлекали на себя его жестокосшь, которая была хошя можешъ бышь и надобна при шакомъ случаѣ, однако весьма несносна показалаь спарымъ его друзьямъ, которые изгнанны будучи вмѣстѣ съ нимъ изъ своего отечества, раздѣляли съ нимъ всегда добрую и худую форшуну.

Тайные его непріятели, которыхъ число ежедневно умножалось отъ казней за измѣну, совершили его нещастіе, которое уже и шакъ было очень велико. Они нарочно портили всѣ его дѣла, и старались возбудить въ Гишпанцахъ ненависть прошивъ его, поступая съ ними жестоко, и опягощая налогами, будшо по его повелѣнію: отъ чего начало производить возмущеніе и смяшеніе въ семь народѣ; а шѣ, которые посыланы были отъ Серторія, для укрощенія сихъ безпорядковъ, возвращались оттуда, умноживъ жалобы, и увеличивъ буншъ. Здѣсь нѣтъ нужды упоминашь о томъ, что непріятельская армія, при помощи сихъ раздоровъ, получила знатные успѣхи. И такимъ образомъ Сер-

шорій, раздраженной своимъ несчастіемъ, и приведенной отъ бунтовъ до крайности, позабылъ прежнюю свою умѣренность, началъ яриться, и на самыхъ шѣхъ Гишпанскихъ дѣшей, которыхъ онъ приказалъ воспитывать въ Оснѣ, и продалъ изъ нихъ одну часть, а другихъ перебилъ до смерти.

Плушархъ объявляетъ, что въ разсужденіи жестокости Сершоріевой, которую оказывалъ онъ въ послѣднія времена своей жизни, нѣкоторые думали, что онъ никогда не имѣлъ истиннаго добросердечія, и что умѣренная его поступка, которую оказывалъ онъ сперва, была не что иное, какъ только припворъ и ухищреніе его, котораго требовала нужда его дѣла, а что касается до самаго Плушарха, то онъ думаетъ о томъ иначе. Правда я думаю, говоритъ онъ, что безпорочная добродѣшель, утвержденная на крѣпкомъ основаніи, устоитъ противъ нещастія, и не переменится никогда. Но и то не невозможное дѣло, чтобъ съ природы добронравной человѣкъ, доведенной до несносныхъ опытовъ, и тонимой нещастіемъ своимъ, котораго не заслужилъ онъ, неперемѣнилъ своего нраву, когда фортуна его переменится. Самое сіе, какъ я думаю, случилось и съ Сершоріемъ. Въ такомъ упадкѣ своего сосноянія, Сершорій огорченной своимъ нещастіемъ здѣлался злымъ человѣкомъ противъ злыхъ и неправедныхъ людей.

Такъ говоритъ сей разумной Историкъ, которой симъ своимъ праведнымъ разсужденіемъ, не умаляя порицанія, котораго достойны послѣднія Сершоріевы дѣла, соблюдаетъ всю славу прежнихъ его поступковъ. И подлинно шощъ развѣ думаетъ, что люди никогда не могутъ перемениться, кто ихъ не знаетъ, и ежели есть что порицанія достойное въ разсужденіи Плушархономъ, что можешь быть то, что онъ требуетъ отъ человѣческой добродѣтели много постоянства, когда онъ поставляетъ ее выше всѣхъ напастей фортуны.

Перперна, котораго неисшное властолюбіе и зависпть побу- ждали прошивъ Серторія, дѣлалъ наконецъ умыслъ прошивъ не- го, которой ему удался. Умышленники Серторіевы были всѣ Римляне. Перперна, для сысканія случая, чшобъ позвать къ се- бѣ Серторія на ужинъ, подослалъ умышленнымъ образомъ куріе- ра, которой будпо привезъ ему извѣстіе объ одержаніи новой надъ непріятелями побѣды, нѣкоторымъ изъ подчиненныхъ ему Офицеровъ. Серторій, наполненъ будучи радоспю, принесъ же- ртву богамъ, а Перперна находившійся при томъ позвалъ къ себѣ Серторія на ужинъ съ своими пріятелями, которые всѣ были его злоумышленники, и просилъ его шакъ сильно, что Серторій не могъ ни коимъ образомъ отказатьсь.

На пирахъ, гдѣ находился Серторій, наблюдаема была важ- ность и благоприсойносшь. Онъ не могъ сносить ничего прѣ- тивнаго чести, и пріучалъ и другихъ гостей, чшобъ они веселя- лись приспойнымъ образомъ, невыходя изъ предѣловъ умѣреннос- ти. Но на семъ послѣднемъ пиру, какъ подпнали гости, шо зло- умышленники начали искать причины къ неудовольспью, и го- ворили самыя безспыдныя рѣчи, притворившись будпо бы они были пьяны, и дѣлали всякія излишества, въ намѣреніи раздра- жить Серторія; а что касается до него, шо онъ или по обыкно- венному своему нраву несклонному къ пьянству, либо можетъ быть, что догадывался онъ нѣсколько о худомъ ихъ намѣреніи ошъ тако- го непочтенія къ своей особѣ, только переспалъ лежать не своей постелѣ, а сѣлъ на ней упершись спиною, и непринималъ участія въ распутныхъ ихъ дѣлахъ. Тогда Перперна взявши стаканъ полной вина, уронилъ его пьючи на землю. Это былъ знакъ, о которомъ они согласились. Тотчасъ послѣ шого нѣкто изъ злоумышленниковъ именемъ Антоній, ударилъ Серторія шпа- гою. Серторій хотѣлъ было привстать, но Антоній бросившись на него схватилъ ему руки, а за нимъ и всѣ злоумышленники

напали на Серторія и искололи его многими ранами, такъ что ужь онъ не могъ имъ здѣлать никакова сопротивленія.

Такимъ образомъ прекратилъ свой животъ Серторій, самой великой Генераль изъ древности, которой производилъ войну вдругъ противъ двухъ самыхъ славныхъ Генераловъ, какіе тогда могли бытъ въ Римѣ, то естъ противъ Помпея и Метелла. Онъ чрезъ долгое время былъ въ равенствѣ, а часпо одерживалъ и преимущество надъ ними; а что онъ наконецъ ослабѣвать началъ, то причиною тому были невѣрность и измѣна его пріятелей.

И С Т О Р І Я

0

ЗАЛЕВКѢ ЛОКРІЙСКОМЪ ЗАКОНОДАВЦѢ.

Въ древнія времена былъ у Локрійскаго народа славной законодавецъ, называемой Залевкъ, которой былъ ученикъ Пифагоровъ. Намъ не оспалось отъ него, какъ только нѣкоторой родъ предисловія къ его законамъ, которое одно подаетъ великое объ нихъ мнѣніе. Онъ требовалъ у своихъ гражданъ, чтобы они думали и крѣпко вѣрили, что Богъ естъ на свѣтѣ; чтобы они возводили свои очи къ небесамъ, и разсуждали о красотѣ и благоучрежденіи сего свѣта; чтобы чрезъ то себя увѣришь могли, что такія дѣла не могли произойти ни отъ случая, ни отъ искусства рукъ человѣческихъ. Въ слѣдствіе сему заключенію, увѣщаваетъ онъ ихъ почитать Бога, какъ начальника всѣхъ добрыхъ, праведныхъ и честныхъ дѣлъ въ чловѣкѣ, и почитать его не просно одними жертвоприношеніями и богатыми дарами, но разумными, добрыми и безпорочными дѣлами, которыя пріятнѣе Богу, нежели всѣ другія жертвоприношенія.

Послѣ сего начала, наполненнаго благочестіемъ и святоспїю, въ которомъ предсавляетъ онъ божество за первой источникъ законовъ, за главную власшь, которая повелѣваетъ наблюдать

ихъ и за совершенной примѣръ, которому слѣдовать должно, вступаешь онъ въ подробности должностей, которыя человекъ въ разсужденіи ближняго своего хранишь долженъ, и подаешь на-сравленіе, какъ наблюдать должно, въ обхожденіи человѣческаго, миръ, тишину и согласіе, и запрещаетъ продолжать злобу и раздоръ, которые кажутся въ людяхъ свирѣпой и неукротимой нравъ, а напротивъ того повелѣваетъ поступать съ своими и-пріятелями такъ, какъ бы надѣясь имѣть ихъ скоро своими др-ятелями. Я думаю, что всякъ, взирая на сіе, не можешь требо-вать отъ язычника большаго совершенства.

А что касается до судей и Магистратскихъ чиновъ, то онъ совѣщаетъ имъ, чтобъ они при судахъ не смотрѣли ни на дружбу, ни на вражду и другія спраспи, и увѣщаваетъ ихъ остерегаться всевозможнымъ образомъ отъ гордыхъ и жестокихъ по-ступковъ съ судимыми людьми, которые и кромѣ того довольно сожалѣнія достойны, по трудностямъ, которыя причиняетъ имъ шажба. Онъ говоритъ, чтобъ какова ни была трудна судейская должностъ, однако они не имѣютъ никакова права поступать грубо съ судимыми. Они должны дѣлать имъ справедливостъ, по самому своему судейскому чину, и когда они судятъ ихъ тихимъ и пріятнымъ образомъ, то и то дѣлаютъ имъ свой долгъ, а не милостъ.

Для искорененія въ своей республикѣ роскоши, которую по-читалъ онъ за извѣстное раззореніе, не слѣдовалъ онъ обыкно-венному въ томъ порядку другихъ народовъ, которые думаютъ, что довольно отвращать ее наказаніемъ денежнымъ, а упопре-билъ тому, говоритъ Историкъ, искуснѣйшій, разумнѣйшій, и при томъ сильнѣйшій способъ. Онъ запретилъ женщинамъ но-сить дорогіе шпофы, шпное платье, золотые перстни, и дру-гія украшенія; а исключилъ изъ сего закона только однихъ об-руганныхъ женщинъ. Такой же законъ учинилъ онъ и для му-

щинъ, исключая подобнымъ образомъ тѣхъ, которые почитаемы были за распутныхъ и безчестныхъ людей. И такихъ образомъ выгналъ онъ безъ суровости и жестокости все то, что пахло роскошью и слабостью. И кто такой не сыскался, который бы пренебрегъ честь, и хотѣлъ бы носить въ глазахъ своихъ согражданъ такіе знаки безчестія, чрезъ которые могъ онъ привлечь на себя презрѣніе и посмѣяніе публичное и обезчестить на вѣки свою фамилію.

Сказываютъ, что онъ сдѣлалъ законъ, по которому обличенные прелюбодѣи лишены были глазъ. И какъ родной его сынъ попалъ въ сіе преступленіе, то онъ, жалѣя его, и не хотѣя нарушить закона, приказалъ вынуть у него одинъ глазъ, а у себя другой.

С о б р а н і е.

Добродѣтелей Людовика Французскаго, Герцога Бургунскаго, а потомъ бывшаго Дофина, отца Людовика пятнадцатаго нынѣ владѣющаго государя.

Людовикъ Французской, Герцогъ Бургонской, которой сдѣлался потомъ Дофиномъ, по причинѣ смерти своего отца, родился Августа шестаго дня, тысяча шестьсотъ восемьдесятъ второго году. Всѣ Франгузы о рожденіи его радовались чрезвычайно, такъ что почтено было по предзнаменованію, что Богъ покажетъ въ особѣ его великаго Государя. Въ скоромъ времени примѣчены были въ немъ такіа качества, которыя соотвѣтствовали предпріятной объ немъ надеждѣ. Не смотря на малолѣтство его, видимъ былъ въ немъ сильной проницательной, и ко всѣмъ наукамъ способной разумъ, духъ великой, благородной и способной ко всему тому, что дѣлаютъ люди великими.

Отъ сихъ добрыхъ натуральныхъ качествъ родился въ немъ удивительныя Христіанскія добродѣтели, которыя Богъ хотѣлъ оказать въ немъ, для созиданія своей церкви. Но при

Б

накихъ его дарованійхъ видимы были въ немъ нѣкоторыя недоспашки, которыя приводили въ сомнѣнїе, чшобъ не здѣлали добродѣтелей его бесполезными, чшобы и здѣлалось конечно, ежели бы благодать Божїя не подала ему крѣпости на преодоленїе его спрасшей, съ швердыиъ намѣренїемъ, кошорое часто выражалъ онъ слѣдующими Пророка Давида словами: *Пожену враги моя и достигну я, и не возвращуся дондеже скончаются.*

Какъ онъ достигъ до шакихъ лѣшъ, что можно ужъ было для него употребить воспишанїе важное, шо опекуны его подали ему въ шомъ великую помочь. Для извѣснаго достоинства сихъ опекуновъ, всѣ люди хвалили Короля, что онъ выбралъ ихъ въ шакой важной чинъ. Они сперва основались въ шомъ, какими образомъ должно было воспитывать сего Принца, а пошомъ употребили всевозможное спаранїе, чшобъ получишь отъ того желанные плоды. Какъ они примѣшили, что больше всего убѣждали сего Принца правильныя причины и благочесшїе къ исполненїю должности, шо они и употребили сїи средства съ успѣхомъ. Ласкаиїя и угроженїя, которыя обыкновенно употребляются къ шакими дѣшамъ, мало его шротали. Справедливосшь, кошорую открываетъ намъ вѣра, основанная на разсужденїи здраваго разума, всегда была сильна къ преклоненїю его къ должности, когда шолько шо дѣлалось благоприсшойнымъ образомъ, чшобъ преодолѣшь его упрямство свойшвенное шакому возрасту, какой онъ имѣлъ въ шо время.

Я думаю, что не должно имѣ миновать того, что я слышалъ объ немъ, въ разсужденїи вѣры, какое она производила въ шемъ дѣйствїе еще съ младыхъ лѣшъ. Онъ любилъ, чшобъ ему, сказывали всегда, какъ свяшые мученики крѣпко и не ослабно прешерцѣвали мученїя, и поборствовали противъ ширанновъ за вѣру. Иногда онъ представлялъ самъ собою шо, вмѣсно забавы, и въ одно время рассказывалъ онъ про дѣда одного мученика, съ

такими выраженіями, что всё пому дивились; а и самъ онъ, дѣлами сего мученика, такъ былъ пронунъ, что съ того времени; какъ онъ самъ попомъ признавался, готовъ онъ былъ все здѣлать для вѣры. Онъ дѣлалъ по дѣйствительно, не предавая своего нѣла на мученіе, попому что не имѣлъ случая, но укрощая самолюбіе, что не меньше славно, и можешь быть не меньше шило напурѣ.

Справедливость не меньше могла приводить его къ должности. Въ малыхъ спорахъ, которые имѣлъ онъ съ Принцами своими братьями, успуналъ имъ потчасъ, какъ шолько видѣлъ справедливость съ ихъ стороны, разсуждая, что первородство его не подавало ему ни какова права къ преимуществу надъ ними въ такихъ случаяхъ. И такимъ образомъ не имѣлъ онъ зависти прошивъ ихъ; сей порождъ обыкновенной молодымъ дѣшамъ былъ ему невѣдомъ; и въсто гнѣву, когда хвалили ихъ въ сего пржусшннн, и въ сего предосужденію, онъ и самъ похвалялъ ихъ съ радоспю, когда видѣлъ въ помъ справедливость.

Когда онъ читалъ или слышалъ что разумное, то примѣчно было, что оно лучше всего ему нравилось. И когда опекуны его старались мѣшать между наставленіями, подаваемыми ему басни, чтобы чрезъ то смягчить ихъ сухоснъ, то онъ слушалъ больше того, что онъ содержали въ себѣ важнаго и способнаго къ поправленію его разума и нравовъ, нежели то, что служило ему въ забаву.

Онъ еще съ того времени узналъ, какъ мало въ помъ важности, чтобы называться Христіаниномъ, а не слѣдовалъ правиламъ сего закона въ самомъ дѣлѣ; чего ради онъ въ день торжественной церемоніи своего крещенія, пошелъ въ вечеру предъ рашарь божій разсуждать объ обязательствахъ, которое онъ въ шомъ день здѣлалъ, чтобы жить по Христіански. И попомъ всякой годъ въ сей день своего крещенія разсуждалъ онъ и го-

варивалъ самъ себѣ все то, что говорили духовные всякому по-
вкрещенному человеку: помни твое обязательство, которое ты
дѣлалъ Богу, и будь въ томъ увѣренъ. Онъ всегда не доволенъ
своею жизнью, которую препровождалъ до крещенія, хотя она и
весьма была порядочна, и дѣлалъ самъ себѣ великія упреканія,
что не жилъ по правиламъ принятаго имъ благочестія. Могуль
я себя ласкать, говорилъ онъ, что имѣю разумъ, когда я еже-
дневно нахожу въ себѣ такое странное прошивурчье: по началу
моему Христіанинъ я, а по дѣламъ Язычникъ! и можноль вооб-
разить что противнѣе сего здравому разуму.

Съ такимъ основательнымъ разсужденіемъ, принялъ онъ ми-
ропомазаніе, и причастился свѣтлымъ шампань. Онъ разсужденія,
которому научаетъ насъ вѣра о сихъ шампань, заключалъ онъ,
что должно ему приспособиться къ принятію ихъ съ великимъ
благоговѣніемъ; а по принятіи ихъ препровождалъ жизнь, сооб-
разную благодати, которую поедаетъ Богъ при принятіи сихъ
шампань.

Онъ къ миропомазанію имѣлъ великое благоговѣніе, во образѣ
воина Христова, и предпріялъ благородное намѣреніе исполнить
его обязанности, какъ бы то ни было шрудно. Онъ того произе-
шла сія святая вольность, съ которою началъ онъ съ того вре-
мени слѣдовать добродѣтели. Онъ чрезвычайно берегся отъ шо-
го порока, какъ нѣкоторые весьма упошребляютъ священныя
дѣла въ свою забаву, а паче говорилъ объ нихъ съ такимъ благо-
говѣніемъ, подобострастіемъ и силою, которыя спосвольныхъ лю-
дей молчанъ засмѣвали. Онъ много разъ говорилъ о вѣрѣ при
такихъ людяхъ, о которыхъ зналъ онъ, что они почитали
Христіанскій законъ только во наружномъ виду. Однако онъ ни-
когда не упошреблялъ при сихъ случаяхъ пошребной строгости,
какъ то ему хотѣлось, и почиталъ себя виновнымъ въ сей сла-
бости, непросвишальной по его мнѣнію.

А что принадлежить до негото причастія его святыхъ таинъ, то онъ пробовалъ много уже давно отъ великою нешерцѣливости; чего ради заблагоразсудено, принудить его какъ бы искашь купить икъ субубыта желаніемъ, и сею разумною оспроткою увеличить въ немъ горячее желаніе. А какъ ему въ одно время назначили день, въ который онъ долженъ былъ причаститься святымъ таинамъ, то онъ обрадовался, тогда чрезвычайнѣе образомъ. Это была только одна причина его разговора. За день до причастія проводилъ онъ ночь въ великомъ нешерцѣливѣи, которое пробуждало его нѣсколько разъ, а какъ онъ вспалъ, то такую чрезвычайную радость оказывалъ, что наемъ се умирить могли. Такая радость очень хорошо изображена въ шолокованіи псалма шестидесять прешьяго, которое онъ держалъ у себя для такихъ дней, когда онъ причащался святымъ таинамъ. Я думаю, что ты не будешь противно, чтобы записать его въ сей книгѣ.

Толкованіе

На псалмъ шестидесять прешій къ причастію святыхъ таинъ.

О! Боже мой, Боже любамъ и блаостямъ. Я оставляю покой мой съ радостію, и иду къ тебѣ. Желаніе мое, чтобы причаститься швоему шѣлу и крови, шакъ сильно и горячо, что и сама моя плоть его чувствуетъ.

Какое обрадованіе для меня на земли, гдѣ шакъ мало найдется такихъ вещей, которыми ушѣшать могутъ Христіанина, чтобы вѣйти въ святой Твой Храмъ, и видѣть тамъ сіяніе славы и силы швоей на пиру, къ которому ты меня приглашаешь.

Это безъ сомнѣнія знакъ швоего ко мнѣ милосердія, которое я всемъ сердцемъ моимъ прославляю, и буду прославлять во всю мою жизнь, вознося къ тебѣ мои руки, и призывая святое швое имя. Душа моя пишется будешь свяшою плошю непороч-

наго агна , котораго любовь твоя пригостила мнѣ на олтарѣ. Какія это радости для меня, и какая похвала тебѣ! И не забывай о томъ, не забывай еще зисна моего жюна, а надобно мнѣ еще думать о томъ болю, какъ я испытала твою помощь, которая не оставила меня въ сію ночь.

Когда я приму небесной хлѣбъ, то какую почувствую радость, видя себя подъ покровомъ твоихъ крылъ! Душа моя пребудетъ на вѣки при тебѣ, и рука твоя подкрѣпитъ меня противу всѣхъ наваждений дѣвольскихъ, которые ищутъ погубить меня. Изъ срединн моего сердца, въ которое ты войши на ше-ренъ, понудиши ихъ выйти въ пропасть, въ которую осуждени они на вѣчное мученіе.

Я уповаю, что сія радость не переменится во мнѣ, что я имѣть буду участіе въ блаженствѣ тѣхъ, которые приносятъ тебѣ службу, и что приведешъ ны въ срамъ и молчаніе тѣхъ, которые стараются оклеветать добродѣтель. Не можно изобразить того, съ какою вѣрою и усердіемъ принялъ сей Принцъ святыя тайны, такъ что несомнѣнную надежду имѣть можно было объ исправленіи обжювенныхъ его погрѣшностей.

Стараніе приложено было внушить ему крѣпко сіе! важное правило святаго Іоанна Златоустаго, что воспоминаніе причастія святыхъ тайнъ должно служить намъ обузданіемъ всѣхъ нашихъ спрасней, и что человекъ, очищенной кровію и тѣломъ Иисуса Христа, не долженъ болѣе повреждать Адамова тѣла. И такимъ образомъ чрезъ долгое время не сыскалось въ немъ ничего, за чтобы можно было порицать его, не смотря на великую его горячестъ и жестокостъ нрава; и какъ ему товарищаи другіе, что не узнаютъ его, а потому что уже горячестн и жестокостн въ немъ болѣе не находили, могалъ я бытъ шаковъ же, отвѣщсповалъ онъ, принявши въ себя Бога, коморой хочешъ дѣлать насъ подобными себѣ? Какое чудо, что безконечная его благостъ укро-

шила жестокость моего нрава! Щасливъ я ежели пребуду въ томъ же состояніи, въ которое онъ привелъ меня удешоилъ.

Можно сказать, что сіе разсужденіе много способствовало къ удержанію его въ цѣломудріи, которому мало слѣдуютъ люди его достоинства, которые слабо хранятъ себя отъ поврежденія нравовъ. Онъ еще въ молодыхъ лѣтахъ разсуждалъ, что при возобновеніи, причастіемъ священныхъ таинъ союза, которой сынъ Божій утвердилъ со всякимъ человѣкомъ, претворившись самъ въ человека, и здѣлавши его своимъ чрезъ соединеніе съ нимъ своей плоти, не можемъ мы допускать нашего шѣла въ законопреступныя роскоши; безъ злоупотребленія его нѣкоторымъ родомъ свяшатаства. И такимъ образомъ для причастія священныхъ таинъ употреблялъ онъ великую предосторожность противу того яду, которой подають намъ наши желанія и вредныя человѣческія дѣла. О боже! вдохни всѣмъ шѣмъ, которые читаютъ спануть сіе, мысль и желаніе слѣдовать вѣрно и постоянно сему примѣру.

Какъ онъ достигши до такихъ лѣтъ, что уже могъ управлять самъ собою, продолжалъ свою жизнь безъ всякой переменъ, но шѣ, которые почитали набожность его за дѣтскую и принужденную, увѣрены были тогда о постоянствѣ его въ томъ, и видя въ немъ, при переменѣ состоянія, непремѣнныя поступки, перестали объ немъ сомнѣваться. Подлинно опасно, чѣмъ въ слабой младости и натурально больше склонной къ злу, нежели къ добру, и въ семъ свѣтѣ, соблазнительномъ Христіанской неповинности, и наполненномъ сѣшми и обманчивымъ видомъ, начинающаяся добродѣтель не ослабѣла, когда вдругъ опаятъ у нее подпоры, которыя ее поддерживали.

Сверхъ того, что можешь быть обманчивѣе для молодыхъ людей, какъ первые опыты вольности, которой они прежде не имѣли? Какъ пріятно человѣку, когда онъ можешь сказать, что онъ самъ себѣ господинъ! и въ такомъ случаѣ онъ, по своей не-

зависимости отъ закона , опираясь толькo своимъ желаніямъ и страстямъ безъ всякой осторожности .

Сей Дофинъ предвидя сей вредъ , остерегася отъ него . Онъ не почиталъ за скучныхъ и досадныхъ тѣхъ людей , которые имѣли попеченіе о его воспитаніи , а напротивъ того любилъ ихъ всегда , совѣщивалъ съ ними часто , и по довѣренности своей къ нимъ , пользовался отъ нихъ такими наставленіями , какихъ они подавали ему не имѣли уже власти , и ежели онъ не слѣдовалъ ихъ совѣщанію по послушанію , то слѣдовалъ имъ по той справедливости , которую отдавалъ онъ разуму ихъ и добродѣтели .

Спустя пономъ не много лѣтъ , умеръ его духовникъ , и такъ вступившій по немъ опасался сперва , чтобъ сія перемена не подала молодому Принцу поводъ къ заблужденію отъ того души , которому онъ слѣдовалъ до того времени , но при самомъ первомъ случаѣ , какъ онъ имѣлъ честь съ нимъ разговаривать , получилъ онъ полную надежду о совершенствѣ его добродѣтели . Какъ онъ принялъ смѣлость потребовать у него откровенности о своихъ дѣлахъ , какъ самаго важнаго дѣла по своей должности , то Принцъ , вѣдая по своему разуму , какъ справедливъ былъ сей запросъ , открылъ ему свои мысли , чего бы онъ не могъ получить у другаго , развѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ . Разсудивше , сказалъ онъ ему между прочими рѣчьми , что мнѣ по моему возрасту и состоянію , надобно имѣть отъ васъ наставленіе и подкрѣпленіе , и открывши ему свои склонности , не надобно , продолжалъ онъ къ нему свою рѣчь , мнѣ уедливать откровенностью моею къ вамъ . Вы можете благонадежно предпріять вашъ планъ на то , что я вамъ предлагаю сплану .

Онъ присматривалъ самъ за своими дѣлами , и часто молился Богу , и сей предосторожности не ославлялъ онъ никогда . Онъ крѣпко затвердилъ въ своемъ сердцѣ сіи Христовы слова : *Бдите и молитесь* , ежедневно припамятывалъ ихъ , и обыкновенно

говаривалъ, что ежели кто хочешь предостеречь себя отъ поврежденія въ семь вѣкѣ, шо должно ему полагать сіе за главную свою должностъ.

Можно сказать, что онъ употреблялъ въ самомъ дѣлѣ совѣтъ свяаго Бернарда, копорой подалъ онъ нѣкошорому знашному челоѣку; начинайте всѣ ваши дѣла, подумавъ прежде о себѣ, и оканчивайте ихъ, думая о себѣ. По ушру помышлялъ онъ о должностяхъ, копорыя исполнять было ему должно, и о погрѣшностяхъ, отъ копорыхъ осперегаться ему надлежало. Днемъ онъ не дѣлывалъ никакого важнаго дѣла, не имѣвъ прежде о томъ особливаго разсужденія, въ вечеру разсмашривалъ онъ съ великою строгостію свои дѣла, и записывалъ что надобно было ему для исповѣди. Чрезъ каждыя двѣ недѣли дѣлалъ онъ своему духовнику подробной отвѣтъ о своихъ поступкахъ. Два раза въ году разсмашривалъ онъ съ нимъ вообще дѣла прежнихъ шести мѣсяцовъ, копорыя признавалъ онъ праводушно и откровенно, однако онъ, не смотря на шо, всегда опасался нѣкошорой въ томъ невѣрности, разсуждая, что самолюбіе ни само себя познать, ни другихъ къ познанію его допустить не хочеть. Какъ онъ имѣлъ великое отвращеніе отъ лжи, шо для успокоенія его въ шомъ говорили другіе, что вѣтъ никакова къ шому виду, чтооь онъ солгалъ предъ Богомъ, когда онъ ни въ какомъ дѣлѣ не хошѣлъ солгать людямъ.

Онъ маливался Богу съ великимъ усердіемъ, и различалъ въ молишвѣ двѣ вещи. Первое разсуждалъ онъ объ истиннѣ, копорая склоняеть насъ къ добродѣтели: вшорое просилъ онъ у Бога благодати его, копорая къ шому предводительствуетъ. Онъ вѣдая свою слабостъ, безпрестанно просилъ у Бога его благодати, и не довольствовался шѣмъ, чтооь другіе за него молились, какъ шо обикновенно дѣлають другіе вельможи. Онъ зналъ, что спасеніе челоѣка зависитъ собственно отъ одного его, и что всякъ

долженъ молишься Богу самъ собою, а не со всѣмъ полагаешься въ поможъ на другихъ спараніе.

Между записками его найдены нѣкоторыя разсужденія, которыя почишаль онъ за нужное, чѣшобъ содержашъ въ памяти; для каждаго дня въ шрехъ недѣляхъ записка у его была особливая. Записки первой недѣли писаны не его рукою, а другихъ двухъ его рукою, по чему никто и не сомнѣвается, чѣшобъ онѣ не были его сочиненія. Я для описанія ихъ въ семь мѣсѣшъ ошпановлю на время мою исторію. Онѣ были источникомъ его добродѣшелей, и чашельно послужить могутъ въ подражаніе чашашелямъ.

РАЗСУЖДЕНІЯ

на каждой день въ недѣли.

Въ воскресенье

Я бышше мое и все имѣніе получилъ отъ Бога. Начало мое ешть ничпо, изъ коего онъ произвелъ меня на свѣшъ, когда по ему угодно было, и въ кошорое обратишь меня, когда ему угодно будешъ. Я долженъ признавашъ его за моего шворца, жишъ въ беспрешанной зависимости отъ его власти, и приносишь ему вѣрную благодарношть за его благосшъ. Сія должношть общая всѣмъ людямъ. Великостъ, до кошорой я возведенъ, и кошорая ласкаешъ суешное мое сердце, не освобождаетъ меня отъ шого, а паче обязываетъ, потому что я получилъ ее отъ его рукъ, и что можешъ бышь законопрешупише, какъ возвыситься прошивъ Бога! а я бы шго здѣлалъ, ежелибъ нарушилъ его законъ.

Въ понедѣльникъ

Или душа моя не покорится предъ Богомъ псал: 60.

Состояніе, въ кошоромъ живущъ всѣ люди, страшно. Оно ешть, какъ нѣ кошорое средство между благополучіемъ и злополучіемъ вѣчнымъ, и имъ надобно въ свое время получить одно

изъ двухъ и не выходишь изъ него вѣчно. Опредѣленіе моей судьбы зависить отъ дѣлъ моей жизни; и какъ онѣ будутъ хороши или худы, то попому благополучіе, или злополучіе вѣчное будетъ мой жребій. Разсужденіе о вѣчности должно мнѣ быть правиломъ въ дѣлахъ моихъ; когда я объ нихъ помышляю, то долженъ говорить такъ: къ чему служишь эшо, къ вѣчному ли благополучію, или злополучію?

В о в п о р н и к ъ

Я помышлялъ о вѣчности. пса.: 76.

Настоящая наша жизнь не будетъ продолжаться вѣчно; она кончится скорѣе, нежели о томъ думать можно. Сія необходимостъ судьбы не минуетъ и государей, равно какъ и самыхъ послѣднихъ людей, и нѣтъ у нее никому изъятія. Чемъ больше кто имѣетъ причины любить свою жизнь, тѣмъ меньше онъ помышляетъ о томъ, что она кончится. И такимъ образомъ вельможи не могутъ миновать страха смерти. Какъ нападеніе ея погибельно! и какъ горестъ ея несносна! можно предупредить одно, и смятчить другое, ежели думать объ ней часто; и въ семъ состоить прямая услуга вельможамъ отъ подвластныхъ имъ людей, когда они имъ смерть часто на память приводятъ. Правда, что сіе заключеніе непріятно нынѣшнему вѣку, однако оно, не смотря на то, истинно и справедливо.

В ъ с р е д у

Я думалъ было, что вы Боги, но вы умрете также, какъ и другіе люди пса. 82.

Тотъ, копорой принялъ на себя низкое человѣческое рожденіе, прійдетъ въ сіяніи Божественнаго величества судить меня. Какъ Спаситель мой, хочешь мнѣ промыслить вѣчное блаженство но какъ судія не осудишь ли онъ меня въ свое время на вѣчное мученіе? Доспоинсиво государя безъ добродѣтели послужишь только къ большому моему обвиненію предъ его судилищемъ, попому что чемъ больше получалъ кто отъ его рукъ, тѣмъ

больше ошвѣтствовашь долженъ ; и такъ я шѣмъ паче спарашь-ся долженъ жишь, какъ доброй человекъ , нежели какъ государь. Я не долженъ упошреблять моей великости, какъ только къ возвышенію себя къ великой добродѣтели, покаяясь всемогуществу Божію, и дѣлая другимъ людямъ всякое добро, котораго они ошъ меня ожидашь могутъ.

Въ четвертокъ

Обладатели земные судимы будутъ съ крайнею строгостію.

премудр : 7.

Лишиться всѣхъ благъ , и сносить всевозможное зло , есть жребій осужденныхъ въ преисподнюю , шаково есть истинное воображеніе соспоанія къ кошорому приведены будутъ шѣ , кошорые незаконною своею жизнію привлекаютъ на себя гнѣвъ Божій. Человекъ съ природы не желаетъ себѣ никакова зла , а напрошивъ шого хочеть пользовашься всякимъ удовольствіемъ. И такимъ образомъ какая жалость будеть шому человеку , кошорой увидишь себя погруженнаго въ такое нещастіе , и лишенаго всѣхъ благъ ? Напрасно онъ силится будеть убѣжашъ одного, и пошпичъ другое, удерживаемъ будучи несокрушимыми оковами, и предаспя несносному опчаянію.

Въ пятницу

Тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ. Матѣ. 22. 13.

Праведной человекъ получишь на небеси исполненіе своихъ желаній и конецъ своихъ бѣдъ. Богъ будеть къ нему милоспизъ , и чего онъ лишень бышь можеть ? Богъ покроеть его крылами вѣчнаго покровительсшва , и какое злоключеніе можеть ему случишься ? Ахъ какъ ошвращеніе ошъ порочныхъ роскошей , кошорыя ласкаютъ наши чувства, и перпнїе злоключеній , кошорыми испышываетъ и очищаетъ насъ Богъ , награждено будеть досшойнымъ образомъ чрезъ соединеніе съ Богомъ , кошорой ошдаетъ себя избраннымъ и заступаешь ихъ ошъ всѣхъ золь. Бу-

день ли мы разсуждать о такомъ блаженствѣ? Мы спремимся за такимъ добромъ, которое есть не что иное, какъ только одна шѣнь его, а объ истинномъ добрѣ не прилагаемъ мы ни малѣйшаго старанія, и едва о томъ и помышляемъ.

Въ субботу

Пойду и увижу великое позорище. Исхода 3.

Въ сей жизни есть рай, прѣугошовой для праведныхъ людей, и адъ для беззаконныхъ. Какая радость праведнику, когда онъ сказать можетъ, ежели я умру теперь, то думаю что Богъ меня помилуешь! Но какой страхъ, когда онъ сказать долженъ, ежели я умру теперь, то думаю, что Богъ осудитъ меня на вѣчное мученіе! Безбожной человѣкъ не хочетъ чувствовашь сихъ словъ, но иногда онъ чувствуетъ ихъ и по неолѣ. Сколько есть такихъ вещей на свѣтѣ, которыя человѣку приводятъ Бога на память. И что надобно ему больше для возбужденія его совѣсти, и когда его совѣсть возбуждена будетъ, то не скажешь ли она ему, что онъ имѣетъ въ Богѣ праведнаго ошмспителя своихъ беззаконій? Сей гласъ слышенъ ему бываетъ въ самыхъ лучшихъ его удовольствіяхъ. Напрощивъ того, когда праведной человѣкъ помышляетъ о Бозѣ, ахъ подумаетъ ли онъ, что довольно объ немъ помышляетъ! то воздаяніе приготовленное ему за добродѣтель представляется ему въ его мысляхъ, и онъ чувствуетъ въ своемъ сердцѣ пріятную надежду, что заслужилъ его; и чемъ пруднѣе ему временная жизнь, шѣмъ большую онъ въ томъ имѣетъ надежду.

Въ воскресенье

Скажите праведному, что все блаженство онъ получитъ.

Исаи гл. 3. 10.

Богъ соспоитъ самъ собою. Онъ создалъ все то, что мы видимъ, и можетъ уничтожить въ одну минушу, и въ чемъ я не зависю ошъ него? Вѣчность его поставляетъ выше всѣхъ пе-

ремѣнь, и къ чему мы кромѣ его прилѣпляться должны? Онъ въ своей великости вездѣ пребываетъ. Ничто не можешь укрыться отъ его очей. Премудрости, могуществу и благости его нѣтъ предѣла. Онъ одинъ достоинъ полного нашего надѣянiя. Какъ онъ праведенъ, то пошому награждаетъ добродѣтели, и испишетъ за пороки. Какое безумiе можешь быть въ чловѣкѣ, чшобъ не только не хошѣшь служишь, но еще и раздражать его! Покажи мнѣ Господи всю сію истинну, какъ опасно думаешь о шомъ легкомысленно! сохрани меня отъ такога нещасiя.

Въ понедѣльникъ.

Господь великъ, и несравненныхъ похвалъ достоинъ псал. 147.

Чловѣкъ есть весьма бѣденъ, и бѣдноспи его совершеншво состоитъ въ шомъ, что онъ не почитаетъ себя бѣднымъ. Ежели онъ имѣетъ какое благополучiе, то приписываетъ его себѣ, а не благодаритъ за шо Бога, что получилъ отъ него. Все то, что онъ самъ собою здѣлать можетъ, состоитъ въ однихъ его грѣхахъ, но сіе его могущество низкое. Ежели онъ дѣлаетъ какое добро, то дѣлаетъ его по благодати Божіей, которая помогаетъ ему. Вошъ какъ мы зависимъ отъ Бога! Чловѣкъ имѣетъ душу нешлѣнную, но окруженную шемнотою великаго незнанiя. Онъ имѣетъ шѣло созданное рукою Божією; но члены его шѣла отъ беззаконной жизни, здѣлались орудiями неправды противъ самаго Бога. Ахъ чемъ онъ славится можешь безъ крайняго ослѣпленiя?

Во вторникъ

Господи, что есть чловѣкъ, яко ты помниши его пса: 144.

Ежели принимать вещи въ разсужденiе натуральнымъ образомъ, то въ такомъ случаѣ надобно желать смерти. Она освобождаетъ душу отъ оковъ шѣлесныхъ, коего поврежденiе ошягощаетъ ее, а въ шо время какъ освободилса она, начинаетъ пользоваться всѣми шѣми качествами, кошорьми Богъ одарилъ ее при

созвореніи. Но ежели думаешь, что смерть должна слѣдовать непосредственно отъ суда Божія, что судьба всякаго человѣка рѣшена будешь въ то время, смотря по добродѣтелямъ и порокамъ его жизни, и что никто не знаетъ, когда придетъ ея судебное время, то не должно ли бояться смерти, ежели мы не живемъ такъ, какъ готовы къ смерти, и ежели мы не выпускаемъ изъ памяти нашей того времени, когда судимы будемъ добрыя и худыя дѣла. Сынь Божій хочеть прійти къ намъ внезапно, чшобъ мы всегда готовы были къ послѣдному времени.

Въ среду.

Бдите и молитесь, потому что не знаете, въ которой часъ сынъ человеческій придетъ Матт. 14.

Богъ наградитъ вѣчнымъ воздаяніемъ тѣхъ, которые служатъ ему въ своей жизни. Какая милость наградитъ за временныя услуги воздаяніемъ вѣчнымъ? Но какое есть сіе награжденіе! Богъ самъ, Богъ совершенная истинна и совершенная благость, и какъ онъ есть совершенная истинна, то просвѣтитъ разумъ праведныхъ, а какъ совершенная благость, то обніметъ пламенемъ чистой любви сердца праведныхъ. Какъ я не могу имѣть ни одной искры сего священнаго пламени, чшобъ любить его! Ахъ когда прійдешь благополучное по время, что я увижу Бога истинны, что я возлюблю Бога благости! Но прійдешь ли оно дѣйствительно? Я чаю того отъ его милосердія.

Въ четвертокъ.

Когда прійду, и явлюся предъ лицомъ Божиимъ пса. 41.

Какъ Богъ есть не меньше праведенъ, какъ и милосердъ, то праведно, что онъ равно осудитъ грѣшныхъ, какъ наградитъ праведныхъ. Онъ бы не былъ Богъ, ежелибъ не имѣлъ одного или другаго. Онъ наградитъ праведныхъ соединеніемъ своимъ съ ними, и накажетъ грѣшныхъ отвращеніемъ своимъ отъ нихъ, и поверженіемъ въ геенну огненную. Какъ праведные радовашься

будушь, что принесли въ жертву Богу все, для полученія сего воздаянїя! какъ грѣшники усрашенны будушь казнію, которую заслужили они беззаконною своею жизнїю! какъ тяжело имъ будетъ сказаць: Ежелибъ мы соотвѣстствовали благодаши, копорая вела насъ къ добродѣтели, то бы мы не были въ сей пагубной пропасти, изъ которой мы никогда не выйдемъ. Сїи разсужденїя бесполезны для нихъ, но душеспасительны для меня, ежели я захочу ими пользоваться. Какая милосць Божїя, чпо онъ ошкрылъ мнѣ путь покаянїя, чтобъ возвратишься къ нему? И какъ я не долженъ ошвращаешь ошъ грѣховъ, каковую мнѣ имѣшь должно любовь къ Богу, что онъ не похощѣлъ употребишь своего права на наказанїе меня.

Въ пшпницу

Грѣшники пойдуть въ муку вѣчную, а праведники въ животъ вѣчной. Матѣ. 25. 46.

Я вижу въ грѣхѣ двѣ вещи, которыя производяшь во мнѣ великое ошъ него ошвращенїе, то ешь ослѣпленїе и крайнюю неблагодарность. И подлинно, какое великое ослѣпленїе для такой подлой швари, не хощѣшь повиноваешь высочайшей власши своего Творца, возспаваешь прошивъ его, предаваешь свою славу на жертву малой пользѣ и безчестнымъ роскошамъ, и дѣлаешь вѣчнымъ его врагомъ! а съ другой стороны, какая неблагодарность раздражаешь Бога, ошъ котораго получили мы благодѣянїя! Богъ, копорой здѣлался человекомъ для избавленїя насъ ошъ ига дїавольскаго; Богъ, копорой пролилъ свою кровь для очищенїя нашихъ грѣховъ; Богъ, копорой здѣлалъ себя нашею пищею, для приведенїя насъ въ вѣчное блаженство.

Въ субботу

Какъ я здѣлаю такое великое зло, и погрѣшу противъ Бога? бытїя: 29.

Блаженъ шощъ человекъ, копорой имѣешь все шо, что желаетъ, и желаетъ шого, что принадлежишь ему по справедливости.

Въ семь еостоишь совершенное сходство челоувѣческой воли съ волею Божіею. Какое ослѣпленіе, когда думаешь кто, что можешь быть благополученъ, слѣдуя одной своей собственой волѣ! Сколько препяшшвъ ежедневно удерживають его опъ исполненія своихъ намѣреній! а хопя онѣ и исполняшся, по сколько послѣдовашь можешь за тѣмъ худыхъ приключеній! Какая печаль для насъ, хопя наши желанія исполняются, или не исполняются? Боже мой! научи меня шому, чшобъ я во всѣхъ моихъ дѣлахъ слѣдоваль швоей волѣ.

Да будетъ воля твоя. Луки. 22.

Сей молодой Принцъ хорошо изобразилъ на сердцѣ своемъ сіе важное Соломоново правило: *Во всѣхъ твоихъ дѣлахъ помни послѣдній конецъ, то не согрѣшишь никогда.* Экклес: 7. И шакимъ образомъ обыкновенно онъ говариваль, что для удержанія шпремленія шпрасшей, и для опняштя у предметовъ, которые возбуждають ихъ, всѣхъ прелестей, не находилъ онъ лучшаго средства, какъ разсужденіе сихъ испиннь.

При концѣ каждаго изъ сихъ разсужденій находятяся мѣста изъ священнаго писанія, которыми дѣлаешь онъ нѣкоторое сокращеніе пространныхъ своихъ размышленій. Онъ повшоряль ихъ много разъ въ день на мѣсто молишвъ, чшобъ чрезъ шо возбудишь въ сердцѣ своемъ добрыя мысли, кошорыя имѣль онъ по ушру. Сіи дѣла со всѣмъ невѣдомы, или крайне пренебрежены на свѣшѣ. Это служило ему вмѣсто духовъ, кошорые носятъ при себѣ нѣжные люди, для збереженія себя опъ заразы худаго воздуха, или для подкрѣпленія своихъ силъ, когда они чувспвуютъ въ себѣ слабосшь.

Онъ упражняль сперва въ чпеніи священнаго писанія, къ кошорому онъ заблаговременно былъ пріучаеь. Помомъ онъ чшпаль историческія и другія книги, кошорыя шносны были по его возрасту, а наконецъ онъ чшпаль всякія книги, чшо онъ продолжалъ

по самую свою смерть, определяя на каждой день уреченные часы на чтение книг. Какъ онъ не полагался самолюбиво на свой разумъ, и зналъ, что въ священномъ писаніи имѣть можно нѣкоторыя преткновенія, ежели читашъ его не съ глубокимъ разсужденіемъ, но для того онъ требовалъ у своихъ учителей на трудныя мѣста толкованія. Почтительное, и подобострастное вниманіе, которое имѣлъ онъ при семъ благочестивомъ упражненіи, исходатайствовало ему благословеніе Божіе, которое выражаетъ Пророкъ Ісаія слѣдующими словами: *Я взоръ мой обращу на того, которой слушаетъ слова мои съ трепетомъ.* И можно сказать, что мало людей разумѣли столько писаніе, какъ онъ, и никто не могъ здѣлать полезнѣйшаго употребленія его въ пошребныхъ случаяхъ.

Наконецъ онъ недоволенъ былъ чтеніемъ одного священнаго писанія. Безпристрастіе, которое нѣкоторые люди оказываютъ къ другимъ церковнымъ книгамъ, казалось ему неизвинимымъ. Онъ говаривалъ: По этому напрасно Богъ производилъ во всѣ вѣки учителей церковныхъ, ежели ихъ писанія почтишашъ за ничто когда онъ припомъ по общему согласію не имѣющъ въ себѣ никакова сомнѣнія. Сколько разъ промыслъ Божій употреблялъ ихъ для спасенія человѣческаго рода? Такой постоянной и непоколебимой опытъ, не позволяешъ намъ сомнѣваться, чтобы шакія писанія не служили вѣрнымъ людямъ посредствомъ къ полученію просвѣщенія въ вѣрѣ, и спасенія. Онъ любилъ и шакія книги, въ которыхъ находятся полищичныя и замисловашія рѣчи, которыя больше въ употребленіи на свѣшѣ. Простой шпиль не былъ ему прошивень, когда только онъ находилъ въ немъ что полезное. Онъ шакже читалъ почти ежедневно посланія свяшыхъ отецъ, книгу о подражаніи Іисусу Христу, писанія свяшаго Франциска Сальскаго, и Франциска Гренадскаго, и проповѣди ошца Бурдалона. Я вступаю въ сіи подробности,

не столько для показанія чести авторамъ, какъ самому сему Принцу.

Такая набожность, пишаемая всѣми испиннами, копорыя сосставляли предметъ его разсужденій, какъ при чишаніи книгъ такъ и при другихъ случаяхъ, не могла быть безъ того, чшобъ не имѣла всѣхъ свойствъ, испинной набожности. Первое изъ сихъ свойствъ, по мнѣнію святаго Августина, есть то, чшобъ имѣть познаніе о Богѣ, копорое бы соопвѣшествовало его существу, и почишашъ всѣ другія швари за ничшо. Трудно имѣть сїи свойства, шакъ глубоко въ сердцѣ начертанныя, какъ шо имѣлъ сей Дофинъ. Сїе великое и живое изображеніе Бога, копорое Пророкъ предсшавилъ въ своихъ псалмахъ, и изображеніе суешы шварей безпрестанно онъ имѣлъ въ своихъ мысляхъ, и не можно никому сильнѣе въ шомъ изъясниться, какъ шо онъ дѣлалъ.

Всѣ предметы, копорые поражаютъ наши чувства, приводили ему на память Бога, какъ шо онъ самъ въ шомъ изъяснялся. Вѣра ему ошкрыла покровъ, копорой не допускаешъ легкомысленнымъ людямъ познавашъ Бога въ швари. Онъ признавалъ его всемогущество, поклонялся ему съ глубочайшимъ почшеніемъ, любилъ его ошъ всего своего сердца, и почишалъ его безпрестаннымъ приношеніемъ ему похвалъ. Вещи, приводящія другихъ людей въ забвеніе Бога, служили ему напосинаніемъ его. Онъ не могъ взирать на Бога, безъ воображенія въ сердцѣ своемъ совершенствъ его, какъ по нѣкошорому согласію подобно шому, какъ слова, копорыя сосставляють языкъ, производяшъ по согласію людей между собою разныя въ нихъ мысли. Такимъ образомъ напримѣръ шѣ вещи, копорыя натурально должны были приводишъ его къ забавѣ, суешѣ и неперпѣнію, предсшавляли ему испинныя, копорыя сильнымъ своимъ впереніемъ, приводили его къ прошивнымъ добродѣтелямъ.

Сего для всего не было еще довольно. Онъ имѣлъ на каж-

дой день время, определенное на службу Богу, и тогда онъ обращался къ нему со всѣмъ усердіемъ, и молился духомъ и истинною.

Ошъ сего безпрестаннаго помышленія о Бозѣ родилось въ немъ пламенное желаніе, чшобъ бышь ему благоутоднымъ во всѣхъ дѣлахъ и посвящать ему все на жершву, что онъ могъ имѣшь дражайшаго на свѣшѣ, нежели оскорбляшь его какимъ порочнымъ дѣломъ.

Какъ первой духовникъ его былъ при смерти, шо обнаджилъ его, что имѣлъ ушѣшеніе оставишь его въ шакомъ свяшомъ сосшояніи, а уругой его духовникъ засвидѣтельсшвовашъ можешъ, что онъ слѣдующее время даже до послѣдняго конца своей жизни, соблюлъ себя въ непремѣнномъ сосшояніи; а онъ самъ, не задолго предъ своею смертію, сказала нѣкошорому человѣку, что онъ не поминаешъ шого, какъ нѣкошорые люди имѣюшь шрудность помышляшь о Богѣ и любишь его; а что принадлежишь до него, шо онъ находишь въ шомъ крайнее свое удовольствіе, и что ежели ему дозволено будешъ вѣришь собсшвенному своему сердцу, шо онъ можешъ сказашъ, что нѣшь шакой вещи на свѣшѣ, кошораябъ могла его привешъ до грѣха.

Онъ зналъ, что самая существенная набожность сосшояишь въ совершенномъ посвященіи себя славѣ Божіей, премудрому промыслу и исполненію свяшой его воли, и что безъ сего всѣ прочія вещи на свѣшѣ сушь мечша, и что всякой другой родъ набожности ешь ничшо иное, какъ забава самолюбія, кошорое ищешъ удовольсшвовашъ себя и въ самой набожности. Я нашолъ сію досшохвальную молишву между шѣми, кошорыя дѣлалъ онъ еждневно: Боже мой! я предпріялъ намѣреніе посвяшишь сей день въ славу швою, ошперегашься, чшобъ не здѣлалъ чего прошивнаго тебѣ, соблюшь швои повелѣнія, удержишь мои спрасши и посвятишь тебѣ всѣ мои дѣла. Я ошнынѣ приношу ихъ

тебѣ въ жершву. Подай мнѣ Господи руку помощи, чшобъ я производилъ мои дѣла по швоему изволенію, чшобъ я слѣдовалъ во всеиъ швоей благодати, чшобъ я исполнилъ швою волю по самой крайней точности, кошорой ты ошъ меня шребовашъ можешъ.

Изъ оихъ послѣднихъ словъ ясно видѣшь можно, какъ далеко простирался сей Принцъ въ шомъ, чшо касается до свящности. Онъ не доволенъ былъ шѣиъ, чшобъ исполняшъ волю божію и должности, кошорыя были ему общія со всеиъ правовѣрными, и кошорыя находилъ онъ въ своемъ состоянїи; а признавалъ еще съ другими людьми прямо благочестивыми, чшо Богъ имѣешъ особливыя намѣренія обо всякомъ изъ насъ, и чшо онъ приглашаетъ насъ къ шпени совершенства, кошорое намъ ешъ собшвенное, чшо надобно его познавать съ безпрестаннымъ вниманіемъ, и когда мы его познаемъ, шо должно соблюдать шо съ шакимъ пошояншвомъ, кошорато бы ничшо поколебать не могло. И для шого онъ чашо имѣлъ въ своихъ мысляхъ сіи апостольскія слова: Не сообразуйшесь нынѣшнему вѣку, но преобразишесь обновленіемъ вашего разума, чшобъ вамъ уразумѣшь, чшо ешъ воля Божія, благая, святая и совершенная. На семъ основанїи ушверждена была ша ошорожность, кошорую упошреблялъ онъ въ своихъ пошупкахъ, и милость, съ кошорою прощаль онъ другихъ въ ихъ дѣлахъ. Богъ шребуешъ больше ошъ меня, нежели ошъ нихъ, говариваль онъ; я бы былъ предъ Богомъ весьма невѣренъ, ежелибъ я не дѣлалъ шого, чшо они дѣлаюшъ; а они на прошивъ шого не могутъ бышъ шакovy, ежели не шанушъ дѣлать шого, чшо я дѣлаю. Ошъ чего происходило, чшо хошя онъ и велъ надъ собою жестпокую кришику, однако никогда не осуждалъ чужихъ дѣлъ; развѣ шого шребовала справедливосшь и Хришшіанская должносшь, а и шогда дѣлалъ шо съ великою шихосшїю и ошорожносшїю;

Во всѣхъ случаяхъ какъ публично, такъ и паршикулярно повиновался онъ подобострастнымъ образомъ волѣ Божіей, и покорялся закону съ полнымъ надѣяніемъ сына къ своему отцу. Коква сожалѣнія не оказывалъ онъ во время послѣдней болѣзни госпожи Дофины.

Извѣстно, сколько онъ любилъ ее и почиталъ по достоинству ее качества; не можно имѣть большаго сожалѣнія и печали, какъ то онъ имѣлъ при ее болѣзни и смерти. Я тому былъ свидѣтель, но при томъ видѣлъ какъ онъ повиновался волѣ Божіей; Господи мой! да будетъ воля швоя, а не моя, говорилъ онъ много разъ, да и справедливо то, чѣмъ смертною челоуѣкъ предпочелъ волю свою швоей. Такимъ образомъ говорилъ онъ и желалъ, чѣмъ и другіе говорили во всю ночь, кошора слѣдовала за кончиною госпожи Дофины.

Онъ не меньше покорялся промыслу Божию и въ томъ, что касалось собственно до него. И подлинно хоща обыкновенно вельможи желаютъ долго жить на свѣшѣ, попому что всѣ обстоятельство дѣлаютъ имъ живость ихъ любимымъ, однако онъ не захопѣлъ бы прибавить ни одного дня къ тому времени, кошорое Богъ опредѣлилъ ему на жизнь, ежелибъ то было и въ его власти; и хоща ему рассказывано, что нѣкоторой знашой челоуѣкъ говорилъ, что онъ бы охотно согласился принять себѣ самую поносную смерть, шолькобъ онъ обнадеженъ былъ, что проживетъ сто лѣтъ, однако онъ не промолвилъ такой рѣчи и при самомъ наспуленіи смерти. Какова онъ не оказалъ спокойствія духа, какъ онъ уже видѣлъ, что ему осталось нѣсколько часовъ жить на свѣшѣ? О семъ мы объявимъ обстоятельнѣе въ послѣдующемъ.

Обряды церковные почиталъ онъ, каковы они просшы ни были, и наблюдалъ ихъ сколько можно, въ томъ разсужденіи, что въ семъ дѣлѣ нѣтъ никакой разности, между вельможами и

проспымъ народомъ. А ежели посмотришь на поступку нынѣшняго вѣка, то кажется, что большая часть знаемыхъ людей почитаютъ за пониженіе своихъ чиновъ, чтобы имъ причастнымъ быть въ обрядахъ приношенія службы Богу. Сей Дофинъ присутствовалъ всегда при службѣ Божіей, какова она долга ни была, со всевозможнымъ усердіемъ и вниманіемъ. Никакія забавы не могли его удержатъ отъ того, а часто его видѣли, что онъ оставивши веселости, ходилъ въ церковь на службу Божію въ опредѣленное время.

Онъ въ противность придворному обыкновению, часто причащался тайнамъ божіимъ. Сперва онъ пріобщался имъ по мѣсячно, а потомъ, усмотрѣвъ великую себѣ отъ того помочь къ исправленію обыкновенныхъ своихъ погрѣшностей, и къ укрѣпленію себя въ добродѣтели, причащался онъ послѣднія девять или десять лѣтъ своей жизни, чрезъ каждыя двѣ недѣли, хотя и случались между тѣмъ такія дѣла, для которыхъ иной, не столько усердной къ Богу, ошмѣнилъ бы сіе правило. Онъ по усердію своему къ Богу, умѣлъ соглашать такія дѣла, которыхъ почитаютъ другіе за невинныя, и по своему чистосердечію, рѣшилъ въ свободныя времена такія дѣла, которыхъ онъ не могъ производить во время приношенія службы Богу.

Мало есть такихъ людей, въ которыхъ бы можно было справедливѣе употребить сіи Апостольскія слова: *праведной отъ вѣры живѣ будетъ*. Добродѣтели его были не Философскія добродѣтели, которыхъ часто поступаютъ по гордому, нежели основательному и просвѣщенному разсужденію, а были онѣ добродѣтели кроткаго Христіянина, которой послушаетъ по правиламъ и закону своей вѣры, какъ то видѣшь можно изъ нижеслѣдующихъ примѣровъ, во время беременности госпожи Дофины. Онъ ежедневно молился Богу, чтобы дитя не умерло безъ крещенія, а послѣ разрѣшенія отъ бремени сей Принцессы онъ про-

силъ Бога, чшобъ онъ, ежели младенецъ будетъ жить долго, никогда не отнялъ у него той благодати, которую являлъ онъ къ первой его младенческой неповинности. Правда, что онъ при смерти Принца старшаго своего сына, чувствовалъ всю ту печаль, которую ему потеряніе его причинить могло, но при томъ ушѣшалъ себя надеждою блаженства, до коего, думалъ онъ по своей вѣрѣ, что сей Принцъ могъ достигнуть.

По самой сей вѣрѣ почиталъ онъ и въ другихъ людяхъ свойство Христїянина, которое ему съ ними было общее, и которое дѣлало тѣхъ людей равно какъ и его чадами Божїими. И можно сказать, что онъ по сему разсужденію почиталъ ихъ истинно; и при томъ вѣдая суету всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя подавали ему преимущество предъ прочими въ глазахъ человѣческихъ, почиталъ ихъ внутренно за равныхъ себѣ предъ Богомъ; да что еще, онъ часто отдавалъ имъ преимущество въ томъ разсужденіи, что они меньше нежели онъ порочить могли свойство, которое почиталъ онъ за основаніе истинной нашей великости.

Отъ сего происходило, что онъ и съ служителями своими поступалъ милосливо и благосклонно. Онъ сносилъ отъ нихъ нѣкоторыя неугожденія, видя то, что и они отъ него сносили, и опасался всегда, чшобъ не употребить къ нимъ нѣкоторой неумѣренности, такъ что въ томъ его увѣришь надобно бывало.

На такомъ основаніи вѣры имѣлъ онъ особливую ревность, наславлять своихъ домашнихъ на путь спасенія. Онъ дѣлалъ имъ всевозможную милость, но при томъ почиталъ, что онъ бы имъ не могъ ничего здѣлать, ежелибъ не было къ нему благодати Божїей. Одинъ изъ его домашнихъ престарѣлой чловѣкъ жилъ очень слабо, и по обыкновенному въ людяхъ нерадѣнію ни мало не приготавливался по закону къ смерти. Дофинъ тѣмъ былъ очень шронутъ, и позабывъ, что онъ былъ его учитель, началъ его

увѣдывашь пріятнымъ и у серднымъ образомъ объ исправленіи такога его состоянія. Сей человекъ выслушалъ его съ почтеніемъ, и проронувъ будучи съ своей стороны опасностію, ежели не помышляшь ему о своей смерти, предпріялъ всѣ пошребныя къ тому предосторожности.

Спустя не много времени умеръ сей человекъ самымъ Христіанскимъ образомъ. И мнѣніе, которое имѣлъ онъ о набожности сего Принца, также и ежедневной опытъ его милосердіи къ служащимъ своимъ, подали ему смѣлость ввѣришь себя за нѣсколько минушь передъ смертію его молишвамъ.

Есть еще нѣкоторое доказательство, что онъ усерденъ былъ къ Богу, и поступалъ по правиламъ предписаннымъ намъ въ Христіанскомъ законѣ. Онъ зналъ, что по церковному правилу тѣ, которые принимаютъ младенцовъ отъ купели, должны въ случаѣ нужды имѣть попеченіе о ихъ воспитаніи. И для того онъ имѣя у себя одного крестника, коста ошецъ былъ такова состоянія, что сомнительно было, чтобы онъ воспитывалъ своего сына по Христіански, приказалъ освѣдомиться обстоятельно, каково онъ его воспитываетъ, и до тѣхъ поръ по любви къ своей должности не остался въ спокойствіи, пока не увѣдомился, что младенецъ, котораго почилилъ онъ своимъ именемъ, въ томъ себѣ имѣетъ наснѣвленія довольно.

Супружество почилилъ онъ за такое сочетаніе двухъ особъ, которое обязываетъ ихъ имѣть между собою вѣрную опкровенность сердца, искреннюю довѣренность; взаимную пріятность, осторожность, чтобы не быть ошягопительными другъ другу; взаимную помощь общими молишвами, душеспасительными совѣтами и чтеніемъ Христіанскихъ книгъ, и взаимное попеченіе, чтобы хранить любовь къ Богу, и одинъ къ другому.

Сей Принцъ исполнялъ совершенно сіи обязательства. Онъ имѣлъ къ госпожѣ Дофинѣ надлежащее почтеніе. Онъ опкрывалъ

ей самыя тайныя свои мысли, когда законъ тайны не обязывалъ его къ молчанію. Онъ ей позволялъ имѣть участіе въ оправаденіи дѣлъ и спарался особливо наславлять ее на путь спасенія. Онъ безпрестанно спарался приводить въ совершенство усердіе ея къ вѣрѣ душеспасительными наславленіями, а наипаче добродѣшельными примѣрами. Но онъ прилѣжно осмѣртался при семъ случаѣ, чшобъ не дѣлалъ ей какова принужденія, котороебъ могло ее опврашить ошъ того, вѣдая чшо въ такиихъ случаяхъ добрыя совѣты гораздо сильнѣе, нежели ревностное понужденіе; а на мѣсто того употреблялъ другое средство, шоесть молился Богу во внушренности своего кабинета съ свяшымъ желаніемъ, чшобъ видѣть славу Божію на шакой особѣ, которую онъ почишалъ за другаго себя, и приказывалъ при томъ и другимъ объ ней молишься, а наипаче въ шо время, когда она имѣла причащаться шайнамъ Божіимъ.

Чшо касается до его дѣшей, шо онъ предпріялъ намѣреніе употребить собственное свое спараніе объ ихъ воспитаніи, чшобъ дѣлалъ ихъ больше достойными Царства небеснаго, нежели земнаго, которое обѣщалъ ему промыслъ Божій. Изъ писемъ его видѣть можно, чшо онъ почишалъ шо за важное дѣло, чшобъ дать знанъ о себѣ и дѣлалъся любимымъ заблаговременно: чего ради онъ вспуналъ въ переписку съ Герцогомъ Бреславскимъ, когото разумъ выше лѣтъ его, казался ему быть къ тому способнымъ. Онъ вспуналъ съ нимъ въ разговоры, чшобъ узнать его склонности, и поправилъ бы ихъ, ежели онѣ клонились къ худу, либо укрѣплялъ ихъ въ немъ, когда онѣ проспирались къ добру. Чегобъ мы не могли ожидать ошъ шакого ученика, воспитаннаго ошъ шакого разумнаго учителя? Богъ насъ не удостоилъ шакого шастія; и мы должны о томъ въздыхать, или паче плакать, чшо грѣхи насъ до того не допускають.

Вѣра и духъ благочестія, копорые присуществовали во всѣхъ его дѣлахъ, такъ были видны въ немъ, что шѣ, копорые имѣли честь бытъ при немъ, чувствовали въ себѣ тайное нѣкоторое понужденіе къ почтенію сего Принца, а особливо не можно было смотрѣть на него, когда онъ слушалъ проповѣдь или прѣобщался тайнамъ Божіимъ, безъ того, чтобъ не только не пользоваться примѣромъ его набожности, но еще чѣтобъ и не имѣть припомъ глубочайшаго почтенія къ святымъ тайнамъ. И самыя иновѣрные люди, когда видали его причащающагося тайнамъ Божіимъ, признавали сію истинну; чему служилъ доказательствомъ то, что за нѣсколько лѣтъ предъ симъ здѣлалось въ Спразбургѣ. Онъ тамъ былъ въ праздничной день, и присуществовалъ при ходѣ, и припомъ, какъ Каполики причащались тайнамъ Божіимъ. Люшеряне сего города и другихъ окольныхъ мѣстъ разсѣялись по улицамъ, для смотрѣнія на сіе позорище. Здѣсь сей Принцъ больше всего прочаго привлеклъ на себя взоръ ихъ, и многіе изъ нихъ признавались, что они такъ пронупы были почтеніемъ, ко всему его наружному виду, что почувствовали въ себѣ склонность, приносишь такимъ же образомъ, какъ и онъ, службу Богу.

Я не могу здѣсь миновать того, что здѣлалось въ одномъ городѣ, чрезъ которой проѣзжалъ онъ при возвращеніи своемъ отъ границъ Франціи и Гишпаніи, до копорыхъ провожалъ онъ Короля своего брата. Онъ имѣлъ слушать литургію въ соборной церккви того города. Множество народу собралось туда, чѣтобъ видѣть его. Но Богъ упошибилъ ихъ любопытство, для показанія имъ въ немъ осужденія ихъ неумѣренности, копорая можешъ бытъ не сполько происходила отъ ихъ маловѣрія, какъ отъ горячести того климата. Они удивились, какъ увидѣли его въ такомъ почтительномъ положеніи, и въ глубокомъ молчаніи во все время продолженія литургіи, и сказали: такой намъ примѣръ былъ надобенъ

Я знаю одного Офицера, не упоминая о многих других, что он сему Принцу одолженъ Христіанскою своею жизнію, которую онъ препровождаетъ такъ уже много лѣтъ. Уже тому прошло много времени, какъ сей Офицеръ приходилъ къ одному Версальскому священнику на исповѣдь, чтобъ получить отъ него потребное наставленіе къ своему спасенію. Онъ сказалъ ему, что принудилъ его къ тому никакой другой случай, какъ только то, что онъ видѣлъ сего Принца, предстоящаго предъ олшаремъ Божиимъ съ глубочайшимъ почтеніемъ, упражняющагося всегда съ великимъ посюянствомъ въ Богоугодныхъ дѣлахъ, и наблюдающаго во всемъ свойство истинно благочестиваго Принца.

Онъ не смарался казаться набожнымъ, хотя и зналъ, что Принцы больше другихъ къ тому обязаны. Онъ мало помышлялъ о томъ, что онъ поступалъ Богоугодно. Взоръ примѣрной, которой онъ казалъ во всѣхъ наружныхъ дѣлахъ набожности, былъ у него не принужденной, а испекалъ, такъ сказать, натурально отъ вѣры и благочестія, которыми онъ былъ наполненъ, какъ изъ изобильнаго источника.

Сей Принцъ былъ непріятель гордости, и виѣсно чтобъ ему величался своею набожностію, скрывалъ ее предъ глазами народными. Сколько онъ Богоугодныхъ дѣлъ ни повѣрялъ, однако только такіе люди, отъ которыхъ онъ надѣялся получить себѣ въ томъ совѣтъ. Въ нѣкоторыя дни прочитывалъ онъ изъ священнаго писанія такія мѣста, которыя наибольше его прогали, чтобъ чрезъ то слѣдовалъ благодаши Божіей, которая поуждала его соединиться съ нимъ. Въ спрасную пятницу въ томъ часу, въ которомъ думаютъ, что Спаситель нашъ распятъ, повергался онъ душою своею въ подножіе его креста, сколько до того обстоятельства его допускали, и молился Богу, что онъ здѣлалъ жизнь его свяшою, которую заслужилъ онъ отъ насъ самопроизвольнымъ преданіемъ себя на смерть за спасеніе наше.

Онъ почиталъ внутренность свою за святилище, въ которомъ онъ долженъ былъ почитать Бога, больше нежели на наружности. Въ семь намѣреній хранилъ онъ свою совѣсть въ великой вѣжливости, и опасался, чѣмъ не прикоснулось къ ней что противное Богу. Онъ говоритъ въ одномъ своемъ писаніи: „я пощусь убѣжать отъ всякаго самопроизвольнаго прегрѣшенія, каково бы оно мало ни было. Я устранимся буду, сколько обстоятельствъ дѣла позволятъ, отъ всего того, что можетъ поощрять поводъ къ согрѣшенію; а ежели я пресупаю въ чемъ волю Божию, то постараюсь тотчасъ употребить раскаяніе, которое меня въ томъ исправитъ.“

Сшараніе, которое прилагалъ онъ, чѣмъ оберегалъ себя и отъ малѣйшихъ погрѣшностей, видимо было ясно: чего ради почитали его нѣкоторые за весьма сомнительнаго человѣка; но можно сказать, что они разсуждали о томъ непристойнымъ образомъ. Большая часть изъ нихъ думаютъ, что они могутъ свободны быть отъ самаго существа закона, и опредѣлять ему предѣлы, котораго пресупасть не должно безъ нарушенія своего обязательства Богу, какъ то изъ сего примѣра видѣть можно. Нѣкоторые порицали сего Дофина за строгое наблюденіе церковныхъ постовъ, но онъ изъяснялся въ семь тому человѣку, которому онъ обыкновенно открывался въ такихъ дѣлахъ, и по расмотрѣніи сего дѣла заключили они оба, что онъ казался великимъ постникомъ, потому что другіе мало постъ наблюдали.

Однако я соглашусь въ томъ, что онъ нѣсколько склоненъ былъ къ сомнѣнію. Но безъ сомнѣнія Богъ ему далъ такую природу, чѣмъ чрезъ то произвелъ въ немъ большую вѣрность къ своей благодати, и большую горячность къ своей любви, чѣмъ онъ не полагался на собственные свои силы, а слушалъ бы шѣхъ, отъ которыхъ онъ могъ получать въ томъ совѣтъ, какъ сіи добродѣтели противны чордосни, отъ которой и са-

ные добрые люди не всегда могутъ оснѣречься. Почему онъ весьма повиновался совѣшу шѣхъ, которыхъ почиталъ онъ за наибѣшниковъ Божіихъ въ управленіи его совѣсти.

Сей Дофинъ имѣлъ весьма великое и горячее усердіе къ своимъ родственникамъ. Я слышалъ, что онъ при смерти господи Дофина, своей родительницы, казалъ чрезвычайную печаль, которая соединена была съ такимъ разсужденіемъ, какова не видно въ другихъ опрокахъ равныхъ ему лѣтъ. Я не упоминаю о шѣхъ разсужденіяхъ, которыхъ дѣлалъ онъ о суетѣ вселенныи сего міра, которую съ сего времени началъ онъ почитать за ничто; я только говорю о шѣхъ его разсужденіяхъ, которыхъ дѣлалъ онъ о обязательствѣ своемъ къ сожалѣнію о такой особѣ, отъ которой онъ получалъ свою жизнь.

Онъ имѣлъ еще большую и сильнѣйшую печаль о смерти Дофина, своего родителя. Какъ только онъ увѣдомился о томъ, что безпокойство, которое имѣлъ онъ во время его болѣзни, перемѣнилось въ оцепенѣніе сердца, которое ему отдохнуть не дало. Онъ будучи одинъ или съ своими довѣренными, производилъ шажкія воздыханія. Нѣкоторые свѣтскіе люди, пріобыкшіе разсуждать о состояніи другихъ по своимъ нравамъ, думали, что сей Принцъ радовался о смерти своего отца въ разсужденіи челоувѣческой пользы, которую ему отъ него по своимъ лѣтамъ получить следовало. Но можно засмѣшательствовать въ честь его со всѣмъ тому противное, какъ же можно усмотрѣть изъ пощупокъ его при семъ печальномъ случаѣ.

Самая лучшая польза, которую онъ себѣ пріобрѣсти думалъ отъ сего случая, было не что иное, какъ навѣреніе его, чтобы предупредишь уныніе народное о смерти родителя своего, нѣданіемъ ему надежды на свои пощупки, и оказаніемъ своего о кончинѣ его сожалѣнія, не чрезъ проливніе слезъ людьми слезъ, которыхъ ему бесполезны были, но чрезъ сожалѣніе сердечное

предъ очами Божиими въ усердной молитвѣ. Чего ради причащался онъ нѣсколько дней сряду тайнамъ Божиимъ, усугубилъ милосердію бѣднымъ, и произвелъ многія другія набожныя дѣла. Самое сильное и несомнѣнное доказательство сыновей его любви къ своему родителю состоишь въ такихъ дѣлахъ, которыхъ я здѣсь миновашь не долженъ.

Какъ Офицеры его родителя вступили въ его службу, то онъ ихъ содержалъ съ такою же милосцію, какую оказывалъ шѣмъ, которые служили при немъ съ самыхъ младыхъ его лѣтъ. Онъ старался утѣшить ихъ о потеряннѣ своего государя, и приказалъ имъ объявить, что службы, которыя они показали его ошцу, почитаетъ онъ за службы учиненныя себѣ.

Онъ въ разсужденіи сего наблюдалъ правило, достойное своего благоразумія и праводушія, и часто говаривалъ, что знакъ великаго почтенія сыновнато къ памяти своего ошца состоишь въ томъ, чтобъ онъ почиталъ шѣхъ людей, которые имѣли участіе въ его довѣренности.

И сія причина заставила его продолжашь благодѣянія людямъ, какъ то дѣлалъ покойной его родитель, разсудивъ обстоятельно ихъ нужды.

Извѣстно еще, что онъ дарилъ нѣкоторыхъ людей по порціи ихъ состоянія, какъ въ награжденіе за любовь ихъ къ своему родителю, разсуждая по своему добросердечію, что онъ бы здѣлалъ нѣкоторыя расположенія въ ихъ пользу, ежелибъ смерть не помѣшала.

Онъ подарилъ одному Офицеру бриліантъ, которой больше другихъ любилъ его родитель, и какъ ему сказано, что онъ по сей причинѣ долженъ бы его беречь для себя, то онъ на то въ отвѣтъ сказалъ, что великосшь цѣны сего подарка зависишь отъ сего Офицера, пошому что я знаю, что онъ любилъ своего Государя.

Я упомяну здѣсь объ одномъ знашномъ челоуѣкѣ, которой далъ займы покойному Дофину его родителю восемьдесятъ тысячъ ливровъ, не потребовавъ ни росписки, ни проценшу, ниже сроку къ уплатѣ сихъ денегъ. Сей Дофинъ узнавъ его по смерти своего родителя, пронуть былъ шакою благородною поступкою, которая такъ сильно соотвѣшествовала его великодушію. И для того онъ во первыхъ постарался заплашить ему восемьдесятъ тысячъ ливровъ, и сверхъ того подарилъ ему очень хорошій бриліантъ, потому что онъ слышалъ, что родитель его намѣренъ былъ здѣлать ему сей подарокъ, въ знакъ благодарности за шакую его услугу.

Исторію сію можно бы продолжитъ безконечно, ежелибъ хотѣшь слѣдовать всѣмъ симъ подробностямъ, однако не можно миновать того, чтобы не сказать, что Дофинъ дѣлалъ сіи щедрости, и безъ малѣйшаго уменьшенія прежнихъ своихъ подацій, къ чему онъ сыскивалъ средство, потому что онъ ничего не оставялъ у себя, какъ то я о томъ скорѣ объявлю просраніе.

Онъ строго наблюдалъ свою должность къ Королю, или потому что онъ почиталъ себя его подданнымъ, либо для того, что онъ почиталъ себя его внукомъ. Не можно имѣть большаго почтенія, каково онъ имѣлъ къ нему, ошъ чего дѣлалось въ немъ похвальное воздержаніе. Онъ имѣлъ къ нему нѣсколько опкровенности, какъ онъ достигъ большаго возраста, и какъ онъ узналъ, какъ нужно для него, чтобы быть всегда при Королѣ, учисься ошъ его наспауленій и исполнялъ его повелѣнія.

По смерти своего родителя, всегда старался онъ угождать Королю, неоплучно былъ при немъ и поступалъ точно по его волѣ. Онъ хотя и получилъ Мандонъ въ наслѣдіе себѣ, однако не жилъ шамъ, и не оставялъ королевскаго двора ни на одинъ день.

Король со своей стороны, которой веселился о шакихъ его добродѣтеляхъ, съ радостію взиралъ на качества его, которыми Богъ даровалъ ему: то есть на высокой и проницательной его разумъ, и всѣ другія его свойства, способныя къ великимъ дѣламъ. Онъ имѣлъ къ нему великую довѣренность, смотря по его разуму, и не только упошреблялъ въ совѣтѣ при дѣлахъ, но уже за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ опредѣлилъ ему засѣдательство и разговаривалъ съ нимъ наединѣ о самыхъ важныхъ дѣлахъ.

Сей молодой Принцъ по должности своей, чувствовалъ въ сердцѣ сію королевскую къ себѣ милость, оказывалъ къ нему за то великую благодарность, и въ приспойныхъ случаяхъ изъяснялся ему въ томъ самыми сильными выраженіями, а особливо при кончинѣ госпожи Дофины. Какъ онъ спросилъ, въ какомъ состояніи находишься сія Принцесса, то сказано ему, что она такъ больна, что то будетъ чудо божіе, когда она выздоровѣетъ, и такъ онъ почелъ ее за мертвую, хотя она еще и жива была. Онъ пришедъ отъ того въ великую печаль, воздыхалъ и плакалъ, такъ что можно было изъ того видѣть великую его къ ней горячность, однако онъ при семъ случаѣ не оказалъ никакой слабости.

Въ то время увидѣли, что печаль его вдругъ перемѣнилась въ страхъ, которой почувствовалъ онъ въ себѣ о Королѣ, что бы онъ въ такомъ печальномъ случаѣ не повредилъ своего здравія, вѣдая какъ онъ любилъ госпожу Дофину. Король, сказалъ онъ, побѣхалъ въ Марли? Я боюсь, что бы такой жестокой ударъ не причинилъ какова вреда его здравію. Милосердый Боже! сохрани его отъ вреда! Сколько я ему обязанъ! и что съ нами дѣлается, ежели его не спанетъ? но много спустя времени послѣ сихъ рѣчей, печаль его, которая оспановилась было на нѣсколько минутъ, началась опять съ воздыханіемъ и слезами.

Я

Онъ имѣлъ къ Принцамъ, своимъ братьямъ, великую любовь, хощя и видѣлся съ ними ежедневно. Оба меньшіе брата имѣли къ нему такое почтеніе, какова онъ по праву первородства могъ ожидать отъ нихъ, а онъ употреблялъ въ разсужденіи ихъ родственническую умѣренность. Онъ имѣлъ всегда сношеніе письменное съ Королемъ Гишпанскимъ, котораго добродѣтель и нещастіе прогнали его, и нѣшь причины сомнѣваться, чшобъ они по взаимной своей любви не содержали сихъ двухъ народовъ въ согласіи, хотя они различествовали между собою нравами, обычаями, и пользою, и чрезъ нѣсколько вѣковъ были между собою непріятелями. Онъ жилъ съ Герцогомъ де Берри шакъ дружелюбно, что превосходство его достоинства, служило ему къ оказанію своему брату добра больше, нежели должность и добросердечіе его того требовашь могли.

Я говорю, что я не наблюдалъ строгатаго порядка въ описаніи дѣлъ сего Принца, какъ то безъ трудности усмотрѣть можно. Я не знаю, въ какомъ случаѣ сказано было сему Дофину, что небо есть царство, въ которомъ, по мнѣнію святаго Августина, обладаеть истинна вмѣсто царя, и Христіянская любовь вмѣсто закона. Онъ углубился въ сію мысль, и сказалъ, что понеже мы спарашься должны о пріобрѣщеніи сего царства, шо для того надобно съ нынѣшняго времени отдашь владѣніе въ душахъ нашихъ истиннѣ и Христіянской любви, чшобъ чрезъ шо заблаговременно вкусить сладости шакого блаженнаго царства, и о семъ онъ спарался во всю свою жизнь.

Онъ имѣлъ чрезвычайную любовь къ истиннѣ, и помочь къ познанію ея, и спарался познать ее дѣйствительно. Онъ имѣлъ, какъ говоришь одинъ изъ близкихъ къ нему, высокой разумъ, великое оспроуміе, пространную и твердую память, прямое и твердое разсужденіе, и живое и плодоносное воображеніе. Онъ не былъ доволенъ поверхнимъ знаніемъ, а хощѣлъ углубляшься во

всемъ; однако онъ наблюдалъ во всемъ шомъ предѣлахъ, которыя зара-
вое его разсужденіе, благочестіе и добронравіе предписывало его
любопытству; попому что онъ зналъ, что пресщупленіе сихъ
предѣловъ есть нечно иное, какъ сѣши и спремнны.

Не можно имѣшь большей, какъ шо онъ имѣлъ; склонности
къ словеснымъ наукамъ и большей способности къ произведенію
сихъ въ дѣйствѣ. Онъ разумѣлъ всю пріятность краснорѣчія,
стихотворства, живописства и музыки, копорымъ онъ основатель-
но обучался, такъ что могъ сочинять ошь себя новыя шпужы.
Правда, что съ начала прудно было его наставляшь; попому
что великая его горячестъ недопускала повиновашься правиламъ,
однако онъ не потерялъ ничего. Остроуміе его и сила разума
преодолювало все, и въ такія времена, когда онъ казался весьма
задумчивымъ. Часто во время ученія одной науки надобно было
его употреблять въ другой, копорая бы не раздѣляла его вни-
манія. И такимъ образомъ случалось иногда, что онъ рисовалъ
въ шо время, когда ему полковали авторовъ.

Онъ научился Латинскому языку сполько, что перевелъ
всего Тацита. Попому учился онъ Гиппанскому и Испаліанскому
языкамъ, и упражнялся въ исторіи священной и свѣтской, дре-
ней и мовой попеременно, и содержаніе ея имѣлъ всегда въ сво-
ей памяти. Онъ также читалъ исторію церковную, и разсуж-
далъ объ ней важнымъ образомъ. Изъ Французской исторіи чи-
талъ онъ подлинниковъ, двѣши пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ
прошедшихъ сей монархіи.

Къ наукамъ пребующимъ разсужденія, какъ шо къ Метифи-
зикъ и Мамематикъ имѣлъ онъ не меньше склонности, и не было
ничего такъ шонкаго и пруднаго въ наукахъ, что бы могло оп-
вращить его отъ нихъ или убѣжашь отъ его знанія. Но онъ пред-
почиталъ ученіе нравоучительной Философій, какъ шо свидѣ-
тельствуешь о шомъ сокращеніе, копорое здѣлалъ онъ о респуб-

ликъ Платоновой. И какъ онъ зналъ, что справедливость есть основаніе истинной политики, то потому онъ учился правиламъ Римской и Французской Юриспруденціи.

Какъ онъ знаніе вѣры починалъ за важное, какъ для собственнаго своего, такъ и для государственнаго благополучія, то потому всё свои силы употребилъ на то, чтобы пріобрѣсти въ ней совершенство, чтеніемъ священныхъ книгъ и церковныхъ преданій; къ чему онъ присвокупилъ основательныя разсужденія, чтобы здѣлать ее почтенною и опъ шѣхъ, которые шолкують всё вещи по разуму; и потому онъ при случаяхъ говаривалъ о томъ не только съ вольностію, что онъ почиталъ для себя за необходимое обязанельство, но и съ такою силою, что не можно было ему въ шомъ ничемъ противорѣчить.

Можешь быть удивляешься кто станешь, что я въ собраніи добродѣтелей сего Принца, положилъ и то, что касается до его разума и успѣховъ въ свѣтскихъ наукахъ. Это надобно было здѣлать для шого, чтобы обличить шѣхъ, которые почитаютъ набожность за язву разума.

Нѣтъ никого на свѣшѣ, кто бы не казалъ себя любителемъ правды, и самые тѣ люди, которые въ разсужденія ея со всѣмъ безпристрастны, прославляютъ ее, однако не смотря на то, многіе ее боятся, убѣгаютъ, ненавидятъ и гонятъ дѣйствительно, и пошому, какъ свяшой Августинъ объявляетъ, правда имѣетъ два вида, съ одной любопытство, а съ другой стороны порицаніемъ своимъ язвить спрассти тѣхъ, которые ничего другаго, какъ только знаютъ объ ней хотятъ. И шакъ они хвашаются за нее, и бросають ее вдругъ, и страннымъ оборотомъ своего разсужденія, хотятъ они усильно знать то, чтобы можно, а иногда и должно имъ не знать, а не знаютъ шого, что имъ знать весьма нужно и необходимо.

Я могу сказать, что сей Дофинъ чрезвычайно удалялся отъ такого безпорядка. Познаніе своихъ должностей и погрѣшностей почиталъ онъ за первое изъ всѣхъ наукъ. Онъ старался о томъ крайнимъ образомъ: молитвы, разсужденія, чтеніе книгъ, и разговоры съ пѣми, которые ему въ томъ помочь могли, однимъ словомъ всѣ средства, которыя его къ тому приводить могли, употреблялъ онъ съ крайнимъ раченіемъ. Мѣста, гдѣ Пророкъ просилъ у Бога познанія его воли, суда и намѣренія, извѣсны ему были. Онъ читалъ безпреспанно книги, въ которыхъ обязанности его изображены ясно.

Въ познаніи своего временнаго и вѣчнаго состоянія, искалъ онъ правилъ своимъ дѣламъ, чтобы исполнить дѣйствительно одно, и приготовиться къ другому. Онъ зналъ, что сей способъ, учишься своей должности, человеку нуженъ, потому что человекъ долженъ знать, что онъ есть; и что онъ имѣеть бытъ, ежели онъ не хочетъ жить по случаю и неудачу.

Люди, съ которыми онъ жилъ въ нѣкоторой дружбѣ, засвидѣтельствовали могутъ, что большая часть его разговоровъ, которые онъ имѣлъ съ ними, клонились къ какимъ нибудь важнымъ правиламъ.

Пріятности такого обхожденія научено его заблаговременно, чтобы чрезъ то дѣлать его сноснымъ въ компаніи съ возмужалыми людьми, и чтобы прѣучить его разбирать въ обществѣ человеческомъ, кто въ чемъ основателенъ, и кто слабъ, что могло служить ему вмѣсто науки, потому что онъ получалъ чувствительное приращеніе въ знаніи всѣхъ пѣхъ матерій, о которыхъ бывали разговоры. Онъ чрезъ то смягчалъ свой нравъ, дѣлался спокойнымъ, учтивымъ, веселымъ и пріятнымъ, и забавлялся въ такихъ случаяхъ лучше, нежели на играхъ приспойныхъ его разуму. Такимъ образомъ изъясняешь объ немъ одинъ изъ бывшихъ при его воспитаніи.

Что касается до проповѣдей, которыя слушалъ онъ, то можно сказать, что онъ, невинная пріяимоспн рѣчи, хотя онъ, въ ятому имѣлъ рѣдкую способносн, больше всего примѣчалъ то, что въ нихъ было основательнаго и поучительнаго для него. Не можно никому ранѣе начать оказывать такіа качества, которыми присвойны зрѣлому возрасту. Въ одной изъ лучшихъ проповѣдей, которую онъ слушалъ въ 1696, въ день Свръшенія, проповѣдникъ простиралъ свою рѣчь о должноти вельможъ. Сія матерія понравилась лучше всего Дофину и висчашлась въ его сердцѣ такъ глубоко, что онъ чрезъ долгое время имѣлъ ее въ своей памяти; и пошому думалъ онъ, что Богъ учредилъ въ своей церкви проповѣдниковъ на то, чтобы всякъ правосѣрной почиталъ проповѣдника за шакого человека, которой имѣетъ повелѣніе отъ Бога наславлять людѣй къ добродѣтели.

Я не должемъ здѣсь миновать и шото, что званіе сего Дофина всѣхъ своихъ должностей сохранило его сердце не только отъ нестерпѣнія, но и отъ наималѣйшей страсти властнлюбія. При смерти Принца его родшела, чемъ ближе къ себѣ видѣлъ онъ Королевское достоинство, шѣмъ больше онъ отдался отъ него. По мнѣнію его это было шакое сосшояніе, въ которомъ онъ не могъ жить по своей волѣ, но по разуму очищенному отъ всѣхъ спрасшей.

Онъ сказалъ въ одно время, что все то, что онъ читалъ, слышалъ и думалъ самъ въ себѣ о величествѣ Божіемъ, заславляло его взирашь на него со страхомъ. И такимъ образомъ онъ, вмѣсто шото, чтобы ласкаться въ своихъ мысляхъ о шомъ, и для шото безмѣрно желалъ продолженія жизни Королю, котораго долгое владѣніе могло прекратить число лѣтъ, въ которыя онъ имѣлъ владѣть по его смерти.

Однако не должно думать, чтобы онъ спрашался сего труднаго сосшоянія, которое Богъ опредѣлилъ ему. Онъ зналъ, что

жизнь его зависѣла отъ промысла Божія, и потому разсуждалъ, что должно было предпринимать ему мысли и намѣренія, приспосабливая своему соспоянію, не полагаясь на собственныя свои силы, но на помощь Божию: надобно начать, говорилъ онъ; трудись въ добрыхъ дѣлахъ. Богъ того пребудешь, и я вступаю въ сей трудъ на всю мою жизнь.

Къ знанію своихъ должностей, присокупилъ онъ знаніе своихъ погрѣшностей. Онъ наблюдалъ самъ свои дѣла, съ какими раченіемъ, какъ прилѣжной и вѣсторожной смотритель. Онъ сравнивалъ свои поступки съ своею должностію, и ежели находилъ въ нихъ что хотя мало противное своей должности, то осуждалъ самъ себя не извинимо.

Но какъ онъ зналъ, какъ искусно самолюбіе обманываетъ нашъ разумъ, то опасался всегда, чтобы его разсужденія о чужихъ дѣлахъ не были очень строги, а о своихъ послабительны; а чтобы ему избавившись отъ сей трудности, которую почиталъ онъ за самую тяжкую, то онъ дѣлалъ себѣ много смотрителей изъ нѣкоторыхъ людей, которыхъ онъ почиталъ особливо, и о которыхъ зналъ онъ, что они по своей добродѣтели и справедливости, не стануть послаблять ему въ его погрѣшностяхъ. Онъ имъ приказалъ особливо, чтобы они напоминали ему все то, что онъ скажетъ или дѣлаетъ неблагоприсстойное. Онъ принималъ съ благодареніемъ всѣ рѣчи, сказыванныя вопреки ему; а чтобы подашь смотрителямъ своимъ смѣлость, говорилъ ему про его дѣла съ вольностію, то онъ предупреждалъ ихъ, спрашивая о своихъ дѣлахъ простосердечно.

Я помню, что въ одно время принялъ я смѣлость напомнущь ему о нѣкоторомъ дѣлѣ, которое со всѣмъ не касалось до его совѣсти, и сказалъ ему, что можешь быть онъ сочтетъ то за пресупленіе мое къ нему должности, хотя я и со всѣмъ не надѣялся, чтобы онъ за то на меня прогнѣвался. Вы хорошо

здѣлали, сказалъ онъ мнѣ, и ежели должность ваша не дастъ вамъ права, говоришь мнѣ о такихъ дѣлахъ, то я вамъ дамъ его, и вы мнѣ здѣлаете удовольствіе, ежели шанете употреблять его въ пристойныхъ случаяхъ. Я знаю, что лучше дружескія раны, нежели обманчивыя непріятельскія лобзанія.

Я не могу миновать здѣсь засвидѣтельствванія нѣкотораго челоуѣка, котораго говоришь объ немъ, что онъ всякое напоминаніе о своихъ погрѣшностяхъ принималъ съ благодареніемъ, хотя ему иногда выговаривана была справедливость самымъ строгимъ образомъ.

Изъ вышеобъявленнаго легко узнать можно, что сей Дофинъ не любилъ ласкательства. При первомъ видѣ дѣлаемыхъ ему похвалъ, осерегался онъ ошъ самолюбія, и хотя про него за глаза хорошо говорили, однако онъ самъ о себѣ разсуждалъ худо, и порицалъ свои погрѣшности. Это говаривалъ онъ, самой сильной прошивоборствующій ядъ противъ яду ласкательства. Онъ сожалѣлъ о состояніи такого Принца, котораго любилъ правду, но припомъ принужденъ бываешь видѣть ежедневное ея поврежденіе ошъ похвалъ неумѣренныхъ; что касается до него, то онъ старался удаляться ошъ сего вреда, оказывая наружно своимъ молчаніемъ, что шомъ ему худо прислужится, кто ласкаетъ ему будетъ.

Онъ во всѣхъ своихъ похвальныхъ дѣлахъ возсылалъ славу Богу, что доказываетъ въ немъ швердой разумъ, котораго ласкательство поколебать не могло.

Никто не можетъ сказать, что онъ солгалъ когда еще и въ самомъ своемъ дѣшствѣ. Нѣкоторой знатной господинъ объявляетъ объ немъ, что ошъ самаго его младенчества не примѣтилъ онъ никогда, чтошобъ онъ солгалъ хотя однажды во время восьми или десяти лѣтъ, сколько времени имѣлъ онъ честь быть при немъ, и научать его даже въ самыхъ малыхъ рѣчахъ. Онъ

признавался чистосердечно и въ такихъ дѣлахъ, копорыя ему прошивны были, какъ бы онѣ до него и не касались, и не спарался ни снйгчить, ни умалить ихъ, ниже полагашъ въ шомъ на другихъ вину, а приписывалъ все себѣ, не требуя чшобъ благодарилъ ему за чистосердечіе, или чшобъ умалили ему выговоръ, копорой онъ заслужилъ.

Онъ, имѣя такое ошвращеніе ошъ лжи, не могъ шому вѣришь, чшобъ люди, копорые употребляютъ обманъ на ослабленіе силы своихъ соперниковъ, могли поборспвовашъ по правдѣ. Онъ говаривалъ, чшо правда не потребуешъ такого оружія, и такой защишы. И это дѣлается не ошъ ревности къ правдѣ, а ошъ самолюбія.

Сей Дофинъ въ обхожденіи своемъ съ придворными наблюдалъ шо, чшобъ всякой изъ нихъ имѣлъ участіе въ разговорахъ съ нимъ. Онъ, будучи насавленъ въ разныхъ матеріяхъ, употреблялъ въ своихъ разговорахъ шолько такія матеріи, копорыя почиталъ вразумительными шѣмъ, съ копорыми онъ говаривалъ, и ежели кто рассказывалъ исторіи, или какія дѣла, копорыя онъ зналъ несовершенно, шо сей Принцъ искуснымъ образомъ перемѣнялъ разговоръ, просширая рѣчь свою къ кому другому, хопя онъ по своей крѣпкой памяти могъ и поправить шому чловѣку. Онъ не имѣлъ желанія, чшобъ оказывать себя въ такихъ случаяхъ, и молчаливостію своею не дѣлалъ ущербъ правдѣ, а ежелибъ онъ поправилъ такую ошибку, шо можешъ спашься привелъ бы такого чловѣка въ замѣшательство и презрѣніе.

Право, по копорому справедливостъ иногда скрышь должно, почиталъ онъ свяшо и не нарушимо, и можно было надежно полагашься на его скромностъ, вѣрностъ и пошоянство въ содержаніи тайны, копорая ему повѣрялась. И сіи качества имѣлъ онъ съ своего младенчешва, и съ самаго шого еще времени, и

самому хитрому любопытству не можно было дознаться о немъ него о такомъ дѣлѣ, которое почиталъ онъ за шайну другаго.

Онъ зналъ о мирѣ съ Герцогствомъ Савойскимъ и о своемъ супружествѣ, которое было къ тому главною кондиціею, за три мѣсяца прежде, нежели хотя мало что слышать могъ о томъ народъ; а какъ начали о семъ говорить по догадкамъ, какъ шо обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, шо онъ слушалъ спокойно такія рѣчи, и сообщалъ свои сужденія другимъ. Онъ не искалъ того, чтобы о томъ не было говорено, а употреблялъ только шу предосторожность, чтобы не говорить ему о томъ первому. И какъ наконецъ заблаго суждено объявить сіе дѣло публично, шо онъ не оказалъ никакого знаку, что онъ уже зналъ о томъ прежде, но представлялъ себя слушающимъ шо объявленіе, какъ и другіе, такъ что всѣ бывшіе при немъ около восьми дней думали, что онъ увѣдомился о томъ въ одно время съ ними. Извѣстно было пошомъ, что Король хотѣлъ, чтобы онъ зналъ сію шайну, не сомнѣваясь, чтобы онъ не сообщалъ ее въ молчаніи, пошому что онъ узналъ сіе его качество многими опытами.

Онъ рассуждалъ, что способъ самой благороднѣйшій, почитая правду, сосланишь въ шомъ, чтобы хранишь ее въ своей совѣсти, когда случается перенѣшь подлогъ клеветы, пошому что говаривалъ онъ, чрезъ шо видѣшь можно, что такой человекъ предпочитаетъ свою справедливость всѣмъ одобреніямъ и похваламъ другихъ людей. Какъ пріятно имѣшь въ шо время справедливость съ своей стороны, когда соперники наши нападаютъ на насъ ложью, которая рано или поздно откроется къ ихъ посрамленію, а правда выйдетъ изъ шемношны, копорою она заграждена была, избавишь насъ отъ клеветы.

Я знаю, что одинъ человекъ, къ копорому оказывалъ онъ особливую милость, принялъ смѣлость изъясниться ему о нѣ-

копорыхъ рѣчахъ; копорыя объ немъ разобъяны были, и просилъ его объ учиненіи ему справедливости въ его неповинности, копорая извѣстна была сему Принцу. Онъ ему сказалъ на то: Я охотно по здѣлаю; я знаю сколь важно не только для васъ, но и для многихъ другихъ людей, чшобъ слава ваша не прешрѣла вреда, и я самъ въ помъ имѣю нужду. Но по самое по время, я думаю, чшо вы будеше спокойны, для шого, чшо ничшо такъ не можешъ служить къ оправданію нашему, какъ по, когда мы можемъ по справедливости сказать сами себѣ, чшо мы невинны.

Человѣкъ, основательно любящій правду, всегда будешъ добръ и пріятель другимъ. Онъ знаетъ должность свою, чшобъ быть такимъ, и можно сказать, чшо въ семъ разсужденіи Дофинъ былъ на высочайшей степени. Онъ зналъ совершенно тѣ причины, по копорымъ должны мы любить ближняго, какъ себя; и сіяне его достоинства, къ копорому его промыслъ Божій возвысилъ, не ослѣпило его, и не препятствовало ему видѣть по то равенства между людьми, копорое нашуря и благодать Божія уславила.

Я не могу подать лучшаго познанія о его добронравіи, какъ только сказать, чшо оно имѣло всѣ тѣ свойства, копорыя святой Апостоль Павелъ приписываетъ Христіанской любви, какъ по увѣришься о томъ можно изъ слѣдующаго описанія.

Онъ былъ шерпѣливъ, кропокъ и благосклоненъ, какъ къ своимъ Офицерамъ, такъ и къ другимъ людямъ. Онъ мало оказывалъ горячести и къ такимъ вещамъ, копорыхъ желалъ онъ больше, опасаясь, чшобъ не здѣлалъ кому шруда шротивъ повелѣніемъ; а когда его повелѣнія исполнялись не съ такою скороснію и точностію, какъ надобно было, по онъ старался казать себя довольнымъ, чшобъ не приводитъ такихъ людей въ шдырь, и казалось, чшо домашніе его служили ему по нраву,

хотя они иногда и не исправно поступали въ своей должности, такъ что и другіе примѣчать по могли.

Когда кто изъ служивелей его просилъ у него дозволенія, чтобы оплучиться ему для какой нужды, то онъ соглашался на то безъ всякой трудности. Онъ предупреждалъ ихъ просьбу, когда зналъ, что кто изъ нихъ имѣетъ какое дѣло, на которомъ можно было опложиться на нѣсколько времени его службу, то онъ откладывалъ, чтобы тому служивелю, исполняя свои нужды, можно было успѣть къ своей должности, и не имѣть бы ему досады, что другой исправлялъ его должность, потому что онъ особливо наблюдалъ то, чтобы кто не исправлялъ чужой должности. И хотя онъ въ содержаніи ихъ отдавалъ преимущественно имѣть, которые имѣли больше хорошихъ качествъ, однако онъ дѣлалъ по всякомъ образѣ, что всякой въ своемъ состояніи могъ себя ласкать, что онъ ему не неугоденъ.

Не видно было между его служивельями такихъ ссоръ, какія обыкновенно бывають между служивельями другихъ Принцовъ. Они были добродѣтельны и честны, и не имѣли обыкновенной зависти между собою; и когда случался между ими споръ о службѣ, то онъ поступалъ въ такихъ случаяхъ такъ, что они впопчась приходили въ примиреніе. Онъ ихъ склонялъ всегда къ согласію милосердными своими поступками и приказами, и они хотя по разуму и собственнѣйшей своей склонности и не могли, однако по желанію, чтобы угодить Принцу смиралась бы въ согласіи.

Онъ заботился о всемъ томъ, что касалось до нихъ, и исполнялъ во все подробности ихъ нужды, въ разсужденіи ихъ здоровья, фамиліи и дѣла, и когда онъ зналъ про чью изъ нихъ нужду, то помогалъ имъ въ томъ пристойною щедростію. Я думаю, что можно имѣть сказать, что не одинъ изъ нихъ не былъ, который бы не получалъ отъ него милости или помощи,

либо друтииъ какинъ пожалованіемъ , а дѣлалъ онъ сіе такъ пріятно , что они больше чувствительны были къ способу оказанія милости , нежели къ самой его милости . Милость его простиралась и до дѣшей шѣхъ людей , которые умирали въ его службѣ . Онъ выпрашивалъ ихъ у Короля на мѣста ошцовъ ихъ , когда они только шѣ должности исправлять могли ; а ежели они къ тому не способны были , то онъ имъ объявлялъ , что они не потеряли его покровительсва , при вошеряніи своихъ ошцовъ .

Я не думаю , чтобы какіе люди имѣли правильную причину жалованья на него ; и ежели только они похотѣли ожидать ему справедливости , то признаются , что не было на свѣтѣ Принца благосклоннѣе , а особливо послѣ кончины его родителя , которая заставила его часно приобщаться шайнамъ Божиимъ .

Сосноднѣе , въ которое привелъ его сей печальной случай , заставило его знать , какъ важно для него то , чтобы пріобрѣсть себѣ любовь у такихъ людей , которые въ свое время имѣли бытъ его подданными . И какъ нѣкто сказывалъ ему , въ разсужденіи снисканія Принцу любви у Французовъ , что ничто къ тому такъ не сильно , какъ словохотной и пріятной нравъ , и милосливой взоръ , которой бы доказывалъ нѣкоторое его къ нимъ почтеніе и уваженіе ихъ службъ ; это бы весьма безразсудно было , сказалъ онъ , чтобы жалѣшь такой малой вещи , когда можно купить на нее такъ драгоцѣнную , каково есть сердца народныя ; что касается до меня , то думаю , что я бы не умѣлъ пользоваться пріятностію нашего народа , ежелибъ я не употребилъ сего средства , которое утверждаетъ власть государей несравненно больше , нежели все сіяніе и сила ихъ достоинства . Нѣтъ , продолжалъ онъ , я не нахожу кромѣ моей милости , которая одна можешь бытъ достойною цѣною усердія сего народа , а благодаренія мои къ нему должны мнѣ пріобрѣсти любовь его больше , нежели Королевское Величество .

Сїи слова сходствовали совершенно съ шїиъ разсужденїемъ его, что обладатели земные должны бытъ образомъ Божиимъ. Онъ соглашался съ симъ правиломъ, но припомъ говаривалъ, что ежели Богъ уподобляешь себѣ государей, дѣлая ихъ участниками своего величества, для приведенїя въ повиновенїе имъ народовъ, то государи съ своей стороны должны стараться уподобляться Богу, вѣрнымъ подражанїемъ его милосши, чтобы прїобрѣсть себѣ любовь у своихъ народовъ.

Онъ говаривалъ также, что высокость государей должна бытъ прїяшна имъ, для одного шелько шого, что они могутъ дѣлать благодѣяніе людямъ; а когда они ошъ шого ищутъ одной своей пользы, то удаляюшся они явнымъ образомъ ошъ воли Божїей, которой подаешь имъ великое добро, не для чего другаго, какъ для раздѣленїя его съ другими.

Наконецъ говаривалъ онъ, что Богъ ошець всѣхъ людей, и не хочешь дѣлать между ими шакото неравенства, которое бы подавало вельможамъ право забывашъ, что низкіе люди ихъ брашья. Послѣдованїе докажетъ намъ совершенное сходство его поступки съ шакими благородными и безпристрастными мыслями.

Сей Дофинъ употреблялъ въ обхожденїи съ людьми учтивость и ошкровенность, какъ то дѣлають честнїе люди, шелько съ шюю разностию, что у него было основанїемъ къ шому благочестїе, вмѣсто шого, что другїе побуждаюшся къ шому самолюбїемъ.

Не можно умѣренїе поступать, какъ то онъ дѣлалъ съ шїиъ людьми, которые служили ему для неповинныхъ забавъ, которые употреблялъ онъ для ошдохновенїя ошъ важныхъ дѣлъ, въ коихъ препровождалъ онъ самую большую часть своего времени. Ежели онъ кого звалъ съ собою на ошошу, то говаривалъ припомъ, что не обезпокоитъ ли онъ его шѣмъ. Когда онъ призывалъ кого къ себѣ для игры, то съ шѣмъ уговоромъ,

Что не найденъ ли былъ шопъ человекъ ищи въ другое мѣ-
сто. Все то, что причиняло другимъ трудность, не могло
служить въ его забаву, и вмѣсто того, чшобъ приневоливать
другихъ къ своимъ нравамъ, самъ онъ приноровлялся къ ихъ
желаніямъ.

Онъ принималъ съ великимъ почтеніемъ шакихъ людей, ко-
шорые по своей природѣ, достоинству и чинамъ опличны были
онъ другихъ людей, и говаривалъ съ ними пріятнымъ образомъ.
Онъ почиталъ разныя дарованія, кошорыми Богъ снабдилъ сихъ
людей, по пропорціи ихъ достоинства. Что касается до его
довѣренности, то онъ не употреблялъ ее безъ разбору ко всѣмъ
людямъ, и ежели онъ казался какимъ людямъ не опкровеннымъ
человѣкомъ, то можешь быть для того, что они не имѣли
всего того участія въ его опкровенности, кошораго желали.

Примѣчено было, что въ походахъ доступъ къ нему былъ
свободнѣе, нежели при дворѣ. Сіе дѣлалъ онъ не опъ любви къ
командѣ, а пошому что зналъ, что при дворѣ меньше онъ об-
ществу обязанъ, нежели при арміи. При дворѣ онъ былъ какъ
наршикулярной человекъ, а при арміи напрошивъ того главноко-
манствующимъ Генераломъ; и опъ сего различія должностей про-
исходила разность въ его поступкахъ. Онъ думалъ и правильно
думалъ, что промыслъ Божій того опъ него пребуешь.

Однако, не смопря на то, онъ всегда охотно слушалъ вся-
каго, кто ни хопѣлъ съ нимъ говорить, хопя бы то было на
единѣ, или въ компаніи, и опвѣчалъ всякому шакимъ образомъ,
что всѣмъ опвѣшны его были пріятны, хопя бы кому шакой
опвѣшъ случался и не по желанію. Онъ умѣлъ оказывать, и въ
самомъ опказѣ шакіе знаки благосклонности, что въ чемъ бы онъ
ни опказывалъ просителю, однако пріятнымъ образомъ.

Нѣкогда ему предсказано было, что безразсудные люди
мало уважали его благосклонность, и не довольны будучи пер-

внѣ его опшѣтномъ, приходили просить его онянѣ. Онъ свѣдалъ на шо, что они достойны сожалѣнїя, и хощашъ, чшобъ не было говорено имъ ничего пропивнаго. Можешъ бышь, продолжалъ онъ, имѣюшь они сказашъ что лучше прежняго, однако какъ бы шо ни было, я желаю лучше шерпѣшь онъ ихъ безпокойство, нежели огорчашъ ихъ шѣмъ, чшобъ дашь знашъ имъ что они меня обезпокойвають.

Онъ въ шакихъ случаяхъ оказывалъ иногда еще и больше умѣренности. Нѣкопорой человекъ докучалъ ему чрезъ долгое время своиши сочиненїями не только бесполезными, но еще и безразумными, на что онъ велѣлъ сказашъ ему, чшобъ онъ не продолжалъ болѣе такого бесполезнаго труда. Сей человекъ опважился предсхавишь ему, что онъ долженъ покрайней мѣрѣ заплацишь ему за трудъ и время, копорыя употребилъ онъ на сочиненїе. Сей Принцъ не озлобился на шакое его предложенїе, а напрошивъ шого пожаловалъ ему хорошей подарокъ, какъ въ награжденїе за доброе его намѣренїе, но съ шѣмъ договоромъ, чшобъ онъ впредъ употреблялъ свое время на лучшее дѣло.

Во время присутствїя его при арміи, когда какїе салдашны или Офицеры заслуживали наказанїе, шо онъ всегда казалъ себя склоннымъ къ помилованїю ихъ, и говаривалъ иногда, какъ кшо дѣлывалъ какую погрѣшность достойную наказанїя по законамъ, что ежели законы не дозволяли ихъ помиловать, шо лучше бы желалъ онъ слышашъ о шѣхъ ихъ погрѣшностяхъ вмѣстѣ съ ихъ наказанїемъ. Онъ зналъ, что какъ ни строги законы, однако въ нѣкопорыхъ случаяхъ должны ихъ наблюдать обладатели. И подлинно хоща имъ иногда и досадно бываетъ принуждашъ себя къ нежилости, но необходимость пребуешъ шакой опъ ихъ строгости для государшвеннаго спокойшва, при шомъ же должны они оказывашъ милость шакимъ людямъ, копорые по нещастїю или по неволѣ произвели дѣла прошивныя закону.

Никто отъ него не слышалъ ни когда ни брани ни насмѣшесства. Онъ умѣлъ искуснымъ образомъ прикрывать, что въ концѣ видѣлъ смѣльное или презрѣнное, а не открывалъ того наружу, чтобы не причинить озлобленія. Какъ онъ былъ когда въ селѣ и забавлялся, то не производилъ въ компаніи никакихъ озлобительныхъ рѣчей, а довольствовался дружескимъ обхожденіемъ и пріятными разговорами. А когда онъ усматривалъ, что кто-либо высунулся изъ сѣнъ драицы, то онъ умѣлъ его удерживать отъ того шутокъ и веселымъ видомъ, напоминая ему должность Христіанства.

Онъ былъ чрезвычайно ошороженъ въ сбереженіи славы ближняго. Я не знаю, говоривалъ онъ, должель ли поинв человекъ, котораго слава узвлена не праведнымъ образомъ, стараться о возстановленіи ея, ежели онъ не можетъ того здѣлать приведеніемъ въ посрамленіе начальника такой клеветы, однако не должно думать, чтобы онъ въ сихъ словахъ изъяснилъ прямую свою мысль. Вѣдь извѣстно, что онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не блюдалъ молчаніе, для того, что лучше желалъ сносить не заслуженные выговоры, нежели посрамлять тѣхъ, которые несправедно его порицали.

Какъ онъ остерегался, чтобы незлословить никого, такъ равномерно оберегался и отъ осужденія другихъ. И хотя онъ могъ провидѣть пороки другихъ людей, однако старался, будто бы обманываясь въ разсужденіи ихъ, имѣть объ нихъ доброе мнѣніе, нежели не обманываясь, имѣть худое. Онъ говорилъ, что мы можемъ поперясть, обманываясь въ пользу ближняго, и что мы можемъ пріобрѣсти, не обманываясь во вредъ его чести? И не можно ли намъ убѣгать тѣхъ сѣтей, въ которыхъ заводили насъ легкомысленное надѣяніе на такихъ людей, которые пою не споятъ? Силь разсужденіемъ оперицалъ онъ отъ себя всѣ тѣ сомнѣнія, которыя дѣлались въ его мысляхъ. Не безъ извѣстна

ему было, какъ должно остерегаться Принцу, чѣмъ неполагаться на природную свою склонность, чѣмъ разсуждать худо о другихъ, какъ то сія склонность самая вредная для Принцовъ, потому что они иногда окружены бывають такими людьми, которые полагають свою пользу въ оклеветаніи своихъ ближнихъ предъ Государемъ.

Нѣкоторой чиновой человекъ можетъ засвидѣтельствовать истинну сихъ моихъ рѣчей потому что какъ онъ въ одно время просилъ сего Принца, чѣмъ онъ ошлужилъ судъ надъ нѣкоторымъ человекомъ, коего слава была сомнительна, то Принцъ ему на то сказалъ, что онъ содержишь то за законъ себѣ, чѣмъ не осуждашь скоро никого, и что онъ знаетъ, что есть такіе люди, которые такъ умѣютъ прихвостаться, что кажутъ себя добрыми, хотя они и худы, а другіе хотя внутренно и добры, однако не кажутъ того наружно.

Однимъ словомъ, сей Дофинъ починилъ честь ближняго за свидѣнную вещь на свѣтѣ, къ которой прикасаться не должно, развѣ по правильной причинѣ. И для того онъ говаривалъ, что онъ понять того не можешь, какъ нѣкоторые люди хотяшь открывать погрѣшности другихъ, подъ тѣмъ видомъ, будто то полезно для общества, чѣмъ злые люди извѣстны были, и забота, которую примѣчалъ онъ въ тѣхъ людяхъ, которые вступають въ сіе дѣло, дѣлала ему ревность ихъ такъ подозрительную, что дерзновенныя ихъ поступки и слѣпыя обороты никогда обмануть его не могли. И подлинно, говаривалъ онъ, сколько бываешь положенія и увеличиванія неправеднаго въ такихъ Сапирахъ, ежели кто читаешь ихъ не съ такою же спрасшію, съ какою ихъ сочиняли тѣ люди.

Такія премудрыя разсужденія привели его въ негодованіе на обыкновеніе, которое мы имѣемъ употреблять наше краснорѣчіе на послабленіе страхамъ другихъ людей, вмѣсто употребленія

его на изъясненіе ихъ дѣйствія. Видно, что сей Принцъ съ согласія съ чиновными людьми старался искоренить сіе употребленіе, которыми и они недовольны были. Для чего говорилъ онъ, не зѣлашь намъ того, что дѣлаешся въ другихъ земляхъ, гдѣ положены наказанія шѣмъ, которые въ свяшоспи суда опваживаются не праведными своими рѣчьми прешупать предѣлы истиннаго оправданія.

Не можно было, и напрасно нѣкоторые люди силились удивить его представленіями, которые подавали ему на такихъ людей, которые по своимъ дѣламъ подлежали суду. Онъ говорилъ въ такихъ случаяхъ, что сіи дѣла принадлежатъ не къ нему, а къ духовному суду; и что когда судимой человекъ исполнялъ всю свою должность, и жилъ безъ соблазна. то Принцъ долженъ опсылать его къ духовному суду. И такимъ образомъ подмешныя письма всегда бросаемы были въ огонь, исключая такихъ, которые содержали въ себѣ нѣчто примѣчанія достойное въ разсужденіи общества.

Я зналъ такихъ людей, которые опасались, чтобъ такое добросердечіе сего Принца не переродилось въ слабость, и чтобъ при такомъ набожномъ Принцѣ пороки не оставались безъ наказанія. Но я видѣлъ и такихъ людей, которые, взирая на правильную его жизнь, надѣялись отъ него въ предбудущее время умѣренной строгости, и такимъ образомъ сей Принцъ приводилъ или своимъ нравомъ, либо предразсужденіемъ въ опасеніе о себѣ. Кто сморитъ на дѣла съ одной только стороны, какъ легко можешь погрѣшить въ такомъ случаѣ; а что касается до меня, то я думаю, что изъ сихъ двухъ разсужденій, по наружному виду противныхъ между собою, можно зѣлашь преее, которое будешь истинное, то есть изъ смѣшенія милоспиваго нрава и порядочной жизни могъ сей Дофинъ имѣть надлежащую умѣренность, и убѣгать отъ крайностей, которые почипалъ онъ за прешкновенія въ правленіи.

Какъ я имѣлъ честь разговаривать съ нимъ о семъ дѣлѣ, то отважился представить ему при совѣща, которые ошесть Людовикъ Гренадской, подалъ Дону Варѣоломею, какъ онъ прощался съ нимъ, опъѣжая для принятія Архіепископства Братанскаго: Просите охотно совѣща въ потребныхъ случаяхъ; сносите слабости другихъ, и не требуйте, чтобы всѣ люди вели жизнь совершенную, однако не терпите никакова соблазна и сопрошивляйтесь тому сильно. Онъ выслушалъ сіи совѣщанія съ пріятностію, и сказалъ мнѣ, что онъ приметъ ихъ въ насшавленіе, потому что такой свяшой человекъ думалъ такъ, что они могли служить въ насшавленіе такому великому Прелату, каковъ былъ Донъ Варѣоломей.

Онъ имѣлъ къ благодѣянію всѣмъ людямъ желаніе безпримѣрное. Онъ былъ чрезвычайно жалосливъ къ бѣдности другихъ людей, и не было ничего такого, чего бы онъ для облегченія ихъ не похотѣлъ здѣлать. Я не знаю, кому бы онъ отказался помогать, ежели шолько о томъ представлявано было отъ добродѣтельныхъ людей. Я свидѣтельствуюсь тѣми людьми, которые имѣли къ нему прибѣжище, для изпрошенія у него милости на содержаніе разоренныхъ своихъ фамилій; поданія для оспрады вдовамъ умершихъ Офицеровъ, въ долгахъ нажитыхъ отъ службы, и сиротамъ, коихъ надлежало воспитать въ наукахъ, или художествахъ. Сколько такихъ благодѣяній прошло чрезъ мои руки? Каковъ бы я ни хотѣлъ быть бережливъ въ какомъ случаѣ, для ясно видныхъ здѣсь причинъ, однако мнѣ не можно было устоять прошиву тѣхъ людей, которые надѣялись чрезъ посредство мое имѣть больше участія въ милостяхъ сего Принца.

Онъ услышавъ, что у нѣкотораго дворянина, которой имѣлъ у себя доходу на четыре или пять сотъ ливровъ, погорѣлъ домъ, хлѣбные анбары и скотъ, приказалъ справиться о подроб-

носпяхъ сего приключенія; а какъ ему о шомъ донесено было то онъ сперва приказалъ дать ему хлѣба на засѣвъ его земли, а потомъ выдать довольноую сумму денегъ на соорженіе дому, и услышавъ еще, сей несчастливой дворянинъ имѣлъ у себя много дѣшей, велѣлъ принять двухъ дочерей его въ училище святаго Кира, а что касается до его сына, то онъ обѣщаль воспитывать его на своемъ содержаніи до тѣхъ поръ, пока его можно будетъ принять къ Королю въ пажи; однако смерть сего младенца не дозволила сему Принцу исполнить свое Христіанское обѣщаніе.

Одинъ знакомой ему Офицеръ попалъ въ полонъ, и пошля свой экипажъ не извѣстно въ какомъ случаѣ. Онъ вѣдая, что сей Офицеръ имѣлъ больше достоинства, нежели достатку приказалъ и безъ предложенія о шомъ, послать ему шуда денегъ на содержаніе, а потомъ и выкупилъ его изъ полону; а какъ сей Офицеръ вышелъ на волю, то онъ приказалъ ему выдать денегъ на справленіе его экипажу и на приведеніе его въ состояніе продолжашъ службу.

Докторъ сказалъ ему, что онъ видѣлъ одного знашнаго Офицера, что онъ, будучи весьма боленъ, ходилъ ко двору для исходайствованія своей пенсїи, и что сей Офицеръ не имѣлъ никакова средства, ни въ облеченіи своего несчастія, ни къ защищенію себя отъ спужи шогданигда времени. Сей Принцъ послалъ шому Офицеру довольноую сумму денегъ, и онъ великой Христіанской любви взялся воспитывать его сына въ наукахъ на своемъ содержаніи.

Эшо дѣлалъ онъ справедливо, что помогаль тѣмъ, которые подвергаютъ свою жизнь опасности для государственной пользы, однако онъ не осщавляль при шомъ и другихъ людей; какъ по о шомъ свидѣтельствовашъ могутъ Версальскіе нище, на которыхъ издерживалъ онъ ежегодно великія суммы денегъ, чрезъ священника шамошняго приходу.

Отъ сего священника слышалъ я, что сей Дофинъ уже нѣсколько лѣтъ писалъ ежедневно по сороку человекъ бѣдныхъ, что онъ совѣщивалъ дѣлать и Дофинѣ, какъ она беременна была Принцомъ; и что онъ на каждую недѣлю приказывалъ давать двумъ нищимъ по плашью.

Какъ хлѣбъ былъ дорогъ во Франціи, то сей Принцъ узнавши, что многія дѣвицы отъ недостатка предавали свою чистоту на посрамленіе, приказалъ сему священнику, чтобы онъ собралъ ихъ сколько можно больше, и поручилъ нѣкошорому надежному человеку, которой обязался спавить шѣмъ дѣвицамъ всѣ потребныя къ содержанію вещи; что онъ продолжалъ по самую евою смерть, и содержалъ на своемъ коштѣ по восьми и по десяти сихъ дѣвицъ, послѣ которыхъ принимаемы были другія, какъ прежнія распределены были по мѣстамъ.

Сей Версальской священникъ объявляетъ еще, что сей Принцъ хотя и всегда давалъ ему больше, нежели сколько просилъ онъ у него денегъ, однако и при томъ сказывалъ ему много разъ, что онъ досаждаетъ на то, что не выдавалъ ему большихъ суммъ, и что принужденъ онъ давать по многу денегъ Офицерамъ и другимъ знатнымъ людямъ, которыхъ нужды извѣстны ему были; и что наконецъ просилъ онъ его, чтобы онъ сказывалъ ему; нѣтъ ли какихъ бѣдныхъ людей, которыми онъ помогать будешь надлежащимъ образомъ, и что ежели кто посражаетъ безъ помочи, то въ томъ онъ уже обвинивать долженъ предъ судомъ Божіимъ.

Благодѣянія сего Принца видны были не въ одной только Версалии. Всѣ бѣдные люди въ Парижѣ, въ Марли и въ околныхъ деревняхъ довольствовались его милостію. Онъ посылалъ иногда въ Парижъ великія суммы денегъ, какъ для больныхъ, такъ для бѣдныхъ художниковъ, которые не могли содержать своихъ фамилій, и для подкидышей, которыхъ шѣмъ больше починалъ

онъ сожалѣнія достойными, что одна цюлька Христiянская любовь могла спастись ихъ отъ смерти, на которую они повергаемы были отъ своихъ родителей.

Многіе люди, узнавши, что для полученія участія въ его щедростяхъ, довольно было того, когда кто былъ бѣденъ, отваживались писать къ нему изъ дальнихъ провинцій, и просили у него помощи, въ чемъ они и не оставяемы были, ежели шолько письма ихъ сходешовали съ правдою.

Я не могу сказать, во сколькихъ случаяхъ помогаль онъ бѣднымъ людямъ, которыхъ война или другое какое несчастіе раззорило.

По такимъ же причинамъ приняль онъ съ радостію то предложеніе, которое учинено ему было о выкупѣ Христiянъ изъ полону у Турковъ, которые не надежно было, чшобъ по поперяніи своей вольности соблюли свою вѣру. Напрасно говорено было о томъ самымъ добродѣшельнымъ и знашнымъ людямъ. Трудности, которыя остановили ихъ, не успрашили сего Принца. Онъ предпріяль возобновить между сими невѣрными примѣръ Христiянской любви, которой въ древнія времена склоняль язычниковъ къ Христiянству. Въ семь намѣреніи учредиль онъ милоспивную казну, въ которую многіе по примѣру его дали великія суммы денегъ, такъ что въ скоромъ времени шолько собралось денегъ, что онъ въ состояніи былъ исполнить сіе достохвальное дѣло.

Безъ сомнѣнія удивляться тому можно, что онъ, имѣя умеренную пенсію, могъ довольствоваться такъ многихъ людей. Причиною тому было, что онъ изъ двѣнадцати тысячъ ливровъ, которые получаль онъ на каждой мѣсяцъ, оставяль себѣ шолько одну тысячу, а еще и изъ сей тысячи сколько онъ не убавляль, когда даваль кому своими руками! Такимъ же образомъ упошребляль онъ и случайные доходы, и вмѣсто того, чшобъ распочать ихъ на свои забавы, издерживаль онъ ихъ безъ оспаш-

ка на обыкновенныя свои подаянія, что довольно известно отъ него, какъ онъ употребилъ деньги полученныя за рубку Мандонскаго лѣсу. Это было первое его наслѣдство, которое все употребилъ онъ на удовольствіе бѣдныхъ людей, какъ бы онъ вступилъ во владѣніе Мандона подъ ихъ именемъ.

И такимъ образомъ оказывалъ онъ щедрость свою къ другимъ, не отъ чего другаго, какъ только отъ увѣреннаго своего и бережливаго содержанія, разсуждая, что въ чемъ онъ могъ себѣ дѣлать много, то въ томъ принималъ онъ у своего бляхвяго. Онъ во многихъ случаяхъ не хотѣлъ имѣть у себя такихъ вещей, которыя паршикулярные люди употребляютъ безъ дальнѣйшаго размышленія, и которыя почитаютъ они за надобныя, или необходимыя по ихъ состоянію.

Много еще такихъ дѣлъ сказываютъ про него, о которыхъ вѣрнѣе я не свидѣтельствую, а только утверждаю то, что гдѣ неудалось сему Принцу дѣлать благодѣянія, то тамъ не было случая, а не воли его.

Какъ надобно было сему Принцу дѣлать столярныя ящики для писемъ, то нѣкоторые совѣтовали, чтобы дѣлать его сходственнымъ съ украшеніемъ кабинета. Онъ видя, что надобно было на то употребить много денегъ, сказалъ, что лучше онъ желаетъ обойтись безъ него, а ожидая нѣ деньги нѣкопорымъ Офицерамъ, про которыхъ зналъ онъ, что они имѣютъ въ томъ нужду.

Въ одно время какъ нѣкто изъ придворныхъ узналъ, что убогаго его не осталось почти ничего денегъ; но заблаго разсудилъ сказать ему, якобы онъ содержалъ у себя запасъ въ деньгахъ, откуда бы могъ онъ выдавать въ нужнѣйшихъ случаяхъ, ежели на какіе онъ истощился. Принцомъ онъ говорилъ, что онъ въ семъ случаѣ думаетъ не сполкко опредѣлить границы своей щедрости, сколько умѣрить ее по правиламъ благоразумія. Та-

кое благоразуміе, отвѣшествовалъ сей Принцъ не нравился мнѣ: когда я читаю въ священномъ писаніи, что должно дѣлать ближнему всевозможное добро, но трудно мнѣ опекаться на другой день по благодѣяніе, которое я могу здѣлать сего дня.

Я не думаю чтобъ сказано было на меня, что я говорю по Орапорски, когда я приписываю сему Принцу ту рѣчь, которую говаривалъ нѣкоторой святой человекъ, который для облегченія бѣдныхъ людей не щадилъ ничего; Христіанская любовь ограбила меня. Вышепредложенныя рѣчи доказываютъ намъ въ Дофинѣ сію истину. Я для полнаго увѣренія въ шомъ объявляю, что по смерти его не сыскано у него больше, какъ около двухъ сотъ ливровъ. Бѣдные люди и ошпнокъ сей снесли на небо, какъ то онъ говаривалъ. Надобно собирать себѣ сокровище на небеси.

Какъ госпожа Дофина просила у него нѣсколько денегъ, то онъ на то согласился охотно, но пришомъ сказалъ ей пріятнымъ образомъ: Развѣ вы, государыня моя, не опасаетесь лишиться бѣдныхъ ихъ часши, или поперяшь пользу, чтобъ имѣть въ лицѣ ихъ должникомъ Иисуса Христа. Сія Принцесса согласилась на его мнѣніе. Она приказала одному священнику своего дому, чтобъ онъ имѣлъ попеченіе о вдовахъ и сиротахъ ея служителей, и не допускалъ бы ихъ къ прешерпѣнію нужды въ потребныхъ вещахъ, на что она имѣла употреблять свой кошпъ. Сей священникъ исправлялъ сію комисію тайно, но въ разсужденіи Дофина разсудилъ не скрывать сего дѣла, и сказалъ ему о шомъ, Дофинъ весьма обрадовался о шомъ, и сказалъ ему: Вы не можете сказать мнѣ пріятнѣе и радостнѣе сей вѣдомости.

Я не опасаюсь, чтобъ сіе дѣло показалось спраннымъ въ разсужденіи моего намѣренія: его можно почищать за плодъ добродѣтели Дофиновой, и радость его о семъ объявленіи за извѣстное свойство Христіанской любви. Человекъ, въ кошоромъ

царспивуетъ подлинно сѣя добродѣшель, ничего такъ не желаетъ, какъ видѣшь ее въ другихъ людяхъ.

По сей добродѣтели веселился онъ, видя тѣхъ людей, которыхъ почиталъ онъ, что они были или дѣлались добрыми. Когда ему сказывано о набожности Короля Гишпанскаго, то онъ о томъ чрезвычайно радовался. Я помню, что онъ въ одномъ походѣ, получивъ извѣстіе, что нѣкоторой человекъ, коего почиталъ онъ особливо, принявъ намѣреніе жить лучше прежняго и Христіански, сказалъ мнѣ о томъ съ крайнею радостію, что было плодомъ святой его души.

Трудно имѣть столько, какъ сей Дофинъ, любви къ общей пользѣ. Сколько онъ радовался, какъ припамятывалъ благополучныя тѣ времена, въ которыя Франція пользовалась спокойно всѣмъ тѣмъ благополучіемъ, которое Король ей промыслилъ, то сколько и печалился, разсуждая нещастіе, въ которое за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ неиспытанной судъ Божій ее повергнулъ. Онъ вздыхалъ о той крайности, которая заставляла государя дѣлать иждивенія тяжкія государству, и о необходимости чрезвычайныхъ налоговъ, которыхъ война требовала.

Чего онъ къ облегченію сей горести не предпринималъ дѣлать въ свое время! Король видѣлъ всѣ его добрыя намѣренія, и сказывалъ о томъ въ послѣднемъ собраніи господамъ духовнымъ. Прелаты и другіе духовные, которые тамъ присутствовали, пронуты были даже до самыхъ слезъ. Многіе изъ нихъ говорили мнѣ, что Король сказалъ тогда, что онъ не находилъ ничего пріятнѣе себѣ, какъ видѣшь свой народъ на подобіе прежнихъ временъ въ цвѣтущемъ состояніи; что онъ довольно усмотрѣлъ, что престарѣлыя его лѣта и настоящія обстоятельства препятствовали ему пользоваться симъ удовольствіемъ; но что припомъ имѣешь онъ себѣ ту оспраду, что то, чего не чаялъ онъ видѣшь въ свое время, исполнишь Дофинъ внукъ его,

въ которомъ усматривалъ онъ всѣ качествва, и всѣ поребныя къ тому дарованія.

Но какъ человѣческія мысли не проникательны, и предбудущее время не извѣстно. Богъ располагаетъ все на свѣтѣ по своей волѣ. Помолимся Богу, чѣмъ онъ прибавилъ нѣсколько лѣтъ дѣду, котораго опялъ онъ у внука, чѣмъ то, что сей Принцъ имѣлъ здѣлать, здѣлалъ бы самъ Король. Я думаю, что сей Принцъ совокупитъ свои молитвы съ нашими, чѣмъ испроситъ сію милость у Бога, предъ коимъ лицомъ находилъ онъ нынѣ. Франція была ему всегда мила.

По смерти своего родителя, какъ я выше упомянулъ, предпріялъ онъ намѣреніе пребывать въ безпрестанныхъ трудахъ. Онъ старался знать дѣла и пользу своего государства, и онъ не дождался сего времени, чѣмъ началъ трудиться въ дѣлахъ. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ принялъ онъ поребныя мѣры, чѣмъ научиться тому хорошо. Господа командующіе всѣми департаменшами могутъ въ томъ засвидѣтельствовать. Они имѣли повелѣніе подать ему шпаны отъ своихъ командъ, въ которыхъ находились всѣ подробности о коммерціи, мануфактурахъ, качествахъ земель, податяхъ и налогахъ, и какимъ образомъ собираемы они были въ каждой провинціи.

Онъ охотно слушалъ такихъ людей, которые могли подавать ему совѣты о дѣлахъ, касающихся до государственной пользы. Онъ прилѣжно внималъ такіе совѣты, разбиралъ разсужденія, дѣлалъ прошиворѣчія, чѣмъ не оставитъ ничего безъ довольнаго изъясненія, и при всемъ томъ оказывалъ онъ такую силу и прониканіе разума, котораго не лзя подумать, сыскать въ другомъ человѣкѣ довольно испытанномъ.

Какъ узнали объ его ревности къ народной пользѣ, то многіе начали подавать ему и присылать изъ дальнихъ провинцій представленія, котораго принималъ онъ пріятнымъ образомъ.

Онъ читалъ ихъ самъ, когда ему можно было. а когда не могъ, то отдавалъ ихъ довѣренныиъ людямъ, которыхъ почиталъ онъ способными къ разбиранию ихъ, и приказывалъ представлять себѣ о содержаніи ихъ обстоятельно.

Какъ онъ былъ очень разсудителенъ, то пошому умѣлъ отличать въ сихъ представленіяхъ основательныя дѣла отъ легкомысленныхъ, и пошому не было сомнѣнія, чшобъ онъ могъ управляемъ бытъ чужимъ разумомъ. Онъ весьма зналъ, какъ различать между вображеніемъ и долговременнымъ искуствомъ.

Онъ не безъизвѣстенъ былъ о семъ премудромъ Августининомъ правилѣ, о которомъ ему часно говаривано, что всякое новое правленіе, какъ бы оно полезно ни казалось, всегда опасно бываетъ по своей новостии. Для убѣжанія отъ сего предосудженія имѣлъ частыя совѣпы съ министрами, которымъ подлинное состояніе государства больше другихъ извѣстно.

Онъ имѣя не любостязательныя мысли, отказался отъ пенсіи своего родителя, и удовольствовался только малою прибавкою къ своей прежней пенсіи. Онъ разсудилъ, что въ такое не благополучное время не надлежало ему получать всей шой пенсіи, которую получалъ его родитель въ благополучное время. И хотя онъ могъ употребить ту пенсію въ пользу народную, однако разсудилъ, чшобъ то здѣлано было отъ другихъ, а не отъ него. Тѣ, которые желаютъ получать великіе доходы подъ видомъ благодѣянія другимъ людямъ, должны учиниться, пошому что сею причиною легко обмануться можно, какъ то говаривалъ сси Принцъ: то, что мы желаемъ у себя имѣть, для оказанія Христіанскаго благодѣянія, самолюбіе наше употребляетъ на другія дѣла.

Отъ сего не должно заключать, чшобъ онъ не любилъ красоты и великолѣпія. Онъ зналъ, что священное писаніе похваляетъ по въ Соломонѣ; что оно нужно для оказанія величества

государева почтительнымъ народу, коему оно больше всего чувствовательно; и что наконецъ оно много способствуетъ славу народа предъ иностранцами людьми, а особливо когда оно разсѣяно бываетъ по разнымъ провинціямъ въ государствѣ, и служитъ къ способности коммерціи.

Какихъ не предпринималъ онъ намѣреній для общей пользы, когда онъ увидѣлъ каналъ соединяющій два моря, Сетской Порты, и все то, что ни было въ Прованской и Лангедокской провинціяхъ полезнаго и способнаго къ успѣху коммерціи? Онъ не оставилъ сихъ мыслей и въ слѣдующее время, а осмотрѣвши въ разныхъ мѣстахъ подобныя къ тому способности, предпріимъ намѣреніе промышлять каждой провинціи всякія выгоды, какія только натура ихъ мѣстъ общать могла.

Онъ имѣлъ неслыханную склонность къ справедливости, и думалъ, что о сей доводѣнели больше другихъ вельможи стараться должны, какъ для того, что они пріобыкши видѣть почтеніе, легко думаютъ могутъ, что всѣ имъ должны, а они никому, такъ и для того, чтобы они, видя всѣхъ людей подъ своимъ повелѣніемъ, не полагали своей воли за единственной законъ своихъ дѣлъ.

Онъ, вѣдая себя во всемъ должнымъ государству, почиталъ себя за ничто; когда дѣло шло о государственной пользѣ. Онъ никогда не щадилъ своей особы въ потребныхъ случаяхъ, и будучи при арміи сносилъ трудъ, безпокойство, опасность и всякія другія невыгоды безъ роптанія.

Онъ почиталъ за должность справедливости, чтобы слушать благосклонно всѣхъ просящихъ людей, и иные такъ надежны были на сію его добродѣтель, что уже не наблюдали и времени, когда приходишь къ нему; Нѣкоторой убогой дворянинъ искалъ случая просить его, и между тѣмъ весьма безразсудно подбѣжалъ къ нему съ прозьбою во время самой охоты. Принцъ

остановился не оказавъ неперпѣнія, и далъ ему время выговорить про все свое дѣло. Легко себѣ вообразить можно, какъ обрадовался сей дворянинъ, что могъ безъ помѣшательства изъясниться Принцу о своей нуждѣ, и получилъ отъ него милосердивой отвѣтъ, въ такомъ случаѣ, когда онъ по справедливости долженъ былъ опасаться непріятнаго оборота.

Такимъ же образомъ дѣлалъ онъ свободной къ себѣ доступъ и всѣмъ шѣмъ, которые подавали ему прошенія, и приказывалъ находившемуся при себѣ гвардіи Офицеру, чтобы онъ не одерживалъ никого, а которые подавали ему записки касающіяся до совѣшу, то онъ принималъ и разсуждалъ о содержаніи ихъ съ крайнею справедливостію, и не сказывалъ никогда своего мнѣнія, не разсудивъ прежде довольно, и ежели какія дѣла превосходили его знаніе; то онъ совѣшывался о томъ у искусныхъ людей, а ежели нужно что было, то онъ самъ читалъ для того и законы.

Для убѣжанія отъ всякаго приспращія и несправедливости, слѣдовалъ онъ всегда закону, и говаривалъ, что склонность къ однимъ людямъ и отвращеніе отъ другихъ не допускаютъ человека поступать безспрашно и по законамъ, которые здѣланы до насъ, для содержанія добраго порядка, и въ нихъ не можно подозрѣвать приспращія,

Онъ бы разсуждалъ и противъ собственной своей пользы, ежелибъ не было справедливости съ его стороны. Онъ радовался о томъ, что могъ слѣдовать примѣру Короля, о коемъ зналъ онъ, что онъ осуждалъ самъ себя, и предавалъ свои требованія, какъ партикулярной человекъ, на рѣшеніе обыкновенныхъ судіямъ.

Какъ онъ ни удалялся отъ дѣланныхъ ему похвалъ, однако онъ не противился тому, когда хвалили его за справедливостъ. Нѣкоторой придворной знашной человекъ похвалялъ его разумъ,

милостивыя поступки и любовь къ справедливости. Онъ ему на это сказалъ, не упоминая о прочемъ: я починаю справедливостъ за такую великую добродѣтель, что ежелибъ я зналъ, что здѣлалъ кому обиду, то бы я не пожалѣлъ и потерянїя моей славы, для исправленїя никакой погрѣшности.

Когда онъ ѣзжалъ на охоту, то приказывалъ строго, чтобы охотники не портили земель, по которымъ они ѣздили, а ежели онъ когда примѣнилъ, что посягнуто было въ провинность его повелѣнїю, то онъ платилъ господамъ тѣхъ земель за урокъ ихъ, не столько слѣдуя правиламъ справедливости, которая имѣетъ свои предѣлы, какъ Христіанской любви, которая ихъ не имѣетъ, потому что онъ платилъ больше оцѣнки самыхъ тѣхъ изъубытченыхъ людей, опасаясь, чтобы они съ почтенїя къ нему, не поопаслись требовашь отъ него праведнаго воздаянїя.

Нѣкоторые люди, коихъ онъ жаловалъ своею милостїю, прашивали его иногда, чтобы онъ вступалъ въ супружескія ихъ дѣла, какъ бы для оказанїя своего имъ покровительсва, но онъ когда склонялся, чтобы сказано было его именемъ, то приказывалъ всегда припомъ, чтобы тѣ люди не смотрѣли на его рекомендацію, ежели то провинно будетъ справедливости и ихъ вольности. Онъ не желалъ того, чтобы рекомендація его преимуществовала надъ справедливостїю, а паче благодарилъ тѣмъ, которые въ послѣдованїе справедливости отваживались отказывашъ.

Онъ никогда не оказывалъ ни кому своего покровительства, для доставленїя какова чина или комисїи, ежели не зналъ прежде, что то не будетъ съ обидою другому, и говаривалъ, что то не справедливо, чтобы здѣлалъ добро одному со вредомъ другаго.

Въ одно время украденъ былъ у сего Принца ларчикъ, въ

кошорой камординеръ его положилъ около трехъ сошъ пистолей, чѣмъ дашь ихъ займы Принцу, когда надобно будешь. Принцъ услышавъ сіе, счолъ себѣ за должность, чѣмъ отдашь ихъ камординеру. Но сей человекъ отрицался отъ принятія ихъ всевозможнымъ образомъ, и не принялъ, пока ужъ Принцъ строго приказалъ ему, и при томъ сказалъ, чѣмъ онъ о томъ не сказывалъ ни кому. И сему мы разумному и безкорыстному человеку одолжены знаніемъ такого дѣла, въ кошоромъ видима справедливость и благородство его Принца.

Спустия пошомъ нѣсколько времени, воръ, хотя успокоивъ свою совѣсть, предпріялъ отккрыться въ томъ Принцу, такимъ образомъ, чѣмъ можно было ему получить у него увольненіе отъ уплаты за то, кошорая могла раззорить его. Онъ получилъ то дѣйствительно, только съ шѣмъ договоромъ, чѣмъ онъ подалъ кому нибудъ милостыню, ежели ему возможно будешь. Дофинъ почелъ сіе за нѣкоторой родъ справедливости, пошому чѣмъ онъ шѣ украденныя у него деньги опредѣлилъ было на нищихъ, и для того онъ разсудилъ заблаго, соблюсти нѣкоторымъ образомъ ихъ пользу въ семъ случаѣ.

По самой же сей справедливости когда онъ давалъ людямъ, посаженнымъ въ тюрьму за долги, деньги, коишбъ они, уплативъ нѣкоторую часть своего долгу, могли получить снисхожденіе у своихъ заимодавцовъ, то онъ приказывалъ сказывать имъ, чѣмъ они когда освободяшся изъ тюрьмы, спарались всевозможнымъ образомъ уплатить оспальной долгу, и чѣмъ они, споря на то, какъ онъ имъ здѣлалъ по своей возможности, спарались также всевозможнымъ образомъ здѣлать удовольствіе справедливости, и чѣмъ ему досадно будешь, ежели заимодавцы въ разсужденіи его будуть имѣть нѣкоторое предосужденіе.

Чѣмъ касается до пожалованія чиновъ, то прозьбою ихъ получать у него не легко было. Онъ говаривалъ, чѣмъ какое ни по-

лагаются равенство между тѣми, которые пребываютъ чиновъ, и тѣми, которые не пребываютъ, однако въ томъ всегда соспоятъ великая разность, по тому что первые своимъ искомъ доказываютъ свою гордость, а другіе своимъ молчаніемъ оказываютъ ненадѣяніе на свои силы, одни изъ нихъ подають мысль, что почитаютъ себя за доспойныхъ, а другіе напротивъ того признають себя недоспойными. Однако не смотря на то, сіи послѣдніе по строгой справедливости должны имѣть предъ кѣми преимущество, сколько умѣренности ихъ превосходитъ пышныя тѣхъ о себѣ мысли.

Наконецъ можетъ быть кпо думать снаетъ, что такое множество его добродѣтелей происходило отъ природной его къ тому склонности, однако онъ обманися такою мыслию. Я могу сказать въ честь его имени, или наче въ славу всемогущаго Творца, которой въ особѣ его совокупилъ святость Христіянства съ мирскою великостію, что онъ имѣлъ свои слабости, но подвергалъ ихъ власти разума, и признавался предъ другими, что онъ находилъ въ себѣ много пороковъ. Но ежели такое его признаніе происходило отъ его кротости, то оно и по тому похвалы достойно, что онъ умѣлъ симъ образомъ постоянно преодолевать свои страсти.

Онъ былъ во всей своей наружности весьма снѣдливъ, умѣренъ въ своихъ дѣлахъ и оспороженъ въ словахъ, хранилъ поступку совершенно сходную съ тѣмъ правиломъ, которое Тертуллианъ подалъ правовѣрнымъ въ свое время; не довольно чтобы быть чиснымъ, а надобно и казаться такимъ. Сія добродѣтель должна вкореняшся шакъ въ сердцѣ, чтобы она могла видима бытъ и наружу. Одинъ господинъ изъ ближайшихъ къ сему Принцу увѣрялъ меня, что воздержаніе самыхъ цѣломудренныхъ дѣвицъ не могло сравняшся съ воздержаніемъ сего Принца.

Онъ почишалъ чистоту за драгоцѣнное сокровище, которое носимъ мы въ шѣлахъ нашихъ, какъ въ ломкихъ сосудахъ, и для того онъ удалялся отъ всего того, что намъ опасно по слабости нашей. Ежели онъ любилъ кого, то чрезвычайно остерегался, чтобы не подать о томъ знаку. Онъ почишалъ достоинство такихъ людей, и учтивъ былъ въ обхожденіи съ ними, однако не употреблялъ къ нимъ пристрастныхъ разговоровъ и дружескаго обхожденія.

Онъ сильно любилъ съ природы музыку, и присутствовалъ бы на позорищахъ, гдѣ сіе искусство открываетъ все свои пріятности, ежелибъ не опасался, чтобы чистосердечіе его не было чемъ отъ нее пронуто.

Онъ не меньше удалялся и отъ комедій, вѣдая, что самыя обманчивыя спраши выражаются тамъ съ такою точностію, что ядъ ихъ нечувствительнымъ образомъ впекаетъ въ душу зришель. Правда что онъ принужденъ бывалъ иногда ходить туда съ вѣкошорыми персонами равнаго себѣ достоинства; но онъ въ такихъ случаяхъ крѣпко остерегался, чтобы что не пронуло его глазъ или ушей. Тѣ, къ которымъ оказывалъ онъ сіе учтивство, примѣчая, что сіе было для него трудно, давали ему знашь, чтобы онъ шѣмъ не беспокоился, а онъ пользуясь ихъ учтивостію, оставался дома въ то время, какъ они присутствовали на комедіи.

Онъ, вѣдая изъ священнаго писанія, что воздержаніе есть даръ Божій, просилъ его у Бога заблаговременно горячею молитвою. И пошому хотя онъ былъ и великой охотникъ къ азартной игрѣ, но преодолевалъ сію страшь шѣмъ разсужденіемъ, что причина игры есть нечто иное, какъ низкое и подлое желаніе выигрыша, которое не достойно Принца, пошому что онъ долженъ имѣть благородныя и высокія мысли. Игра по натуральному порядку, должна бытъ нечто иное, какъ ошдохнове-

нѣ ошъ дѣлъ важныхъ, по соспоянію всякаго челоуѣка, а ежели играть приспрасно, то ужъ игра не будетъ игра, а другое упражненіе, которое какъ ни мало, однако удерживаетъ людей ошъ важныхъ дѣлъ.

Сей Принцъ хотя и игриваль иногда, не шакъ для забавы, какъ для угожденія компаніи придворной, однако всегда игриваль на малыя деньги, и припомъ имѣя ихъ при себѣ, а не въ долгъ, копорой не многіе плашашъ.

Сей Принцъ хошя и имѣль сперва великую склонность къ рѣдкимъ и дорогимъ вещамъ, и издержаль бы на шо великія суммы, ежелибъ онъ ей слѣдовалъ, но онъ не долго имѣль сію спрасъ, или для шого. что онъ почипаль шакія вещи за бездѣлицы и дѣшскія забавы, либо по Христіянству своему почипаль онъ за преступленіе упошребить на шо великія суммы, копорыя онъ издержашъ могъ на жалованіе и милосшыню. И наконецъ шакъ пошераль ошопу къ рѣдкимъ и дорогимъ вещамъ, что по кончинѣ своего родителя, ошдалъ всѣ дорогія вещи своимъ брашьямъ, и сказалъ мнѣ, что онъ къ симъ вещамъ не имѣетъ никакой ошопы. А за нѣсколько времени предъ кончиною своею, приказаль онъ продать всѣ бриліаншовыя вещи, чшобъ было ему чемъ снабдѣвашъ бѣдныхъ.

Я возвращаюсь къ его нраву, копорой имѣль въ себѣ главной недосшашокъ и испочникъ погрѣшностей, копорыя онъ могъ дѣлашъ. Онъ былъ жестокаго нраву, но наконецъ по своему разуму и по совѣшу узналь онъ, какъ важно было для него, чшобъ умѣрашъ его.

Онъ послѣ учиненныхъ погрѣшностей приходиль шощчасъ въ раскаяніе, а иногда и до великихъ слезъ, признаваль ихъ съ невѣроятнымъ чистосердечіемъ. Въ шакое время опекуны его подавали ему къ убѣжанію ошъ шого совѣшы, шакъ, что онъ впредъ ошъ всѣхъ шѣхъ погрѣшностей ошерегался.

Когда онъ бывало скажетъ кому что прошивное, то старался потомъ наградить по милосливую цоспукою, и не осивался въ покоѣ до шѣхъ поръ, пока могъ думать, что озлобленной человекъ имѣетъ у себя на сердцѣ нѣкоторое неудовольствіе.

Чемъ больше возрасталъ онъ, шѣмъ больше старался обладать своимъ нравомъ, и разсуждалъ о шомъ, какъ нужно Принцу владѣть собою.

Больше всего склоняли его къ уиѣренности сѣи Спасишелевы слова: *Научитесь отъ меня, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*, и говаривалъ. Ежели я долженъ слѣдовать Христову сердцу, да и могуль я не желать того, то надобно мнѣ знать, и въ дѣло упошреблять сѣе важное его правило, которое приводитъ насъ къ кротости и смиренію сердца. Господи мой! малывался онъ; пресели изъ швоего сердца въ мое сѣи любезныя добродѣтели, и что бы швое смиреніе укропило мою гордосшь, и кротосшь бы швоя уишишила мое злонавіе.

Наконецъ сей Принцъ, по долговременномъ сопрошивленіи своимъ спрасшямъ, здѣлался полнымъ ихъ обладателемъ, шакъ что можно сказать, что почти ни самъ онъ себя, ни другіе его въ разсужденіи прежняго состоянія узнавать не могли, и даже до того, что и шакіе случаи, которые бы прогали и самаго великаго Флегмашика, прошивъ крѣпости и спокойшва его духа слабы были.

Напоследокъ сей Принцъ, по прошествіи не многихъ дней послѣ кончины своей супруги, Принцессы Дофины, впалъ въ болѣзнь. Нѣкоторые думали, что онъ получилъ болѣзнь отъ Дофины, что былъ при ней во время болѣзни ея безоплучно. Онъ скончался послѣ ея, по прошествіи семи дней. Это было печальное и пришомъ чудное позорище, что оба они въ одно время въ одной церемоніи несены были на погребеніе въ церковь святаго Діонисія.

Сперва сей Дофинъ имѣлъ два припадка отъ лихорадки, которую почли было за четверодневную, а третій припадокъ случился ему за день ранѣе прежняго, и въ первой понедѣльникъ великаго поста подъ вечеръ, принужденъ онъ былъ лечь на постелю, хотя ему въ шопъ день съ утра до вечера и хорошо было. Горячка, которая его тогда сильно схватила, показалась съ пашнами и продолжалась по день его смерти, которая послѣдовала въ четвертокъ въ восемь часовъ по утру.

Ежелибъ сей Принцъ и не имѣлъ во время своей болѣзни той помочи отъ церкви, которую подаетъ она дѣшмиъ своимъ въ такихъ печельныхъ обстоятельствахъ; то бы праведная его жизнь и безпрестанное упражненіе въ Христіянскихъ добродѣтеляхъ, могли бы насъ увѣрить о вѣчномъ его блаженствѣ. Но промыслъ божій, которой блюлъ его особливимъ образомъ, не лишилъ его сей помочи.

Онъ исповѣдовался въ субботу первой недѣли поста, что онъ здѣлалъ съ великимъ чистосердечіемъ. Разсужденія его о смерти госпожи Дофины, много къ тому способствовали, потому что онъ узналъ тогда больше прежняго, какъ нужно намъ то, чтобъ невѣдая дня смерти нашей, всегда готовымъ быть предстать предъ судъ божій. Припомъ онъ разсуждая, что союзъ его съ Принцессою разрѣшенъ рукою божіею, обратился къ нему всѣ свои мысли.

На другой день, какъ онъ по своему обыкновенію имѣлъ причащаться тайнамъ божіимъ, я видя, что онъ слабъ былъ, осмѣлился ему представить, что онъ въ своей набожности нѣсколько не остороженъ, и что сіе дѣло не пройдетъ безъ того чтобъ онъ не обвиненъ былъ, ежели ему здѣлается хуже послѣ причастія. Вы мой учитель, сказалъ онъ мнѣ, и мнѣ досадно будетъ подать какую нибудь причину къ выговору вамъ, чрезъ шакое дѣло, которое какъ ни свято, однако можетъ быть отложено для правильныхъ причинъ.

Въ понедѣльникъ по утру, какъ я увидѣлъ его въ лучшемъ состоянїи, то размышлялъ я, возвращаясь мнѣ въ Парижъ; однако не продолжая ни мало времени, принялъ намѣренїе остаться при немъ. Онъ у меня спросилъ, не думаюль я ѣхать домой. Я подумалъ, что онъ, будучи ошороженъ, чтобы не требовашъ ни у кого ничего принужденнаго, давалъ мнѣ знать чрезъ сіи слова, что я ему здѣлаю удовольствїе, ежели останусь въ Марли. Я воздавалъ благодаренїе Богу за милосердїе его къ сему Принцу. даже и въ такомъ дѣлѣ, которое казалось, что не шло никакой важности, а наконецъ здѣлалось нужнымъ.

Во вторникъ по утру, какъ я разговаривалъ съ нимъ, сказалъ ему, что всѣ шѣ, которые знали о его болѣзни, молились Богу о его выздоровленїи, и что надобно и ему сообщить свои молишвы съ нашими, чтобы онъ получилъ свое здравїе, которое такъ нужно было для государшва, о коего пользѣ имѣлъ онъ горячее попеченїе. Не суетноль для меня, отвѣчалъ онъ мнѣ, просить у Бога выздоровленїя, какъ нужнаго для государственн-ной пользы? Нѣтъ милостивой Государь сказалъ я ему, великіе святыи; и самыя крошкіе святыи сочли запристойное дѣло, чтобы употреблять пакїя молишвы, безъ поврежденїя Христїяской крошоспи. Свидѣшель тому свяшой Маршинъ, коего примѣръ не безъисвѣстенъ вамъ. Никакое дѣло, прямо говоря, не нужно Богу, но иное онъ полагаетъ за нужное въ разсужденїи своего промысла. Въ семъ разумѣ, говорилъ свяшой Маршинъ Богу: Господи мой, ежели надобенъ я твоему народу, то не отказываюсь отъ труда. Ахъ сказалъ мнѣ Принцъ, Богъ есть господинъ моего жребїя. Я не желаю ничего другаго, какъ его воли, хотя бы то была жизнь или смерть: пусть онъ опредѣляетъ, я согласенъ, чтобы быть потому, быть потому.

Онъ часто имѣлъ сію рѣчь въ своихъ устахъ, и повсорялъ ее такимъ образомъ, когда онъ говорилъ и размышлялъ что бого-

угодное. Человѣкъ, которой препроводилъ всю свою жизнь безъ помышленія о Богѣ, пребудетъ обыкновенной помочи къ напоминенію о Богѣ въ приближеніи смерти. Въ такомъ случаѣ духовнику надобно имѣть побужденіе отъ всей своей ревности, чѣмъ привеситъ сердце немощнаго человѣка въ нѣкоторое движеніе, которое обратило его отъ швари и привело къ Богу. Здѣсь ему надобно употребить все свое краснорѣчіе, чѣмъ услышатъ изъ его устъ хотя одно слово, которое подадо причину вѣрить, что онъ препроводивъ всю свою жизнь въ прегрѣшеніяхъ, хочетъ умереть съ покаяніемъ. Какая разность, боже мой! между Христіянами такова свойства, и симъ Принцемъ! Ему ничего о помъ не сказывано, однако онъ, не смотря на то, имѣлъ свящныя мысли, и говорилъ о самомъ себѣ душеспасительныя рѣчи, которыя попомъ часто бывали причиною хорошихъ объ немъ разговоровъ.

Въ тотъ же день послѣ обѣда понѣкоторому предвѣденію, которое далъ ему Богъ о его смерти, которой докторы со всѣмъ не почитали за близкую, сказалъ онъ мнѣ между прочимъ: Отче мой! я думаю, что не изыжду отъ сюда. Отче мой! я думаю что не изыжду отъ сюда. Начто я осмѣлился сказать ему, что я весьма радъ былъ, видя его въ такихъ мысляхъ, и что я не сомнѣвался, чѣмъ они не подали ему самаго величайшаго желанія благъ небесныхъ, а презрѣнія къ земнымъ, и что я увѣренъ былъ, что онъ побудитъ его къ принесенію своей жизни въ жертву Богу, препорученіемъ себя въ его волю. Попомъ сказалъ я ему: Милоспивый государь! на что вамъ осуждашь себя, когда никто васъ не осуждаетъ? Надобно по самой конецъ жизни имѣть надежду выздоровленія. Сія надежда можешь васъ укрѣпить и подашь силу лѣкарствамъ. Я бы не захошѣлъ говорить такимъ образомъ всякому больному. Я знаю, что есть такіе люди, которые не хошащъ ранѣе приготавливаться къ смерти, какъ только тогда, какъ сказано имъ будешь, что нѣтъ надежды въ ихъ жизни.

Вы знаете, ошче мой, что я не ишу ничего другаго, какъ воли Божіей: Ежели ему угодно, чтобъ я жилъ долѣе, то просите у него, чтобъ я жилъ, и служилъ ему лучше прежняго, а ежели ему угодно, чтобъ я умеръ, то просите его, чтобъ шо здѣлалось, чтобъ мнѣ преселишься къ нему на вѣки.

Начиная опъ вечера во вшорникъ, даже до двухъ часовъ послѣ полуночи на другой день, не имѣлъ онъ никакова припадка, что намъ подало причину имѣть большіе надежды, нежели опасноси о его выздоровленіи. Во все шо время говорилъ я съ нимъ много разъ, и видѣлъ его всегда въ шѣхъ же мысляхъ о своей кончинѣ, и опреданіи себя на волю Божію. Въ при часа послѣ полудни получилъ онъ сильной припадокъ опъ горячки, которой привелъ насъ шѣмъ въ большую печаль, что пашна, коперыхъ показалось, не много на лицѣ, а весьма мало на прочемъ тѣлѣ, не умножались.

А какъ горячка начала усиливаться опъ времени до времени, то онъ сказалъ мнѣ: Вошъ какая жестокая горячка! Вошъ какая жестокая горячка! Я чувствую въ моей внутренности нееносной жаръ. Но опасаясь, чтобъ шо не рочтено было за ишкщорую его не шернѣливосшь, или за великую слабосшь, что онъ не могъ снесши своей болѣзни, сказалъ онъ оиашъ: Можешъ бышь сія горячка такъ сильна мнѣ кажется, что я еще никогда не былъ боленъ, и что я еще не привыкъ ни къ какому шерпѣнью.

Не задолго предъ полуночью причасился онъ шайнамъ Божіимъ со всѣмъ своимъ благоговѣніемъ, и тогда онъ успокоился послѣ бышнаго безнокойсшва. Онъ принялъ въ себя шого, коего любилъ, коего желалъ и коего искалъ, и сердце его ошталось въ удовольсшвіи. Мы его ошпавили одного на малое время, чтобъ ему данъ свободу пользоваться божественною нищевя. Потому дано было ему лѣкарсшво, почему мнѣ не можно было сшопшъ подлѣ него, однако я всевозможнымъ образомъ наблюдалъ его се-

спояніе. Докторы съ своей стороны не спускали его съ глазъ, и я часто спрашивалъ у нихъ, что они объ немъ думаютъ.

А какъ мнѣ опять можно было подойти къ нему, то я спросилъ у него, въ какомъ онъ состояніи находишся. На что онъ отвѣчалъ мнѣ, что уснулъ нѣсколько, и сей отвѣтъ учинилъ онъ съ удивительною пріятностію, которую оказывалъ онъ во всю свою болѣзнь, и неслышно было изъ его устъ никакой жалобы и ропшанія. Онъ говорилъ ко всѣмъ съ обыкновенною своею милостию, и когда ему что надобно было, то онъ претовалъ того безъ всякаго понужденія, исключая такіе случаи, гдѣ ему надобна была церковная помочъ. Состояніе, въ которомъ онъ держалъ себя; подобно было невинной жертвѣ, которая, пораженна будучи смертію, издыхаетъ тихо.

Онъ предвидя, что должно ему было умереть отъ сей болѣзни, говорилъ мнѣ между прочимъ: Какъ я долженъ благодарить Бога, что онъ меня хочетъ шеперь вывести изъ сего свѣта, въ которомъ столько сѣшей приговорено мнѣ было! и какой опасности не имѣешь престоль въ разсужденіи спасенія души! и могъ ли бы я быть довольно усерденъ къ благодаши божіей, чтобъ отъ того не погибнуть? Такъ говоритъ человекъ наставленной въ училищѣ вѣры; но самолюбивые люди иначе ошомъ думаютъ.

Нѣсколько минувъ спустя, началъ онъ говорить сію молитву. Господи мой! прости моя согрѣшенія, какъ и я прощаю тѣмъ, которые предо мною погрѣшили. Должно думать, что Богъ, по совершенной своей къ нему милости, хощя спасти его, подалъ ему тогда нѣкоторой случай, о которомъ мы знаемъ не можемъ, употребить сію добродѣтель въ прощеніи своихъ обидъ.

При наступленіи дня, увидѣлъ я, что онъ былъ еще спокойнѣе прежняго, сказалъ ему, что не худо бы, чтобъ онъ отдохнулъ при такомъ случаѣ, и въ надеждѣ, которую мнѣ всегда

подавали, что въшь опасности, просилъ я его, чтобы онъ дозволилъ мнѣ пойти въ церковь. На что онъ сказалъ мнѣ: Чтѣ ка-сается до покоя, то я не думаю, чтобы должно было дѣлать другаго, какъ покоя въ Божѣ. Я въздыхаю о томъ, и уноваю, что получу его по милосердію Божію.

При возвращеніи моемъ изъ церкви, нашолъ я его въ великомъ движеніи, и ужъ мнѣ сказано, что онъ безъ памяти. Тогда шощасъ главной смотришель надъ раздачею королевской милосшны помазалъ его святымъ елеемъ, и прочелъ ошходныя молишвы, и какъ шолько ихъ прочли, то онъ шощасъ и скончался.

Можно сказать въ честь Христіянскаго благочестія, что сей Герцогъ Бургонской своими добродѣшельными поступками заставилъ думать самыхъ свѣшскихъ людей, что никакой Принцъ шакова почтенія не можешь быть достоинъ, какъ шотъ, кошорой умѣешь соединять Христіянскія добродѣтели съ сіяніемъ своего достоинства.

Вся выше писанная исторія составляетъ похвалу, кошорую дѣлаю я памяти сего великаго Принца.

Довольно будетъ для меня, чтобы представить здѣсь слова Кардинала Ноалья. Смерть, говоритъ онъ, похишила у насъ шакого Принца, кошорой подавалъ опраду Королю, надежду государству; шакого Принца, кошорой имѣлъ великой духъ, разумъ выше своего возраста, непоколебимую справедливость; кошорой неутомимъ былъ въ трудахъ и неуспно прилѣжалъ къ своимъ должностямъ; и наконецъ шакого Принца, кошорой къ великимъ своимъ натуральнымъ дарованіямъ присовокуплялъ примѣрное благоговѣніе къ Богу, чистую и непоколебимую вѣру, несказанную любовь къ ближнему и благочестію, и многія другія Христіянскія добродѣтели, кошорыя казали его достойнымъ внукомъ святаго Людовика, и оживили бы государство при его правленіи.

И з о б р а ж е н і е.

Людовика Герцога Бургонскаго, родившагося въ 1686 году Августа 6 дня, а скончался въ 1712 году Февраля 18, здѣланное Аббатомъ Флери, его учителемъ.

Сей Герцогъ имѣлъ высокой разумъ, сильное проицаніе, пространную и долговременную память, разсужденіе прямое, справедливое и прозрительное, и воображеніе живое и плодоносное. Онъ не доволенъ былъ поверхнимъ знаніемъ, а искалъ углубляться во всемъ. Онъ имѣлъ великое любопытство ко всему, но ограничивалъ его разумомъ. Онъ имѣлъ особливую охоту къ словеснымъ наукамъ, какъ то къ краснорѣчію, стихотворству, музыкѣ, рисованью и великую натуральную способность къ обученію ихъ. Онъ рисовалъ легко и замысловато, и учился музыкѣ основательно даже до того, что могъ отъ себя сочинять новыя шпунки.

Съ начала трудно было учить его, по причинѣ его упрямства, которое не допускало его покаяться наставленіямъ, но онъ все понималъ по оспрошѣ и силѣ своего разума, такъ что онъ научился по Латынѣ столько, что могъ перевести всего Корнелія Тациташа. Онъ научился по Гишпански и по Италіянски, и выучился бы еще и по Гречески, чтобы лучше разумѣть хорошихъ Авторовъ, а особливо поэтовъ; но учили его заблаго разсудили зберечь время ученія его для другихъ полезнѣйшихъ матерій. Онъ учился Геометріи и черпиль собственною своею рукою многія каршы. Онъ хорошо зналъ священную и свѣтскую исторію, и всѣ произхожденія временъ содержалъ порядочно въ своей памяти, а особливо зналъ онъ исторію церковную и ея преданія, и приводилъ въ удивленіе шѣмъ самыхъ ученыхъ Прелатовъ. Отъ того происходило, что онъ удивлялся тому, что нѣкоторые ищущіе Епископства, какъ то онъ говорилъ одному довѣренному челоуку. Въ послѣдніе годы учился онъ исторіи Французской и другихъ смежныхъ государствъ, начавъ за 250

лѣшъ, а чипалъ всѣхъ подлинниковъ cadaго на своемъ языкѣ.

Онъ не меньше исправлялъ свое разсужденіе, какъ и память. На восьмомъ году отъ роду началъ онъ вступать въ Метафизическія разсужденія, которыя служать къ положенію перваго основанія къ наукамъ. Ученіе Математики опложено было на нѣсколько лѣтъ, въ опасеніи, чшобъ онъ не прилѣпился къ ней. И подлинно къ сей наукѣ была у него великая склонность, какъ то онъ и самъ признавался, а особливо онъ крайне любилъ Астрономію.

Онъ не меньше любилъ нравоучительныя разсужденія. Онъ здѣлалъ сокращеніе нравоучительной науки, присовокупивъ къ ней Плапонову республику, и по правиламъ его онъ увѣренъ былъ, что основаніе истинной полипикки, есть справедливость. Онъ зналъ привила Римской и Французской Юриспруденціи; и какъ его Король началъ допускать въ свои совѣты, то онъ учился произвожденію дѣлъ и суда, и давалъ на дѣла свои мнѣнія, и наконецъ прудно было сыскашь, не только какого дворянина, но какогобъ то ни было человека равныхъ ему лѣтъ, которой бы такъ научился, какъ онъ. Тѣ, которые имѣли честь быть при немъ, въ семь засвидѣтельствовать могутъ. И такія качества имѣлъ онъ, что касается до его разума; а что принадлежитъ до душевныхъ его дарованій, то мы о томъ объявимъ.

Воля его была совершенно прямая: онъ имѣлъ усердную любовь къ правдѣ и справедливости. Онъ въ своемъ благочестіи былъ швердъ и просвѣщенъ, и основывался въ томъ на церковной власти и священномъ писаніи, которое прочишывалъ онъ сряду все нѣсколько разъ, и продолжалъ чшеніе его ежедневно. За нѣсколько лѣтъ предъ своею смертію сказалъ онъ, хотя бы я и хотѣлъ сомнѣваться о моей вѣрѣ, однако не могу. И такимъ образомъ разсуждалъ онъ объ истиннѣ Христіанскаго благочестія которое управляло всѣми его дѣлами. Какъ родился у него сынъ

въ мѣсяцѣ Іюнѣ 1704 году, и крещенъ былъ, по онъ увидѣвшись съ однимъ довѣреннымъ себѣ человѣкомъ, сказалъ ему: какъ крестили сего младенца, по я думалъ о той чудной перемѣнѣ, которая дѣлалась въ его душѣ. Вошъ какую имѣлъ радость сей Принцъ о своемъ сынѣ.

Онъ любилъ народъ, и часто говаривалъ, что государь созданъ для народа, а не народъ для государя. Еще ему не было больше семи лѣтъ отъ роду, какъ спросилъ у него Монтасіеръ, смотря на генеалогическую таблицу Французскихъ Королей, какой бы онъ себѣ выбралъ шишуль изъ всѣхъ шишуловъ Королей Французскихъ. Сей молодой Принцъ ошвѣчалъ ему: Титуль опца отечества. Въ послѣднихъ лѣшахъ своей жизни говаривалъ онъ: Я не могу сомнѣваться о званіи моемъ на пресшоль, но вижу опасность сего мѣста, ежели буду жить долго на свѣшѣ, однако припомъ надѣюсь на благодать Божію, которой зовешъ меня къ тому.

Въ младоспи своей былъ онъ скоръ и неперпѣливъ, но всегда былъ искрененъ и праводушенъ. Тотчасъ послѣ перваго движенія, гнѣва признавалъ онъ свою неправость, и сказывалъ чисто-сердечно безъ всякаго неправеднаго извиненія, что справедливо ему выговаривано.

Какъ онъ былъ уже около двадцати лѣтъ, тогда онъ покорилъ страсти своему разуму, и здѣлался крошкимъ, пріятнымъ добродѣтельнымъ, послабительнымъ къ своимъ служителямъ и благосклоннымъ ко всѣмъ людямъ. Онъ былъ съ природы важенъ, и казался жестокъ шѣмъ, которые видѣли его мимоходомъ, но когда онъ о чемъ говаривалъ, по видима была на лицѣ его крошость и пріятность; глаза у него были свѣшлы и взоръ пронцашелень.

Онъ не имѣлъ никакова шщеславія. Съ самаго младенчества не спавилъ онъ ни въ какую цѣну своихъ благодѣаній, и не искалъ

за то похвалѣ, а оставяялъ безъ всякаго о томъ разсужденія, и ежели онъ когда говариваль о какомъ либо своемъ благодѣяніи, то всегда упоминалъ при томъ: слава Богу! и такимъ образомъ онъ весьма не любилъ ласкашельства, а хотѣлъ знашь про свои недоспашки, хотябъ то говорено было ему и огорчительнымъ образомъ. И не было ничего такого, чегобъ ему не говорили его Фавориты, хотя бы то было прошивно и весьма неспасно самолюбію.

Онъ обыкновеніе имѣлъ разсуждать одинъ и учиться самъ собою. По окончаніи времени своего ученія, то еспъ въ осьмнадцатъ лѣтъ ошъ роду, сиживаль онъ на единъ часа по три и по чешыре, и между тѣмъ читаль, учился, молился Богу, смотря по своей склонности, или должности. Онъ употреблялъ на се по часу или по два по ушру, и постолькужъ и въ вечеру. Потомъ онъ ходилъ къ принцессѣ своей супругѣ, или ходилъ забавляшьяся какою игрою, либо прохаживался, или ѣздилъ на охошу.

А какъ онъ здѣлался Дофиномъ, по причинѣ смерти своего родителя, скончавшагося въ 1711 году Августа 14 дня, то съ того времени удалялся ошъ всѣхъ забавъ, разсуждая что должностъ его была, какъ онъ и самъ говариваль, упражняшья въ дѣлахъ. Онъ употреблялъ свое ученіе на пріобрѣшеніе знанія пошребнаго къ доброму правленію и къ облегченію Короля своего дѣда. Опекуны его старались уже давно, чтообъ подать ему знаніе о настоящемъ сосшояніи государства, а тогда уже онъ самъ старался научишья шому, и познать его какъ внушренно, такъ и наружно. Онъ въ нѣкоторые дни шрудился надъ дѣлами съ Министрами, а особливо съ Генералоромъ - Коншродоромъ, и принималъ ошъ всѣхъ представленія, разсматриваль ихъ самъ собою, или поручаль то другимъ довѣреннымъ людямъ, которые представляли ему о содержаніи ихъ.

Онъ началъ вывѣтъ попеченіе о своемъ старшемъ сынѣ Герцогѣ Брешанскомъ, которой родился въ 1707 году Января 8 дня. Онъ опредѣлялъ къ нему для наставленія достойнаго человѣка, и самъ бы управлялъ надъ его воспитаніемъ, ежелибъ они оба съ сыномъ жили долго на свѣшѣ.

Онъ былъ набоженъ явно, но просто, благородно и безъ хвастовства. Онъ читалъ священное писаніе, и молился Богу въ тайнѣ. Онъ причащался тайнамъ Божіимъ каждыя двѣ недѣли, и всегда ходилъ въ церковь, гдѣ онъ малывался съ такимъ усердіемъ и почтеніемъ къ Богу, что всѣ люди видѣли въ немъ душеспасительной примѣрь. За много лѣтъ до своей кончины, переспалъ онъ ходить на свѣшскія позорища, и хошя онъ имѣлъ великую склонность къ стихотворству и музыкѣ, однако не велѣлъ никогда музыкантамъ играть при литургіи во время своего присутствія.

Онъ почиталъ справедливость за первую должность благочестія, и попому онъ не любилъ никакихъ излишнихъ расходовъ, даже до того, что и себѣ не дѣлалъ никакихъ выгодъ, которыя бы не многого спояли. Онъ почиталъ за необходимое дѣло, какъ для вельможъ, такъ и для низкихъ людей, чшобъ плашить долги, и не полагалъ въ томъ никакова между ими различія. Онъ вѣдая государственную нужду, довольствовался гораздо меньшимъ жалованьемъ, нежели Дофинъ его родитель, и самъ представилъ о томъ Королю, что можно ему безъ того обойтись. Онъ издерживалъ почти все жалованье на милоспыню и подаваніе бѣднымъ людямъ и Офицерамъ и другимъ служащимъ. По сей причинѣ принималъ онъ письма и прошенія отъ всѣхъ людей, хошя многіе изъ нихъ и со всѣмъ ему не знакомы бывали. Онъ приказывалъ разсматривать ихъ прошенія, и старался шочно узнавать качества и нужды просящихъ людей, чшобъ щедрости своей неупотребить бесполезно.

Я Клавдій Фрели, священникъ и настоятель Арсентельской
помощной учитель сего Принца, почелъ за должность мою здѣ-
лать памяти его сіе засвидѣтельствованіе, въ томъ, что я ви-
дѣлъ собственными моими глазами, и слышалъ собственными мо-
ими ушами, будучи при немъ болѣе двадцати лѣтъ, по естъ
ошъ 1689 году по 1712 годъ.

К О Н Е Ц Ъ.
